

КУЛЬТУРА МИРА

Том 13. Выпуск 7.

(№ 50)

Совет рецензентов издания совместно с профессорско-преподавательским составом ведущих высших учебных заведений.

Зарегистрирован в 2013

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут не совпадать с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Культура мира» обязательна.

Рукописи рецензируются.

E-mail: izdanie-k@list.ru

ISSN 2949-2521

8 номеров в год

Сайт: <http://kultura-mira.ru>

Язык: русский, английский, испанский, китайский.

Адрес: 119034, Москва, Кропоткинский пер., д. 10, стр. 6а

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60x90/16. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 25

Москва 2025

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор

Рябова Е.Л. - доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор. Эксперт международных ассоциаций. Член Экспертной группы Совета при Президенте Российской Федерации.

Члены редколлегии

Зорин В.Ю. - доктор политических наук, профессор, член Совета по международным отношениям при Президенте Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, главный научный сотрудник Центра по научному взаимодействию с общественными организациями, СМИ и органами государственной власти ИЭА имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Михайлова Н.В. - профессор кафедры политического анализа и управления, Российский университет дружбы народов, доктор политических наук.

Бирюков С.В. - доктор политических наук, профессор, школа современных международных и пространственных исследований Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай, КНР).

Гюльзар Ибрагимова - доктор политических наук. Профессор Университета Нигде Омер Халисдемир, отделение Политологии и Международных Отношений Факультета Экономических и Административных Наук. Турецкая Республика.

Айлана Калиновна Кужугает - доктор культурологии, заведующая сектором культурологии Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, профессор кафедры философии Тувинского государственного университета, заслуженный работник образования Республики Тыва.

Ултургашева Н.Д. - доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры, заслуженный деятель науки Республики Тыва, заслуженный работник культуры Республики Тыва, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Санжеева Л.В. - доктор культурологии, доцент, профессор кафедры этнокультурологии ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена».

Савельев В.В. - заслуженный работник культуры Российской Федерации. Доктор философских наук.

Болотских Е.Г. - почетный член Российской Академии Художеств, Заслуженный художник Российской Федерации, Член Российского Союза Художников, Московского Союза Художников, Творческого Союза Художников России, Международного Художественного Фонда, Профессор Кафедры дизайна РГСАИ. Российская государственная специализированная академия искусств.

Кузнецова Т.Ф. - доктор философских наук. Профессор МГУ. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Грэм Стоуэрс - политолог, эксперт. Великобритания.

Омар Годинес Лансо - Академик. Академия художеств Российской Федерации.

Себастьян Хоппе - научный сотрудник, Институт восточноевропейских исследований, факультет политики, международных отношений. Свободный университет Берлина.

Долгенко А.Н. - доктор филологических наук. Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, доцент. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Ивакин Г.А. - доктор исторических наук, профессор.

Ли Эрюн - кандидат искусствоведения. Доцент академии искусств «Цзянси университет финансов и экономики» (Наньчан, Цзянси), КНР.

Мануйлов Николай - вице-президент Межрегиональной общественной организации «Общество дружбы с Кубой».

Мурашко С.Ф. - Профессор, доцент. Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Профессор кафедры русского и иностранных языков, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Наумова Г.Р. - доктор исторических наук. Профессор МГУ, член Академии «Философия хозяйства». Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Никашина Н.В. - кандидат филологических наук. Доцент кафедры теории и практики перевода Российского университета дружбы народов, эксперт, руководитель международной редакции журнала «Миссия Конфессий».

Пейчева А.А. - эксперт по международным отношениям и политической коммуникации (Болгария).

Терновая Л.О. - доктор исторических наук. Профессор МАДИ. Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет.

Хонали Курбонзода - доктор исторических наук. Профессор, ректор Государственного учреждения «Республиканский Институт Повышения Квалификации и Преподготовки Работников Сферы Образования», Таджикистан. Республиканский Институт Повышения Квалификации и Преподготовки Работников Сферы Образования.

Чапкин С.В. - заместитель главного редактора, почетный профессор Академии экологии и права.

Чжан Вэй - политолог, эксперт КНР.

Чжан Сяолин - доктор гуманитарных наук, доцент кафедры русского языка Института языков и культуры, Шанхайский политико-юридический университет.

Щупленков Н.О. - it-специалист-программист. Эксперт фонда поддержки межнациональной культуры и общественных международных отношений.

Гаджиева Р.Г. - кандидат психологических наук, доцент кафедры национальных и федеративных отношений Факультета международного регионоведения и регионального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Член союза русских художников.

CULTURAL WORLD

Volume 13. Issue 7.

(№ 50)

Council of publications reviewers and the faculty members of leading universities.

Founded in 2013

The Council of Reviewers of the publishing house together with the teaching staff of leading universities:

The main criteria of our choosing materials for publishing is their high scientific level. The main principle of the publishing house is to accept pluralism of views if authors present their points of view in a well-argued manner. The author's view point does not have to coincide with the editors' view points.

The authors of submitted materials are responsible for the accuracy of facts, quotations, dates, events, geographical and proper names.

If you use any materials from the journal, you are to give a relevant reference to it.

All the submitted materials are reviewed.

E-mail: izdanie-k@list.ru

ISSN 2949-2521

8 issues per year

Website: <http://kultura-mira.ru>

Languages: Russian, English, Spanish, Chinese.

Address: 119034, Moscow, Kropotkinsky per., 10, building 6a

Deputy Chief Editor: Chapkin S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x90

Copies: 500

Moscow 2025

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Professor. Member of the Expert Group of the Cossacks Council under the President of the Russian Federation.

Editorial Board

Zorin V.U., Doctor of Political Sciences, Professor, Member of the Council for Interethnic Relations under the President of the Russian Federation, Member of the Civic Chamber of the Russian Federation, Chief Researcher of the Center for Scientific Cooperation with Public Organizations, Mass Media and Government Authorities of the IEA named after N.N. Miklukho-Maclay RAS.

Mikhailova N.V., Professor of the Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Political Science.

Biryukov S.V., Doctor of Political Sciences, Professor, School of advanced international and area studies at the East China Normal University (ECNU) (Shanghai, China).

Gülzar İbrahimova, Doctor of Political Sciences. Professor of the Omer Khalisdemir University, Department of Political Science and International Relations, Faculty of Economic and Administrative Sciences. Türkiye Cumhuriyeti.

Aylana Kalinovna Kuzhuget, Doctor of Cultural Studies, Head of the Cultural Studies Sector of the Tuva Institute for Humanitarian and Applied Socio-Economic Research, Professor of the Philosophy Department of Tuva State University, Honored Educator of the Republic of Tuva.

Ulturgasheva N.D., Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Theory and History of Folk Art Culture (Kemerovo State Institute of Culture), Honored Scientist of the Republic of Tuva, Corresponding Member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts.

Sanzheeva L.V., Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Professor of the Department of Ethnology of the Russian State Pedagogical Herzen University.

Saveliev V.V., Honored Worker of Culture of the Russian Federation. Doctor of philosophical science.

Bolotskih E.G., Honored Member of the Russian Academy of Arts, Honored Artist of the Russian Federation, Member of the Russian Union of Artists, the Moscow Union of Artists, the Creative Union of Artists of Russia, the International Art Foundation, Professor of the Design Department of the Russian State University of Art and Design.

Kuznecova T.F., Doctor of Philosophical Sciences. Professor of Lomonosov Moscow State University.

Graeme Stowers, Political expert (United Kingdom).

Omar Godinez Lanso, Academician. Russian Federation Academy of Arts.

Sebastian Hoppe, Research Associate, Institute for East European Studies, Department of Politics, International Relations. Freie Universität Berlin.

Chapkin S.V., Deputy Chief Editor, Honorary Professor of the Academy of Ecology and Law.

Chjan Vei, Political scientist, expert of China.

Dolgenko A.N., Doctor of philological sciences. Head of the Department of Russian and Foreign Languages, Associate Professor. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Honali Kurbonzoda, Doctor of Historical Sciences. Professor, Rector of the "National Institute of professional development and training of educators", Tajikistan.

Ivakin G.A., Doctor of Historical Sciences, Professor.

Li Eryong, Candidate of Art Criticism, Associate Professor college of Art, Jiangxi University of Finance and Economics(Nanchang, Jiangxi), China.

Manuylov Nikolay, Vice President of the Interregional Public Organization "Friendship Society with Cuba".

Murashko S.F., Professor. Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Russian and Foreign Languages, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Naumova G.R., Doctor of historical sciences. Professor of the Lomonosov Moscow State University, Member of the Academy «Philosophy of Economy».

Nikashina N.V., Associate Professor, the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, the Institute of Foreign Languages, The Peoples' Friendship University of Russia (RUDN).

Peichiva A.A., Expert on international relations and political communication (Bulgaria).

Schuplenkov N.O., it-specialist-programmer. Expert of the Foundation for the Support of Interethnic Culture and Public International Relations.

Ternovaya L.O., Doctor of historical Sciences. Professor of the Moscow Automobile and Road Construction University.

Zhang Xiaoling, Doctor of Humanities, Associate Professor of the Russian Language Department, Institute of Languages and Cultures, Shanghai University of Political Science and Law.

Gadzhieva R.G., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of National and Federal Relations of the Faculty of International Regional Studies and Regional Management of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Member of the Union of Russian Artists.

Содержание

Культурология

<i>Мальцева Л.В., Полонникова А.А.</i> Сохраняем этнохудожественные традиции казачества (станция Атамань).....	14
<i>Варин Э.А.</i> Интеграция конкурсного бального танца в Сибири: партнерство вузов с творческими организациями ближнего зарубежья.....	21
<i>Бай Дунпэн, Алексеева Г.В.</i> Сохранение и инновационное развитие традиционной хайнаньской парчи Лицзинь.....	29
<i>Ло Дэся, Уснова А.Л.</i> Инновационные стратегии «красного туризма» интеграция культурного наследия и индустрии туризма в Цзуньи.....	39
<i>Тропольский Д.К.</i> Продюсер как со-автор: изменение концепции авторства в музыке.....	48
<i>Бянь Мэнлэй</i> Как Бетховен сочинял сложную музыку после потери слуха: анализ поздних сонат.....	53
<i>Васильченко А.В.</i> Средства и приемы языкового манипулирования в рекламных текстах.....	59
<i>Захарова В.А.</i> Креативная трансформация: традиционные образы в современной визуальной культуре Филиппин.....	70
<i>Зенина Л.В., Герасименко Т.Л., Стрижова Е.В.</i> Конструирование идентичности как социокультурный аспект виртуального обучения.....	80
<i>Зыкова Т.В.</i> Национальный центр В.П. Астафьева как модель интерпретации литературного мира в музейной экспозиции.....	88
<i>Кириченко Н.С.</i> Графическое искусство Карачаево-Черкесии: искусствоведческий анализ и интерпретация.....	96
<i>Ши Юйцин</i> Картографический анализ исследований Льва Толстого в Китае.....	106
<i>Барсуков Р.Р., Матвеева Е.А., Шиндель В.В.</i> Репрезентация субкультуры СВО (на материале культурных практик участников боевых подразделений).....	119

Шулунова Е.К. Театр как элемент кода взаимодействия традиций русского и китайского театрального искусства (вторая половина 20 века - начало 21 века).....	138
Троепольский Д.К. Роль музыкального продюсера как культурного посредника в цифровую эпоху: трансформация функций и стратегий.....	146

Политология

Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Ренессанс с цифровым лицом: переизобретение гуманитарного знания в эпоху технологий.....	152
Ашиноква Л.М., Павельева Т.Ю. Влияние молодежной субкультуры на менталитет.....	161
Аджиева З.И., Ногайлиева М.Х., Тохчуков М.О., Хубиев И.Х. Сравнительный анализ правового обеспечения защиты персональных данных в Российской Федерации и зарубежных странах....	169
Бакка С.В., Киселева Н.Ю., Галустьян О.Р., Шестакова А.А., Жук К.М. Динамика списка видов в региональной Красной книге: анализ изменений.....	179
Борлакова М.А., Байрамуков М.Х., Чочуев Э.Р., Абдиев И.Р., Эбзеев Р.Д. Искусственный интеллект в обучении информатике в условиях цифровизации.....	191
Дашу Ли, Синьлу Ян Текущее состояние, ключевые вопросы и тенденции зарубежных исследований по проблеме поддержки обучающихся со стороны преподавателя (на основе визуального анализа Cite Space).....	197
Сяожань Дэн, Тин Ван Исследование путей и механизмов продвижения цифровой трансформации в области высшего образования.....	219
Феохтистов С.В. Развитие международного этнографического туризма на трансграничной территории «Амурская область – провинция Хэйлунцзян (КНР)» на примере национально-этнографического парка города Хэйхэ.....	230

Юриспруденция

Старых С.М., Еремина А.А. Неправомерное использование компьютерной информации, содержащей персональные данные: толкование признаков и некоторые проблемы квалификации.....	239
---	-----

Актуальные вопросы науки и инновации

<i>Терновая Л.О., Чапкин Н.С.</i> Нулевой километр как геополитический индикатор.....	250
<i>Щупленков О.В., Щупленков Н.О.</i> Реализация свободы творчества в образовании посредством работы международных институтов.....	261
<i>Баглиева А.З.</i> Проблема личности в исламе и критика ее атеистической интерпретации.....	273
<i>Абазалиева М.М.</i> Эволюция взаимодействия государства и религиозных организаций в России.....	283
<i>Аджиева З.И., Эльдарова А.А., Токова С.И.</i> Проблемы правового обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних в условиях цифровой трансформации общества.....	287
<i>Бобрович-Волкова П.В.</i> Прошлое, настоящее и будущее волонтерского движения в России.....	299
<i>Гукова Т.А., Озова А.М., Шорова Л.К.</i> Инклюзивное образование в дошкольном образовательном учреждении.....	307
<i>Ещенко Т.В.</i> Исследование огнезащитных материалов. Технология обработки древесных плит.....	312
<i>Зотова А.А., Акимова М.П.</i> Событийные практики как инструмент модернизации музейной коммуникации с молодежью...	318
<i>Мэн Чжан, Цзин Ли</i> Механизм интеграции и практическое исследование обучения волонтерскому служению в системе идеологического и политического воспитания в школах.....	325
<i>Пятицкая А.В.</i> Формирование профессиональной культуры безопасности в техническом ВУЗе.....	340
<i>Хван Д.А.</i> Стратегия деконструкции политических мифов в условиях цифровой симуляции.....	349
<i>Щербань А.В.</i> Аэрогель - новый теплоизоляционный строительный материал.....	365
Аннотации	371
Авторы	394

Contents

Culturology

<i>Maltseva L.V., Polonnikova A.A.</i> Preserving the ethnoartistic traditions of the cossacks (Ataman village).....	14
<i>Varin E.A.</i> Integration of competitive ballroom dancing in Siberia: partnership of universities with creative organizations of neighboring countries.....	21
<i>Bai Dongpeng, Alekseeva G.V.</i> Preservation and innovative development of traditional Hainan Lijin brocade.....	29
<i>Luo Dexia, Usnova A.L.</i> Innovative strategies for red tourism: integrating cultural heritage and the tourism industry in Zunyi.....	39
<i>Troepolsky D.K.</i> Producer as co-author: Changing the concept of authorship in music.....	48
<i>Bian Menglei</i> How Beethoven composed complex music after hearing loss: an analysis of his late sonatas.....	53
<i>Vasilchenko A.V.</i> Means and techniques of language manipulation in advertising texts.....	59
<i>Zakharova V.A.</i> Creative transformation: traditional imagery in the contemporary visual culture of the Philippines.....	70
<i>Zenina L.V., Gerasimenko T.L., Strizhova E.V.</i> Constructing identity as a sociocultural aspect of virtual learning.....	80
<i>Zykova T.V.</i> The V.P. Astafyev national center as a model for interpreting the literary world in a museum exhibition.....	88
<i>Kirichenko N.S.</i> Graphic art of Karachay-Cherkessia: art analysis and interpretation.....	96
<i>Shi Yuqing</i> Cartographic analysis of Lev Tolstoy studies in China...	106
<i>Barsukov R.R., Matweeva E.A., Shindel V.V.</i> SVO Subculture Representation (on the Basis of Combat Unit Participants' Cultural Practices).....	119

Shulunova E.K. Theatre as an element of the code of interaction between Russian and Chinese theatrical traditions (second half of the 20th century - early 21st century)..... 138

Troepolsky D.K. The role of the music producer as a cultural intermediary in the digital age: transformation of functions and strategies... 146

Political science

Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Renaissance with a digital face: re-inventing humanities in the age of technology..... 152

Ashnokova L.M., Pavelieva T.Yu. The impact of youth subculture on mentality..... 161

Adjieva Z.I., Nogailieva M.K., Tokhchukov M.O., Khubiev I.K. Comparative analysis of the legal framework for personal data protection in the Russian Federation and foreign countries..... 169

Bakka S.V., Kiseleva N.Yu., Galustyan O.R., Shestakova A.A., Zhuk K.M. Dynamics of the list of species in the regional Red Book: analysis of changes..... 179

Borlakova M.A., Bayramukov M.H., Chochuev E.R., Abdiev I.R., Ebzeev R.D. Artificial intelligence in computer science education in the context of digitalization..... 191

Dashu Li, Xinlu Yang Research on the current status, research hotspots and trends of foreign teachers' support based on cite space visual analysis..... 197

Xiaoran Deng, Ting Wang Research on the path and promotion mechanism of digital transformation in higher education..... 219

Feoktistov S.V. Development of international ethnographic tourism in the cross-border area "Amur Region - Heilongjiang Province (PRC)" using the example of the Heihe National Ethnographic Park... 230

Jurisprudence

Starykh S.M., Eremina A.A. Misuse of computer information containing personal data: interpretation of signs and some qualification problems..... 239

Current issues of science and innovation

<i>Ternovaya L.O., Chapkin N.S.</i> Kilometer zero as a geopolitical indicator.....	250
<i>Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O.</i> Realization of creative freedom in education through the work of international institutions...	261
<i>Baglieva A.Z.</i> The problem of personality in Islam and criticism of its atheistic interpretation.....	273
<i>Abazalieva M.M.</i> Evolution of interaction between the state and religious organizations in Russia.....	283
<i>Adjieva Z.I., Eldarova A.A., Tokova S.I.</i> Problems of legal support for information security of minors in the context of the digital transformation of society.....	287
<i>Bobrovich-Volkova P.V.</i> The past, present, and future of the volunteer movement in Russia.....	299
<i>Gukova T.A., Ozova A.M., Shorova L.K.</i> Inclusive education in preschool educational institutions.....	307
<i>Eshchenko T.V.</i> Research of flame-retardant materials. Wood slab processing technology.....	312
<i>Zotova A.A., Pavlovna A.M.</i> Event practices as a tool for modernizing museum communication with young people.....	318
<i>Meng Zhang, Jing Li</i> The integration mechanism and practical exploration of volunteer service education in the ideological and political education system of schools.....	325
<i>Pyatskaya A.V.</i> Formation of a professional safety culture in a Technical University.....	340
<i>Khvan D.A.</i> The strategy of deconstruction of political myths in the context of digital simulation.....	349
<i>Shcherban A.V.</i> Aerogel is a new thermal insulation building material.....	365
Abstracts	383
Authors	398



Culturology



Культурология



Мальцева Л.В.

Доктор педагогических наук, профессор, доцент. Кубанский государственный университет, г. Краснодар.

Полонникова А.А.

Старший преподаватель. Кубанский государственный университет, г. Краснодар.

Сохраняем этнохудожественные традиции казачества (станция Атамань)*

Аннотация. Меняются времена, эпохи, люди, но вечным всегда остается культура, традиции, обычаи. С момента рождения инстинктивно, естественно и незаметно привыкают к окружающей их среде, природе и культуре своей страны, к быту своего народа. Необходимо возродить народные традиции, культуру, что позволит сохранить это для потомков. Традиционная культура кубанских казаков в развитии и воспитании молодежи высоки и неоднозначны.

Культура Кубани является уникальной. Есть места в силу своей эмоциональности воздействия, благодатности притягивали, концентрировали народы и государства. История, искусство, традиции всегда являются новым открытием для нынешнего поколения. Она несет в себе объем знаний и опыта, проверенного веками, культуру и уклад этноса. Культура кубанских казаков существуют в системе целостной культуры человечества, но это глобальные внутренне диалектически противоречива. Все взаимодействия между отдельными элементами демонстрирует как всеобщую связь явлений, поколений.

Ключевые слова: традиции, культура, обычаи, искусство, казачество, этнос, костюмы.

Maltseva L.V.

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor. Kuban State University, Krasnodar.

Polonnikova A.A.

Senior Lecturer. Kuban State University, Krasnodar.

Preserving the ethnoartistic traditions of the cossacks (Ataman village)

Abstract. Times, eras, and people change, but culture, traditions, and customs always remain eternal. From the moment of birth, people instinctively, naturally, and imperceptibly become accustomed to their surroundings, the nature and culture of their country, and the way of life of their

* © Мальцева Л.В., Полонникова А.А., 2025.

Сохраняем этнохудожественные традиции казачества (станция Атамань)

people. It is necessary to revive folk traditions and culture, which will preserve them for posterity. The traditional culture of the Kuban Cossacks in the development and education of youth is both profound and complex.

The culture of Kuban is unique. Certain places, due to their emotional impact and grace, have attracted and concentrated peoples and states. History, art, and traditions are always a new discovery for the current generation. It carries within it a wealth of knowledge and experience, proven over centuries, the culture and way of life of an ethnic group. The culture of the Kuban Cossacks exists within the system of a holistic human culture, but this global culture is internally dialectically contradictory. All interactions between individual elements demonstrate a universal connection between phenomena and generations.

Key words: traditions, culture, customs, art, Cossacks, ethnicity, costumes.

Каждый из нас – творец культуры и дальнейший ее ретранслятор. А значит, мы должны рассматривать взаимосвязь культуры и личности, межкультурных отношений у молодежи, влияние окружения на индивидуальность. Этнические культуры существуют в системе целостной культуры человечества. Ни одна этническая культура не может считаться сформировавшейся полностью самостоятельно, так и моменты напряжения, связанного с различиями между отдельными культурными нормами, ценностями, религиями.

В условиях становления и возрождения национального самосознания особую остроту приобретает воспитание молодежи на традициях, культуре и обычаях своего народа, в данном случае это будет наш Краснодарский край. В нашем крае традиции, обычаи, культура, искусство кубанских казаков всегда являются новым открытием для молодежи нашего края [6].

Этнохудожественная культура кубанских казаков изменялась и изменяется, но при этом сохраняет свои традиции, заложенные старшим поколением.

Свою лепту в изменения и размывание традиционной культуры вносят и ассимиляционные этнические процессы. В нашем Краснодарском в каждой школе были созданы казачьи классы. Открыт кадетский корпус. Там изучается история, культура, обычаи, уклад кубанских казаков. На Таманском полуострове была построена этнографическая станица Атамань. Этот этнографический комплекс является эталон кубанской казачьей культуры. Крупнейший и единственный в своем роде музей под открытым небом площадь, которого составляет 68 гектаров. 233 лет назад в сентябре 1792 г. На берег Таманского залива Черного моря у подножия горы Лысой – высадились первые переселенцы черноморские казаки по повелению Екатерины II. Это знаменательное событие вошло в историю Краснодарского края как начало освоения казаками Кубани. На этой благодатной земле был построен первый православный храм, началась история Ку-

бани. И поэтому именно здесь – в станице Тамань Темрюкского района Краснодарского края – было решено создать точную копию казачьей станицы первых времен [4].

Этнографический комплекс станицы Атамань перенесет нас и гостей на сотни лет в прошлое и позволит почувствовать дух казачества, несгибаемой воли и бескрайней свободы. Гости этнической станицы Атамань могут сами садиться за гончарный круг, побывать в роли гончара. Знакомство с гончарным ремеслом Кубани способствует глубокому освоению этого вида промысла. Приобретая навыки общения с произведениями этого искусства сначала на близких, наиболее доступных образцах, постепенно подходишь к правильному пониманию и оценке сложных явлений художественной культуры.

Гончарное ремесло на Кубани – это одно из самых древних искусств, которое существует на земле. Так как глину люди могли встретить практически везде. Хорошо обожженное глиняное изделие очень долговечно. Оно может разбиться, но никогда не гниет и не ржавеет. Одним из промыслов кубанских казаков было гончарное производство (керамика). Так как глину на Кубани можно было найти в карьерах, по берегам рек. Во всех станицах, хуторах развивался этот промысел. Изготовление керамических изделий включает несколько этапов: приготовление тестообразной глиняной массы, формовка изделия вручную, нанесение декора, сушка, обжиг в печи, покрытие глазурью.

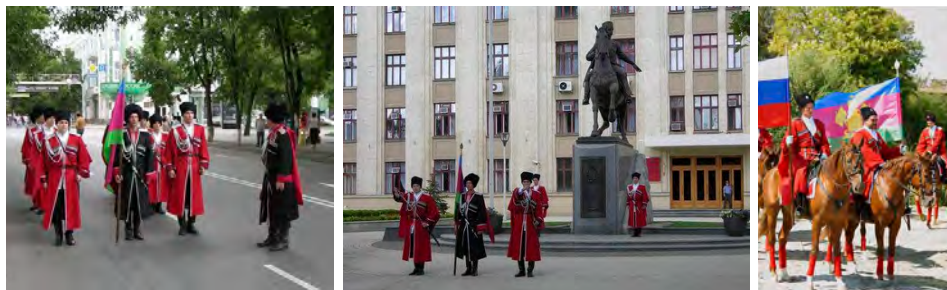
Постигать тайны, чтобы вылепить какое-то изделие необходимо знать его назначение мастера вам расскажут их значение: 1) кубышка – узкогрудая посуда с раздутыми боками; 2) махотка – низкий кувшин с широким горлом (крынка); 3) глэчик – крынка предназначалась для хранения молока, масла, сметаны; 4) макитра – большой широкий горшок, предназначалась для солений, варенья; 5) макитерка – кувшин для кваса [1].

На Кубани гончары пользовались большим почетом и уважением, о них слагались песни, сказки, пословицы. Формы кубанской керамики простые, орнамент яркий, растительный.

Совершим путешествие по кубанской земле, вспомним, что носили и как жили казаки. Как формировалось Кубанское казачество, как выглядела



Станица Атамань: гончарный круг, гончар за работой, глэчик, макитра.



Казачи ул Красная Почетный караул Казачи на параде г. Краснодар.
Город Краснодар у администрации края.

форменная одежда казаков и одежда кубанских казачек. Из верхней одежды казаки, зимой поверх тулупа и в непогоду надевался балахон – валенный из овечьей шерсти плащ с капюшоном. По нему скатывалась вода, в сильные морозы он не лопался, как кожаные вещи. Сапог было великое множество – без сапог верховая езда невозможна. Особой любовью пользовались мягкие сапоги без каблуков [8].

Особое значение имели казачьи лампасы. Считалось, что введены они впервые. Лампасы обнаруживаются на казачьей одежде, на одежде половцев и еще раньше – скифов.

Шапка – продолжение головы. У казаков папаха или фуражка играла огромную роль в обычаях и символике. Папаха с цветным верхом или казачья фуражка с околышем символизировала полноправную принадлежность к станичному обществу. Комплекс мужской одежды состоял из: черкески, сшитой из черного фабричного сукна, шаровар темных тонов, бешмета, башлыка, зимой – бурки, папахи, сапог или ноговиц.

Женский костюм символизировал целый мир. Каждая станица, казачий род имел особый наряд, который отличался от иных если не совершенно, то деталями. Особенностью казачьего женского костюма были головные накладки. Женщинам не положено ходить в храм с непокрытой головой. Казачки носили кружевные платки. Носили головные уборы казачки в полном соответствии с семейным положением – замужняя женщина никогда не показалась бы на людях без головного убора. Девушка же покрывала голову и обязательно заплетала одну косу с лентой. Все носили кружевные платочки. Без него появление женщины на людях было так же немислимо, как появление строевого казака без фуражки или папахи.

Шился костюм из фабричных тканей – шелка, шерсти, бархата, ситца. Кофты, были разнообразных фасонов: приталенные по бедрам, с оборочкой, рукав длинный, узкий манжет, воротник «стойка». Нарядные блузки украшали тесьмой, кружевом, строчками, бисером. Юбки любили шить



пышными, мелко собранными у пояса из четырех, семи полок, каждая шириной до метра. Юбки внизу украшались кружевом, оборками, шнуrom, мелкими складками.

Нижняя юбка – «спидница» – обязательная принадлежность женского костюма. Шилась из тонкой белой светлой ткани с кружевами, часто орнаментировалась вышивкой.

Этнокультурная станица Атамань – для нынешнего поколения путешествие в прошлое. В каждой хате фотографии и святое место для казака – красный угол, где перед иконой молились о здравии родных и близких.

В каждой хате в станице Атамань своя история, своя легенда. Вся утварь – от ложки и рушника до кровати и перины – вещи, хранившиеся в семьях и передававшиеся по наследству. Каждый рушник имел свое предназначение в казачьих семьях. Существовали:

1) рушник «казаку в дорогу». Обязательной принадлежностью его была мережка, символизировавшая дальнюю счастливую дорогу и две полосы синего и красного цвета, иногда внизу вышивали лошадиную голову или цветочную подкову;

2) рушник для жатвы, его изготавливали длинным до 3,5 метров, разделенным по ширине рядом тканых полосок, концы орнаментировались цветочными узорами, васильками и колосками;

3) рушники «сватовские». Это самые большие рушники, чтоб его хватило перевязать высоких, видных мужиков, которых выбирали в сваты. Родня жениха вышивала петухов или павлинов с намеком на красоту, и стать парня, дубовые листья с желудями – это богатство и крепость семьи. Если



Станица Атамань кубанский национальный костюм.



Свадьба в станице Атамань.

шالась выйти за него замуж. В случае же отказа, вместе с тыквой неудачнику вручали рушник, на котором птицы смотрели в противоположные стороны;

4) рушник, на который жених и невеста становились ногами в храм, ни в коем случае не должен был включать в себя орнаментов из цветов или птиц;

5) рушник под каравай был наиболее ярким и содержательным, для него практически не существовало таких ограничений. На нем вышивались цветочные композиции, в частности, наиболее распространенными были цветы лилии и розы в объединении одна с другой или отдельно [2].

В каждой хате своя история, своя легенда. Вся утварь – от ложки и рушника до кровати и перины – вещи, хранившиеся в семьях и передававшиеся по наследству. Есть прялки, ткацкие станки, зеркала, вышивки, которым почти по сто лет. Экспонаты лежат не за прочным музейным стеклом, а на виду

На Кубани казаки придавали большое значение при соблюдении традиций. Казачьи свадьбы в станицах проводили после уборки урожая, свадьба длилась не менее недели. Обряд кубанской свадьбы – чрезвычайно сложный это досвадебный, который включает в себя сватовство, вечеринки в доме невесты и жениха, далее свадьба и послесвадебный период [3].

Воспитывая молодежь и развивая художественные способности на межкультурных отношениях – значит сохранить историческую преем-

ственность. Переложить на лист бумаги все увиденное в станице Атамань [7]. Будет возрастать интерес к своим истокам, корням. Самая сложная задача – это восстаовление культурной преемственности между поколениями, что возможно будет лишь в том случае, если хотя бы одно поколение полностью пройдет через обучение в центрах, школах по возрождению этнохудожественной культуры.

Библиографический список

1. Бугамбаев М. Гончарное ремесло. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000.
2. Вакуленко Е.Г. Народная культура Кубанский казаков. – Краснодар: Традиция, 2014.
3. Заградская С. Свадьба кубанских казаков // Играем свадьбу. – Москва: Просвещение, 1987.
4. История Кубани / Под. ред. Куб. ГУ Щетнева В.Е. – Краснодар.: Кубанское книжное издательство, 2004.
5. Кривцун О.А. Психология искусства. – Москва: Юрайт, 2024.
6. Мальцева Л. В. Кубановедение на уроках изобразительного искусства в общеобразовательной школе. – Краснодар: Традиция, 2010.
7. Мальцева Л.В. Развитие художественно-творческих способностей школьников средствами изобразительного искусства (на материале этнохудожественной культуры Краснодарского края). – Краснодар: Экоинвест, 2009.
8. Манукало А.Н. История Кубани. – Краснодар: Кубанское книжное издательство, 2004.
9. Гончарова Н.А., Бобров А.Д., Панаев И.А., Хронова И.А. Роль и структура налоговых отчислений в комплексной оценке расходов компании на персонал // Альманах «Крым». 2025. № 49. С. 54-62.
10. Шупленков О.В., Шупленков Н.О. Роль французского капитала в сохранении политического влияния в Сирии и Ливане 1920–1930-е гг. // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 13-26.

References

1. Bugambaev M. Pottery. –Rostov-on-Don: Feniks, 2000.
2. Vakulenko E.G. Folk Culture of the Kuban Cossacks. –Krasnodar: Traditsiya, 2014.
3. Zagradskaya S. The Wedding of the Kuban Cossacks // Let’s Play a Wedding. –Moscow: Prosvshchenie, 1987.
4. History of Kuban / Ed. Kuban State University Shchetnev V.E. – Krasnodar: Kuban Book Publishing House, 2004.
5. Krivtsun O.A. Psychology of Art. –Moscow: Yurait, 2024.
6. Maltseva L.V. Kuban Studies in Fine Arts Lessons in Comprehensive Schools. –Krasnodar: Traditsiya, 2010.
7. Maltseva L.V. Developing Schoolchildren’s Artistic and Creative Abilities through the Visual Arts (Based on the Ethno-Artistic Culture of Krasnodar Krai). – Krasnodar: Ecoinvest, 2009.
8. Manukalo, A.N. History of Kuban. – Krasnodar: Kuban Book Publishing House, 2004.
9. Goncharova N.A., Bobrov A.D., Panaetov I.A., Khronova I.A. The role and structure of tax deductions in the comprehensive assessment of the company’s personnel costs // Almanac “Crimea”. 2025. № 49. P. 54-62.
10. Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O. The role of French capital in maintaining political influence in Syria and Lebanon in the 1920s and 1930s // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 13-26.

Варин Э.А.

Профессор кафедры бальной хореографии, ФГБОУ ВО Алтайский государственный институт культуры (Барнаул, Россия), декан хореографического факультета АГИК.

Интеграция конкурсного бального танца в Сибири: партнерство вузов с творческими организациями ближнего зарубежья*

Аннотация. В данной статье рассматривается важность развития международного сотрудничества в области обучения хореографии, связанной с конкурсными бальными танцами, как неотъемлемую часть теоретической и практической сторон образовательного процесса. Обучение в данном контексте представляет собой инновационный подход в сфере образования, который опирается на современные информационные технологии и материально-техническое обеспечение для развития хореографических дисциплин в рамках программы высшего учебного заведения.

В статье подчеркивается, что такое сотрудничество способствует обмену передовыми методиками преподавания, унификации критериев оценки танцевального мастерства на международном уровне и обогащению педагогического репертуара. Особое внимание уделяется роли совместных образовательных проектов, мастер-классов с участием зарубежных экспертов и студенческих обменов в формировании у будущих хореографов и педагогов глобального профессионального кругозора, кросс-культурной компетентности и адаптивности к различным танцевальным школам.

Исследование также анализирует, как интеграция современных цифровых платформ (онлайн-курсы, виртуальные мастер-классы, специализированные базы данных по хореографии) и ресурсной базы (специализированные танцевальные залы, мультимедийное оборудование) в процесс международного взаимодействия преодолевает географические барьеры, повышает доступность знаний и создает инновационную образовательную среду.

В заключении обосновывается тезис о том, что развитие международного сотрудничества в обучении конкурсной бальной хореографии является ключевым фактором повышения качества высшего хореографического образования, подготовки конкурентоспособных специалистов мирового уровня и обновления содержания образовательных программ в соответствии с глобальными тенденциями развития танцевального искусства.

Ключевые слова: хореографическое образование, международное сотрудничество, информационные технологии, качество обучения, хореографическое искусство, конкурсный бальный танец, вуз, специалист.

Varin E.A.

Professor of the Ballroom Choreography Department, Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia), Dean of the Choreography Department of the Altai State Institute of Culture.

* © Варин Э.А., 2025.

Интеграция конкурсного бального танца в Сибири: партнерство вузов с творческими организациями ближнего зарубежья

Integration of competitive ballroom dancing in Siberia: partnership of universities with creative organizations of neighboring countries

Abstract. This article examines the importance of developing international cooperation in the field of teaching choreography related to competitive ballroom dancing as an integral part of theoretical and practical aspects of the educational process. The training in this context represents an innovative approach in the field of education, which relies on modern information technologies and material and technical support for the development of choreographic disciplines within the framework of the higher education institution program.

The article emphasizes that such cooperation facilitates the exchange of advanced teaching methods, the unification of criteria for assessing dance skills at the international level, and the enrichment of the pedagogical repertoire. Particular attention is paid to the role of joint educational projects, master classes with the participation of foreign experts and student exchanges in the formation of a global professional outlook, cross-cultural competence and adaptability to various dance schools in future choreographers and teachers.

The study also analyzes how the integration of modern digital platforms (online courses, virtual master classes, specialized choreography databases) and the resource base (specialized dance halls, multimedia equipment) in the process of international interaction overcomes geographical barriers, increases the availability of knowledge and creates an innovative educational environment.

In conclusion, thesis is substantiated that the development of international cooperation in the teaching of competitive ballroom choreography is a key factor in improving the quality of higher choreographic education, training competitive world-class specialists and updating the content of educational programs in accordance with global trends in the development of dance art.

Key words: choreographic education, international cooperation, information technology, quality of education, choreographic art, competitive ballroom dancing, university, specialist.

Быстрое развитие мирового информационного пространства, сопровождающееся внедрением новых образовательных технологий, значительно изменили содержание подходов к решению традиционных задач образования. Внедрение информационных технологий привело к существенным изменениям информационно-образовательной среды, превратило её в более открытую, динамичную систему и способствовало её интеграции в единое мировое образовательное пространство.

Сибирский регион России имеет большой потенциал для развития данного вида конкурсного танца благодаря богатым культурным традициям и географическому положению [3].

Современные тенденции развития конкурсного бального танца в Сибири во взаимодействии с партнерскими организациями в высших учебных заведениях стран ближнего зарубежья требуют комплексного подхода, учитывающего культурные, образовательные, организационные и инфраструктурные аспекты. Конкурсный бальный танец является одним из самых популярных видов культуры и спорта среди молодежи, способ-

ствуя физическому развитию, социальному взаимодействию и культурному обмену. В условиях усиления межкультурных связей международное сотрудничество становится важным инструментом для повышения качества хореографического образования и популяризации танцевального искусства [1].

Алтайский государственный институт культуры активно развивается, уделяя значительное внимание международному взаимодействию. Данная стратегия нацелена на расширение образовательных возможностей, укрепление международной репутации и достижение высоких стандартов в учебной, научной и практической деятельности в соответствии с мировыми тенденциями [1]. Развитие международного партнёрства выступает ключевым элементом стратегии института, подчеркивая его стремление к интеграции в глобальное образовательное пространство.

Основные направления международной деятельности АГИК:

- взаимодействие АГИК в рамках международных соглашений, программ и проектов с заинтересованными зарубежными организациями в области высшего образования, учреждениями культуры и искусства;
- организация зарубежной практики и различных видов стажировок, обучающихся;
- организация международной деятельности в рамках академической мобильности и сотрудничества в области послевузовского профессионального образования, повышения квалификации специалистов;
- организация приема, обучения и стажировки иностранных граждан в соответствии с государственным образовательным стандартом;
- реализация международных научно-исследовательских и творческих проектов;
- обмен опытом работы творческих коллективов вуза и зарубежных творческих коллективов.

Активное многостороннее международное сотрудничество Алтайского государственного института культуры обеспечивает вовлечение профессорско-преподавательского состава в участие в международных научно-образовательных мероприятиях, включая форумы, конференции и семинары. Данное взаимодействие способствует развитию академической мобильности среди преподавателей, аспирантов и студентов, а также совершенствованию их профессиональных компетенций через прохождение стажировок и освоение научных программ в странах Центральной Азии и Восточной Азии, таких как Казахстан, Киргизия, Китай, Монголия, Узбекистан и Таджикистан [4].

Ключевым элементом образовательного процесса в АГИК является практико-ориентированная подготовка специалистов [5]. В рамках этой стратегии приоритетным направлением выступает организация стажировок для студентов в ведущих учреждениях хореографического искусства и

культурной сферы, что обеспечивает интеграцию теоретических знаний с актуальными профессиональными практиками и стандартами.

Развитие международного партнёрства в сфере конкурсного бального танца представляет собой стратегически значимое направление для Сибирского региона. Добавленные в методологические подходы принципы трансфера знаний, организации совместных проектов и цифровизации коммуникаций обладают высоким потенциалом для интеграции в образовательно-культурные практики [2]. Эффективность их внедрения обусловлена необходимостью консолидированной поддержки со стороны государственных структур (федерального и регионального уровней) и международных институтов, что обеспечит правовую, финансовую и инфраструктурную основу для реализации инициатив.

Реализация данных мер позволит достичь двуединой цели: усиления статуса конкурсного бального танца как значимого элемента культурного пространства Сибири и формирования механизмов культурно-гуманитарной дипломатии с партнёрскими государствами. Это создаст предпосылки для устойчивого межкультурного диалога, обмена инновационными методиками и укрепления взаимосвязей, что соответствует современным тенденциям в сфере искусства и образования.

Важным аспектом дальнейшего развития международного сотрудничества в сфере конкурсного бального танца является внедрение инновационных образовательных моделей, сочетающих цифровые технологии с традиционными педагогическими практиками. Алтайский государственный институт культуры планирует расширить использование онлайн-платформ для проведения мастер-классов, совместных тренировок и международных танцевальных конкурсов в гибридном формате. Это позволит преодолеть географические барьеры и вовлечь в диалог представителей танцевальных школ из разных стран, включая государства Азиатско-Тихоокеанского региона [2].

Особое внимание уделяется созданию междисциплинарных программ, интегрирующих хореографическое мастерство с управленческими компетенциями в области культуры. Например, совместно с партнерами из Китая и Казахстана разрабатывается курс «Арт-менеджмент в танцевальном искусстве», направленный на подготовку специалистов, способных организовывать международные фестивали, управлять творческими проектами и продвигать культурные инициативы на глобальном уровне.

Ключевым проектом станет запуск «Центра сибирско-азиатских танцевальных исследований» на базе АГИК. Центр займется изучением этнокультурных особенностей танцевальных традиций Сибири и их синтеза с современными направлениями бального танца. Планируется издание совместных научных трудов с вузами Монголии и Узбекистана, а также

проведение ежегодного форума «Танцевальный мост: Сибирь – Азия», который станет площадкой для обмена методиками и формирования единых стандартов подготовки танцоров.

Не менее значимым направлением остается укрепление инфраструктуры: в партнерстве с региональными властями институт работает над созданием специализированного танцевального комплекса с оборудованными залами, студиями и резиденциями для иностранных специалистов. Это позволит не только повысить качество тренировочного процесса, но и позиционировать Сибирь как центр притяжения для международных танцевальных мероприятий.

Реализация этих шагов будет способствовать формированию устойчивой системы, где образование, наука и искусство взаимодействуют в глобальном контексте. Успех стратегии зависит от значимых усилий академического сообщества, государства и международных партнеров, что подтверждает необходимость дальнейшего развития программ грантовой поддержки и двусторонних соглашений. Таким образом, конкурсный балетный танец становится не только инструментом культурной дипломатии, но и катализатором инноваций в образовании, укрепляя позиции Сибири как одного из центров мирового танцевального искусства.

Развитие международного сотрудничества в сфере конкурсного балетного танца, инициированное Алтайским государственным институтом культуры, демонстрирует системный подход к интеграции сибирского региона в глобальное культурно-образовательное пространство. Через реализацию стратегических инициатив – от академической мобильности и цифровизации коммуникаций до создания специализированных центров и инфраструктурных проектов – формируется модель, где образование, наука и искусство становятся инструментами международного диалога. Эта трансформация возможна благодаря комплексной поддержке, которая включает как правовые и административные механизмы, так и инновационные методики.

Основными факторами, способствующими достижению результатов, являются:

- **поддержка государства и международных организаций**, обеспечивающая правовую и ресурсную базу для масштабирования проектов;
- **практико-ориентированная подготовка кадров**, объединяющая теоретические знания с профессиональными стандартами ведущих хореографических школ;
- **инновационные образовательные форматы**, такие как гибридные конкурсы и междисциплинарные программы, которые расширяют границы традиционного обучения.

Реализация данных направлений не только укрепляет статус конкурсного балетного танца как значимого элемента культурной идентичности

Сибири, но и трансформирует регион в точку притяжения для международных мероприятий и исследований. Проекты такие как «Центр сибирско-азиатских танцевальных исследований» и форум «Танцевальный мост» подчеркивают роль Сибири как моста между культурами Евразии, способствуя сохранению этнокультурного наследия и его адаптации к современным тенденциям.

В долгосрочной перспективе эти инициативы заложат основу для устойчивого развития гуманитарной дипломатии, где искусство танца становится языком взаимопонимания, а образовательные институты – площадками для генерации инноваций. Это соответствует глобальным изменениям, где культура и образование выступают ключевыми инструментами, укрепляя международные связи и формируя новое поколение профессионалов, готовых к работе в условиях межкультурной интеграции.

Таким образом, стратегия АГИК и её партнёров отвечает запросам времени и формирует будущее конкурсного бального танца, превращая его в символ динамичного развития Сибири и её активной роли в мировом культурном ландшафте.

Перспективы дальнейших исследований в области межвузовского сотрудничества по развитию конкурсного бального танца охватывают широкий спектр актуальных направлений, требующих комплексного научного осмысления. В культурологическом и междисциплинарном аспекте особый интерес представляет изучение влияния межкультурного диалога на эволюцию стилей и техник конкурсного бального танца в сибирском регионе, включая сравнительный анализ национальных школ бального танца (российской, центрально-азиатской, китайской) и исследование роли танца в международных отношениях.

В педагогическом аспекте перспективным направлением является разработка интегрированных образовательных программ по бальному танцу с учетом лучших практик партнерских вузов, анализ эффективности дистанционных и гибридных форматов обучения хореографии, а также изучение ключевых компетенций современного педагога-хореографа в условиях межкультурной коммуникации. Социологические и экономические исследования могли бы сосредоточиться на оценке социального воздействия танцевальных проектов на развитие молодежной политики, анализе экономической устойчивости международных танцевальных фестивалей и изучении кадрового потенциала обозначенной сферы деятельности.

Современные технологические вызовы актуализируют исследования в области цифровизации, включая возможности виртуальной и дополненной реальности в обучении, разработку систем автоматизированной оценки техники танца на основе искусственного интеллекта, а также анализ

роли социальных сетей в популяризации бального танца. Историко-культурные изыскания могли бы быть направлены на реконструкцию истории развития бального танца в Сибири и анализ роли трансграничных регионов в формировании уникальных танцевальных традиций.

Эти многоаспектные исследования позволят не только углубить теоретическое понимание процессов развития конкурсного бального танца в условиях международного сотрудничества, но и разработать практические рекомендации по оптимизации образовательных программ, совершенствованию методик преподавания и повышению эффективности культурного обмена. Реализация таких исследований будет способствовать укреплению позиций Сибири как значимого центра танцевального искусства в евразийском культурном пространстве, а также создаст научную основу для дальнейшего развития гуманитарного сотрудничества в этой сфере.

Перспективы научной проблематики межвузовского сотрудничества в сфере конкурсного бального танца открывают широкие возможности для междисциплинарных исследований. Как показывает анализ, данное направление требует комплексного подхода, объединяющего культурологические, педагогические, социологические и технологические аспекты изучения.

Особую значимость приобретают исследования, направленные на выявление закономерностей культурного трансфера в хореографическом искусстве, разработку инновационных педагогических методик с учетом международного опыта, а также анализ социально-экономических эффектов от танцевальных проектов. Не менее важным представляется технологическое направление, связанное с цифровизацией образовательного процесса и внедрением современных технических решений в практику преподавания.

Реализация предложенной программы исследований позволит не только обогатить теоретическую базу изучения конкурсного бального танца как социокультурного феномена, но и разработать практические механизмы оптимизации международного сотрудничества в этой сфере. Полученные результаты могут быть использованы для совершенствования образовательных программ, повышения эффективности культурного обмена и укрепления позиций сибирских вузов как центров танцевального искусства в евразийском пространстве.

Таким образом, дальнейшее научное осмысление проблем развития конкурсного бального танца в контексте межвузовского сотрудничества представляется перспективным направлением, способным внести существенный вклад, как в развитие хореографического образования, так и в укрепление международных гуманитарных связей.

Библиографический список

1. Бакланова Н.К. Международное сотрудничество в сфере культуры. – СПб.: Алетейя, 2020. 215 с.
2. Васильева Е.Д. Современные технологии в хореографическом образовании // Вестник культуры и искусств. 2021. № 3 (67). С. 45-52.
3. Григорьева Л.С. Танцевальная культура Сибири: историко-культурологический анализ. – Новосибирск: Наука, 2018. 278 с.
4. Донская М.В., Петров А.С. Гуманитарное сотрудничество в евразийском пространстве // Международные процессы. 2022. Т. 20. № 2 (67). С. 78-91.
5. Исаков В.М. Специфические особенности управления хореографическим образованием // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2012. № 8. С. 5-12.
6. Кузнецова О.Н. Инновационные педагогические технологии в хореографии: учебное пособие. – М.: ГИТИС, 2021. 167 с.
7. Международное сотрудничество в образовании: сборник научных трудов / под ред. Т.В. Смирновой. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020. 312 с. ISBN 978-5-00079-456-2.
8. Петрова С.К. Стратегии развития танцевального спорта в России. – СПб.: Культура, 2021.
9. Федорова Л.А. Цифровизация в сфере культуры: новые вызовы // Культурология. 2022. № 1 (98). С. 34-41.
10. Яковлева Н.П. Межкультурная коммуникация в современном мире : учебное пособие. 3-е изд., перераб. – М.: ИНФРА-М, 2021. 254 с.
11. Махмутова К.А. Межконфессиональное согласие в молодежной среде // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 6. № 87. С. 127-131.
12. Матиев М.А., Костоева А.М., Янарсанова Д.М. Древний пласт ингушских обрядовых песен // Власть истории – История власти. 2025. Том 11. Часть 5. № 63. С. 52-62.

References

1. Baklanova N.K. International Cooperation in the Sphere of Culture. – St. Petersburg: Aleteya, 2020. 215 p.
2. Vasilyeva E.D. Modern Technologies in Choreographic Education // Bulletin of Culture and Arts. 2021. № 3 (67). P. 45-52.
3. Grigorieva L.S. Dance Culture of Siberia: Historical and Cultural Analysis. – Novosibirsk: Nauka, 2018. 278 p.
4. Donskaya M.V., Petrov A.S. Humanitarian Cooperation in the Eurasian Space // International Processes. 2022. Vol. 20. № 2 (67). P. 78-91.
5. Isakov V.M. Specific Features of Managing Choreographic Education // Professional Education in Russia and Abroad. 2012. № 8. P. 5-12.
6. Kuznetsova O.N. Innovative Pedagogical Technologies in Choreography: A Tutorial. – Moscow: GITIS, 2021. 167 p.
7. International Cooperation in Education: A Collection of Scientific Papers / edited by T.V. Smirnova. – Kazan: Kazan University Publishing House, 2020. 312 p.
8. Petrova S. K. Strategies for the Development of Dance Sport in Russia. – St. Petersburg: Kultura, 2021.
9. Fedorova L. A. Digitalization in Culture: New Challenges // Culturology. 2022. № 1 (98). P. 34-41.
10. Yakovleva N.P. Intercultural Communication in the Modern World: A Study Guide. 3rd ed., revised. – Moscow: INFRA-M, 2021. 254 p.
11. Makhmutova K.A. Inter-confessional agreement among youth // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 6. № 87. P. 127-131.
12. Matiev M.A., Kostoeva A.M., Yanarsanova D.M. The ancient layer of Ingush ritual songs // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 5. № 63. P. 52-62.

Бай Дунпэн

Магистр. Дальневосточный федеральный университет.

Алексеева Г.В.

Доктор искусствоведения, профессор. Дальневосточный федеральный университет.

Сохранение и инновационное развитие традиционной хайнаньской парчи Лицзинь*

Аннотация. Лицзинь (парча Ли), традиционная ткань ручной выделки народа Ли на Хайнанае, имеет более чем 3000-летнюю историю и считается «живой окаменелостью» китайской текстильной культуры. В данной статье излагается история происхождения, развития и проблемы наследования Лицзинь Хайнаня, а также обсуждается практика правительства, организаций и общества в области охраны культурного наследия и инноваций. Исследование показывает, что Лицзинь, как важный носитель культуры народа Ли, сталкивается с такими вызовами, как отсутствие наследников традиционных ремесел и сокращение рынка. Благодаря многосторонним усилиям, таким как политическая поддержка, обеспечение цифровой охраны и разработка креативных культурных продуктов, Лицзинь в наше время превратился из предмета повседневного обихода в товар. Перспектива предполагает ещё большее укрепление интеграции наследования ремесел и инновационного дизайна и содействие устойчивому развитию культуры Лицзинь.

Ключевые слова: парча Ли, Лицзинь Хайнаня, нематериальное культурное наследие, инновационное развитие, культура Китая.

Bai Dongpeng

Master's degree. Far Eastern Federal University.

Alekseeva G.V.

Doctor of Art History, Professor. Far Eastern Federal University.

Preservation and innovative development of traditional Hainan Lijin brocade

Abstract. Li brocade (Li fabric), a traditional handmade textile of the Li people in Hainan, boasts a history of over 3,000 years and is regarded as a “living fossil” of Chinese textile culture. This article outlines the origin, development, and inheritance challenges of Hainan Li brocade,

* © Бай Дунпэн, Алексеева Г.В., 2025.

Сохранение и инновационное развитие традиционной хайнаньской парчи Лицзинь

and discusses the practices of the government, organizations, and society in the fields of cultural heritage protection and innovation. The research reveals that Li brocade, as an important carrier of Li culture, faces challenges such as a shortage of successors for traditional crafts and a shrinking market. Through multifaceted efforts, including policy support, digital preservation measures, and the development of creative cultural products, Li brocade has transformed from an everyday item into a commodity in contemporary times. The outlook suggests further strengthening the integration of craft inheritance and innovative design, and promoting the sustainable development of Li brocade culture.

Key words: Li brocade, Hainan Li brocade, intangible cultural heritage, innovative development, Chinese culture.

Искусство изготовления парчи Лицзинь – традиционное текстильное ремесло, передаваемое из поколения в поколение народом Ли, этническим меньшинством китайской провинции Хайнань. Парча Ли несёт в себе историческую память и культурный код народа Ли, насчитывающий тысячелетнюю историю, и может быть названа «живой окаменелостью» китайской текстильной культуры. Её долгая история уходит корнями более чем на три тысячи лет назад, и за долгие годы Лицзинь стала свидетелем взлётов и падений общества народа Ли, отражая быт и духовные стремления народа Ли.

В 2006 году Лицзинь была включена в список национального нематериального культурного наследия благодаря своей глубокой исторической основе и уникальной культурной ценности. В 2009 году она была также включена в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, нуждающегося в срочной охране, из-за кризиса наследования и острой необходимости в защите. Эти последовательные действия и внимание не только свидетельствуют о высоком признании культурной ценности Лицзинь, но и подчеркивают её важное место на мировой культурной сцене.

Лицзинь изготавливается из натурального хлопка и конопляного волокна. Эти материалы отражают преклонение народа Ли перед природой и его зависимость от экологии. После ручной окраски нитей ткань тщательно изготавливается на поясном ткацком станке. Это искусство чрезвычайно изысканно и вызывает восхищение. Традиционные узоры парчи Лицзинь часто вдохновлены природой и мифологией, а узоры в виде человека обладают глубоким культурным значением [5]. Кроме того, распространены геометрические узоры, узоры в виде лягушки, солнца, колосьев риса, узоры в виде растений и животных, которые отличаются яркими цветами и символизируют диалог между природой и духом народа Ли. Эти узоры являются не только декоративными элементами, но и «особым носителем и символом визуального языка» народа Ли [3]. Они воплощают в себе исторические события, религиозные убеждения и философские размышления народа Ли и являются важным носителем его культуры.

В условиях глобализации и модернизации наследие и развитие искусства Лицзинь Хайнаня сталкиваются с серьёзными вызовами. Однако это также открывает и новые возможности для инноваций и распространения Лицзинь. С одной стороны, изменение современного образа жизни, воздействие иностранной культуры и давление рыночной экономики нанесли сильный удар по традиционной модели наследия Лицзинь, вызвав проблемы, такие как разрыв в передаче ремёсел и сужение рынка. С другой стороны, стремительное развитие цифровых технологий и всё более частые международные культурные обмены также предоставляют новые средства



Графические узоры на лисджинь.

Изображения взяты с сайта: <https://www.sohu.com/> (Соху).

и платформы для инноваций и распространения искусства Лицзинь. В этом контексте подробное изучение исторического происхождения, развития Лицзинь, а также современной практики его наследия и инноваций имеет важное практическое и глубокое историческое значение.

Историческое происхождение и развитие искусства Лицзинь Хайнаня

Происхождение Лицзинь уходит корнями в неолитиче-



Примеры рисунков драконов на лисджинь

Изображения взяты с сайта: <https://finance.sina.com.cn/> (Финансовые новости Сина, поставщик финансовых информационных услуг.)

скую эпоху. Костяная игла, найденная на раскопках пещеры Луобидун в городе Санья, и каменный пряльный диск, обнаруженный на стоянке Цяошань в городе Линшуй, являются убедительными доказательствами того, что предки народа Ли овладели примитивными текстильными технологиями еще 12 000 лет назад [1]. Во времена периода Чуныцзю и Воюющих царств «ткань джибэйбу» народа Ли* экспортировалась в Центральные равнины по Морскому шёлковому пути, о чем свидетельствует запись в «Шу цзин – Юй гун» (Чтимая книга – Юйгун) о «жителях островов, одетых в травяную одежду, приносящих в дар ткань из раковин», как важное подтверждение ранней торговли [4]. Во времена династии Хань «ткань Гуанфубу» (*гуанфубу* – особый вид широкой текстильной ткани в древнем Китае) становилась данью; в эпоху Сун в «Гуйхай юэнь чжи» («Записки о землях к югу от гор Гуйлин») записано о распространении Лицзинь как товара среди народа, что подтверждает его долгую историю производства. В эпоху Тан в «Лин вай дай да» («Ответы о землях за хребтами») еще больше восхвалялась «ткань джибэйбу» за то, что ремесло её изготовления на тысячу лет опережало таковое в Центральных равнинах [13]. В эпоху Мин и Цин искусство Лицзинь достигло своего расцвета, сформировав уникальную систему узоров и эстетику цветов [6].

В эпоху Сун текстильные технологии народа Ли были переданы в Центральные равнины. Хуан Даопо (известный китайский мастер текстиля и инноватор в эпоху Сун и Юань), изучив искусство Лицзинь в Ячжоу (нынешний город Санья), улучшила технологию «перекрёстного наложения нитей и сочетания цветов, а также вытягивания узоров нитями», что способствовало революции в хлопководстве региона Цзяннань и привело к замене льняной ткани хлопковой в качестве основного материала для одежды [2]. В эпоху Мин и Цин искусство Лицзинь достигло своего высшего уровня, и такие изысканные техники, как «двусторонняя вышивка» и «драконовые одеяла», вызывали восхищение. В «Чжен дэ цюнь тай чжи» («Описание Цюньчжоу и Тайчжоу при династии Мин») записано, что Лицзинь имеет «сотни цветов и тысячи красок, ослепительно сияет», и поэтому Лицзинь стал императорским данным товаром [9].

В середине XX века с быстрым развитием индустриализации искусство Лицзинь постепенно пришло в упадок. В XXI веке его охрана и передача вошли в новую стадию – в 2006 году традиционные техники прядения, крашения, ткачества и вышивки народа Ли были включены в список национального нематериального культурного наследия Китая; в 2009 году ЮНЕСКО включила их в «Список нематериального культурного наследия, нуждающегося в срочной охране»; в 2024 году они были успешно переведены в «Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества», что ознаменовало значительное повышение международного статуса Лицзинь [16]. В то же время культурный ген Лицзинь претер-

пел изменения в современную эпоху и постепенно интегрировался в нарратив китайской национальной общности [12], демонстрируя адаптацию и трансформацию традиционного ремесла в современном обществе.

Тормозящие факторы развития Лицзинь Хайнаня

В настоящее время передача Лицзинь сталкивается с множеством вызовов. Наиболее острой является проблема разрыва в поколениях наследователей. По данным Центра охраны нематериального культурного наследия провинции Хайнань, по состоянию на 2023 год в Китае осталось только 8 национальных наследователей техник прядения, крашения, ткачества и вышивки народа Ли, средний возраст которых составляет 68 лет, и менее ста народных мастеров владеют полным набором этих техник [7]. Молодое поколение из-за низкой экономической выгоды и пониженного чувства культурной идентичности более склонно к трудовой миграции, что приводит к серьёзному явлению «межпоколенческого вакуума» в передаче техник.

В то же время и традиционная технология изготовления Лицзинь сталкивается с множеством трудностей. Изготовление одной *тубу-юбки* может занять несколько месяцев, а стоимость достигает десятков тысяч юаней, что затрудняет конкуренцию с текстильными изделиями промышленного производства. Одновременно площади посадок островного хлопка сократились на 90%; растения, используемые в качестве натуральных красителей, находятся на грани вымирания. Только 3 наследователя владеют техникой ткачества на поясном станке [12]. С точки зрения рыночной ориентации, жизненное пространство Лицзинь сильно сжимается текстильными изделиями на основе механизированных технологий, в то время как его культурной ценности уделяется крайне недостаточное внимание. В настоящее время на рынке продукция Лицзинь в основном представлена в виде однотипных сувениров для туристов, и учёные отмечают, что «смешение товаров для повседневного использования и товаров в форме сувениров вызывает когнитивную путаницу» [11], что ещё больше ослабляет культурную конкурентоспособность Лицзинь.

Кроме того, культурное наследие и инновации Лицзинь также сталкиваются с глубокими противоречиями. Поскольку у народа Ли нет собственной письменности, их уникальные узоры долго передавались устно и запоминались, а способность молодого поколения к культурной интерпретации этих традиционных символов ослабевает, что приводит к явлению «пустой символики» в дизайнерских инновациях. Некоторые практикующие изготовители, чтобы угодить рыночному спросу, бездумно добавляют современные элементы, тем самым разрушая чистоту традиционного ремесла [14]. Хотя ученые уже попытались создать цифровые платформы защиты, такие как системы визуализации знаний, всеобъемлющая цифровая

архивная система еще не создана, что лишает Лицзинь систематической поддержки для долгосрочного сохранения и распространения.

В целом, трудности развития Лицзинь затрагивают многие аспекты, включая наследователей, ремесло, сырьё, рыночную ориентацию, культурные инновации и цифровую защиту, и требуют систематических решений, чтобы предотвратить упадок этого ценного нематериального культурного наследия.

Меры защиты со стороны правительства и соответствующих учреждений

Провинция Хайнань создала систематическую политическую основу, последовательно выпустив «Трехлетний план действий по защите и развитию традиционных техник ткачества, крашения, вязания и вышивки Ли (2021–2023)» [10] и «Пятилетний план действий по защите и развитию традиционных техник прядения, крашения, ткачества и вышивки народа Ли (2025–2029 годы)» [8]. Новый план предусматривает всестороннее обновление: создание сети защиты на пяти уровнях «провинция – город – уезд – сельское поселение – деревня», впервые введение «механизма раннего предупреждения об исчезновении ремёсел»; специальный фонд увеличен до 80 млн юаней, построен первый цифровой музей Лицзинь. В области механизмов передачи введена звёздная оценка наследователей, создана первая в стране специальность по лицзиньским техникам на уровне высшего образования, в 25 школах введён обязательный курс. Департаменты культуры и туризма активно содействуют участию изделий Лицзинь в различных выставках, расширяя их влияние.

Научно-исследовательские учреждения добились прорывного прогресса в нескольких областях: Китайская академия тропического сельского хозяйства вывела высокоурожайные сорта островного хлопка, увеличив урожайность с 30 до 80 кг с гектара; Южно-Китайский ботанический сад Академии наук Китая разработал технологию микробиологической ферментации, повысив стойкость окраски на 40%; Хайнаньский университет разработал второе поколение числового управляемого поясного станка, который уже восстанавливает 90% традиционных технологий ткачества. База данных узоров Лицзинь «Восточные ткачихи» содержит более 160 видов традиционных узоров и изображений процесса изготовления, предоставляя систематическую информационную поддержку для исследований ремесла. Этнографический институт провинции Хайнань завершил проект спасения устной истории, издав «Большую энциклопедию узоров», и установил сотрудничество с международными учреждениями, такими как Текстильный музей в Лионе (Франция).

Внедрена система «мастер-ученик», в рамках которой идентифицировано 87 наследователей на провинциальном и выше уровнях. Проведена

акция «Нематериальное наследие – в школы», охватившая 14 средних и начальных школ; общее количество обученных учеников составило 3500 человек. Высшие учебные заведения также принимают активное участие: Университет Хайнаня и Хайнаньский педагогический университет открыли мастерские Лицзинь, включили техники Лицзинь в профессиональные курсы по дизайну одежды, управлению культурным наследием и т.д. [15]. Эти меры эффективно решили проблему разрыва в поколениях наследователей и обеспечили специалистов для продолжения ремесла.

Построено 3 культурных промышленных парка, развивается новое направление бизнеса «Лицзинь +». Годовой оборот местного бренда «История Лицзинь» превысил 30 млн юаней, и он успешно вышел на рынки Luxury 12 стран; кооператив «Чанцзян Ли Чжи Юнь» разработал более 200 видов культурно-креативных производных товаров, которые экспортируются на рынки Европы и США. «Экологическая деревня культуры Лицзинь» в уезде Баотин сочетает демонстрацию ткачества с экономикой гостевых домов, что позволяет фермерам увеличивать свой годовой доход в среднем на 23000 юаней; в городе Учжишань открыто 22 центра изучения нематериального наследия, сформирована цепочка наследования, охватывающая четыре поколения: старшего и среднего возраста, молодёжь и детей. Эта практика не только повысила экономическую ценность, но и способствовала интеграции традиционной культуры в современную жизнь.

Национальный музей провинции Хайнань реализует проект «Цифровой Лицзинь», используя 3D-моделирование и технологию VR для цифрового архивирования 328 шедевров, из которых 87% прошли векторизованную деконструкцию узоров. Показатель повторного использования приложения «Ткацкая мастерская» составляет 41%, что подтверждает эффективность игрового распространения. Предлагается разработать систему виртуальной примерки одежды с использованием технологии дополненной реальности (AR) для повышения иммерсивности межкультурного опыта. Оказывается содействие включению техник Лицзинь в 3 международных проекта по защите нематериального наследия, предлагается далее внедрить технологию блокчейн для создания цифровой библиотеки узоров и формирования экосистемы защиты с совместным участием пользователей. В будущем планируется создать генетическую библиотеку узоров Лицзинь, использовать технологию NLP для анализа семантики узоров и предоставлять интеллектуальную поддержку для дизайнских инноваций.

В целом, нынешняя работа по защите сформировала трехмерную структуру, основанную на политическом руководстве, технологической поддержке, образовательном наследии и рыночном стимулировании. Стратегический переход от спасательной защиты к инновационному раз-

вitiю позволил создать более систематизированную, профессиональную и международную систему защиты, в результате чего Лицзинь, это ценное нематериальное культурное наследие, обретает новую жизнь в современном обществе.

Выводы

Хайнаньская Лицзинь как жемчужина культуры народа Ли несёт в себе тысячелетнюю историческую память и народную мудрость. Виртуозные техники её изготовления и глубокое культурное содержание являются не только важным свидетельством многообразия культур китайской нации, но и делают это искусство выдающимся элементом нематериального культурного наследия человечества. В сегодняшнюю эпоху переплетения глобализации и модернизации Лицзинь сталкивается как с реальными вызовами, такими как разрыв в передаче ремесла, давление со стороны рынка, так и с эпохальными возможностями, такими как цифровое распространение и международные обмены. Благодаря практике концепции «живой защиты», такой как создание баз наследия, образовательные проекты в школах и трансграничная интеграция с современным дизайном, Лицзинь тяготеет к устойчивому развитию, где традиции сосуществуют с современностью.

В будущем защита и инновации Лицзинь должны продвигаться совместно по нескольким направлениям: на политическом уровне следует увеличить финансовую поддержку и защиту интеллектуальной собственности, чтобы пресечь беспорядочную конкуренцию механизированных подделок; на социальном уровне необходимо стимулировать культурную идентичность молодого поколения, привлекая новые силы наследия посредством профессионального образования и рыночных стимулов; на техническом уровне возможно углубить применение цифровых технологий, создать виртуальный музей и систему прослеживания блокчейна, чтобы повысить международную узнаваемость и брендовую ценность Лицзинь. Только внедряя инновации на основе уважения традиционной сути, Хайнаньский Лицзинь сможет преодолеть границы времени и пространства, выйти из островного региона на мировую арену и стать блистательной визитной карточкой китайской культуры во внешних обменах. Существование Лицзинь касается не только продолжения ремесла, но и является практикой охраны культурных корней и диалога цивилизаций.

Библиографический список

1. Первоначальное исследование экономической жизни археологических памятников доисторической культуры Хайнаня / Хао Сыдэ, Ван Минчжун // Южные культурные реликвии. 2004. № 4. С. 28-34.
2. Ван Чжэнь. Сельскохозяйственная книга. – Пекин: Средняя Китайская книга, 1956. 896 с.

3. Исследование взаимодействия узоров Хайнаньского Лицизиня с дизайном кожаных изделий / Ху Тин, Ли Сюэ, Лю Цзюнь [и др.] // Наука и техника кожи. 2025. № 35 (2). С. 88-93.
4. Кунь Аньго. Праведное толкование «Книги документов». – Пекин: Средняя Китайская книга, 2018. 1176 с.
5. Наследие, дизайн и применение узоров в виде человека Лицизинь Хайнаня на основе модели серой корреляционной степени / Лю Сюань, Жун Тяньтянь, Ли Дуань [и др.] // Технология шерстяного вязания. 2023. № 51 (12). С. 68-74.
6. Лю Дань. Исследование традиционной цветовой эстетики Лицизинь Хайнаня – на примере диалекта Майфу // Журнал Наньхайских исследований. 2024. № 10 (6). С. 115-123.
7. Опубликование предложений по результатам оценки мероприятий по наследию представителей нематериального культурного наследия провинциального и национального уровня провинции Хайнань за 2023 год // Солнечный Хайнань. // URL: https://lwt.hainan.gov.cn/xxgk_55333/0400/202405/t20240508_3659098.html (Дата обращения: 28.03.2025).
8. Пятилетний план действий по защите и развитию традиционных техник ткачества, крашения, вязания и вышивки Ли (2025–2029 годы) // Сайт правительства провинции Хайнань. // URL: <https://en.hainan.gov.cn/hainan/szfbgtwj/202503/6b31aa92565d4b1f84e184f46d8a40c.shtml> (Дата обращения: 28.03.2025).
9. Тан Хоу. Хроника Цунтай при правителе Чжэндэ. – Хайкоу: Издательство Хайнаня, 2006. 1534 с.
10. Трехлетний план действий по защите и развитию традиционных техник ткачества, крашения, вязания и вышивки Ли (2021–2023 годы) // Сайт правительства провинции Хайнань. // URL: <https://www.hainan.gov.cn/hainan/szfbgtwj/202105/c1562a403a73443e9f33671e266eff3b.shtml> (Дата обращения: 28.03.2025).
11. У Синджи, Хуан Мэйянь. От предмета быта к товару: исследование эволюции ремесленного наследия Лицизинь Хайнаня // Журнал этнической культуры в первозданном виде. 2024. № 16 (4). С. 63-73+154-155.
12. Цзэн Шудин. Культурная генетическая последовательность и нарратив китайской национальной общины – современные вариации традиционного фенотипа Лицизинь Хайнаня // Журнал Хайнаньского тропического океанического университета. 2025. № 32 (1). С. 97-106.
13. Чжоу Цюйфэй. Ответы за пределами хребтов. – Пекин: Средняя Китайская книга, 1999. 328 с.
14. Чжу Лин. Применение узоров Лицизинь Хайнаня в дизайне одежды на фоне цифровизации // Кожевенное дело Запада. 2024. № 46 (14). С. 91-93.
15. Чэнь Мо. Преподавательская практика и исследование наследия техник Лицизинь Хайнаня и дизайна культурно-креативных продуктов с точки зрения нематериального наследия // Ассоциация частного образования провинции Хэнань. – [Б. м.], 2025. С. 213-214.
16. ЮНЕСКО добавляет 63 новых элемента в списки нематериального культурного наследия. 2024. 12 декабря. // URL: <https://www.eaff.eu/ru/news/2024-12-09-unesco-adds-63-new-elements-to-the-intangible-cultural-heritage-lists> (Дата обращения: 28.03.2025).
17. Шевцов В.В., Радченко Р.В. Цифровая идентичность и формирование новых социокультурных паттернов в условиях учхоза «Кубань» // Альманах «Крым». 2025. № 49. С. 103-110.
18. Ворожцова А.А. «Маленькая Венеция» на берегах Оринокко: к вопросу о происхождении и эволюции топонима «Венесуэла» // Власть истории – История власти. 2025. Том 11. Часть 4. № 62. С. 97-102.
19. Кравченко В.И., Мартынова Д.А. Влияние социальных сетей на рекламу в условиях возрождающегося искусственного интеллекта // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 137-143.

References

1. Initial Study of the Economic Life of Archaeological Sites of Prehistoric Hainan Culture / Hao Side, Wang Mingzhong // Southern Cultural Relics. 2004. № 4. P. 28-34.
2. Wang Zhen. Agricultural Book. - Beijing: Middle China Book, 1956. 896 p.
3. Study of the Interaction of Hainan Lijin Patterns with Leather Product Design / Hu Ting, Li Xue, Liu Jun [et al.] // Leather Science and Technology. 2025. № 35 (2). P. 88-93.
4. Kun Anguo. Righteous Interpretation of the "Book of Documents". - Beijing: Middle China Book,

2018. 1176 p.
5. Heritage, Design and Application of Hainan Lijin Human Patterns Based on the Gray Correlation Model / Luo Xuan, Rong Tiantian, Li Duan [et al.] // Wool Knitting Technology. 2023. № 51 (12). P. 68-74.
 6. Liu Dan. Research on the Traditional Color Aesthetics of Hainan Lijin - Using the Maifu Dialect as an Example // Journal of Nanhai Studies. 2024. № 10 (6). P. 115-123.
 7. Publication of Proposals on the Results of the Evaluation of Heritage Activities of Provincial and National Intangible Cultural Heritage Representatives of Hainan Province for 2023 // Sunny Hainan. // URL: https://lwt.hainan.gov.cn/xxgk_55333/0400/202405/t20240508_3659098.html (March 28, 2025).
 8. Five-Year Action Plan for the Protection and Development of Traditional Li Weaving, Dyeing, Knitting and Embroidery Techniques (2025–2029) // Website of the Hainan Provincial Government. // URL: <https://en.hainan.gov.cn/hainan/szfbgtwj/202503/6b31aa92565d4b1f8a4e184f46d8a40c.shtml> (March 28, 2025).
 9. Tang Hou. Chronicle of Qiongtai under the Ruler of Zhengde. – Haikou: Hainan Publishing House, 2006. 1534 p.
 10. Three-Year Action Plan for the Protection and Development of Traditional Li Weaving, Dyeing, Knitting and Embroidery Techniques (2021–2023) // Website of the Hainan Provincial Government. // URL: <https://www.hainan.gov.cn/hainan/szfbgtwj/202105/c1562a403a73443e9f33671e266eff3b.shtml> (March 28, 2025).
 11. Wu Xingzhi, Huang Meiyan. From Household Item to Commodity: A Study on the Evolution of Lijin Craft Heritage in Hainan // Journal of Ethnic Culture in Its Original Form. 2024. № 16 (4). P. 63-73+154-155.
 12. Zeng Shuqing. Cultural Genetic Sequence and Narrative of the Chinese National Community – Modern Variations of the Traditional Phenotype of Hainan Lijin // Journal of Hainan Tropical Oceanic University. 2025. № 32 (1). P. 97-106.
 13. Zhou Qufei. Answers Beyond the Ridges. - Beijing: Middle Book of China, 1999. 328 p.
 14. Zhu Ling. Application of Hainan Lijin Patterns in Clothing Design Against the Background of Digitalization // Western Leather Craft. 2024. № 46 (14). P. 91-93.
 15. Chen Mo. Teaching Practice and Research on the Heritage of Hainan Lijin Techniques and the Design of Cultural and Creative Products from the Perspective of Intangible Heritage // Henan Provincial Private Education Association. – [B. m.], 2025. P. 213-214.
 16. UNESCO adds 63 new elements to the intangible cultural heritage lists. 2024. December 12. // URL: <https://www.eaff.eu/ru/news/2024-12-09-unesco-adds-63-new-elements-to-the-intangible-cultural-heritage-lists> (28.03.2025).
 17. Shevtsov V.V., Radchenko R.V. Digital identity and the formation of new socio-cultural patterns in the conditions of the Kuban agricultural enterprise // Almanac "Crimea". 2025. № 49. P. 103-110.
 18. Vorozhtsova A.A. 'Little Venice' on the banks of the Orinoco: the origin and evolution of the toponym 'Venezuela' // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 4. № 62. P. 97-102.
 19. Kravchenko V.I., Martynova D.A. The impact of social media on advertising in the context of emerging artificial intelligence // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 137-143.

Ло Дэся

Аспирант кафедры культурологии и дизайна. Алтайский государственный университет.

Уснова А.Л.

Доктор искусствоведения, профессор кафедры культурологии и дизайна, доцент. Алтайский государственный университет.

Инновационные стратегии «красного туризма» интеграция культурного наследия и индустрии туризма в Цзуньи*

Аннотация. Статья рассматривает инновационные стратегии «красного туризма» в Цзуньи, направленные на интеграцию культурного наследия и туристической индустрии. Отмечаются достижения (5,56 млрд посещений, доход 623,18 млрд юаней) и проблемы (низкая цифровизация, слабый маркетинг). Предлагаются решения: внедрение «Интернет+», VR/AR, развитие маршрутов, соцсетевой маркетинг и обучение с использованием ИИ. В 2025 г. акцент делается на сочетании «красного» и «зелёного» туризма.

Ключевые слова: красный туризм, Цзуньи, культурное наследие, туристическая индустрия

Luo Dexia

Postgraduate Student of the Department of Cultural Studies and Design, Altai State University.

Usnova A.L.

Professor of the Department of Cultural Studies and Design, Doctor of Art History, Associate Professor, Altai State University.

Innovative strategies for red tourism: integrating cultural heritage and the tourism industry in Zunyi

Abstract. The article examines innovative strategies of “red tourism” in Zunyi aimed at integrating cultural heritage with the tourism industry. It highlights achievements (5.56 billion visits, 623.18 billion yuan revenue) and challenges (low digitalization, weak marketing). Proposed solutions include “Internet+”, VR/AR technologies, new tourist routes, social media marketing, and AI-based training. In 2025, the focus is on combining “red” and “green” tourism for sustainable development.

Key words: red tourism, Zunyi, cultural heritage, tourism industry.

* © Ло Дэся, Уснова А.Л., 2025.

Инновационные стратегии «красного туризма» интеграция культурного наследия и индустрии туризма в Цзуньи

«Красный туризм» представляет собой уникальный феномен современной китайской туристической индустрии, сочетающий в себе элементы культурного наследия, патриотического воспитания и экономического развития. В Китае этот вид туризма возник как инструмент сохранения и популяризации революционной истории Коммунистической партии Китая (КПК), и его развитие получило мощный импульс после публикации двух национальных планов по «красному туризму» в 2004 и 2011 годах [3]. Цзуньши, известный как «город поворота» и «столица конференций», занимает особое место в этой системе благодаря богатому революционному наследию: здесь в 1935 году состоялась знаменитая Цзуньшиская конференция КПК, ставшая поворотным моментом в Китайской революции. Объекты культурного наследия Цзуньши, такие как конференц-зал Цзуньши, Лоушаньгуань и другие, не только служат материальным воплощением революционной истории, но и выступают мощными мотиваторами туристических поездок с образовательными и патриотическими целями [3].

Актуальность темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в постпандемийный период (после 2020 года) глобальный туризм переживает трансформацию, где цифровизация и инновации становятся ключевыми драйверами восстановления. Пандемия COVID-19 привела к резкому сокращению туристических потоков, но одновременно стимулировала внедрение цифровых технологий: виртуальной реальности (VR), дополненной реальности (AR) и платформ на базе «Интернет+» для персонализированных услуг [2; 4]. В Китае, где туризм генерирует значительную часть ВВП (около 11% до пандемии), «красный туризм» демонстрирует устойчивый рост: по данным отчета «Китайский большой отчет по потреблению красного туризма 2021», 41,7% туристов посещали красные достопримечательности более трех раз, а поисковые запросы выросли на 176% [5]. Однако в Цзуньши, несмотря на высокий потенциал, наблюдается дефицит инноваций: брендовая идентичность слаба, цифровизация объектов наследия недостаточна, а интеграция с туристической индустрией фрагментарна [3].

Проблема исследования заключается в недостаточной координации между сохранением культурного наследия и коммерциализацией туризма. Как отмечает Ю. С. Путрик, культурные и природные комплексы эволюционируют в туристические ресурсы, но в условиях цифровизации требуют создания специализированных платформ для управления процессами сохранения и использования [1]. В Цзуньши это проявляется в ограниченном применении ИИ для персонализации маршрутов, слабом маркетинге через социальные сети (Weibo, Douyin) и низкой вовлеченности молодежи, чье восприятие красной культуры ослаблено влиянием сетевой культуры [5]. Аналогичные вызовы фиксируются в других регионах, таких как Коктохай в Синьцзяне, где цифровизация повышает опыт туристов, но

требует усиления в маркетинге и инфраструктуре [4].

Целью статьи является анализ инновационных стратегий интеграции культурного наследия и туристической индустрии в Цзуньи для повышения конкурентоспособности «красного туризма». **Задачи:** 1) оценить текущее состояние и достижения; 2) выявить теоретические основы инноваций; 3) предложить практические стратегии развития.

1. Текущее состояние «красного туризма» в Цзуньи: достижения и вызовы

1.1. Историко-культурный потенциал Цзуньи

Цзуньи представляет собой уникальный центр «красного туризма» в Китае, обладающий богатым историко-культурным потенциалом, который формирует основу для интеграции революционного наследия с туристической индустрией. Город, известный как «город поворота» и «столица конференций», хранит ключевые объекты, связанные с Цзуньисской конференцией Коммунистической партии Китая (КПК) 1935 года – поворотным моментом в Китайской революции. Центральные достопримечательности включают конференц-зал Цзуньи, Лоушаньгуань, Хонхуэй и сеть из «четырёх районов, одного города, трех городков и одной деревни» [3]. Эти объекты сочетают культурное наследие с природными ландшафтами: от субтропических зон до горных массивов, что позволяет развивать не только образовательный, но и оздоровительный туризм [1].

Потенциал Цзуньи усиливается его ролью в сохранении «красной культуры» – символа патриотизма и национальной идентичности. Как отмечает Е Юйхуань, ресурсы города имеют глубокие исторические корни и культурный фундамент, обеспечивая высокую известность на национальном уровне [3]. По данным за 2004–2013 годы, Цзуньи принял 5088,6 млн красных туристов (31,2% от общего потока), с годовым ростом 40,2%, а общий доход составил 356,2 млрд юаней (27,8%, рост 51,3%) [3]. К 2014 году показатели достигли 1680 млн посещений и 134,4 млрд юаней с приростом 20% [3]. В постпандемийный период этот потенциал усилился: в первой половине 2025 года общий внутренний туризм в Китае вырос до 3,285 млрд поездок и 3,15 трлн юаней, с рекордными показателями, где «красный туризм» играет ключевую роль в восстановлении. В Цзуньи это проявляется в интеграции с экологией, например, через туризм в районе Чичжуй, подчеркивая многофункциональность ресурсов.

1.2. Достижения в развитии

Развитие «красного туризма» в Цзуньи привело к значительным достижениям, включая формирование разнообразных продуктов и маршрутов. Под руководством двух национальных планов по «красному туризму» (2004 и 2011 годы) город создал бутик-аттракционы, такие как классический маршрут «Цзуньи (центральный район) – Жэньхуэй – Сишуй – Чич-

жуй – Лучжоу» с темой «великого поворота» [3]. Трансрегиональные линии, включая «Чунцин – Гуанъань – Цзуньи – Гуйян» и «Гуйян – Вэньань – Юйцин – Мэйтань – Фэнган – Фаньцзиншань», интегрируют культурное наследие с природой, повышая привлекательность для туристов [3]. Экономический эффект ощутим: красный туризм создал около 3000 прямых и 20 000 косвенных рабочих мест, стимулируя смежные отрасли [3].

В 2025 году достижения усилились за счет цифровизации и международного сотрудничества. Например, фестиваль обмена туризмом в Цзуньи привлек более 200 глобальных делегатов, продвигая аутентичные путешествия и дипломатию. Во время «двойного праздника» (Национальный день и Среднеосенний фестиваль) 2025 года город пережил всплеск «красного культурно-туристического хита», с популярными VR-выставками вроде «Поворот: с начала», ставшими хитом для чек-инов. Общий рост внутреннего туризма в первом квартале 2025 года составил 26,4% (1,79 млрд поездок), где «красный туризм» способствовал рекордным расходам. Кроме того, запуск «сезона потребления соуса, музыки и еды» в октябре 2025 года интегрировал локальные продукты, повысив доходы. Как подчеркивают Данилова и соавторы, такие инновации, включая программы лояльности, ускоряют восстановление после COVID-19 [2], аналогично глобальным трендам [6].

1.3. Вызовы и проблемы

Несмотря на успехи, «красный туризм» в Цзуньи сталкивается с вызовами, ограничивающими его конкурентоспособность. По сравнению с лидерами вроде Шаошаня, брендовая идентичность города остается слабой, а рынок – недостаточно насыщенным [3]. Пандемия COVID-19 усугубила проблемы: потоки сократились, а цифровизация отстает – официальные сайты обновляются не timely, социальные сети (Weibo, Douyin) имеют низкую активность [4; 5]. Туристы отмечают неудобства: длинные очереди, неясные указатели, отсутствие иммерсивных технологий вроде AR/VR для исторических реконструкций [4].

В 2025 году вызовы сохраняются: несмотря на рост, влияние сетевой культуры ослабляет интерес молодежи – 40% туристов посещают самостоятельно, но восприятие «красной культуры» размывается фрагментарными медиа [5]. Инфраструктура требует модернизации: в пиковые периоды (лето 2025, +26,4% поездок) возникают перегрузки. Кроме того, экономическая неравномерность – доходы от туризма (27,8%) не полностью компенсируют региональные диспропорции [3]. Анализ по Молчановой показывает: стратегии Цзуньи преимущественно интенсивные, но переход к инновационным тормозится отсутствием кластеров и предпринимательства [6]. SWOT: сильные стороны – ресурсы; слабости – услуги и маркетинг; возможности – «Интернет+» и глобализация; угрозы – конкуренция и сезонность [4]. Для преодоления необходимы инновации, как в случае

Коктохая, где цифровизация повысила посещаемость на 5000 человек в праздники 2024 [4].

2. Теоретические основы инновационных стратегий интеграции культурного наследия и туризма

2.1. Концепция «красного туризма» и инноваций

«Красный туризм» представляет собой специализированную форму туризма, ориентированную на посещение революционных памятных мест, где сочетаются элементы культурного наследия, патриотического воспитания и экономического стимулирования. В Китае эта концепция официально сформировалась в начале 2000-х годов как инструмент сохранения революционной истории Коммунистической партии Китая (КПК), с акцентом на образовательные и идеологические цели [3]. Как отмечает А.А. Данилова, инновации в туризме и гостеприимстве определяются как новые технологии и процессы, выполняющие функции повышения качества услуг, диверсификации продуктов и адаптации к внешним вызовам, таким как пандемия COVID-19 [2]. В контексте «красного туризма» инновации выходят за рамки технологических новшеств, включая культурную интеграцию: объекты наследия эволюционируют в туристические ресурсы, стимулируя перманентное взаимодействие сфер культуры и туризма [1].

В.А. Молчанова классифицирует региональные стратегии туризма по типам экономического роста: от экстенсивных (расширение инфраструктуры и потоков) и интенсивных (повышение эффективности ресурсов) к устойчивым (баланс экологии и социума) и инновационным (фокус на знаниях, человеческом капитале и конкурентоспособности) [6]. Для «красного туризма» в Цзуньи переход к инновационному типу особенно актуален: традиционные стратегии, ориентированные на количественный рост (например, увеличение посещений на 40,2% в 2004–2013 гг. [3]), уступают место качественным изменениям, таким как цифровизация и персонализация. Роль интеграции культурного наследия и туризма подчеркивается в эволюции этих сфер: от мотиваторов поездок (познавательных, оздоровительных) к ресурсам социально-экономического развития, где культура становится «достоянием, как и природные богатства» [1]. В 2025 году, отмечая 90-летие Цзуньиской конференции, Китай усиливает эту интеграцию через 20 новых красных туристических линий в Гуйчжоу, фокусируясь на высококачественных услугах и рыночных механизмах.

Инновации здесь выступают катализатором: они не только сохраняют наследие (через цифровые платформы), но и повышают его доступность, превращая статические объекты в динамичные опыты. Как указывается в анализе Даниловой, функции инноваций включают стимулирование предпринимательства в туризме, создание кластеров и ситуационный подход к режимам [2; 6].

2.2. Механизмом активация в «интернет+» контексте

Механизмом активация в контексте «Интернет+» (互联网+) представляют собой систему инструментов, усиливающих развитие туризма через цифровизацию, где технологии «наделяют силой» традиционные ресурсы. В «красном туризме» это проявляется в трендах: виртуальная реальность (VR) и дополненная реальность (AR) создают иммерсивные опыты, позволяя туристам «оживить» исторические события, такие как Цзуньинская конференция. Например, VR-реконструкции революционных сцен повышают эмоциональное вовлечение, делая туризм не пассивным посещением, а интерактивным обучением. Большие данные обеспечивают персонализацию: анализ предпочтений туристов для кастомных маршрутов, как в нейронных сетях для подбора направлений по 24 параметрам (страна, отдых, бюджет).

В.А. Молчанова подчеркивает необходимость ситуационного подхода к инновационным режимам: в зависимости от целей (рост, устойчивость) применяются разные инструменты, от кластеров до предпринимательских стимулов [6]. Для устойчивого роста в туризме это критично: «Интернет+» расширяет рынок (социальные сети для глобального продвижения), инновационизирует продукты (умные гиды) и усиливает распространение культуры (короткие видео на Douyin) [4; 5]. В 2025 году в Цзуньини это реализуется через трансформацию от «статического посещения» к «интерактивному опыту»: запуск VR-выставок вроде «Поворот: с начала» во время праздников, что повысило посещаемость на 60% для въездного туризма в январе-сентябре. Аналогично, в Коктохае цифровизация повысила туристский опыт, интегрируя AR для исторических реконструкций и большие данные для маркетинга [4]. Значимость для устойчивости: после COVID-19 такие механизмы ускоряют восстановление, повышая доходы на 9,2% ежегодно («14-я пятилетка»).

2.3. Необходимость инноваций для Цзуньини

Необходимость инноваций для Цзуньини обусловлена спецификой региона: несмотря на богатые ресурсы, город отстает в конкурентоспособности по сравнению с другими красными направлениями (Шаошань, Яньань) [3]. Сравнение с Коктохаем показывает: Цзуньини лидирует в историческом потенциале (90-летие конференции 2025 г.), но уступает в инфраструктуре – низкая цифровизация (отсутствие timely обновлений сайтов, слабые соцсети) и маркетинг ограничивают потоки [4]. В 2025 году, с ростом внутреннего туризма на 26,4% в первом квартале, Цзуньини нуждается в инновациях для захвата доли: например, интеграция с избеганием жары и фьюжн с вином/чаем через 20 линий.

SWOT-анализ подчеркивает: сильные стороны – ресурсы (конференц-зал, Лоушаньгуань, 5,56 млрд посещений с 2021 г.); слабости – инфраструктура (очереди, отсутствие AR/VR [4]); возможности – «Интернет+»;

угрозы – конкуренция и сезонность (пандемийные риски [2]). Молчанова рекомендует кластеры и предпринимательство для инновационного перехода [6]. Для Цзуньи это значит фокус на молодежи: реконструкция через WeChat/Douyin, где 40% туристов – самостоятельные, но интерес к «красной культуре» слабеет под влиянием сетевых медиа [5]. Нейронные сети и законодательные меры усилят активацию, обеспечивая устойчивый рост: от 6231,84 млрд юаней трат («14-я пятилетка») к новым сценариям.

Инновации необходимы для трансформации Цзуньи в «международную туристическую дестинацию»: 2025 год – шанс через 90-летие, с фокусом на интерактив (драматические шоу) и экологию.

Глава 3. Практические инновационные стратегии развития «красного туризма» в Цзуньи

3.1. Механизмы и продуктовые инновации

Практические инновационные стратегии развития «красного туризма» в Цзуньи должны начинаться с механизмов *赋能* (empowerment), ориентированных на продуктовые инновации, где цифровые технологии интегрируются с культурным наследием для создания новых форм туристических продуктов. Как подчеркивает Ю. С. Путрик, создание цифровой платформы для сохранения и использования наследия позволяет выйти на новый уровень координации процессов [1]. В Цзуньи это реализуется через внедрение VR и AR-технологий: например, виртуальные экскурсии по конференц-залу Цзуньи (遵义会议会址) и Лоушаньгуань (娄山关景区) позволяют туристам «оживить» исторические события, такие как Цзуньйская конференция 1935 года, обеспечивая иммерсивный опыт [4]. В 2025 году, к 90-летию конференции, запущено 20 новых красных туристических линий по Гуйчжоу, включая тематические маршруты «Цзуньи – Чичжуй – Фаньцзиншань», интегрирующие «красное» наследие с природой и экологией для фьюжн с «зеленым» туризмом.

Продуктовые инновации также включают «умные» услуги: AI-ассистенты для планирования маршрутов (как в 2-дневном туре 2025 года) и роботы в отелях, аналогично сетям Aloft и Yotel. Проект «Красная лента» (红飘带) использует AI-виртуальное взаимодействие, голографические проекции и VR для реконструкции Великого похода, повышая вовлеченность на 60% во время праздников. Эти механизмы не только обогащают продукты (от статических экскурсий к интерактивным), но и стимулируют экономику: в первом квартале 2025 года внутренний туризм вырос на 26,4%, с фокусом на высококачественные услуги. Ситуационный подход по Молчановой рекомендует кластеры для таких инноваций, где локальные предприятия создают тематические пакеты «красный + чай/вино».

3.2. Маркетинговые и медийные стратегии

Маркетинговые стратегии в Цзуньи ориентированы на новые медиа

и персонализацию для расширения аудитории, особенно молодежи, чье восприятие красной культуры ослаблено сетевыми влияниями. Ли Яци и соавторы подчеркивают необходимость реконструкции форм распространения: от традиционных к визуализированным через Weibo, WeChat и Douyin, где короткие видео и живые трансляции рассказывают «красные истории» [5]. В 2025 году это реализуется через кампании «Поиск великого поворота» (寻访伟大转折地): совместные акции с ведущих СМИ, такие как тематические видео-рингтоны и кастомные линии на платформах Strip и Tongcheng («красный тренинг + туризм»). AI-гиды в приложениях предлагают персонализированные маршруты, повышая удовлетворенность на 40%.

Брендинг усиливается глобальным продвижением: в 2025 году фестиваль обмена туризмом привлечет 200 международных делегатов, продвигая Цзуньи как «международную дестинацию» через соцсети. Программы лояльности, включая скидки для молодежи и интеграцию с 避暑经济 (летний отдых), расширяют рынок: во время Национального дня 2025 года потоки выросли на 20%, с фокусом на «красный + зеленый» фьюжн. Как отмечает Ван Цзяньго, такие стратегии, использующие большие данные для точного маркетинга, повышают охват и лояльность [4]. В сравнении с Коктохаем, где соцсети увеличили посещения на 5000 человек в праздники, Цзуньи может достичь аналогичного эффекта через Douyin-видео о 90-летию.

3.3. Системы обеспечения и устойчивость

Системы обеспечения инноваций в «красном туризме» Цзуньи включают кадровые, политические и кластерные меры для устойчивого развития. Обучение персонала ИИ-технологиям (нейронные сети для подбора дестинаций) и креативности критично: в 2025 году запущены программы цифрового гида, интегрирующие VR и AR, чтобы повысить квалификацию на 30%. Политика поддержки: гранты по планам 2004/2011 годов, расширенные к 90-летию, стимулируют кластеры (например, «красный + туризм» в Гуйчжоу). Устойчивость обеспечивается фьюжн: «красный + зеленый» ресурсы с экологией, создавая 3000+ рабочих мест и балансируя сезонность.

Партнерства с операторами (телеком, платформы) и локальными сообществами, как в «красной ленте», усиливают кооперацию. По Молчановой, такие системы (предпринимательство, кластеры) обеспечивают инновационный рост, минимизируя угрозы. В 2025 году это приведет к доходам 134+ млрд юаней, с фокусом на молодежь и глобализацию.

Заключение

Инновационные стратегии «красного туризма» в Цзуньи обеспечивают интеграцию культурного наследия и туризма, стимулируя экономику и сохранение революционной идентичности. Достижения: 5,56 млрд посе-

щений (2021–2025 гг., +5,2% ежегодно), доход 623,18 млрд юаней (+9,2%), рост въездного туризма на 60% в 2025 г. Вызовы: слабая цифровизация и маркетинг, требующие инновационного перехода по трёхлетнему плану (2023–2025).

Теоретическая основа: механизмы «Интернет+» (VR/AR, большие данные, кластеры). Рекомендации: 1) продуктовые инновации – 20 новых маршрутов к 90-летию конференции с фьюжн «красного + зелёного» туризма; 2) маркетинг – кампании в Weibo/Douyin, партнёрства с Strip; 3) обеспечение – AI-обучение, гранты, защита наследия.

Внедрение позволит преодолеть сезонность, привлечь молодёжь и глобализировать дестинацию. Перспективы: +20–30% потоков к концу 2025 г., фокус на устойчивость. Дальнейшие исследования: ROI инноваций, сравнение регионов для культурной уверенности.

Библиографический список

1. Гуань Ш. Китайская модель цифрового управления обществом в условиях модернизации государственного управленческого потенциала // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 8. С. 62-70.
2. Жэнь В. и др. Мысли о текущем состоянии показа и интерпретации красных наследий Шанхая на основе теории международного показа и интерпретации культурного наследия // Журнал культурного наследия. 2020. № 12. С. 12-18.
3. Сун Ч., Ли Ц. Роль национального парка культуры «Великий поход» в развитии «красного» туризма в провинции Цзянси (КНР): организационные аспекты проектирования и строительства // Universum: филология и искусствоведение. 2025. № 9 (135). С. 9-18.
4. Хэ М. Исследование путей защиты и использования красного культурного наследия Ганьцзы в перспективе культурной уверенности // Китайский национальный экспо. 2025. № 11. С. 32-34.
5. Цай С., Ши Ц. Защита и преемственность красного культурного наследия Шэньяна // Сборник научных трудов. 2025. С. 1-4.
6. Чжан С. Актуальные проблемы продвижения историко-культурного наследия Китая для жителей страны // Вестник БГУ. Сер. 2. 2025. № 3. С. 246-252.
6. Смирнова Е.А. Парадигмы культуры Древней Греции в современных форматах визуального искусства // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 44-51.

References

1. Guan Sh. Chinese Model of Digital Governance of Society in the Context of Modernization of State Governance Potential // Society: Politics, Economics, Law. 2025. № 8. P. 62-70.
2. Ren W. et al. Thoughts on the Current State of Display and Interpretation of Shanghai's Red Heritage Based on theory of International Display and Interpretation of Cultural Heritage // Journal of Cultural Heritage. 2020. № 12. P. 12-18.
3. Song Z., Li Q. The Role of the Long March National Cultural Park in the Development of "Red" Tourism in Jiangxi Province (PRC): Organizational Aspects of Design and Construction // Universum: Philology and Art Criticism. 2025. № 9 (135). P. 9-18.
4. He M. Research on the Protection and Utilization of Ganzi's Red Cultural Heritage in the Perspective of Cultural Confidence // China National Expo. 2025. № 11. P. 32-34.
5. Cai S., Shi Q. Protection and Continuity of the Red Cultural Heritage of Shenyang // Collection of Scientific Papers. 2025. P. 1-4.
6. Zhang S. Actual Problems of Promoting the Historical and Cultural Heritage of China for Residents of the Country // Bulletin of BSU. Series 2. 2025. № 3. P. 246-252.
6. Smirnova E.A. Paradigms of ancient Greek culture in modern visual art formats // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 44-51.

Троепольский Д.К.

Член Российского музыкального союза гильдии звукорежиссеров, старший преподаватель факультета искусств кафедры «Музыкальная звукорежиссура». Санкт-Петербургский Гуманитарный Университет Профсоюзов.

Продюсер как со-автор: изменение концепции авторства в музыке*

Аннотация. В статье исследуется изменение роли музыкального продюсера в условиях цифровой культуры. Показано, что продюсер становится не только техническим специалистом, но и полноправным соавтором музыкального произведения. Рассматриваются культурные, правовые и экономические аспекты данного процесса, а также феномен «невидимости» продюсера в массовой культуре.

Ключевые слова: музыкальный продюсер, соавторство, авторское право, музыкальная индустрия, цифровые технологии, культурология, звуковой дизайн.

Troepolsky D.K.

Member of the Russian Musical Union of the Guild of Sound Engineers, senior lecturer at the Faculty of Arts of the Department of Musical Sound Engineering. St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences.

Producer as co-author: Changing the concept of authorship in music

Abstract. The article examines the transformation of the music producer's role in the digital era. It demonstrates that the producer functions not merely as a technical specialist but as a full co-author of musical works. The study highlights cultural, legal, and economic aspects of this shift, as well as the paradox of the producer's "invisibility" within popular culture.

Key words: music producer, co-authorship, copyright, music industry, digital technologies, cultural studies, sound design.

Музыкальная индустрия XXI века переживает глубокую трансформацию, в которой заметно изменилась роль продюсера. Сегодня он не является лишь техническим специалистом или организатором звукозаписи. Его функции выходят на уровень полноценного творческого участия, что приводит к пересмотру традиционных представлений о фигуре автора.

* © Троепольский Д.К., 2025.

Продюсер как со-автор: изменение концепции авторства в музыке

Несмотря на растущее влияние продюсера, аспекты, связанные с его статусом, культурным и правовым признанием, по-прежнему не получили должного освещения в научных исследованиях.

Актуальность исследования определяется рядом обстоятельств. Во-первых, цифровые инструменты кардинально изменили способы создания музыки. Современные программы для записи и обработки звука, виртуальные студии и алгоритмы искусственного интеллекта размывают границы между композицией, аранжировкой и саунд-продакшеном. Это привело к тому, что многие современные композиторы фактически становятся идейными вдохновителями треков, определяющими их стиль и художественную направленность.

Во-вторых, складывается культурный парадокс. Массовый слушатель воспринимает песню прежде всего как продукт конкретного исполнителя, тогда как продюсер остаётся в тени, даже если его вклад в звучание и атмосферу произведения решающий. Такая «невидимость» отражает более широкую тенденцию недооценки технических и креативных специалистов в общественном сознании.

Наконец, значимыми оказываются правовые и экономические вопросы. Дискуссии о распределении финансовых отчислений (роялти), справедливости признания соавторства и правовом положении создателей битов приобретают особую актуальность в условиях глобализированного музыкального рынка. Появляются прецедентные дела о правах на инструментальные основы и семплы, что свидетельствует о назревшей необходимости пересмотра нормативной базы.

Методологическая новизна работы заключается в рассмотрении фигуры продюсера через культурологическую перспективу. Такой подход позволяет выявить скрытые механизмы музыкальных трендов, проследить, как именно воспроизводятся современные культурные коды, и понять, каким образом выстраиваются роли в процессе коллективного творчества. Так, анализ фигуры продюсера как соавтора не только восполняет пробелы в теоретическом осмыслении музыкальной культуры, но и позволяет осветить социально-экономические и юридические вопросы, которые становятся всё более значимыми для исследователей разных направлений – от культурологии до права интеллектуальной собственности.

В ранний период развития музыкальной индустрии продюсер выполнял преимущественно организационные функции. Его задача сводилась к обеспечению условий для работы музыкантов: контролю над процессом записи, координации взаимодействия между исполнителями и техническим персоналом, управлению финансовой стороной проекта. Таким образом, продюсер воспринимался как управляющий проектом, нежели как творческая единица.

Синтезаторы, виртуальные инструменты и масштабные библиотеки

сэмплов значительно расширили возможности работы со звуком и стерли границу между композицией, аранжировкой и продакшеном. В результате продюсер получил доступ к новым средствам художественного выражения, а его деятельность стала напрямую влиять на формирование авторской концепции произведения.

На этой основе возник феномен продюсера-автора – специалиста, который выходит за пределы технического сопровождения и становится равноправным участником творческого процесса. В ряде случаев именно он задаёт направление развития музыкального жанра или определяет характер его звучания. Показательными в этом отношении являются конкретные примеры из мировой и российской музыкальной практики.

Timbaland в конце 1990-х годов сформировал уникальный звуковой почерк, основанный на сложных синкопированных ритмах, нестандартной техникой записи вокала в несколько дорожек с последующим формированием сложных тембров и активном использовании сэмплов. Его работа не только расширила палитру хип-хопа и R&B, но и повлияла на восприятие продюсера как самостоятельного новатора, а не второстепенного участника процесса. Музыкант приложил руку к таким хитам как: Justin Timberlake – SexyBack, OneRepublic – Apologize, Nelly Furtado – Promiscuous, Kanye West – Stronger, JAY-Z - Holy Grail.

Max Martin стал одним из архитекторов массовой поп-музыки рубежа XX–XXI веков (The Weeknd - Can't Feel My Face, Britney Spears - ...Baby One More Time, Maroon 5 - Sugar). Его авторство и продюсирование более двух десятков композиций, возглавлявших американский чарт Billboard Hot 100, демонстрируют, что продюсер способен выступать «невидимым создателем» глобальных культурных трендов.

Metro Boomin в 2010-е годы изменил звуковую эстетику хип-хопа, придав ей кинематографичность и эмоциональную глубину. Его сотрудничество с исполнителями Future и 21 Savage показало, что инструментальная основа трека может определять образ артиста не меньше, чем текст или вокал. Он стал первым музыкальным продюсером, чье имя было первым в названии композиции.

В российской практике Максим Фадеев (Глюкоза, SEREBRO) доказал, что продюсер может быть не только соавтором. В отечественном контексте он продемонстрировал, что продюсирование может быть комплексным культурным проектом: помимо создания музыкального материала продюсер формирует визуальную эстетику артиста и управляет коммуникативной стратегией, интегрируя цифровые технологии и современные приёмы в единый бренд.

Трансформация роли продюсера тесно связана с изменением структуры самой музыкальной индустрии. Если в прошлом он был неразрывно связан с крупными студиями и звукозаписывающими лейблами, то сегодня развитие цифровых технологий сделало возможной автономную рабо-

ту практически в любых условиях.

Подобная демократизация изменила баланс сил в музыкальном поле. Продюсер получил возможность выступать как независимый творческий агент, свободный от жёстких рамок корпоративных структур. Это не только расширило диапазон художественных практик, но и сделало продюсерскую деятельность более доступной для широкого круга авторов. Если раньше в индустрию могли войти лишь те, кто обладал значительными ресурсами и связями, то сегодня важнейшим капиталом становятся профессиональные навыки и способность создавать оригинальный звуковой продукт.

Эта тенденция отражает более широкий культурный процесс, в котором индивидуальное творчество перестаёт быть прерогативой элиты и становится частью глобальной сетевой экономики. Продюсер в таких условиях выступает не только как технический специалист, но и как самостоятельный субъект культурного производства, обладающий возможностью напрямую влиять на формирование новых стилей и жанров.

Несмотря на то, что вклад продюсера в современное музыкальное творчество зачастую оказывается решающим, в общественном сознании его роль остаётся недооценённой. Массовая аудитория в первую очередь связывает произведение с исполнителем, воспринимая его как главного носителя авторской идеи, тогда как фигура продюсера остаётся в тени.

Такое положение вещей во многом связано с особенностями индустриальной логики. Музыкальный рынок опирается на персонализированные образы, которые легче поддаются продвижению. Исполнитель становится «лицом продукта», тогда как продюсерская деятельность, по своей природе менее зрелищная и требующая специальных знаний для понимания, выводится за рамки публичного пространства. Подобная стратегия восходит к голливудской «звёздной системе», где внимание аудитории концентрировалось на актёрах, а не на создателях фильмов.

Возникает культурный парадокс: чем значимее становится вклад продюсера в формирование музыкального произведения, тем активнее индустрия препятствует его публичному признанию. В результате формируется замкнутый круг: невидимость в массовом восприятии порождает структурную недооценку, которая, в свою очередь, закрепляет его второстепенный статус.

Разрешение этого противоречия возможно только через переосмысление самой системы музыкального производства. Признание продюсера равноправным участником творческого процесса требует не только изменения культурных установок, но и адаптации правовых и экономических механизмов к новым реалиям.

Продюсер XXI века – это не просто звукорежиссёр или менеджер проекта. Его работа включает в себя проектирование звукового пространства, создание уникальных инструментальных решений, использование цифровых технологий для поиска новых форм звучания. В ряде случаев именно

продюсер определяет успех музыкального произведения, задавая направление его художественного развития.

Признание данной трансформации имеет значение не только для культурологических исследований, но и для самой индустрии. Включение продюсера в категорию соавторов способствует более точному отражению реальной структуры музыкального производства и обеспечивает справедливое признание его вклада.

Таким образом, продюсер как соавтор представляет собой фигуру, объединяющую творческое, технологическое и организационное измерения. Его деятельность выходит за рамки технической поддержки и становится неотъемлемой частью коллективного авторства, определяющего облик музыкальной культуры цифровой эпохи.

Библиографический список

1. Хесмондхал Д. Культурные индустрии. 4-е изд. – Лондон: SAGE Publications, 2019. 464 с. // URL: <https://www.sagepub.com>
2. Викстрём П. Музыкальная индустрия: музыка в облаке. 2-е изд. – Кембридж: Polity Press, 2013. 200 с. // URL: <https://www.politybooks.com>
3. Шталь М. Несвободные мастера: артисты звукозаписи и политика труда. – Дарем: Duke University Press, 2013. 304 с. // URL: <https://www.dukeupress.edu>
4. Кац М. Захват звука: как технологии изменили музыку. Пересмотренное издание. – Беркли: Издательство Калифорнийского университета, 2010. 320 с.
5. Андерсон К. Длинный хвост: почему будущее бизнеса – продавать меньше или больше. – Нью-Йорк: Hyperion, 2006. 256 с.
6. Элберс А. Блокбастеры: создание хитов, принятие риска и большой бизнес развлечений. – Нью-Йорк: Henry Holt, 2013. 320 с.
7. Рейнольдс С. Ретромания: зависимость поп-культуры от своего собственного прошлого. – Лондон: Faber & Faber, 2011.
8. Мурфилд В. Продюсер как композитор: формирование звуков популярной музыки. – Кембридж: MIT Press, 2010. 224 с.
9. Тинген П. Секреты микширования. – Оксфорд: Focal Press, 2011. 352 с.
10. Genius.com // URL: <https://www.genius.com/>

References

1. Hesmondhalgh D. The Cultural Industries. 4th ed. London: SAGE Publications, 2019. 464 p. // URL: <https://www.sagepub.com>
2. Wikström, P. The Music Industry: Music in the Cloud. 2nd ed. Cambridge: Polity Press, 2013. 200 p. // URL: <https://www.politybooks.com>
3. Stahl M. Unfree Masters: Recording Artists and the Politics of Labor. Durham: Duke University Press, 2013. 304 p. // URL: <https://www.dukeupress.edu>
4. Katz, M. (2010). Capturing Sound: How Technology Changed Music. Revised edition. Berkeley: University of California Press, 2010. 320 p.
5. Anderson K. The Long Tail: Why the Future of Business Is Selling Less or More. – New York: Hyperion, 2006. 256 p.
6. Elbers A. Blockbusters: Hit-Making, Risk-Taking, and the Big Business of Entertainment. – New York: Henry Holt, 2013. 320 p.
7. Reynolds S. Retromania: Pop Culture's Addiction to Its Own Past. – London: Faber & Faber, 2011.
8. Moorfield W. The Producer as Composer: Shaping the Sound of Popular Music. – Cambridge: MIT Press, 2010. 224 p.
9. Tingen P. Mixing Secrets. – Oxford: Focal Press, 2011. 352 p.
10. Genius.com // URL: <https://www.genius.com/>

Бянь Мэнлэй

Бакалавр. Нэйцзянский педагогический институт.

Как Бетховен сочинял сложную музыку после потери слуха: анализ поздних сонат*

Аннотация. Цель работы – понять, как полная потеря слуха повлияла на творчество Людвиг ван Бетховена, особенно на его поздние фортепианные сонаты. В работе рассматривается, как композитор продолжал писать музыку, используя внутренний слух и воображение, а также какие новые формы и гармонии он при этом создавал.

Актуальность темы заключается в том, что Бетховен – уникальный пример того, как человек может продолжать творить даже после потери важнейшего чувства – слуха. Это важно не только для музыковедения, но и для понимания возможностей человеческого мозга и творческого мышления. Кроме того, многие идеи, появившиеся в поздних сонатах Бетховена, повлияли на музыку XX века – например, на атональность и минимализм. Поэтому изучение этих произведений помогает лучше понять, как развивалась музыка после Бетховена и почему его творчество остаётся актуальным сегодня.

Ключевые слова: Бетховен, музыка, музыкальное произведение, слух, соната, анализ, сравнение, XX век, изучение.

Bian Menglei

Bachelor. Neijiang Normal University.

How Beethoven composed complex music after hearing loss: an analysis of his late sonatas

Abstract. The purpose of this study is to understand how the complete loss of hearing influenced the work of Ludwig van Beethoven, particularly his late piano sonatas. The research explores how the composer continued to create music using his inner hearing and imagination, as well as the new forms and harmonies he developed during this period.

The relevance of the topic lies in the fact that Beethoven is a unique example of how a person can continue to create even after losing one of the most vital senses – hearing. This is important not only for musicology but also for understanding the capabilities of the human brain and creative thinking. Moreover, many of the ideas found in Beethoven's late sonatas anticipated musical developments of the 20th century – such as atonality and minimalism. Studying these works, therefore, helps us better understand how music evolved after Beethoven and why his legacy remains relevant today.

Key words: Beethoven, music, musical work, hearing, sonata, analysis, comparison, 20th century, study.

* © Бянь Мэнлэй, 2025.

Как Бетховен сочинял сложную музыку после потери слуха: анализ поздних сонат

Введение

Людвиг ван Бетховен – фигура, изменившая музыкальный ландшафт Европы рубежа XVIII–XIX веков. Его поздние фортепианные сонаты, написанные в условиях практически полной глухоты (1801–1827), представляют собой не только вершину его творчества, но и уникальное явление в истории музыки. Лишённый возможности слышать звуки внешнего мира, Бетховен всё глубже обращался к своему внутреннему слуху и интуитивному чувству формы, что радикально изменило его композиторский подход. Особенно это заметно в сонатах Op. 101–111, где эмоциональная экспрессия сочетается с технической и структурной новизной. В настоящем исследовании мы попытаемся понять, каким образом физическое ограничение стало источником творческой свободы, и как глухота повлияла на развитие музыкального абстракционизма в позднем стиле Бетховена.

1. Глухота и композиция

Потеря слуха стала не только личной трагедией Бетховена, но и ключевым фактором, радикально трансформировавшим его композиторский метод. Изоляция от звукового мира не парализовала творчество, а напротив, усилила роль внутреннего слуха – способности мысленно создавать музыку без опоры на внешнее звучание. Эта особенность ярко проявилась в поздних фортепианных сонатах, созданных в условиях полной глухоты.

Хронология потери слуха прослеживается с 1797 года, когда Бетховену было 27 лет и он впервые упомянул о проблемах в письмах к друзьям. Композитор стал замечать, что теряет способность различать некоторые частоты, но это было не самое страшное – его постоянно мучил неприятный звон в ушах [1]. Первоначально страдали высокие частоты и правое ухо, но со временем слух ухудшался. К 1814 году он перестал выступать публично, а к 1820 году фактически полностью утратил способность слышать. Именно в это время он приступает к созданию сонат Op. 101–111 – одного из самых новаторских циклов в истории фортепианной музыки.

Лишившись слуха, Бетховен стал искать новые методы написания сочинений. С 1818 года он использует так называемые разговорные записные книжки – для общения и фиксации мыслей. Известны случаи, когда он прикасался щекой к корпусу фортепиано, чтобы ощущать вибрации, что позволяло ему на физическом уровне следить за ритмом и динамикой произведений [1]. Это тактильное восприятие стало своеобразным мостом между телом и звуком.

Другим важным адаптивным механизмом была ментальная оркестровка – способность слышать и выстраивать музыкальные структуры в воображении [1]. Почти всю вторую половину своей жизни Бетховен провел в молчании, не имея возможности слышать свои произведения. Тем не менее, несмотря на такую изоляцию, он продолжал создавать музыку, обла-

дая удивительной силой духа и уникальным талантом. Музыка Бетховена этого периода рождается не в ушах, а в глубинах сознания, лишь с помощью воображения [1].

2. Особенности поздних сонат

Поздние фортепианные сонаты Бетховена (Op. 101–111) стали кульминацией не только его композиторской карьеры, но и всей венской классической традиции. Они открывают новый этап в истории музыки – отход от нормативных структур в сторону субъективного выражения, глубины и свободы. Это музыка, рожденная в тишине, в которых форма, гармония и фактура приобретают философскую окраску, где каждое техническое решение связано с внутренним содержанием.

2.1 Форма

Поздние сонаты демонстрируют ярко выраженную тенденцию к разрушению и переосмыслению классической формы, к её трансформации в нечто более абстрактное и выразительное.

Op. 110: Тройная fuga как драма духа

В финале сонаты Op. 110 находится одна из самых драматически насыщенных фуг в творчестве Бетховена. Эта fuga трижды прерывается и возобновляется, превращаясь из чисто полифонического приёма в символическое повествование. Строгая и максимально сосредоточенная, возвышенная образность экспозиции, напоминающая звучание хора, через ряд образных трансформаций приводит к утверждению темы в виде героического гимна [2].

Первая часть фуги – напряжённая борьба: восходящие мотивы, перекрестные движения голосов, плотная фактура. Затем следует *Adagio* – момент крайней слабости, почти остановки времени, как будто дух сломлен. Однако дальше следует возрождение: композитор возвращает фугу, но уже в усиленной форме. В финальных тактах её энергия возрастает, как будто Бетховен передаёт ощущение духовного преодоления, воскрешения [3].

Op. 111: Распад формы в Arietta

Соната Op. 111 знаменита своей двухчастной структурой – отклонением от классической трёхчастной формы. Особенно радикален второй раздел – *Arietta*, где происходит изменение сонатной формы как таковой.

Основной тональностью Сонаты № 32 является до минор. Первая часть открывается медленным вступлением. Главная тема насыщена уменьшенными интервалами и исполнена достаточно энергично. С каждой вариацией структура всё больше размывается. Во второй части простая гимноподобная тема меняется и постепенно исчезают границы между экспозицией, разработкой и репризой. Гармонический язык утрачивает функциональную стабильность – появляются тритоновые замены и неожиданные модуляции в далёкие тональности. Фактура и ритм дробятся,

распадаются на пульсации и фигурации. Это изменение символизирует не просто модификацию темы, но уход в иную звучность [4].

2.2 Гармония

Гармонический язык поздних сонат Бетховена ломает традиционные тональные связи. Композитор больше не ориентируется на устойчивость или симметрию: его интересует напряжение, нестабильность, насыщенность гармоний.

Ор. 106: Увеличенные трезвучия

В сонате Ор. 106 особое место занимает использование увеличенных трезвучий, которые становятся не просто красочными гармоническими вкраплениями, а принципиально важным элементом драматургии. В традиционной системе они воспринимались как неустойчивые образования, требующие разрешения, однако у Бетховена они обретают самостоятельную функцию. Такие аккорды лишены ясного тонального центра и могут свободно перемещаться между различными тональностями, создавая эффект неопределённости. В разработке первой части именно увеличенные трезвучия становятся опорными точками: их повторяющееся появление разрушает ощущение тональной устойчивости и создает напряжённый драматизм [5].

Ор. 111: Тритоновые замены

В третьей вариации второй части Ор. 111 происходит необычный гармонический ход: тритоновые замены. Тритон традиционно считался «дьявольским» интервалом за свою нестабильность. В классической гармонии он требует разрешения. Но у Бетховена он используется как сознательное средство замены доминантовой функции.

Так, в III вариации вместо ожидаемого возврата к тонике появляется аккорд находящийся на тритоновом расстоянии, создающий ощущение перемещения в другую сторону музыкального полотна.

3. Критика и наследие

Поздние фортепианные сонаты Бетховена были восприняты современниками с недоумением, иногда – с открытым раздражением. Эти произведения далеко выходили за пределы эстетических ожиданий начала XIX века, ломая привычные представления о форме, фактуре, мелодике и гармонии. Однако именно в этом радикализме заключалась их историческая сила. Не понятые при жизни композитора, поздние сонаты стали фундаментом для новаторских направлений XX века – от атональной музыки до минимализма.

Современники: непонимание и страх перед «неисполнимым»

Первым и, пожалуй, наиболее характерным примером критической реакции стал комментарий Антона Феликса Шиндлера, друга Бетховена. В 1824 году он писал о поздних сонатах как о произведениях «едва ли испол-

няемых» и «лишённых связи с человеческим восприятием». Особенно его смущали техническая сложность, насыщенность контрапунктом и нестандартные формы. Он утверждал, что музыка стала «недоступной ни уму, ни слуху» и будто бы «намеренно отдаляется от исполнителя» [6].

Шиндлер не один так считал. Многие слушатели и музыканты начала XIX века воспринимали поздние сонаты как музыкальные ребусы или даже как «болезненные» свидетельства ума, оторвавшегося от реальности. Музыка, созданная без физического слуха, вызывала не восхищение, а тревогу. Она казалась антисоциальной, непонятной, даже пугающей.

Влияние: от Шёнберга до Стива Райха

Ситуация радикально изменилась в XX веке. Композиторы-авангардисты стали рассматривать позднего Бетховена как источник идей, предвосхитивших их собственные поиски.

Альбан Берг, ученик Шёнберга, называл Op. 111 «началом современной музыки». А Арнольд Шёнберг видел в позднем стиле Бетховена зачатки атонального мышления – прежде всего в свободном обращении с тональностью, в разрушении функциональной гармонии и в использовании контрапункта как основного структурного элемента. Особенно влияние заметно в трактовке формы: вместо развития – вариация и трансформация; вместо устойчивости – постоянное внутреннее напряжение.

Поздние бетховенские фуги, особенно в Op. 106 и Op. 110, вдохновили Шёнберга на создание собственных фуг, уже вне рамок тональности. В своём эссе «Брамс – прогрессивный композитор» он фактически продолжает линию, берущую начало у позднего Бетховена: традиционная форма становится материалом для внутреннего преобразования.

Другим направлением влияния стал минимализм – музыкальный стиль, возникший в США в 1960-х годах. Композиторы вроде Стива Райха и Филипа Гласса черпали вдохновение в идее вариативной репетиции, заложенной в финале Op. 111. Вторая часть этой сонаты (*Arietta*) построена как наслаение и изменение простой темы – каждая вариация немного изменяет ритм, фактуру, интонацию, но не выходит за пределы исходного мотива. Это движение вглубь, а не вперёд, поразительно близко к технике фазовых сдвигов и постепенных изменений, характерных для Райха.

Таким образом, Бетховен не просто завершает эпоху классицизма – он её вскрывает изнутри, оставляя след на протяжении двух последующих столетий. Его поздние сонаты становятся лабораторией идей, откуда вырастают как романтические поиски Брамса и Листа, так и радикальные эксперименты XX века [7].

Заключение

Поздние сонаты Бетховена – это больше, чем музыкальные произведения. Это – свидетельство предельных возможностей человеческого со-

знания, его способности адаптироваться, преодолевать физические ограничения и создавать новые формы мышления. Лишённый слуха, Бетховен не только не перестал сочинять, но вошёл в фазу наивысшей творческой концентрации. Его внутренняя акустика, освобождённая от внешнего контроля, породила музыку, существующую вне слуха как физиологической функции – музыку, построенную на нейропластичности, глубинном воображении и интеллектуальной силе.

Гармония, форма, фактура – всё это перестаёт быть просто техническими элементами и становится выражением внутреннего опыта, духовного движения и умственной свободы.

Он не просто адаптировался к глухоте – он превратил её в источник сверхчувствительности, трансформировав свою потерю в достоинство.

Библиографический список

1. Рамис Ганиев. «Как Бетховен писал музыку, если был глухим?». 2024.
2. Виталий Шапилов. «Новый этап развития фуги в творчестве Бетховена». 2014.
3. Инна Дурнева. «Поздние фортепианные сонаты Л. Бетховена: к вопросу о постижении и исполнительском воплощении идейно-художественных концепций и основных параметров стиля». 2014. 20 с.
4. Юлий Кремлев. «Бетховен. Соната для фортепиано № 32».
5. Арнольд Альшванг. «Людвиг ван Бетховен. Очерк жизни и творчества». 1977. С. 344-345.
6. Питер Трергер. «Шиндлер о Бетховене и Листе. Контекстуальные доказательства». 2011.
7. Левон Акопян. «Чем Бетховен был для авангарда (и чем авангард стал для Бетховена)». 2021.
8. Юшин И.В. Управление персоналом в современной бизнес-организации // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 9 (207). С. 29-39.
9. Никитина Ю.С. Психологические аспекты эффективного обучения в системе высшего образования // Альманах Казачество. 2025. № 86 (5). С. 89-92.
10. Яковлева Е.Е. Трансформация ресурсной ловушки: почему богатство не всегда приносит процветание // Альманах «Крым». 2025. № 50. С. 111-117.

References

1. Ramis Ganiev. "How Did Beethoven Write Music If He Was Deaf?". 2024.
2. Vitaly Shapilov. "A New Stage in the Development of the Fugue in Beethoven's Works." 2014.
3. Inna Durneva. "L. Beethoven's Late Piano Sonatas: On the Question of the Comprehension and Performance Embodiment of Ideological and Artistic Concepts and Basic Parameters of Style." 2014. 20 p.
4. Yuli Kremlev. "Beethoven. Piano Sonata № 32".
5. Arnold Alschwang. "Ludwig van Beethoven. An Essay on His Life and Work." 1977. P. 344-345.
6. Peter Tröger. "Schindler on Beethoven and Liszt. Contextual Evidence." 2011.
7. Levon Akopyan. "What Beethoven Was for the Avant-Garde (and What the Avant-Garde Became for Beethoven)." 2021.
8. Yushin I.V. HR management in a modern business organization // Etnosotsium and international culture. 2025. № 9 (207). P. 29-39.
9. Nikitina Y.S. Psychological aspects of effective learning in higher education // Almanac Cossacks. 2016. № 86 (5). P. 89-92.
10. Yakovleva E.E. Transforming the resource trap: why wealth doesn't always bring prosperity // Almanac «Crimea». 2025. № 50. P. 111-117.

Васильченко А.В.

Кандидат культурологии, доцент кафедры «История и культурология», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Комсомольский-на-Амуре государственный университет», г. Комсомольск-на-Амуре.

Средства и приемы языкового манипулирования в рекламных текстах*

Аннотация. Целью работы являлось исследование основных средств и приемов языкового манипулирования в рекламных текстах, их специфики и влияния на целевую аудиторию. Было проанализировано психологическое воздействие рекламы на чувственно-эмоциональную сферу, установки и стереотипы личности, а также на формирование картины мира потребителей. В работе также рассматривались средства выразительности (тропы и стилистические фигуры), оказывающие манипулятивное воздействие на сознание потенциальных покупателей. Выявлено, что изучение средств и приёмов языкового манипулирования в рекламе позволяет повышать эффективность рекламных инструментов и маркетинговых коммуникаций, разрабатывать новые стратегии по продвижению товаров и услуг, а также адаптировать их к изменениям, происходящим на современном рынке.

Ключевые слова: языковое манипулирование, текст, слоган, реклама, средства выразительности, троп, стилистическая фигура.

Vasilchenko A.V.

Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of History and Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State University, Komsomolsk-on-Amur.

Means and techniques of language manipulation in advertising texts

Abstract. The purpose of the work was to study the main means and techniques of linguistic manipulation in advertising texts, their specifics, and their impact on the target audience. The paper analyzed the psychological effects of advertising on the sensory and emotional sphere, attitudes, and stereotypes of individuals, as well as on the formation of consumers' worldviews. The work also examined the means of expression (trope and stylistic figures) that have a manipulative effect on the minds of potential buyers. It has been revealed that studying the means and techniques of linguistic manipulation in advertising allows us to increase the effectiveness of advertising tools and marketing communications, develop new strategies for promoting goods and services, and adapt them to the changes taking place in the modern market.

* © Васильченко А.В., 2025.

Key words: language manipulation, text, slogan, advertisement, means of expression, trope, stylistic figure.

В настоящее время языковое манипулирование является важным инструментом воздействия рекламы на восприятие, чувства и поведение потребителей. Анализ механизмов такого манипулирования в рекламных текстах представляет большую актуальность и значимость для специалистов, работающих в сфере рекламы и связей с общественностью, так как позволяет им разрабатывать более эффективные маркетинговые стратегии для успешного продвижения товаров и услуг на потребительском рынке. **Актуальность** данной темы обусловлена тремя важными факторами.

1 Увеличением психологического и экспрессивного воздействия рекламы на восприятие целевой аудитории с целью активизации к ним внимания со стороны потенциальных потребителей [2].

2 Формированием благоприятного имиджа продукта, в результате чего повышается эффективность продвижения рекламируемых товаров и услуг. «Культура и имидж оказывают существенное влияние на эффективность предпринимательской деятельности в обществе» [10].

3 Защитой потребительских прав от недобросовестной, навязчивой рекламы [4].

Цель работы: исследовать основные средства и приемы языкового манипулирования в текстах рекламы, выявить их специфику и влияние на целевую аудиторию.

Манипулирование представляет собой неявное воздействие на личность, основной задачей которого является формирование выгодного для манипулятора поведения объекта воздействия, то есть ему необходимо получить желаемое любой ценой. В основе манипуляции заложены психологические и эмоциональные принципы, которым довольно сложно противостоять [5].

Языковое манипулирование – это отбор и использование средств и приёмов речи с целью определенного воздействия на собеседника или целевую аудиторию [3]. Оно используется во многих общественных сферах: политике, экономике, медицине, а также бытовом общении. Часто, разговаривая друг с другом, мы пытаемся кого-то в чем-то убедить, навязать свою точку зрения, свой взгляд на проблему и ее решение. Реклама же считается целиком манипуляторной сферой применения языка, так как в ее основе заложен принцип оказания воздействия на потребителей в пользу товара, то есть реклама должна стимулировать покупателей к приобретению рекламируемого продукта. Реклама также относится и к сфере искусства, она использует в своём арсенале средства и приемы художественной

выразительности. Однако, эти средства и приемы направлены на более эффективное продвижение товаров и услуг на рынке сбыта. «Рыночные отношения, пронизывающие всю систему социокультурного бытия современного человека, трансформируют в том числе её самую креативную и иррациональную сферу – сферу производства художественных ценностей, сферу искусства» [7].

Существует три основных приема языкового манипулирования, которым следует реклама. Назовем их.

- 1 Психологическое воздействие на чувственно-эмоциональную сферу.
- 2 Воздействие на установки и стереотипы.
- 3 Формирование определенной, выгодной картины мира.

Рассмотрим эти принципы подробнее. В рекламе большое значение имеет **психологическое воздействие на чувственно-эмоциональную составляющую** личности человека [6]. Очень важно, при составлении рекламных текстов и слоганов, обращаться именно к положительным эмоциям и чувствам, чтобы потенциальный потребитель мог формировать в своем подсознании положительные ассоциации и связывать их с рекламируемым товаром. Для достижения этой задачи необходимо использовать:

- слова с положительным значением: *успешный, богатый, счастливый, выгодный, деньги, достаток, доход, прибыль, приобретение, здоровье, долголетие, красота, наслаждение* и т.п.;

- слова, которые имеют воздействующий характер на зрительные, слуховые, обонятельные, осязательные, вкусовые ощущения и рецепторы: *вкусный, свежий, сочный, ароматный, хрустящий, сливочный, прекрасный, чудесный, нежный, неотразимый* и т.п.

Приведем примеры словосочетаний, используемых в рекламе: *быть богатой и успешной, выгодный июнь, линейка счастливых ароматов, сливочный поцелуй, самый вкусный и хрустящий, самый свежий, сочное чудо, свежее дыхание, наслаждение совершенством, неповторимость вкуса, нежнее нежного* и т.п.

Воздействие рекламы на установки и стереотипы. Человек – это общественное существо, поэтому для него значительную роль имеют социальные стереотипы, установки и принципы, принятые в обществе, которые оказывают влияние на его самооценку, самоутверждение, а также на формирование благоприятного, позитивного имиджа.

В настоящее время в обществе большое значение имеют такие характеристики личности, как преуспевание в профессии и карьере, презентабельная внешность и успешное тело, которые включают в себя целый комплекс приёмов, делающих человека приятным и успешным в обществе. Реклама часто манипулирует подобными характеристиками внешнего вида, поведения и социальными установками, что находит выражение в следующих позициях. Назовем их.

Позиция 1. Ухоженность, красота, забота о себе, о своей внешности, и, в связи с этим, популяризация индустрии красоты, бьюти-технологий, косметических средств, косметических процедур и т.п. При этом многие речевые фразы строятся в форме констатации факта, внушения или утверждения, не допускающего возражения. Приведём примеры.

Ухоженные руки – результат постоянной заботы.

Руки – визитная карточка женщины.

Блестящее настроение – блестящая ты.

Красота должна быть натуральной.

Ведь ты этого достойна.

Вы достойны самого лучшего.

Строим лицо.

Позиция 2. Стремление к лидерству, богатству, успеху в карьере. Такая реклама навязывает идеи успешного бизнеса, абсолютного успеха, материальных ценностей и благополучия. Предложения строятся в основном в виде констатации факта, либо в виде побуждения к определённому действию: *стань, построй, подпишись, позаботься, приобрети, купи, будь, попробуй* и т.п. Приведём примеры.

Сапон. Ставка на лидера.

Nivea for Men: Для мужчин, способных позаботиться о себе.

Ноутбуки Sharp: Новая формула успеха.

Adrenaline Rush. Все ты можешь. Абсолютная энергия твоего успеха.

Инна Кхан. Мы строим успешный бизнес. Построй жизнь, которой ты будешь гордиться.

Стань успешным в нашей компании!

Позиция 3. Включенность в группу известных личностей, профессионалов, общественную элиту или причастность к ним. На основе этой позиции построена реклама туалетной воды «Мэр», само название которой уже диктует идею принадлежности социальной элите.

Туалетная вода «Мэр». Энергия свершений... Этот аромат был создан к 850 столицы и посвящен мэру города Москвы. Он является органичным продолжением московской линии ароматов, которая постоянно разрабатывается «Новой Зарей». «Мэр» – аромат для тех, в ком спокойствие сочетается с энергией, устойчивость с динамизмом, кто знает цену времени и быстр в своих решениях, кто верен друзьям и достойно отвечает противникам, кто окружает любимую заботой и не упустит свое счастье.

Приведем еще примеры.

Лих. Мыло красоты для звезд экрана.

Max Factor International. Косметика для профессионалов.

Формирование определенной, выгодной картины мира. Каждый человек имеет определенное мировоззрение, миропредставление, взгляды и ценности. Производители рекламы создают собственные версии окру-



Рисунок 1. Реклама сока «Тонус».

задачи реклама использует повелительное наклонение или обращение в виде вопроса к потенциальным покупателям. Приведем пример рекламы сока «Тонус». На картинке изображен красивый пейзаж, зеленая трава и деревья, счастливая Милла Йовович с ослепительной улыбкой и речевая фраза в повелительном наклонении: «Будь в тонусе!». Данная реклама транслирует следующую идею: чтобы чувствовать себя счастливой, находиться в состоянии отличной физической формы, высокой активности и работоспособности, как Милла Йовович, необходимо пить сок под названием «Тонус».

Реклама может диктовать нам свои варианты решения тех или иных проблем, а также свои принципы и идеи. Также реклама оказывает значительное влияние на формирование общественных, духовных и материальных ценностей, а главное – культуры потребления. Приведем пример.

Реклама «Сальваторе Феррагамо» начинается с перечисления реальных фактов, касающихся известных личностей, что уже является манипуляцией. Затем это перечисление переходит в разговор о рекламируемом товаре, и, таким образом, потребитель включается в ситуацию потребления.

Обувной бутик «Сальваторе Феррагамо». Глория Свенсон предпочитала классическую обувь. Марлен Дитрих, наоборот, стремилась к авангардному дизайну. Ингрид Бергман комфортно чувствовала себя на низких каблуках. А балерина Алисия Маркова всегда возила с собой два чемодана туфель на высоченных шпильках. Какую обувь предпочитаете Вы? Каким бы ни был Ваш ответ, она, безусловно, должна быть комфортной. И Вам есть, где найти свою заветную пару. В сентябре в Москве открылся бутик самого знаменитого обувщика XX века Сальваторе Феррагамо.

Помимо приёмов, в рекламных произведениях также активно используются и специальные **средства** выразительности, которые также оказывают манипулятивное, психологическое воздействие на сознание потребителей. К ним относятся в основном тропы и стилистические фигуры.

Троп – это слова или выражения, употребленные в переносном значении и используемые для характеристики какого-либо явления, предмета, свойства и т.п. Главной задачей тропа является создание художественного

жающей действительности и выдают их за реальные или предлагают собственную трактовку различным событиям и ситуациям [8]. Реклама нам показывает не объективную картину мира, а ее интерпретацию, она навязывает определенные ценности, установки и нормы поведения. Нередко, для достижения этой

образа и придание тексту эмоционально-воздействующего характера.

В текстах рекламы используются такие тропы, как **эпитет, метафора, гипербол, литота, олицетворение и ирония.**

Эпитет представляет собой образное, экспрессивное, красочное определение в прямом или переносном значении. В эпитете часто присутствуют коннотативные значения, которые выражают отношения автора к тому или иному предмету или явлению. Особенностью использования эпитетов в рекламных текстах является то, что они призваны вызвать у потенциальных потребителей определенные положительные ассоциации и таким образом сформировать благоприятный имидж рекламируемого продукта. Данный троп в рекламных текстах выражается в таких словах: *нежный, яркий, шикарный, изящный, богатый, мощный, эффективный, чистый, революционный, новейший, успешный, непревзойдённый, уникальный, комфортный, прогрессивный, передовой, дерзкий, элегантный, стильный, четкий, ультрамодный, соблазнительный, ослепительный, фантастический, шокирующий, подлинный, сказочный* и др. Приведем примеры.

*Камера D-Link Omnia 180 Cam HD сочетает опыт компании D-Link в области производства устройств видеонаблюдения с удобством технологии Apple HomeKit. **Стильное, изящное** устройство, которое превосходно впишется в любой интерьер... (Реклама камеры D-Link Omnia 180 Cam HD) [1, 111].*

*Динамик Beats Pill+ полностью портативен и наполняет комнату **богатым и чистым** звучанием – удивительно **мощным и чётким. Стильный** интерфейс Beats Pill+ интуитивно понятен и открывает совершенно новые возможности для совместного прослушивания музыки. (Реклама бренда Beats Pill) [2].*

Метафора является способом переосмысления основного значения слова на основании аналогии, сходства двух явлений [9]. Особенностью употребления метафоры в рекламных произведениях заключается в ее двухкомпонентности: лексическом значении и формируемом образе. Образность в рекламном тексте играет основную роль в привлечении и удержании внимания целевой аудитории, так как переводит обычный текст в мир чувств, эмоций и ассоциаций. Данная особенность дает возможность метафоре выражать в рекламе не только экспрессию, образность и эмоциональность, но и главное – интригу. Потенциальные потребители должны сами догадаться, о чем идет речь, что же такое интересное рекламируется в данном тексте. Иными словами, метафора как бы становится своеобразным «крючком», который захватывает внимание потенциального потребителя, стимулирует его воображение, побуждает остановиться и вникнуть в суть рекламного предложения. Таким образом метафора превращает сухую информацию в интересную, красочную, живописную картинку, повышает эффективность рекламного сообщения, делает его более оригинальным,

впечатляющим и запоминающимся. Приведем примеры наиболее удачных, на наш взгляд, метафор, используемых в рекламных произведениях: *вкусная сказка, аттракцион неслыханной щедрости, парад скидок, мотор для желудка, жирные цены, сладкие цены, сочная музыка, сочный звук, радуга ароматов, золотой источник вкуса, океан мебели, волна удовольствия, планета детства, магия цвета, море блаженства, нежность в тонком переплете, океан выбора, магия кофе, вулкан удачи, мир вкуса, сила цвета, сливочный поцелуй, сочное чудо, окунишь в новый вкус* и т.п.

Гипербола (намеренное преувеличение) используется для оказания впечатления и интенсификации воздействия на целевую аудиторию. Особенностью использования гиперболы в рекламе заключается в чрезмерном преувеличении каких-либо свойств, качеств, признаков предметов, процессов, явлений, а также состояний (размера, силы, значимости) для создания иллюзии уникальности и высокого качества, например, это такие выражения: *убирает пятна лучше, чем десять других средств; самый быстрый интернет во вселенной; этот шампунь дарит 100% объем; не просто чисто, а чистота в квадрате; не просто свежесть, а свежесть на весь день; этот гаджет заменит вам десять других устройств; почувствуйте невероятную свежесть на целый день; этот крем стирает морщины за одну ночь; очистите весь дом за пять минут* и т.п.

Приведем еще примеры.

Одна улыбка на миллион. (Реклама стоматологической клиники «Имидж»).

С Tele2 нет черных дыр в бюджете – мы против космических цен на нашей планете. (Реклама оператора Tele2).

Миллионы цветов для разных событий и настроения или идеально белый свет, который подойдет для любого занятия. (Реклама светодиодных ламп LIFX).

Лечение гриппа и ОРВИ в полном объёме. (Реклама лекарственного препарата «Эргоферон») [1].

Менее часто, по сравнению с гиперболой в рекламных произведениях используется **литота**, которая представляет собой намеренное преуменьшение качеств, характеристик, свойств, состояний предметов или явлений. Особенностью использования литоты в рекламе является:

- создание определенного эффекта;
- формирование легкого и непринуждённого настроения;
- подчеркивание ненавязчивости и скромности рекламируемого товара или услуги.

Приведем примеры литоты в рекламных текстах: *кредит за копейки; этот смартфон не самый дорогой; вы, возможно, не заметите нашего кондиционера для волос; это не самый дорогой продукт на рынке; наш продукт может и не имеет всех функций, но делает свою работу отлично;*

дешевле только даром; неплохо для такой маленькой цены, не правда ли?

Литота в рекламе может также использоваться для создания и усиления восприятия потребителей контраста между преуменьшением и реальным преимуществом товара или услуги, например, *совсем немного сладости – и хорошее настроение обеспечено вам на целый день*.

Олицетворение выражается в том, что неодушевленному предмету, отвлеченному понятию или явлению природы приписываются свойства или качества живого существа. Специфика использования олицетворения в рекламных текстах характеризуется реализацией функции воздействия на потребителей и обращенностью к целевой аудитории, созданием достоверной, комфортной атмосферы. Приведем примеры.

Кофе приглашает тебя к новому дню!

Звонки внутри сети минуты не украдут.

Пристрели голод!

Тариф не кусается.

Не спи – разбуди мозги!

Техника тебя ждет!

Цены не кусаются.

Квартиры ждут своих хозяев.

Умный тариф подстроится под вас.

Здесь живут деньги.

Довольно часто в рекламе используется **ирония**, суть которой заключается в том, что слова и выражения употребляются в значении прямо противоположному прямому смыслу. Ирония часто используется в высказываниях, содержащих положительную оценку, которую сам автор отвергает. Особенность употребления иронии в рекламе заключается в том, что слова и выражения имеют саркастическое значение и используются для того, чтобы создать оригинальный злободневный слоган и, таким образом, привлечь внимание общественности к событиям, поступкам, поведению людей и т.п. Приведем примеры.

Вылез на забитый перекресток? Молодец! Теперь все вокруг тоже будут стоять.

Повернул из второго ряда? Круто! Все с нетерпением ждут, что ты еще выкинешь.

Не пропустил девушку? Ты мужик! Теперь она испортит вечер своему парню.

Тупишь в левом при свободных правых? Поздравляем! Ты царь баранов.

Пей! Кури! Естественный отбор уже начал.

Куришь? Кури больше.

Стилистические фигуры представляют собой группы слов, которые также, как и тропы, используются для усиления эмоционального воздействия устной или письменной речи. В рекламных произведениях наиболее

часто используются **антитеза, риторический вопрос, повторы**.

Антитеза является противопоставлением. Она строится по типу резкого контраста в тексте, что дает возможность выделить те или иные особенности рекламируемого продукта и акцентировать на них внимание потребителей. Приведем примеры.

Минимум пространства, максимум возможностей. (Реклама смартфона Benq Siemens).

Утром энергичные ножи. Вечером расслабленные ножи (Реклама крема «Венозон»).

Плати мало – получай много. (Интернет-реклама продвижения сайта).

Чем больше – тем дешевле. (Реклама стоматологического центра).

Ваша улыбка – наша работа! (Реклама стоматологической клиники).

Деда Мороза нет, а скидки есть! (Реклама Донстроя)

Следующим популярным средством выразительности в рекламных текстах является **риторический вопрос**, который выражается в виде вопросительного предложения. Риторический вопрос задается не с целью получения на него ответа, а с целью психологического, манипулятивного воздействия на целевую аудиторию и эмоционального усиления текста. Риторические вопросы, используемые в рекламе, выполняют, как правило, функцию привлечения внимания. Они акцентируют внимание на главном смысле рекламного произведения, стимулируют размышления покупателей в нужном направлении и подталкивают их к определенным выводам, а главное – действиям, касающихся покупки рекламируемых товаров или услуг. Приведем примеры.

Переплачивать не надоело?

Спорим, у нас дешево круглый год?

Потерялись на рынке недвижимости?

Не хочешь платить дорого?

Зачем выбирать оператора?

Кто знает Европу лучше нас?

Разве ты мышь?

Какой осмотр важнее?

А если найду?

Кто не подведет? Мы ждём от него многого: чтобы освежал, заряжал энергией, а главное – защищал от неприятного запаха на протяжении всего дня. Дезодорант, just do it!

Во многих рекламных слоганах используется **лексический повтор**, выражающийся в повторении одного и того же слова в речевом высказывании, а также встречаются **анафора** и **эпифора**, заключающиеся в намеренном повторении начала или конца фразы. Приведем примеры.

Скорость убивает. Сбросьте скорость на пешеходном переходе.

Мы ничего не добавляем. Вы ничего не прибавляете.

На полу **треска** – зато пол без **треска**.

Улыбка **меняет** жизнь! Мы **меняем** улыбки!

SALE, SALE, SALE

Охота, когда всем **охота**.

Это не курица, **это** хаваецца.

Ты – не **ты**, когда голод.

Лучше делать **уникальные** дома, чем **уникальные** предложения.

Крутым парням – **крутой** процент!

Использование повторов имеет большую значимость для рекламы, так как повторение определенных слов активизирует внимание людей, способствует лучшему запоминанию текста и дает возможность более длительному закреплению информации в сознании потенциальных потребителей.

В некоторых рекламных текстах могут использоваться сразу несколько изобразительно-выразительных средств, например, риторический вопрос и повтор.

*Знаете ли Вы, что Вашу кожу можно «ремонтировать»? **Без волнений. Без операций. Без лишних затрат** (Реклама косметики от EsteeLauder).*

Братъ или не **братъ**? Конечно **братъ** (Реклама МТС).

В заключение следует отметить, что исследование средств и приёмов языкового манипулирования в рекламе позволяет повышать эффективность рекламных инструментов, разрабатывать новые стратегии по продвижению товаров и услуг и адаптировать их к изменениям, происходящим на современном рынке. Анализ особенностей языкового манипулирования также дает возможность создавать этичную рекламу, способствующую защите прав потребителей, и, в связи с этим, повышать эффективность маркетинговых коммуникаций, что представляет особую важность в условиях высокой конкуренции на потребительском рынке.

Библиографический список

1. Бай Г. Аргументативная модель рекламного текста: лингвориторический аспект: специальность 10.02.01 «Русский язык»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бай Ган. – Волгоград, 2021. 295 с.
2. Курочкина А.М. Аргументативная модель рекламного текста (на материале рекламы гостиничных услуг) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 1. С. 177-181.
3. Мошкова О.Б. Языковое манипулирование в рекламе // Вопросы общего языкознания и теории текста: Сборник научных статей / Ответственные редакторы Н.В. Кормилина, Н.Ю. Шугаева. – Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2018. С. 53-57.
4. Пригарина Н.К. Аргументативная модель рекламного текста: лингвориторический аспект / Н.К. Пригарина, Г. Бай // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5 (84). С. 422-425.
5. Романенко Я.Н. Влияние языка рекламы на современный русский язык (на материале слоганов телевизионной коммерческой рекламы) // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2007. № 1. С. 108-115.
6. Сайкина Е.А. Языковое манипулирование в сфере рекламы // Проблемы повышения эффективности научной работы в оборонно-промышленном комплексе России: Материалы

- VII Всероссийской научно-практической конференции, Знаменск, 11–12 апреля 2024 года. – Астрахань: Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, 2024. С. 390-394.
7. Тимофеева И.Ю. Театр между «зрелищем» и «рынком»: учреждение культуры в контексте современных культурных индустрий // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2024. № 4 (76). С. 27-32.
8. Толмачев А.В. Языковое манипулирование в сфере рекламы / А.В. Толмачев, М.Н. Зырянова // Университетская наука в решении задач национальной безопасности и технологического суверенитета: Материалы региональной (межвузовской) студенческой научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.И. Манякина, Омск, 02 ноября 2023 года. – Омск: Омский государственный аграрный университет имени П.А. Столыпина, 2023. С. 559-563.
9. Тоницой Ю.С. Речевое воздействие и языковое манипулирование в рекламе // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: материалы XVI Студенческой научно-практической конференции, Москва, 12 апреля 2019 года / Российский университет дружбы народов. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2019. С. 136-138.
10. Усанов Г.И. Методологические основы развития организационной культуры бизнеса / Г.И. Усанов, М.А. Финогеев // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2023. № 4 (68). С. 31-37. – DOI 10.17084/20764359-2023-68-31.

References

1. Bai G. Argumentative model of an advertising text: linguo-rhetorical aspect: specialty 10.02.01 "Russian language": dissertation for the degree of candidate of philological sciences / Bai Gan. – Volgograd, 2021. 295 p.
2. Kurochkina A.M. Argumentative model of an advertising text (based on the advertising of hotel services) // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2018. № 1. P. 177-181.
3. Moshkova O.B. Linguistic manipulation in advertising // Issues of general linguistics and text theory: Collection of scientific articles / Editors-in-chief N.V. Kormilina, N.Yu. Shugaeva. – Cherbokhsary: Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovleva, 2018. P. 53-57.
4. Prigarina N.K. Argumentative Model of Advertising Text: Linguistic-Rhetorical Aspect / N.K. Prigarina, G. Bai // The World of Science, Culture, Education. 2020. № 5 (84). P. 422-425.
5. Romanenko Ya.N. The Influence of Advertising Language on the Modern Russian Language (Based on the Slogans of Television Commercials) // News of Higher Education Institutions. Problems of Printing and Publishing. 2007. № 1. P. 108-115.
6. Saykina E.A. Linguistic manipulation in the field of advertising // Problems of increasing the efficiency of scientific work in the military-industrial complex of Russia: Proceedings of the VII All-Russian scientific and practical conference, Znamensk, April 11-12, 2024. – Astrakhan: Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, 2024. P. 390-394.
7. Timofeeva I.Yu. Theater between "spectacle" and "market": the institution of culture in the context of modern cultural industries // Scientific notes of Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 2024. № 4 (76). P. 27-32.
8. Tolmachev A.V. Linguistic manipulation in the field of advertising / A.V. Tolmachev, M.N. Zyryanova // University Science in Solving Problems of National Security and Technological Sovereignty: Proceedings of the Regional (Interuniversity) Student Scientific and Practical Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of S.I. Manyakin, Omsk, November 2, 2023. – Omsk: Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin, 2023. P. 559-563.
9. Tonitsay Yu.S. Speech Influence and Linguistic Manipulation in Advertising // Actual Problems of the Russian Language and Methods of Its Teaching: Proceedings of the XVI Student Scientific and Practical Conference, Moscow, April 12, 2019 / Peoples' Friendship University of Russia. – Moscow: Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 2019. P. 136-138.
10. Usanov G.I. Methodological foundations for the development of organizational business culture / G.I. Usanov, M.A. Finogeev // Scientific notes of Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 2023. № 4 (68). P. 31-37. – DOI 10.17084/20764359-2023-68-31.

Захарова В.А.

Младший научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИКСА РАН (Институт Китая и современной Азии Российской академии наук).

Креативная трансформация: традиционные образы в современной визуальной культуре Филиппин*

Аннотация. Статья посвящена креативной трансформации в современной визуальной культуре Филиппин – процессу, в котором традиционные образы, фольклор и ремесла получают новое значение в искусстве, кино и моде. Цель работы – показать, как культурное наследие используется в новых формах творчества и становится не только частью культуры, но и источником экономического роста.

Результаты показывают, что обращение к традиции в современной филиппинской культуре – это осознанное стремление сохранить и лучше понять национальную идентичность. Художники, режиссеры и дизайнеры используют мифологических персонажей, народный промысел и традиционные костюмы, создавая новые формы самовыражения. Государственная поддержка помогает развивать творческие профессии и сохранять культурное наследие.

По данным статистического управления Филиппин, креативная экономика обеспечивает около 7% ВВП страны и создает рабочие места более чем для семи миллионам человек. Это доказывает, что творчество и традиция становятся важными факторами развития. Креативная трансформация помогает не только сохранить культуру, но и создавать новые рабочие места, поддерживать региональные сообщества и укреплять имидж страны в мире.

В заключение отмечается, что современная визуальная культура Филиппин соединяет прошлое и настоящее, традицию и инновации. Фольклор становится живым источником вдохновения, способом самопознания и важной частью устойчивого развития общества.

Ключевые слова: Филиппины, визуальная культура, фольклор, постколониальная идентичность, креативная экономика, культурное наследие, искусство, кино, мода, ремесла.

Zakharova V.A.

Junior Research Fellow, Center for Vietnam and Asian studies of ICMA RAS.

Creative transformation: traditional imagery in the contemporary visual culture of the Philippines

Abstract. The article explores the phenomenon of creative transformation in the contemporary visual culture of the Philippines – a process in which traditional imagery, folklore, and crafts acquire

* © Захарова В.А., 2025.

Креативная трансформация: традиционные образы в современной визуальной культуре Филиппин

new meaning in art, cinema, and fashion. The purpose of the study is to show how cultural heritage is integrated into new forms of creativity, becoming not only part of national culture but also a source of economic growth.

The results demonstrate that the turn to tradition in modern Filipino culture reflects a conscious effort to preserve and better understand national identity. Artists, filmmakers, and designers reinterpret mythological figures, folk crafts, and traditional attire to create new forms of expression. Government support plays an important role in promoting creative professions and preserving cultural heritage.

According to the Philippine Statistics Authority, the creative economy accounts for about 7% of the country's GDP and provides employment for more than seven million people. This confirms that creativity and tradition are becoming key factors of national development. Creative transformation not only helps preserve culture but also generates jobs, supports regional communities, and strengthens the country's image in the global arena.

In conclusion, the study highlights that contemporary visual culture in the Philippines bridges the past and the present, combining tradition with innovation. Folklore emerges as a living source of inspiration, a means of self-discovery, and an essential part of the nation's sustainable development.

Key words: Philippines, visual culture, folklore, postcolonial identity, creative economy, cultural heritage, art, cinema, fashion, crafts.

В последние десятилетия на Филиппинах все заметнее формируется особая культурная тенденция – стремление соединить традицию и современность, народное наследие и новые формы творчества. В условиях активного взаимодействия с глобальными культурными потоками обращение к фольклору, народным ремеслам и мифологическим сюжетам перестает восприниматься как проявление архаичности. Напротив, оно становится инструментом осмысления национальной идентичности и способом включения локальной культуры в мировое культурное пространство.¹ Современные художники, режиссеры, дизайнеры и ремесленники не копируют прошлое, а превращают его в источник вдохновения и средство культурного самовыражения. Именно это движение – творческое возрождение традиции – составляет суть процесса, который можно определить как креативную трансформацию. Значимость процессов креативной трансформации на Филиппинах подтверждается и объективными экономическими показателями. Согласно данным Статистического управления Филиппин, в 2024 году объем национальной креативной экономики достиг 29,3 млрд долл. США или 7% ВВП Филиппин. Этот сектор обеспечил занятость для более чем 7,2 миллиона человек, став одной из наиболее динамично развивающихся отраслей национальной экономики².

1 *Eslit J.* The Continuum of Filipino Cultural Identity [Текст] // *Journal of Philippine Studies*. 2024. Vol. 12. № 3.

2 *Philippine Statistics Authority.* Creative Economy Statistics [Электронный ресурс] / Philippine Statistics Authority. // URL: <https://psa.gov.ph/statistics/creative-economy> (Дата обращения: 28.10.2025).

Принятие закона Republic Act No. 11904 «О развитии креативных индустрий» закрепило за государством обязательство поддерживать творческие профессии, охранять права авторов и мастеров, а также развивать отрасли, где главным ресурсом выступают человеческое воображение, художественное мастерство и интеллектуальный труд³.

Согласно определению статистического управления, креативная экономика охватывает широкий круг видов деятельности, где решающим фактором выступает творческое начало: от искусства, моды, музыки и ремесел до архитектуры, кино, рекламы, цифрового контента и гастрономии. При этом именно традиционные культурные формы – ремесла, народные праздники, обрядовые практики и фольклорные мотивы – составляют более трети занятости в рамках креативных индустрий.

Филиппинская модель творческой экономики сегодня развивается на пересечении двух направлений. С одной стороны, сохраняются глубинные культурные коды – народные ремесла, мифологические персонажи, традиционные образы в одежде и архитектуре. С другой – активно растут новые формы выражения, основанные на технологиях и медиа: мода, кино, цифровое искусство, дизайн и реклама. Эта взаимосвязь особенно важна в контексте постколониального опыта Филиппин, где на протяжении столетий происходила борьба между навязанными культурными моделями и собственными формами самовыражения. Сегодня же именно обращение к фольклору и традиционным символам становится способом восстановления культурного суверенитета, укрепления идентичности и выхода на мировую сцену с уникальным визуальным языком.

Возрождение фольклора в современном искусстве

Современное филиппинское искусство переживает очевидный ренессанс фольклорных мотивов, которые становятся не просто эстетическим приемом, а формой культурной рефлексии и способом восстановления национальной идентичности. После десятилетий, когда западная визуальная традиция задавала стандарты художественного производства, филиппинские художники, режиссеры и дизайнеры вновь обращаются к мифологическим архетипам, создавая собственный язык – одновременно традиционный и экспериментальный.

В этом процессе особую роль играет возврат к устной традиции – к фигурам и образам, которые веками существовали в коллективном воображении народа: асванг, тианак, Мария Макилинг, капре и другие. Эти персонажи, прежде обитавшие в устных легендах, песнях и сказаниях, обретают новую жизнь в экспозициях, кинопроектах, комиксах и цифровом искусстве. Они перестают быть частью суеверий и становятся символами культурной устойчивости, отражающими способность общества сохра-

³ Republic Act No. 11904. [Электронный ресурс] // URL: https://lawphil.net/statutes/repacts/ra2022/ra_11904_2022.html (Дата обращения: 28.10.2025).

нять смысл даже в условиях глобализации и колониального давления⁴. Так, в 2024 году в Маниле прошла выставка «Tabi-Tabi Po...»⁵, ставшая одним из заметных художественных событий года. Ее авторы – Нил Манало, Хоселито Джандайан, Доктор Карайом и другие представители нового поколения художников – интерпретировали традиционные филиппинские легенды через язык сюрреализма, аллегории и черного юмора. Центральной идеей экспозиции стала взаимосвязь повседневного и мифического, а также вопрос: существует ли фольклор в современном городе, где граница между реальным и цифровым все чаще размывается? Картины и скульптуры художников не воспроизводили сюжет напрямую, а, напротив, показывали, что миф живет внутри современного человека – в его страхах, мечтах, внутренней раздвоенности.

В том же направлении работает художник Марполо Кабрера, представивший в 2025 году в галерее национальной комиссии по делам культуры и искусства проект «Божественные миры: мифологические божества Филиппин»⁶. В его творчестве духи и божества филиппинского пантеона – Батхала, Лакапати, Идап, Магвайен – предстают не в традиционном иконографическом виде, а в виде абстрактных визуальных структур, соединяющих материю, звук и движение. М. Кабрера использует трехмерные материалы, экспериментирует со светом и звуком. Цель автора – не реконструкция древнего культа, а возврат утраченного чувства сакральности, актуализация фольклора как пространства диалога поколений⁷. Подобные выставки становятся не просто художественными событиями, но и культурными манифестами. Именно в этих проектах проявляется «новая постколониальная чувствительность»: вместо того чтобы избегать свое «языческое» прошлое, художники переосмысляют его как фундамент подлинной филиппинской идентичности. Не случайно в 2023 году Национальная комиссия по культуре и искусству включила в число приоритетов программы, направленные на переосмысление народного наследия и его интеграцию в современные формы искусства. Среди реализованных проектов – фестивали “*Alamat Magrakailanman*” (пер. «Легенды навсегда») и “*Alamat: Revisiting Philippine Folklore*” (пер. «Легенды: возвращение к филиппинскому фольклору»), в которых традиционные сюжеты переосмысляются через театр, живопись и цифровые перформансы. Эта политика

4 Eslit J. The Continuum of Filipino Cultural Identity [Текст] // Journal of Philippine Studies. 2024. Vol. 12. № 3.

5 Фраза “tabi-tabi po” на филиппинском языке – это вежливое обращение к духам природы или невидимым существам, произносимое, когда человек проходит через лес, под деревьями, у реки или по незнакомой местности.

6 Оригинальное название “Divine Realms: Philippine Mythological Deities”

7 Artists explore and reinterpret Philippine folklore in new exhibit [Электронный ресурс] // The Tribune. 2024. // URL: <https://tribune.net.ph/2024/11/04/artists-explore-and-reinterpret-philippine-folklore-in-new-exhibit> (Дата обращения: 28.10.2025).

отражает осознание того, что фольклор – не музейный экспонат, а живой ресурс национальной креативности, который может быть интегрирован в архитектуру, моду, живопись и цифровые медиа⁸.

Показательно, что фольклорные сюжеты сегодня находят воплощение и за пределами традиционного искусства. Скульптуры, инсталляции и цифровые проекты превращаются в формы визуального повествования о культурной памяти и идентичности. Так, в 2024 году филиппинский художник Карло Магиранг представил в Линкольн-центре в Нью-Йорке серию скульптур “Ma-na-pang-gal”, созданную с использованием технологий 3D-печати и генеративного искусственного интеллекта. Вдохновленный образом мифологического существа мананангаль⁹, К.Магиранг трактует его не как чудовище, а как метафору разрыва и разделенности – между телом и духом, между родиной и миграцией, между прошлым и будущим. В его интерпретации легенда становится аллегорией экономического и культурного отчуждения, переживаемого миллионами филиппинцев, покидающих страну в поисках работы. Яркие цвета и футуристическая пластика скульптур выражают надежду на воссоединение – с землей, семьей и культурой, – превращая миф в современную утопию и акт культурного исцеления¹⁰.

Уличное искусство на Филиппинах за последние годы также стало частью культурной жизни. Одним из наиболее заметных коллективов филиппинской стрит-арт сцены является “Gerilya”. Их серия “Pundasyon” (пер. «Основание») изображает исторических фигур, среди которых до-испанский правитель Манилы Раджа Сулейман и революционные герои. Муралы размещены на 20-метровых опорах путепровода в Маниле. Символика очевидна: герои истории, кто-то реальный, кто-то уже мифический буквально поддерживают город – как визуально, так и метафорически. В другом проекте – “Ang Bakunawa at Minokawa” (пер. «Бакунава и Минокава») – художники обращаются к древним мифологическим существам: морскому дракону Бакунава, пожирающему луну, и небесной птице Минокава, связанной с солнцем и светом. Городские стены становятся своеобразными страницами, на которых филиппинцы снова вспоминают местные мифы и легенды¹¹.

8 Luzon Art Fair 2024 Showcases Filipino Folklore Through the “Alamat Magpakailanman” Exhibit [Электронный ресурс] // *Pressenza*. – 09 окт. 2024. // URL: <https://www.pressenza.com/2024/10/luzon-art-fair-2024-showcases-filipino-folklore-through-the-alamat-magpakailanman-exhibit/> (Дата обращения: 28.10.2025).

9 Мананангаль – мифологическое существо филиппинского фольклора, которое днем выглядит как женщина, а ночью отделяет верхнюю часть тела, превращаясь в крылатое чудовище, охотящееся на людей.

10 The Reimagination of Philippine Folklore by Carlo Maghirang [Электронный ресурс] // *Vogue Philippines*. – 27 мар. 2024. // URL: <https://vogue.ph/lifestyle/art/carlo-maghirang-reimagines-philippine-folklore-for-the-lincoln-center/> (Дата обращения: 28.10.2025).

11 Philippine Street Art Scene [Электронный ресурс] // *StreetArtNews* – 13 авг. 2021. // URL:

Фольклор на экране

Филиппинская киноиндустрия также находится в процессе переосмысления фольклора и народных верований, превращая их в часть массовой культуры. Если в середине XX века фольклорные мотивы использовались преимущественно в жанре ужасов – как в фильмах *“Tiyanak”* («Тианак», 1988)¹² или *“Aswang”* («Асванг», 1992)¹³, – то в XXI веке они обрели гораздо более сложную и многослойную трактовку. Сегодня народная мифология находит воплощение в самых разных жанрах – от драмы и фэнтези до анимации и сериалов, где духи, божества и герои древних легенд становятся символами культурного сопротивления и национального самопознания. Как отмечает исследователь Дж. Баррет, автор популярного проекта *“The Aswang Project”*, образ чудовищ и духов в филиппинском сознании никогда не был просто проявлением страха. Напротив, эти фигуры отражали глубинные представления народа о добре и зле, о гармонии с природой, о хрупкости человеческой жизни. Испанская колонизация привела к демонизации этих существ, однако вера в них не исчезла, а лишь сменила формы: от сельских поверий до символики в массовой культуре. Сегодня именно экранное искусство возвращает этим персонажам их исконную роль – посредников между мирами, хранителей народной памяти.

Наиболее заметным примером этого нового этапа стала анимационная адаптация графического романа *“Trese”* («Тресе», 2021), рассказывающая о девушке-детективе, ведущей расследования в мире духов и потусторонних существ Манилы. В сериале фольклорные персонажи – асванг, тикбаланг, капре, тианак – не всегда антагонисты, а носители определенной этической и культурной логики. Они существуют параллельно с современным мегаполисом, напоминая зрителю, что мифологическое прошлое не исчезло, а живет в той же реальности. Проект *“Trese”* стал важным шагом к интернационализации филиппинской культуры: впервые национальная мифология была представлена глобальной аудитории.

Не менее значимо для внутреннего культурного рынка развитие телевизионных фэнтези-сериалов, таких как *“Encantadia”* («Энкантадиа»), *“Mulawin”* («Мулавин»), которые с начала 2000-х годов формируют особый тип филиппинского теленарратива – синтез фольклора, мелодрамы и героического эпоса. Эти сериалы создали целую вселенную «фэнтези» персонажей в духе современной мифологии: их истории продолжают развиваться в ремейках, комиксах, мобильных играх, и многие филиппинцы воспринимают их как новых фольклорных героев. Особенно *“Encantadia”* стала

<https://streetartnews.net/2021/08/philippine-street-art-scene.html> (Дата обращения: 28.10.2025).

12 Тианак (Tiyanak) – демон в облике младенца, который заманивает людей плачем и нападает, превращаясь в чудовище.

13 Асванг (Aswang) – оборотень-вампир филиппинского фольклора, который днём выглядит как человек, а ночью охотится на людей.

символом возвращения интереса к собственным легендам и эстетике – с ее вниманием к орнаменту, цветовой символике и мифическим языкам.

Телесериал *“Mga Lihim ni Urduja”* («Тайны Урдухи», GMA Network, 2023) также стал хитом филиппинского телевидения¹⁴. Нарратив строился на сюжетной связке «настоящее – мифологическое прошлое»: две героини, участвующие в специальной правоохранительной операции, разыскивают ювелирные изделия доиспанского периода, приписываемые легендарной правительнице XIV века Урдухе, и постепенно обнаруживают собственную генеалогическую связь с этой фигурой. Режиссер Джоррон Ли Монрой выстроил визуальную риторику на контрасте. Монтажные склейки между настоящим и реконструированными эпизодами доиспанского прошлого формируют эффект «сквозной истории», где легенда не противопоставлена современности, а идет на равне с настоящим. Телесериал «Тайны Урдухи» можно квалифицировать как показательный кейс креативной трансформации.

В последние годы фольклорная тематика выходит за пределы традиционных жанров. В сериале *“Arcangel: Awit ng Pangil at Kiko”* («Арсанджель: песнь клыка и когтя», 2024) элементы фольклора сплетены с лором супергероев, где главный персонаж получает силы от древнего духа-хранителя. Проект соединяет массовую культуру, эстетику комиксов и мифологические сюжеты, предлагая зрителю актуальный способ разговора о добре, зле и социальной справедливости¹⁵. Особое место в этом ряду занимает долгожданный анимационный проект *“Sun Chasers”* («В погоне за солнцем», 2025), созданный режиссером и художником Бобби Понтиласом, ранее участвовавшим в работе над мультфильмами «Моана» для студии Disney¹⁶. Мультфильм вошел в программы международных фестивалей. Он представляет из себя синтез приключенческого нарратива, образовательной составляющей и даже культурной дипломатии. Сюжет объединяет историю подростка, ищущего свет, с миром филиппинских духов и преданий. Визуальный язык фильма строится на сочетании анимационной выразительности и мотивов филиппинской природы, ремесел, орнамента и символики солнца как источника жизни и веры.

По мнению обозревателей журнала *Vogue Philippines* (2025), *“Sun*

14 Mga Lihim ni Urduja – Full Episodes [Электронный ресурс] // GMA Network. // URL: https://www.gmanetwork.com/fullepisodes/home/mga_lihim_ni_urduja?section=home (Дата обращения: 28.10.2025).

15 GMA Pictures to produce ‘Ella Arcangel’ animated film set to drop in 2026 [Электронный ресурс] // *GMA News Online*. – 25 окт. 2025. // URL: <https://www.gmanetwork.com/news/lifestyle/hobbiesandactivities/963715/gma-pictures-to-produce-ella-arcangel-animated-film-set-to-drop-in-2026/story/> (Дата обращения: 28.10.2025).

16 New Filipino Animated Series “Sun Chaser” Is Making Waves Globally Ahead of Its Release [Электронный ресурс] // *WhenInManila*. – 09 июн. 2025. // URL: <https://www.wheninmanila.com/new-filipino-animated-series-sun-chaser/#gsc.tab=0> (Дата обращения: 28.10.2025).

Chasers” стал важным шагом в развитии национальной анимации: проект доказывает, что фольклор способен стать не только материалом для ужасов или легенд, но и современным инструментом обучения, эмоционального воспитания и репрезентации национального сознания. Здесь анимация становится не просто развлечением, а новой формой культурной дипломатии – «мягкой силы», через которую Филиппины утверждают себя в мировом культурном пространстве.

Трансформация традиционных образов в моде

Современная филиппинская мода представляет собой одно из ключевых направлений креативной экономики, где процессы культурной реинтерпретации наиболее наглядно отражают динамику национальной идентичности. В последние годы мода перестала рассматриваться исключительно как коммерческое или эстетическое явление – она все чаще осмысливается как инструмент культурной памяти, способ соединения фольклорных архетипов и современных форм визуального выражения.

Наиболее заметным примером институционализированного обращения к традиции является проект “TernoCon”, который организует и проводит Культурный центр Филиппин. Цель этого ежегодного конкурса – сохранение и адаптация национального костюма – терно. Однако современный формат “TernoCon” выходит за рамки сохранения формы: он предполагает культурное переосмысление традиции через синтез ремесленных техник, современных материалов и концептуального дизайна¹⁷.

В рамках конкурса филиппинские дизайнеры вдохновлялись произведениями национальных художников – Фернандо Аморосо, Бенедикто Кабреры (Бенкаба) и архитектора Леандро Локсина. Их коллекции представляли собой не только модные показы, а художественные исследования, в которых ткань рассматривалась как средство интерпретации живописи, скульптуры и архитектуры¹⁸.

Каждый наряд становился своего рода визуальным «переводом» произведений искусства на язык моды. При этом в коллекциях сохранила связь с фольклорными мотивами, символикой и визуальными кодами национальной культуры, что превратило моду в форму культурного высказывания, объединяющую прошлое и настоящее.

Не менее показательен пример конкурса Miss Universe Philippines 2025, где национальные костюмы участниц были вдохновлены персонажами

17 TernoCon 2025: Filipino Art and Architecture On The Catwalk [Электронный ресурс] // *Vogue Philippines*. – 27 янв. 2025. // URL: <https://vogue.ph/fashion/runway/ternocon-2025-filipino-art-and-architecture/> (Дата обращения: 28.10.2025). (vogue.ph)

18 Ternocon 2025 wraps up with fashion runway, continues to foster the Filipino Terno's timeless legacy [Электронный ресурс] // Cultural Center of the Philippines. – 20 янв. 2025. // URL: <https://culturalcenter.gov.ph/press-release/ternocon-2025-wraps-up-with-fashion-runway-continues-to-foster-the-filipino-ternos-timeless-legacy/> (Дата обращения: 28.10.2025).

филиппинской мифологии – Бакунавой, Икапати, Сантельмо. Каждое платье несло интерпретацию определенного мифологического образа, в том числе через использование характерных цветовых кодов, вышивки и текстур. Через подбор цветов, орнаментов, текстур и вышивки дизайнеры стремились передать характер и смысл конкретного мифического персонажа, превращая подиум в пространство культурного рассказа¹⁹.

Подобные проекты демонстрируют переход филиппинской моды от внешнего, декоративного цитирования этнических элементов к осмысленной работе с символическим наследием.

Ключевым аспектом этого процесса является связь модной индустрии с традиционным ремеслом. Использование тканей, созданных местными ткачами, ручной вышивки и природных материалов способствует не только сохранению нематериального наследия, но и вовлечению региональных сообществ в экономические процессы. По данным статистического управления Филиппин (2024), направление, включающее текстиль, одежду, аксессуары и предметный дизайн, занимает второе место по числу занятых в креативных индустриях страны, уступая лишь сектору традиционных культурных выражений.

Заключение

Современная визуальная культура Филиппин демонстрирует собственный процесс креативной трансформации, в котором традиционные формы, образы и символы обретают новое содержание, становясь частью динамичного культурного и экономического пространства. Возрождение интереса к фольклору, ремеслам и мифологическим сюжетам не является простым воспоминанием прошлого – напротив, это проявление способности общества адаптировать свое наследие к современным условиям, превращая его в ресурс самопознания и развития.

Этот процесс имеет не только культурное, но и экономическое измерение. Творческие индустрии формируют значимую часть национального ВВП и обеспечивают миллионы рабочих мест, включая представителей традиционных ремесел и сообществ, связанных с производством культурных продуктов. В этом смысле креативная экономика выступает не просто как сектор, а как модель устойчивого развития, основанная на взаимодействии культурной памяти и технологического прогресса.

Креативная трансформация традиционных образов в искусстве, кино и моде свидетельствует о становлении на Филиппинах нового типа культурного мышления – постколониального и самоопределенного, в ко-

19 Standout Miss Universe Philippines 2025 National Costumes According to Style Experts [Электронный ресурс] // *PhilSTAR Life*. – 03 май 2025. // URL: <https://philstarlife.com/style/865752-standout-miss-universe-philippines-2025-national-costumes> (Дата обращения: 28.10.2025).

тором миф становится языком современности, а традиция – пространством для поиска будущего. В этом процессе фольклор превращается из объекта изучения в субъект культурного действия: он не только хранит прошлое, но и формирует новые смыслы, укрепляя национальную идентичность и обеспечивая присутствие филиппинской культуры в мировом культурном диалоге.

Библиографический список / References

1. Eslit J. The Continuum of Filipino Cultural Identity // Journal of Philippine Studies. 2024. Vol. 12. № 3.
2. Philippine Statistics Authority. Creative Economy Statistics [Электронный ресурс] / Philippine Statistics Authority. // URL: <https://psa.gov.ph/statistics/creative-economy> (Дата обращения: 28.10.2025).
3. Republic Act No. 11904. [Электронный ресурс] // URL: https://lawphil.net/statutes/repacts/ra2022/ra_11904_2022.html (Дата обращения: 28.10.2025).
4. Artists explore and reinterpret Philippine folklore in new exhibit [Электронный ресурс] // The Tribune. – 2024. // URL: <https://tribune.net.ph/2024/11/04/artists-explore-and-reinterpret-philippine-folklore-in-new-exhibit> (Дата обращения: 28.10.2025).
5. Luzon Art Fair 2024 Showcases Filipino Folklore Through the “Alamat Magpakailanman” Exhibit [Электронный ресурс] // Pressenza. – 09 окт. 2024. // URL: <https://www.pressenza.com/2024/10/luzon-art-fair-2024-showcases-filipino-folklore-through-the-alamat-magpakailanman-exhibit/> (Дата обращения: 28.10.2025).
6. The Reimagination of Philippine Folklore by Carlo Maghirang [Электронный ресурс] // Vogue Philippines. – 27 мар. 2024. // URL: <https://vogue.ph/lifestyle/art/carlo-maghirang-reimagines-philippine-folklore-for-the-lincoln-center/> (Дата обращения: 28.10.2025).
7. Philippine Street Art Scene [Электронный ресурс] // StreetArtNews – 13 авг. 2021. // URL: <https://streetartnews.net/2021/08/philippine-street-art-scene.html> (Дата обращения: 28.10.2025).
8. Mga Lihim ni Urduja – Full Episodes [Электронный ресурс] // GMA Network. // URL: https://www.gmanetwork.com/fullepisodes/home/mga_lihim_ni_urduja?section=home (Дата обращения: 28.10.2025).
9. GMA Pictures to produce ‘Ella Arcangel’ animated film set to drop in 2026 [Электронный ресурс] // GMA News Online. – 25 окт. 2025. // URL: <https://www.gmanetwork.com/news/lifestyle/hobbiesandactivities/963715/gma-pictures-to-produce-ella-arcangel-animated-film-set-to-drop-in-2026/story/> (Дата обращения: 28.10.2025).
10. New Filipino Animated Series “Sun Chaser” Is Making Waves Globally Ahead of Its Release [Электронный ресурс] // WhenInManila. – 09 июн. 2025. // URL: <https://www.wheninmanila.com/new-filipino-animated-series-sun-chaser/#gsc.tab=0> (Дата обращения: 28.10.2025).
11. TernoCon 2025: Filipino Art and Architecture On The Catwalk [Электронный ресурс] // Vogue Philippines. – 27 янв. 2025. // URL: <https://vogue.ph/fashion/runway/ternocon-2025-filipino-art-and-architecture/> (Дата обращения: 28.10.2025). (vogue.ph)
12. Ternocon 2025 wraps up with fashion runway, continues to foster the Filipino Terno’s timeless legacy [Электронный ресурс] // Cultural Center of the Philippines. – 20 янв. 2025. // URL: <https://culturalcenter.gov.ph/press-release/ternocon-2025-wraps-up-with-fashion-runway-continues-to-foster-the-filipino-ternos-timeless-legacy/> (Дата обращения: 28.10.2025).
13. Standout Miss Universe Philippines 2025 National Costumes According to Style Experts [Электронный ресурс] // PhilSTAR L!fe. – 03 май 2025. // URL: <https://philstarlife.com/style/865752-standout-miss-universe-philippines-2025-national-costumes> (Дата обращения: 28.10.2025).

Зенина Л.В.

Кандидат педагогических наук, доцент. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.

Герасименко Т.Л.

Старший преподаватель. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.

Стрижова Е.В.

Старший преподаватель. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.

Конструирование идентичности как социокультурный аспект виртуального обучения*

Аннотация. В статье рассматривается социокультурный аспект виртуального обучения как элемент сложного социального феномена, охватывающего процессы конструирования идентичности, формирования онлайн-сообществ и преодоления цифрового неравенства. Авторами анализируются ключевые термины и концепции, подчеркивается важность учета социокультурного контекста при разработке и реализации программ виртуального обучения для обеспечения его эффективности и доступности для всех категорий обучающихся.

Ключевые слова: виртуальное обучение, социокультурный аспект, цифровая идентичность, онлайн-сообщество, цифровое неравенство, социальная инклюзия, педагогический дизайн.

Zenina L.V.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor. Plekhanov Russian University of Economics.

Gerasimenko T.L.

Senior Lecturer. Plekhanov Russian University of Economics.

Strizhova E.V.

Senior Lecturer. Plekhanov Russian University of Economics.

Constructing identity as a sociocultural aspect of virtual learning

* © Зенина Л.В., Герасименко Т.Л., Стрижова Е.В., 2025.

Конструирование идентичности как социокультурный аспект виртуального обучения

Abstract. The article examines the sociocultural aspect of virtual learning as an element of a complex social phenomenon that encompasses the processes of identity construction, the formation of online communities, and the overcoming of digital inequality. The authors analyze key terms and concepts, emphasizing the importance of considering the sociocultural context when developing and implementing virtual learning programs to ensure their effectiveness and accessibility for all categories of learners.

Key words: virtual learning, sociocultural aspect, digital identity, online community, digital inequality, social inclusion, pedagogical design.

Введение

Виртуальное обучение, или онлайн-образование, перестало быть просто альтернативой традиционному обучению, превратившись в неотъемлемую часть современной системы образования. Развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и глобальная цифровизация обусловили широкое распространение виртуальных форм обучения, открывающих новые возможности для доступа к знаниям и расширения образовательного пространства. Однако, наряду с преимуществами, виртуальное обучение ставит перед нами и новые вызовы, связанные с социокультурными аспектами этого процесса. Как известно, одной из ключевых задач образования является не только передача знаний и умений, но и социализация индивида, его включение в систему социокультурных отношений и формирование идентичности. В контексте виртуального обучения этот процесс приобретает новые особенности, обусловленные спецификой цифровой среды, характеризующейся анонимностью, глобальной коммуникацией, мультикультурностью.

Основная часть

В основе исследования лежат теоретические концепции социокультурной теории обучения Л.С. Выготского, теории социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана, а также теории идентичности Э. Эриксона.

Л.С. Выготский подчеркивал, что развитие личности происходит в процессе взаимодействия с социокультурной средой. «В психическом развитии ребенка взаимодействие есть нечто большее, чем просто влияние. Взаимодействие создает новые формы психической жизни, определяет развитие» [1, с. 36]. В контексте виртуального обучения это означает, что цифровое пространство является не просто инструментом передачи знаний, но и активной средой, формирующей личность обучающегося.

П. Бергер и Т. Лукман в своей теории социального конструктивизма утверждают, что социальная реальность конструируется в процессе взаимодействия людей и институтов. «Знание социально конструируется.

Иными словами, значение приписывается объектам и событиям через социальное взаимодействие и интерпретацию» [2, с. 3]. Говоря о виртуальном обучении можно утверждать, что идентичность обучающегося формируется в процессе взаимодействия с другими участниками образовательного процесса, а также с цифровыми артефактами и контентом.

Э. Эриксон в своей теории психосоциального развития выделяет кризис идентичности как ключевой этап в развитии личности. «Идентичность предполагает ощущение собственной уникальности, а также ощущение принадлежности к определенной социальной группе» [3, с. 61]. При этом, в виртуальном обучении кризис идентичности может проявляться особенно остро, поскольку обучающийся сталкивается с необходимостью адаптироваться к новой социокультурной среде, где традиционные социальные ориентиры могут быть размыты.

Социокультурный аспект виртуального обучения охватывает широкий спектр вопросов, связанных с влиянием культуры, социальных норм и ценностей на процессы обучения и взаимодействия в онлайн-среде. В частности, он включает в себя изучение процессов конструирования цифровой идентичности, формирования онлайн-сообществ, преодоления цифрового неравенства и обеспечения социальной инклюзии в виртуальном образовательном пространстве.

Конструирование цифровой идентичности в виртуальном обучении. В виртуальной среде обучающиеся конструируют свою цифровую идентичность, которая представляет собой совокупность представлений о себе, формирующихся и проявляющихся в онлайн-пространстве. Цифровая идентичность может отличаться от реальной идентичности человека, позволяя ему экспериментировать с различными ролями и представлениями о себе. Как отмечает Шерил Туркл (Sherry Turkle) в своей работе «Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet», «Интернет предлагает нам возможность переосмыслить себя, создать новые идентичности и экспериментировать с различными аспектами нашей личности» [4, с. 177].

Конструирование цифровой идентичности в виртуальном обучении представляет собой амбивалентный процесс, в котором потенциал для расширения образовательных возможностей и повышения вовлеченности обучающихся соседствует с рисками дезинформации, дезинтеграции. Анонимность и возможность экспериментирования с различными социальными ролями, предоставляемые виртуальной средой, могут стимулировать креативность, способствовать преодолению коммуникативных барьеров и активизировать участие в дискуссиях, особенно среди обучающихся, испытывающих трудности в традиционных образовательных форматах. Однако, бесконтрольное самовыражение в цифровом пространстве может приводить к формированию искаженного восприятия собственной личности и окружающих, а также создавать благоприятную

почву для кибербуллинга, троллинга и других деструктивных форм взаимодействия.

Поэтому педагогический дизайн виртуальных курсов должен опираться на принципы социоконструктивизма и медиапедагогики, интегрируя в учебный процесс методы и приемы, направленные на осознанное формирование цифровой идентичности и развитие позитивной онлайн-культуры. Одним из таких методов является подача информации с помощью историй. Данный метод представляет собой технологию донесения информации, ценностей или идей через повествование, которое вызывает эмоциональный отклик и помогает аудитории лучше понять и запомнить послание. Метод рассказа позволяет обучающимся конструировать нарративы о себе и своем опыте в виртуальной среде, развивая навыки саморефлексии и самопрезентации. Важным элементом является создание виртуальных сообществ, где обучающиеся могут обмениваться опытом, обсуждать интересующие их вопросы и получать поддержку от сверстников и преподавателей. При этом необходимо использовать техники модерации, способствующие установлению доверительных отношений и предотвращению конфликтов.

Развитие критического мышления и медиаграмотности является ключевым компонентом формирования устойчивой и адаптивной цифровой идентичности. В образовательный процесс необходимо интегрировать методы проблемного обучения, направленные на анализ и оценку информации, получаемой из различных онлайн-источников. Дебатные форматы и дискуссионные клубы позволяют обучающимся развивать навыки аргументации, критической оценки и толерантного отношения к различным точкам зрения. Целесообразно использовать метод анализа конкретных ситуаций, связанных с формированием цифровой идентичности и поведением в онлайн-среде.

Обучение правилам цифровой этики и безопасности должно осуществляться с использованием интерактивных симуляций и ролевых игр, позволяющих обучающимся на практике осваивать навыки безопасного и ответственного поведения в виртуальной среде. Метод «перевернутого обучения» может использоваться для ознакомления обучающихся с основными принципами цифровой этики и безопасности до начала занятий, что позволяет использовать аудиторное время для обсуждения сложных вопросов и решения практических задач. Важно привлекать экспертов в области цифровой безопасности и медиаграмотности для проведения вебинаров и мастер-классов, на которых обучающиеся могут получить актуальную информацию и задать интересующие их вопросы.

Формирование онлайн-сообществ в виртуальном обучении. Онлайн-сообщества играют важную роль в виртуальном обучении, обеспечивая социальную поддержку, обмен знаниями и опытом, а также формирование

чувства принадлежности к группе. Как отмечает Жан Лив (Jean Lave) и Этьен Венгер (Etienne Wenger) в своей теории «сообществ практики», «обучение происходит в контексте социальных взаимодействий и участия в деятельности сообщества» [5, с. 98].

Онлайн-сообщества в виртуальном обучении могут формироваться на основе различных критериев, таких как общие интересы, учебные цели, профессиональная принадлежность и т.д. Они могут функционировать в различных форматах, включая форумы, чаты, социальные сети и виртуальные классы. Важно, чтобы онлайн-сообщества были организованы таким образом, чтобы способствовать активному участию всех членов, обмену мнениями и опытом, а также совместному решению проблем.

Однако, формирование эффективных онлайн-сообществ требует целенаправленных усилий со стороны преподавателей и организаторов обучения. Необходимо создавать условия для регулярного взаимодействия и общения между обучающимися, стимулировать их участие в дискуссиях и проектах, а также обеспечивать модерацию и поддержку онлайн-сообщества.

Цифровое неравенство и социальная инклюзия в виртуальном обучении. Цифровое неравенство представляет собой неравный доступ к ИКТ и цифровым ресурсам, а также неравные возможности использования этих технологий для получения образования, информации и других благ. Цифровое неравенство может быть обусловлено различными факторами, такими как социально-экономический статус, географическое положение, возраст, пол, этническая принадлежность и т.д.

Цифровое неравенство является серьезным вызовом для виртуального обучения, поскольку оно ограничивает доступ к образованию для определенных категорий обучающихся и усиливает социальное неравенство. Как отмечает Марк Варшауэр (Mark Warschauer) в своей работе «Technology and Social Inclusion: Rethinking the Digital Divide», «цифровое неравенство – это не просто проблема доступа к технологиям, но и проблема доступа к знаниям, навыкам и возможностям, которые эти технологии предоставляют» [6, с. 6].

Для преодоления цифрового неравенства и обеспечения социальной инклюзии в виртуальном обучении необходимо принимать комплекс мер. Преодоление цифрового неравенства и обеспечение социальной инклюзии в парадигме виртуального обучения детерминирует необходимость внедрения комплексного и стратифицированного подхода, охватывающего технологические, педагогические и социокультурные аспекты.

Первостепенной задачей является нивелирование дифференциации в доступе к базовой цифровой инфраструктуре и релевантным технологиям. Это подразумевает не только обеспечение физической доступности аппаратных средств и высокоскоростного интернет-соединения, но и га-

рантирование их равнодоступности для всех категорий обучающихся, вне зависимости от их географического локуса, социально-экономического статуса или наличия ограниченных возможностей здоровья. Релевантным представляется разработка и внедрение программ целевого субсидирования интернет-трафика для семей с низким уровнем дохода, применение льготных механизмов приобретения вычислительной техники, а также создание и поддержание функционирования сети общедоступных центров цифрового доступа в географически изолированных или социально депривированных регионах. Критически важным представляется учет потребностей обучающихся с особыми образовательными потребностями, что предполагает адаптацию виртуальных образовательных платформ и дидактического контента посредством ассистивных технологий и специализированного программного обеспечения, обеспечивающего доступность информации для всех категорий пользователей.

Вторым ключевым направлением является разработка и внедрение инклюзивных педагогических стратегий и практик, основанных на принципах универсального дизайна обучения (UDL - Universal Design for Learning). Это предполагает адаптацию дидактического контента и методологических подходов к гетерогенным стилям обучения, индивидуальным потребностям и поликультурному контексту обучающихся. Необходимо учитывать лингвистическое и образовательное разнообразие, разрабатывая многоязычные образовательные ресурсы и предоставляя специализированную поддержку для обучающихся, не владеющих языком обучения в достаточной степени. Приоритетным является активное использование методов интерактивного обучения, таких как проектно-ориентированное обучение, коллаборативное обучение и взаимообучение, стимулирующих когнитивную активность, социальное взаимодействие и обмен опытом между всеми участниками образовательного процесса. Особое значение приобретает создание безопасной и поддерживающей сетевой среды, характеризующейся атмосферой доверия, взаимоуважения, а также дающей возможность получения оперативной помощи и поддержки от преподавателей и соучеников.

Третьим структурным элементом является развитие цифровой компетентности и медиаграмотности у всех субъектов образовательного процесса. Это подразумевает не только формирование навыков использования информационно-коммуникационных технологий, но и развитие критического мышления, способности к анализу и оценке информации, а также формирование культуры безопасного и ответственного поведения в цифровом пространстве. В этой связи для преподавательского состава необходимо разработать и реализовать программы повышения квалификации, ориентированные на освоение современных образовательных технологий, развитие навыков дистанционного преподавания и стимулирование он-

лайн-коммуникации. Для обучающихся необходимо проведение специализированных тренингов и семинаров, направленных на формирование навыков эффективного поиска, критической оценки и обработки информации, а также развитие культуры цифровой этики и информационной безопасности.

Четвертым неотъемлемым компонентом является мониторинг и оценка эффективности реализуемых мер, направленных на преодоление цифрового неравенства и обеспечение социальной инклюзии. Данный компонент предполагает систематический сбор и анализ данных о доступности цифровой инфраструктуры, уровне участия различных социально-экономических групп в виртуальном обучении, а также об их академической успеваемости и удовлетворенности образовательным процессом. На основе полученных данных необходимо разрабатывать и внедрять адресные программы и инициативы, направленные на поддержку обучающихся, нуждающихся в дополнительной помощи и ресурсах.

Заключение

В заключение следует подчеркнуть, что социокультурный аспект виртуального обучения представляет собой нелинейную и динамически развивающуюся систему взаимодействий, формирующую образовательный опыт обучающихся в цифровой среде. Его сложность и многогранность требуют междисциплинарного подхода, объединяющего усилия исследователей, педагогов-практиков, разработчиков образовательных технологий и организаторов системы образования. Интеграция социокультурного контекста в процесс проектирования и реализации программ виртуального обучения является не просто желательным условием, а императивом для создания результативных, доступных и инклюзивных образовательных экосистем, способствующих всестороннему развитию личности, успешной социализации и формированию профессиональных компетенций, востребованных на современном рынке труда. Учет социокультурного контекста при разработке и реализации программ виртуального обучения позволяет создать более эффективные и доступные образовательные среды, способствующие личностному развитию, социализации и профессиональному росту обучающихся. Дальнейшие исследования в этой области необходимы для углубленного понимания социокультурных аспектов виртуального обучения и разработки практических рекомендаций по их учету в образовательном процессе.

Библиографический список

1. Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1982. 368 с.
2. Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge. – NY: Anchor Books, 1966.

3. Erikson E.H. Identity, Youth and Crisis. – NY: W.W. Norton & Company, 1968.
4. Turkle S. Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet. – NY: Simon & Schuster, 1995.
5. Lave J., Wenger E. Situated Learning: Legitimate Peripheral Participation. Cambridge University Press, 1991.
6. Warschauer M. Technology and Social Inclusion: Rethinking the Digital Divide. – Cambridge, MA: MIT Press, 2003.
7. Гольцов А.Н., Дедиу Е.И. Экономико-политический симбиоз: британский империализм и идеология свободной торговли как элементы единого национального проекта (вторая половина XIX века – первая треть XX века) // Альманах «Крым». 2025. № 50. С. 21-33.
8. Сулейманов А.Р. Постсоветская Евразия в большом евразийском партнёрстве // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 8 (206). С. 110-115.
9. Чиркова Е.А. Проблема ценностей в современных социальных теориях // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 6. № 87. С. 121-125.
10. Стафеев О.Н. Причины поражения и итоги вооруженных выступлений против Советской власти в Сургутском уезде в 1921 году // Власть истории – История власти. 2025. Том 11. Часть 5. № 63. С. 165-175.

References

1. Vygotsky L.S. Thinking and speech / L.S. Vygotsky. – M.: Pedagogy, 1982. 368 p.
2. Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge. – NY: Anchor Books, 1966.
3. Erikson E.H. Identity, Youth and Crisis. – NY: W.W. Norton & Company, 1968.
4. Turkle S. Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet. – NY: Simon & Schuster, 1995.
5. Lave J., Wenger E. Situated Learning: Legitimate Peripheral Participation. Cambridge University Press, 1991.
6. Warschauer M. Technology and Social Inclusion: Rethinking the Digital Divide. – Cambridge, MA: MIT Press, 2003.
7. Goltsov A.N., Dediu E.I. Economic-political symbiosis: British imperialism and the ideology of free trade as elements of a unified national project (second half of the XIX century – first third of the XX century) // Almanac "Crimea". 2025. № 50. P. 21-33.
8. Suleymanov A.R. Post-soviet Eurasia in the great Eurasian partnership // Ethnosotsium and international culture. 2025. № 8 (206). P. 110-115.
9. Chirkova E.A. The problem of values in modern social theories // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 6. № 87. P. 121-125.
10. Stafeev O.N. Reasons for the defeat and results of armed uprisings against Soviet power in the Surgut district in 1921 // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 5. № 63. P. 165-175.

Зыкова Т.В.

Научный руководитель Национального центра В.П. Астафьева в Овсянке, старший преподаватель кафедры «Информационные технологии в креативных и культурных индустриях» Гуманитарного института Сибирского Федерального Университета.

Национальный центр В.П. Астафьева как модель интерпретации литературного мира в музейной экспозиции*

Аннотация. Статья посвящена исследованию способов представления литературного мира Виктора Астафьева в экспозиции Национального центра в селе Овсянка Красноярского края. Рассматриваются концептуальные принципы построения экспозиции, включая историко-тематическую логику, автобиографичность, роль голоса писателя, мультимедиа и лейтмотив Овсянки. Анализируются тематические блоки, посвящённые ключевым произведениям («Последний поклон», «Царь-рыба», «Печальный детектив», «Затеси»), а также приёмы трансформации литературного текста в музейный объект через визуальные, звуковые и интерактивные формы. Особое внимание уделено природной и этнографической составляющей, подчёркивающей экологическую философию Астафьева. Статья подчёркивает уникальность Центра как пространства диалога, где литература обретает новую жизнь.

Ключевые слова: Виктор Астафьев, национальный центр, литературный музей, экспозиция, автобиографичность, мультимедиа, Овсянка, интерпретация текста, экология.

Zykova T. V.

Scientific Director of the V.P. Astafieva National Center in Ovsyanka, Senior Lecturer in the Department of Information Technologies in Creative and Cultural Industries at the Humanities Institute of the Siberian Federal University.

The V.P. Astafyev national center as a model for interpreting the literary world in a museum exhibition

Abstract. The article is devoted to the study of the ways of presenting the literary world of Viktor Astafyev in the exposition of the National Center in the village of Ovsyanka, Krasnoyarsk Krai. The conceptual principles of the exposition construction are considered, including the historical and thematic logic, autobiographical, the role of the writer's voice, multimedia and the leitmotif of Ovsyanka. Thematic blocks devoted to the key works ("The Last Bow", "The Kingfisher", "The Sad Detective", "The Notches") are analyzed, as well as the techniques of transforming the literary text into a museum object through visual, sound and interactive forms. Special attention is paid to

* © Зыкова Т.В., 2025.

Национальный центр В.П. Астафьева как модель интерпретации литературного мира в музейной экспозиции

the natural and ethnographic component, which emphasizes Astafyev's ecological philosophy. The article highlights the uniqueness of the Center as a space for dialogue, where literature finds new life.

Key words: Viktor Astafyev, national center, literary museum, exposition, autobiography, multimedia, ovsyanka, text interpretation, ecology.

Современные литературные музеи становятся не только хранилищами артефактов, но и активными участниками культурного диалога, способными заново оживить тексты и фигуры писателей в восприятии широкой публики. В условиях цифровизации и падения интереса к чтению, особенно среди молодёжи, музеям приходится искать новые способы коммуникации, среди которых ключевым оказывается создание многоуровневой экспозиции, способной раскрыть «мир произведений» писателя через пространственные, визуальные, звуковые и интерактивные формы. Именно такую задачу ставит перед собой Национальный центр В.П. Астафьева в селе Овсянка Красноярского края, где авторское слово, биографический опыт и эпоха соединены в цельное экспозиционное повествование.

Актуальность исследования обусловлена не только значением творчества Виктора Петровича Астафьева в русской литературе XX века, но и новизной подхода к его представлению в музейной среде. Здесь особенно важен не просто архивный или биографический взгляд, а комплексная репрезентация литературного мира писателя: с его героями, ландшафтами, болью времени, речевой интонацией и этическими вопросами. Центр становится пространством, в котором реальность и текст сливаются в единый экспозиционный образ, способный передать посетителю то, что прежде можно было только прочесть.

Целью статьи является исследование способов представления мира произведений Виктора Астафьева в экспозиции Национального центра, анализ тех форм и приёмов, которые позволяют литературному тексту обрести музейную телесность и звучание.

I. Концептуальные принципы экспозиции

Историко-тематическая логика построения экспозиции.

В основе экспозиции лежит не хронологический, а историко-тематический принцип, благодаря которому экспозиция представляет собой не последовательный рассказ о жизни Астафьева, а мозаичную структуру, выстроенную вокруг ключевых этапов и тем его творчества. Эта структура отражает событийную и смысловую канву XX века, репрезентированную в произведениях писателя: от воспоминаний детства в Овсянке до размышлений о судьбе России в финальных текстах [2, с. 347].

Основные тематические блоки экспозиции соответствуют определённым этапам жизни страны и самого писателя. Например:

- цикл о детстве в Овсянке («Последний поклон») помещён в пространство, где воспроизведена деревенская атмосфера 1920–1930-х годов;
- повесть «Перевал» сопровождается реконструкцией жизни подростков в предвоенные годы;
- темы Великой Отечественной войны визуализированы в зонах, посвящённых «Проклятым и убитым», «Весёлому солдату» и другим произведениям;
- нравственные и философские разломы 1970–1980-х годов представлены через «Царь-рыбу», «Печальный детектив», «Затеси».

Таким образом, структура экспозиции строится по принципу смыслового монтажа: тексты и образы объединяются вокруг общих исторических и нравственных тем, позволяя посетителю почувствовать «ритм эпохи» и одновременно – внутреннюю логику авторского мира.

Автобиографичность текстов как структурообразующий приём

Экспозиция Национального центра органично следует за самой природой астафьевской прозы: почти все его произведения автобиографичны. Благодаря этому, в центре экспозиции оказывается фигура самого автора – не как памятника, а как человека, проживающего свою судьбу параллельно с читателем и посетителем. Детские воспоминания, фронтовые переживания, размышления зрелых лет – всё это включено в музейное пространство не как литературный архив, а как личностное переживание [4, с. 58].

Автобиографичность позволяет строить экспозицию на пересечении личной и национальной истории. Так, рассказ о жизни писателя одновременно становится рассказом о жизни страны. Эта структура усиливается визуальными средствами: выставленные рукописи, фотографии, предметы быта, элементы деревенского и фронтового антуража создают эффект «погружения» в тексты. Авторские цитаты, встроенные в интерьер или в цифровые экраны, делают текст не только визуальным, но и телесным.

Особенность приёма заключается и в том, что Астафьев был внимателен к деталям повседневности: к запаху, вкусу, тону разговора, фактуре одежды. Всё это воссоздаётся в экспозиции через реальные предметы, звук и свет, что усиливает эффект присутствия и сопричастности.

Роль голоса писателя и мультимедиа-репрезентации («озвученная» экспозиция)

Ключевая новация Центра – использование подлинного голоса писателя как центрального повествовательного канала. Этот голос звучит на протяжении всей экспозиции: в аудиозаписях, видеоинсталляциях, в формате звуковых картин, в озвученных фрагментах текстов. Тем самым создаётся уникальный эффект «личного рассказа»: писатель становится не объектом экспозиции, а её проводником [7, с. 133].

Мультимедийные модули позволяют задействовать не только слух, но и зрение, и тактильное восприятие. Экспозиция включает:

- аудиоинсталляции, воссоздающие звуковую среду текстов (например, «война» – тема, звучащая в экспозиции о войне);
- видеоинсталляции, где визуальный ряд построен по сценарию самого писателя;
- интерактивные экраны, где посетитель может самостоятельно выбирать фрагменты текстов или комментарии к ним.

Мультимедиа используется не как украшение, а как способ «расширенного чтения». Тексты обретают многомерность, иллюстративность становятся тем, что можно услышать, увидеть, почувствовать. Это делает экспозицию особенно доступной и привлекательной для молодёжной аудитории, не склонной к чтению больших текстов.

Приём лейтмотива: возвращение к образу Овсянки

Особое место в экспозиции занимает образ Овсянки – деревни, где родился Астафьев и куда не раз возвращался в текстах. Этот образ не локализован в одном зале, а проходит через всю структуру экспозиции, становясь своеобразным лейтмотивом. Село показано как матрица мира Астафьева: здесь корни, природа, детство, язык, истоки нравственного опыта.

Экспозиционно Овсянка представлена в пяти тематических комплексах. Её ландшафт, звуки, запахи, историческое и культурное пространство воссоздаются через видео, макеты, предметы и документальные материалы. Особенность заключается в том, что реальная Овсянка включена в архитектуру Центра: окна музейных залов выходят на дом бабушки писателя и другие ключевые точки деревни.

Возвращение к Овсянке в разных блоках экспозиции создаёт эффект кольцевой композиции, где каждое новое упоминание расширяет и углубляет смысл предыдущего. Это придаёт экспозиции единство и завершённость, а образ деревни превращается в символ всей астафьевской вселенной [1, с. 219].

II. Тематические блоки экспозиции и литературные источники

«Последний поклон» и цикл о детстве в Овсянке

Детство Виктора Астафьева – не просто биографическая отправная точка, но фундамент всего его литературного мира. В экспозиции Национального центра данному периоду отведено центральное место, а его интерпретация развёрнута в нескольких тематических модулях. Один из главных – экспозиционный комплекс «Расскажу о себе сам...», оформленный как хроника жизни и творчества писателя. Он сочетает реальные биографические материалы, автокомментарии, рукописи и фрагменты произведений. Здесь голос Астафьева сопровождает посетителя от первого шага – буквально и метафорически – «по реке жизни», которая визуально и нарративно организует пространство зала.

Отдельный блок посвящён «Культурному ландшафту Овсянки» – пространству, сформировавшему этику и эстетику писателя. Воссоздана

топография деревни 1920–1930-х годов с использованием макетов, фотографий, фрагментов деревянной архитектуры, а также архивных аудиозаписей: звуки птиц, пение петухов, скрип снега, песни жителей – всё это вплетено в звуковой фон. В мультимедийной программе «Путешествие в Овсянку времени Астафьева» представлены текстовые и визуальные отсылки к конкретным эпизодам из «Последнего поклона» и других рассказов, включая «Далекая близкая сказка», «Монах в новых штанах», «Фотографию, на которой меня нет», «Конь с розовой гривой», «Гуси в полынье» [3, с. 99].

Важнейшие цитаты становятся не просто экспонатами, а направляющими смысл: «И не было у меня в жизни счастья большего, чем тогда, в Овсянке...», – звучит как эпитафия ко всему комплексу. Предметы быта, упоминаемые в текстах, – миски, чугушки, лампы, одежда – представлены либо в подлиннике, либо как реконструкции. Они комментируются авторскими цитатами.

Таким образом, экспозиция не просто иллюстрирует тексты, а раскрывает смысловую и пространственную структуру «Последнего поклона» как памятника не только литературного, но и антропологического значения: это хроника исчезающего крестьянского мира, детства как состояния и родины как символа.

«Царь-рыба»

Один из главных философских и эстетических текстов Астафьева – повесть «Царь-рыба» – представлен в экспозиции как самостоятельный модуль-притча. Здесь особое внимание уделяется способам визуализации этического конфликта, который пронизывает текст: человек против природы, человек против собственной гордыни.

Пространство модуля организовано вокруг двух образов: реки как испытания и зимовья как места откровения. Центральным элементом становится река – как аллюзия на сцену ловли рыбы и как символ одиночества героя. Вокруг – инсталляции с фрагментами природной среды, где используются реальные предметы: рыболовные снасти, артельный стол, лодка, зимовье.

Ключевой приём – звуковая и видеоинсталляция, основанная на художественном чтении текста и «аудио картинах». В одной из зон звучит голос самого Астафьева [5, с. 211].

В модуле представлены также этнографические материалы – артефакты сибирского рыболовства и охоты. Всё это подчёркивает, что «Царь-рыба» – не только повесть-притча, но и литературный документ о традиционном знании, живущем на границе природы и морали.

«Печальный детектив» и «Затеси»

Литературные тексты позднего периода творчества Астафьева – «Печальный детектив» и сборники «Затесей» – в экспозиции обрамлены в

модули «Испытание словом», «Созвучие» и «Крест бесконечный». Это сложное пространство, посвящённое социально-психологическим и нравственным проблемам: отчуждению, насилию, смысловой дезориентации общества в позднесоветское время.

Модуль «Испытание словом» построен вокруг противоречий языка: здесь представлены тексты, в которых писатель пытается прорваться к истине через боль, разоблачение, исповедь. На экранах демонстрируются разночтения, редакции, цензурные правки. Особое место занимает тема «проклятых вопросов», формулируемых автором – «Что же происходит с человеком, когда он теряет совесть?».

Модуль «Созвучие» – это мультимедийный архив, где тексты Астафьева соединены с видеокадрами, фотографиями, музыкой, фрагментами телепередач 1980-х. Он работает как параллельная реальность, где театр, кино, литература «звучит» в унисон с эпохой.

«Крест бесконечный» – экспозиция-финал, где скрещиваются темы покаяния, трагедии, разрушенной связи между поколениями. Здесь представлены личные письма, записи, фрагменты «Затесей», аудиофайлы и видео с голосом писателя.

Таким образом, эти блоки не только представляют тексты, но и становятся средством морального диалога с посетителем, заставляя его задать те же самые вопросы, что и писатель.

Природоописание и этнография в Интеллект-центре

Особое значение в экспозиции занимает природная и этнографическая составляющая мира Астафьева. Это проявляется в блоках «Мир растений по Астафьеву», «Школа тайги», «Астафьевская экология». Эти модули строятся как энциклопедия, основанная на текстах писателя, его наблюдениях и системе образов.

В «Мире растений» представлены мультимедиа-архивы с изображениями и звуками природы. Особое внимание уделено разделу «Портреты растений», где демонстрируется, как Астафьев наделяет флору почти человеческими чертами – тревожностью, нежностью, упрямством.

В «Школе тайги» воссоздана атмосфера жизненного и чувственного познания природы: от следов животных до обычаев охоты.

«Астафьевская экология» – модуль, построенный на философии устойчивого существования: природы, человека и языка. Здесь затронута тема речной и лесной катастрофы, взаимной ответственности, памяти ландшафта. Представлены тексты, посвящённые Енисею, кедр, вырубкам, исчезновению птиц [2, с. 490].

Эти блоки демонстрируют, что природа у Астафьева – не фон, а самостоятельный персонаж. Её музейное представление становится актом этического воспитания, особенно значимым в контексте экологического кризиса XXI века.

III. Способы трансформации литературного текста в музейный объект

Современный литературный музей стремится не просто экспонировать тексты и рукописи, а «переводить» литературу в язык пространства, звука, света, изображения и телесного опыта. Национальный центр В.П. Астафьева в селе Овсянка демонстрирует целый спектр приёмов трансформации литературного текста в музейный объект, опираясь на возможности интермедиа и архитектурного повествования.

Визуальные, аудиальные и мультимедийные репрезентации позволяют «оживить» текст, вывести его за пределы печатной страницы. Цитаты из произведений Астафьева становятся графическими элементами экспозиции: они нанесены на стеклянные панели, на бумагу, на ткань, звучат из динамиков, появляются на экранах в момент касания. В каждом зале функционируют аудио сопровождения, тексты произведений, озвученные как самим писателем, так и профессиональным актёрам. Слуховое восприятие дополняется видеоинсталляциями, выстроенными по композиции текстов, с точным следованием их атмосфере, смене темпа и настроений.

Макетирование и реконструкция предметного мира по описаниям Астафьева – важнейший способ материализации текста. Особенности его прозы – точное, чувственное описание вещей: от избитых эмалированных кружек до запаха валежника. Музей использует это как повод для создания реконструкций деревенской избы, плота «казенки», теплушки, рельс, фронтального брусстера, солдатских нар, рыбацкой артели. В отдельных случаях реконструкции дополняются «тактильными зонами», где можно потрогать предметы, услышать треск дров, почувствовать запах хлеба или рыбьего жира. Таким образом, музей конструирует много сенсорное пространство, где литературный мир не только виден, но и осязателен.

Особого внимания заслуживает приём вопроса как формы интерактивности и рефлексии. В каждой зоне экспозиции встроены модули с «вопросами от Астафьева» – это не искусственный элемент, а органическая часть его поэтики. Он часто задаёт вопросы читателю, герою, самому себе: «Зачем живём?», «Что страшнее – война или трусость?», «Почему всё исчезает?». Эти вопросы в музее оживают – они высвечиваются на экранах, заставляют задуматься. Посетитель может выбрать «ответ» из текстов или попытаться дать свой. Такой приём превращает экспозицию в пространство диалога, а не созерцания.

Таким образом, литературный текст в Национальном центре Астафьева – это не только содержание, но и метод. Он задаёт форму экспозиции, её ритм, композицию и настроение. Благодаря этому Центр становится уникальной моделью «интерпретирующего музея», где каждый фрагмент пространства является продолжением фразы, вопроса или образа, созданного писателем.

Национальный центр В. П. Астафьева представляет собой уникальный

пример того, как литературное наследие может быть репрезентировано в музейном формате не как архив, а как живая, диалогическая среда. Экспозиция не только сохраняет тексты, но и расширяет возможности их восприятия – вовлекает посетителя в эмоциональный и интеллектуальный опыт, приближает к автору и его времени, помогает прочесть тексты заново через чувственные и пространственные формы.

Центр выступает не просто как мемориальное учреждение, но как площадка междисциплинарного взаимодействия, где сочетаются литература, история, этнография, экология, философия, театральное и мультимедийное искусство. Это делает его не только культурным памятником, но и образовательной платформой, способной формировать новые модели музейного рассказывания.

Подобный подход открывает широкие перспективы для развития литературных музеев: переход от экспоната к нарративу, от экспозиции к сценарию, от архивного показа к интерактивному участию. Это не только приближает классическую литературу к современному читателю, но и расширяет границы самой музейной формы, делая её живой, развивающейся и вовлечённой в культурную жизнь общества.

Библиографический список

1. Астафьев В.П. Последний поклон: повесть в рассказах / В.П. Астафьев. — Пермь: Пермское кн. изд-во, 1968. 272 с.
2. Астафьев В.П. Последний поклон: авторский сборник / В.П. Астафьев. — М.: Эксмо, 2006. 848 с.
3. Астафьев В.П. Царь-рыба: повествование в рассказах / В.П. Астафьев. — Красноярск: Кн.-изд-во, 1978. 408 с.
4. Астафьев В.П. Печальный детектив: роман, рассказы, новеллы / В.П. Астафьев. — Кишинёв: Лит. артистикэ, 1988. 671 с.
5. Гончаров П. А. Творчество В. П. Астафьева в контексте русской прозы 1950–1990-х годов: монография / П. А. Гончаров. — М.: Высшая школа, 2003. 386 с.
6. Осипова А. А. Концепты «Жизнь» и «Смерть» в художественной картине мира В. П. Астафьева: монография / А.А. Осипова. — М.: Флинта; Наука, 2012. 200 с.

References

1. Astafyev V.P. The Last Bow: A Tale in Stories / V.P. Astafyev. — Perm: Perm Book Publishing House, 1968. 272 p.
2. Astafyev V.P. The Last Bow: A Collection of Author's Works / V.P. Astafyev. — Moscow: Eksmo, 2006. 848 p.
3. Astafyev V.P. The Tsar-Fish: A Narrative in Stories / V.P. Astafyev. — Krasnoyarsk: Book Publishing House, 1978. 408 p.
4. Astafyev V.P. The Sad Detective: A Novel, Short Stories, Novellas / V.P. Astafyev. — Chisinau: Literary Artistic, 1988. 671 p.
5. Goncharov P.A. The Works of V.P. Astafiev in the Context of Russian Prose of the 1950s–1990s: Monograph / P. A. Goncharov. — Moscow: Vysshaya shkola, 2003. 386 p.
6. Osipova A.A. The Concepts of "Life" and "Death" in the Artistic Picture of the World of V.P. Astafiev: Monograph / A.A. Osipova. — Moscow: Flinta; Nauka, 2012. 200 p.

Кириченко Н.С.

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Изобразительного искусства» Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева, г. Карачаевск.

Графическое искусство Карачаево-Черкесии: искусствоведческий анализ и интерпретация*

Аннотация. В статье рассматриваются основные методологические подходы к искусствоведческому анализу произведений изобразительного искусства и их практическое применение при исследовании творчества художников. Проводится детальный анализ произведений художников Карачаево-Черкесской Республики Магомеда Бостанова, Ираиды Орловой, Юрия Карасова и Хусея Гогуюва с точки зрения их художественных особенностей, технических приемов и способов воплощения национальных образов, символов и традиций региона. Исследование выявляет специфические черты регионального художественного языка, характеризующегося органичным синтезом этнокультурных мотивов с современными изобразительными средствами. Особое внимание уделяется анализу композиционных решений, колористических особенностей и символического содержания произведений, отражающих культурную идентичность народов Северного Кавказа. Работа демонстрирует, как современные художники региона творчески переосмысливают традиционные мотивы, создавая произведения, которые служат связующим звеном между историческим наследием и современной художественной культурой.

Ключевые слова: искусствоведческий анализ, изобразительное искусство, Карачаево-Черкесская Республика, национальные традиции, этнокультурные мотивы, региональная художественная школа, художественные техники, культурная идентичность.

Kirichenko N.S.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Fine Arts, U.D. Aliyev Karachay-Cherkess State University, Karachayevsk.

Graphic art of Karachay-Cherkessia: art analysis and interpretation

Abstract. The article examines the main methodological approaches to art historical analysis of visual artworks and their practical application in studying the creative work of artists from the Karachay-Cherkess Republic. A detailed analysis is conducted of works by Iraida Orlova, Yuri Karasov, Khusey Goguev, and Magomed Bostanov from the perspective of their artistic features, technical methods, and ways of embodying national images, symbols, and regional traditions. The study reveals specific features of the regional artistic language, characterized by an organic synthesis of

* © Кириченко Н.С., 2025.

Графическое искусство Карачаево-Черкесии: искусствоведческий анализ и интерпретация

ethnocultural motifs with contemporary visual means. Special attention is paid to analyzing compositional solutions, coloristic features, and symbolic content of works reflecting the cultural identity of the North Caucasus peoples. The work demonstrates how contemporary regional artists creatively reinterpret traditional motifs, creating works that serve as a connecting link between historical heritage and modern artistic culture.

Key words: art historical analysis, visual arts, Karachay-Cherkess Republic, national traditions, ethnocultural motifs, regional art school, artistic techniques, cultural identity.

Искусствоведческий анализ произведений изобразительного искусства представляет собой многоуровневую систему исследовательских методов, направленных на всестороннее изучение художественных произведений в их формальных, содержательных и культурно-исторических аспектах. В современном искусствознании сложилась устойчивая методологическая база, включающая формально-стилистический, иконографический, семиотический и культурологический подходы к анализу произведений искусства. Каждый из этих методов позволяет раскрыть определенные грани художественного произведения, а их комплексное применение дает возможность получить наиболее полное представление о художественной ценности и культурном значении анализируемых работ.

Особую актуальность искусствоведческий анализ приобретает при изучении регионального искусства, где художественные произведения выступают не только как эстетические объекты, но и как носители культурной памяти, этнической идентичности и исторического опыта народов. Карачаево-Черкесская Республика, расположенная в сердце Северного Кавказа, представляет собой уникальный культурный регион, где на протяжении веков формировалось многонациональное сообщество с богатыми художественными традициями. Современное изобразительное искусство республики отражает сложный процесс взаимодействия традиционных этнокультурных элементов с современными художественными тенденциями, что делает его изучение особенно важным для понимания механизмов сохранения и трансформации культурного наследия [2].

Творчество художников Карачаево-Черкесской Республики характеризуется глубоким обращением к национальным образам, символам и традициям региона, что проявляется как в выборе тематики произведений, так и в специфике художественного языка. Художники региона работают в различных техниках и жанрах, от традиционной живописи и графики до современных смешанных техник, но их объединяет стремление к сохранению и художественному осмыслению культурного наследия народов Северного Кавказа. Изучение их творчества позволяет не только оценить художественные достижения региональной школы, но и проследить пути развития современного национального искусства в условиях глобализа-

ции культурных процессов.

Методологическая база данного исследования основывается на комплексном применении различных подходов к искусствоведческому анализу. Формальный анализ позволяет изучить композиционные особенности, колористические решения, технические приемы и художественные средства выразительности. Стилистический подход дает возможность определить принадлежность произведений к определенным художественным направлениям и выявить индивидуальные особенности творческого почерка каждого художника. Иконографический метод направлен на расшифровку символического содержания произведений и выявление культурных кодов, заложенных в художественных образах. Культурологический анализ рассматривает произведения в контексте этнокультурных традиций и современных социокультурных процессов [10].

Формально-стилистический подход к анализу произведений изобразительного искусства предполагает детальное изучение визуальных характеристик художественного произведения, включая композицию, цветовое решение, технику исполнения, характер линии и фактуры. Этот метод позволяет выявить индивидуальные особенности творческого почерка художника и определить его место в контексте современного искусства. При анализе произведений художников Карачаево-Черкесской Республики формальный подход приобретает особое значение, поскольку позволяет проследить, каким образом традиционные мотивы и образы трансформируются в современном художественном языке.

Магомед Бостанов работал в смешанной технике, сочетая карандашный рисунок с другими графическими материалами. Его творчество отличается особой тщательностью в проработке деталей и стремлением к фотографической точности изображения. При этом художник не ограничивался простым копированием природы, а создавал произведения, в которых реалистическая манера служит средством для выражения глубокого содержания.

Композиционные особенности произведений Бостанова характеризуются классической уравновешенностью и гармонией. Художник мастерски использует законы перспективы и светотени для создания объемных и убедительных изображений. Его произведения отличаются особой детализацией, что позволяет зрителю рассматривать их как увлекательное повествование о жизни и культуре народов Кавказа.

Постоянные эксперименты по соединению различных графических материалов в работе позволило Магомеду Бостанову достигать особой выразительности в передаче различных фактур и материалов. Он мастерски сочетал мягкость карандашного штриха с четкостью линии пера, создавая произведения, которые поражают своей технической виртуозностью. Особое внимание художник уделял передаче световых эффектов, что придает

его произведениям особую живописность, несмотря на их графическую природу.

Тематика произведений Бостанова охватывает широкий спектр сюжетов, связанных с историей и культурой Карачаево-Черкесской Республики. Художник создавал как портретные образы, так и сложные многофигурные композиции, посвященные историческим событиям и традиционным обрядам. При этом он стремился к исторической достоверности, тщательно изучая этнографические материалы и консультируясь со специалистами по народной культуре.

Творчество Ираиды Орловой представляет собой яркий пример мастерского владения техникой пастели и глубокого понимания психологических аспектов портретного искусства. Художница работает преимущественно в жанре портрета, создавая произведения, которые отличаются тонкой лиричностью и проникновенностью образов. Техника пастели позволяет Орловой добиваться особой мягкости цветовых переходов и создавать атмосферу интимности, характерную для ее произведений. В композиционном отношении работы художницы строятся на принципах классического портрета, но обогащаются деталями, отражающими национальную специфику региона [5].

Особенностью творчества Орловой является ее способность через портретные образы передавать не только индивидуальные черты модели, но и более широкие культурные и этнические характеристики. В ее произведениях национальный колорит проявляется через тщательно проработанные детали традиционного костюма, украшений, предметов быта, которые становятся не просто этнографическими элементами, но органичными компонентами художественного образа. Цветовая гамма работ Орловой часто основывается на традиционных цветовых предпочтениях народов Кавказа, что создает особую эмоциональную атмосферу и подчеркивает связь с культурными корнями.

Колористические решения в произведениях Орловой характеризуются сдержанностью и благородством цветовых сочетаний. Художница мастерски использует возможности пастели для создания тонких нюансов в передаче цвета кожи, что особенно важно при работе с портретами представителей различных этнических групп. Теплые охристые и коричневые тона, характерные для ее палитры, создают ощущение теплоты и человечности, а умелое использование холодных оттенков в деталях костюма и фона позволяет достичь гармоничного цветового баланса.

Юрий Карасов представляет иное направление в региональном искусстве, сосредоточивая свое внимание на воплощении ногайских этнокультурных мотивов. Его творчество отличается более выраженной декоративностью и орнаментальностью, что отражает специфику ногайского декоративно-прикладного искусства. Работая также в технике пастели,

Карасов демонстрирует иной подход к материалу, используя его возможности для создания более ярких и контрастных цветовых решений.

Композиционные особенности произведений Карасова часто строятся на принципах народного орнамента, что придает его работам особую ритмичность и декоративную выразительность. Художник мастерски включает в свои произведения элементы традиционных ногайских узоров, не копируя их механически, а творчески переосмысливая в контексте современного изобразительного искусства. Это проявляется в характере линий, в ритмической организации композиции, в цветовых акцентах, которые создают ощущение движения и динамики.

Тематика произведений Юрия Карасова охватывает различные аспекты традиционной жизни ногайского народа: от изображения традиционных занятий и обрядов до передачи особенностей повседневного быта. При этом художник избегает этнографической буквальности, стремясь к созданию обобщенных художественных образов, которые передают дух и характер народной культуры. Его произведения отличаются особой эмоциональной насыщенностью, что достигается через экспрессивное использование цвета и динамичность композиционных решений.

Цветовая палитра Карасова характеризуется яркостью и насыщенностью, что отражает особенности ногайского декоративного искусства. Художник умело сочетает теплые и холодные тона, создавая контрастные цветовые сочетания, которые подчеркивают декоративность его произведений. Особое внимание уделяется цветовому решению деталей традиционного костюма и предметов быта, которые становятся важными композиционными акцентами.

Хусей Гогуев представляет графическое направление в искусстве региона, работая в технике туши и пера. Его творчество отличается философской глубиной и лаконичностью художественного языка. Техника туши и пера предъявляет особые требования к мастерству художника, поскольку не допускает исправлений и требует точности и уверенности в каждом штрихе. Гогуев демонстрирует виртуозное владение этой сложной техникой, создавая произведения, которые поражают выразительностью линии и глубиной содержания.

Композиционные решения в произведениях Гогуева характеризуются строгостью и продуманностью. Художник мастерски использует контраст черного и белого для создания выразительных образов, в которых каждый элемент несет смысловую нагрузку. Линия в его произведениях становится основным средством выразительности, способным передать как материальные характеристики изображаемых объектов, так и их эмоциональное содержание.

Особенностью творчества Гогуева является его способность через лаконичные графические средства передавать сложные философские и пси-

хологические состояния. Его произведения часто носят символический характер, где национальные мотивы переплетаются с универсальными человеческими ценностями. Художник создает образы, которые, оставаясь глубоко национальными по своей сути, обретают общечеловеческое звучание.

Техническое мастерство Гогуева проявляется в его умении создавать различные фактуры и тональные градации исключительно средствами туши и пера. Он использует различные приемы штриховки, от тонких параллельных линий до сложных перекрестных штрихов, создавая богатую палитру серых тонов. Это позволяет художнику достигать объемности и пластичности в изображении, несмотря на ограниченность технических средств.

Иконографический анализ произведений художников Карачаево-Черкесской Республики выявляет богатую систему символов и образов, восходящих к традиционной культуре народов региона. В произведениях всех рассматриваемых художников присутствуют устойчивые мотивы, связанные с национальным костюмом, традиционными ремеслами, обрядовой практикой и мифологическими представлениями. Эти элементы не просто воспроизводятся, но творчески переосмысливаются, обретая новые смысловые значения в контексте современного искусства [8].

Особое место в иконографии региональных художников занимают образы, связанные с горным пейзажем Кавказа. Горы в их произведениях выступают не только как географическая реальность, но и как символ вечности, стойкости и духовной силы народов региона. Этот мотив присутствует как в качестве фона для портретных и жанровых композиций, так и в виде самостоятельных пейзажных произведений, где горный ландшафт становится главным героем [1].

Символика традиционного костюма играет важную роль в произведениях всех рассматриваемых художников. Детали национального костюма – орнаменты, украшения, головные уборы – несут в себе глубокую семантическую нагрузку, отражая социальный статус, возраст, семейное положение изображаемых персонажей. Художники тщательно изучают эти элементы, стремясь к исторической достоверности, но при этом используют их как средство художественной выразительности.

Анимистические представления народов Кавказа также находят отражение в произведениях региональных художников. Это проявляется в особом отношении к изображению природных объектов, которые наделяются антропоморфными чертами, в символике растительных орнаментов, в мифологических мотивах, которые органично вплетаются в реалистические композиции [3].

Семиотический анализ произведений выявляет сложную систему культурных кодов, которые функционируют на различных уровнях восприятия. Для зрителя, знакомого с традиционной культурой региона, произведения читаются как многослойные тексты, где каждая деталь несет

определенную информацию. Для внешнего наблюдателя эти же произведения воспринимаются прежде всего как эстетические объекты, но и в этом случае культурная специфика создает особую художественную атмосферу.

Цветовая символика также играет важную роль в произведениях художников региона. Традиционные цветовые предпочтения различных этнических групп находят отражение в колористических решениях художников, создавая дополнительный уровень культурной идентификации. При этом художники не ограничиваются механическим воспроизведением традиционных цветовых схем, а творчески развивают их в соответствии с требованиями современного искусства.

Культурологический анализ творчества художников Карачаево-Черкесской Республики позволяет рассматривать их произведения как важный элемент современной культурной политики региона, направленной на сохранение и развитие этнокультурного многообразия. Художники выступают не только как создатели эстетических ценностей, но и как хранители культурной памяти, транслирующие традиционные ценности новым поколениям через язык изобразительного искусства [9].

Процесс глобализации создает особые вызовы для региональных художественных школ, ставя перед художниками задачу сохранения культурной идентичности в условиях унификации художественных процессов. Творчество рассматриваемых художников демонстрирует различные стратегии решения этой проблемы: от прямого обращения к этнографическому материалу до сложного синтеза традиционных и современных элементов.

Образовательная функция произведений региональных художников также заслуживает особого внимания. Их работы служат важным источником информации о традиционной культуре народов Кавказа, способствуя формированию культурной грамотности и этнической толерантности. Это особенно важно в условиях многонационального региона, где искусство может служить средством межкультурного диалога и взаимопонимания [6].

Проведенный комплексный искусствоведческий анализ творчества ведущих художников Карачаево-Черкесской Республики позволяет сделать ряд важных выводов о состоянии и перспективах развития регионального изобразительного искусства. Исследование показало, что в республике сформировалась самобытная художественная школа, которая характеризуется органичным синтезом традиционных этнокультурных элементов с современными художественными тенденциями и техниками. Творчество Магомеда Бостанова, Ираиды Орловой, Юрия Карасова и Хусея Гогуюева демонстрирует различные подходы к решению основной задачи регионального искусства – сохранения и художественного осмысления культурного наследия народов Северного Кавказа в условиях современной культурной ситуации

Формально-стилистический анализ выявил высокий уровень технического мастерства рассматриваемых художников и их глубокое понимание специфики избранных художественных материалов и техник. Каждый из художников демонстрирует индивидуальный подход к использованию выразительных возможностей своей техники: Орлова мастерски использует мягкость и теплоту пастели для создания психологически глубоких портретных образов, Карасов применяет декоративные возможности пастели для воплощения орнаментальных мотивов ногайского искусства, Гогуев достигает философской глубины через лаконичность черно-белой графики, а Бостанов создавал детализированные реалистические произведения, сочетая различные графические техники.

Иконографический анализ показал, что произведения региональных художников содержат богатую систему символов и образов, восходящих к традиционным культурам народов Кавказа. При этом художники не ограничиваются простым воспроизведением этнографического материала, а творчески переосмысливают традиционные мотивы, создавая произведения, которые сохраняют связь с культурными корнями, но обладают современным художественным звучанием. Особенно важным представляется тот факт, что символическое содержание произведений функционирует на нескольких уровнях, делая их доступными как для носителей традиционной культуры, так и для более широкой аудитории [4].

Семиотический подход к анализу выявил сложную систему культурных кодов, которые функционируют в произведениях региональных художников. Цветовая символика, орнаментальные мотивы, детали традиционного костюма, элементы материальной культуры – все эти компоненты создают многослойную семантическую структуру, которая обеспечивает глубину и содержательность художественных произведений. Важно отметить, что художники не механически воспроизводят традиционные культурные коды, а творчески развивают их, адаптируя к требованиям современного искусства. Культурологический анализ показал, что творчество художников Карачаево-Черкесской Республики играет важную роль в процессах сохранения и трансляции культурного наследия региона. Их произведения выполняют не только эстетическую, но и образовательную, воспитательную и культурно-консолидирующую функции. В условиях глобализации и унификации культурных процессов региональное искусство становится важным фактором сохранения культурной идентичности и этнического многообразия.

Особенностью творчества рассматриваемых художников является их способность создавать произведения, которые, оставаясь глубоко национальными по своему содержанию и образному строю, обретают универсальное художественное значение. Это достигается через высокое профессиональное мастерство, глубокое понимание традиционной культуры и

способность к творческому синтезу традиционных и современных элементов. Такой подход позволяет произведениям региональных художников успешно функционировать как в местном культурном контексте, так и в более широком художественном пространстве [7].

Исследование также показало, что региональное искусство Карачаево-Черкесской Республики характеризуется жанровым и техническим разнообразием. Художники работают в различных техниках – от традиционной пастели и графики до смешанных техник, что свидетельствует о динамичном развитии художественных процессов в регионе. При этом выбор техники не является случайным, а обусловлен стремлением найти наиболее адекватные средства для воплощения определенных художественных задач.

Важным результатом исследования является выявление того факта, что творчество художников Карачаево-Черкесской Республики представляет собой не изолированное явление, а органичную часть общероссийского и мирового художественного процесса. Региональная специфика не противопоставляется универсальным художественным ценностям, а обогащает их, создавая уникальный синтез местного и общечеловеческого. Это особенно важно в контексте современных дискуссий о роли национальных художественных школ в глобализированном мире.

Перспективы дальнейшего развития регионального искусства связаны с необходимостью поддержания баланса между сохранением традиционных основ и открытостью к новым художественным тенденциям. Творчество рассмотренных художников демонстрирует возможности успешного решения этой задачи и может служить ориентиром для молодого поколения художников региона. Важной задачей является также расширение географии экспонирования произведений региональных художников, что будет способствовать более широкому признанию их творчества и популяризации культуры народов Карачаево-Черкесской Республики.

Библиографический список

1. Аганов И.М. Изобразительное искусство как этнокультурный феномен // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. № 1 (156). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izobrazitelnoe-iskusstvo-kak-etnokulturnyy-fenomen>
2. Биттирова Т.Ш. Художественное конструирование реальности в литературе и фольклоре карачаево-балкарской зарубежной диаспоры // Известия КБНЦ РАН. 2012. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennoe-konstruirovaniye-realnosti-v-literature-i-folklore-karachaevo-balkarskoy-zarubezhnoy-diaspory-1>
3. Биттирова Т.Ш. Художественное творчество карачаево-балкарских просветителей XIX - нач. XX вв. С. 216-220.
4. Биттирова Т.Ш. Карачаево-Балкарские деятели культуры конца XIX - начала XX в. - Нальчик: Эльбрус, 1993. 245 с.
5. Боташева Н. П. Становление современной системы художественного образования в карачаево-черкесии (1967-2021 гг.) // Современная научная мысль. 2021. № 5. // URL: <https://>

cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-sovremennoy-sistemy-hudozhestvennogo-obrazovaniya-v-karachaevno-cherkesii-1967-2021-gg

6. Гагуа Л.А, Эльдарова Н.Г. Становление искусствоведческой науки в карачаево-черкесии: история и современность // Современная научная мысль. 2021. № 3. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-iskusstvovedcheskoy-nauki-v-karachaevno-cherkesii-istoriya-i-sovremennost>
7. Койчуева З.К. «Спешите за нами, юные, догоните нас, обгоните!». К вопросу становления профессионального искусства Карачаево-Черкесии // Артикальт. 2015. № 1 (17). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/speshite-za-nami-yunye-dogonite-nas-obgonite-k-voprosu-ustanovleniya-professionalnogo-iskusstva-karachaevno-cherkesii>
8. Койчуева З.К. Художники-педагоги Карачаево-Черкесии // Преподаватель XXI век. 2014. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhniki-pedagogi-karachaevno-cherkesii>
9. Сулейманова Ф.Х. Проблемы культурной идентификации черкесов сквозь призму изобразительного искусства Карачаево-Черкесии // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2021. № 3 (282). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kulturnoy-identifikatsii-cherkesov-skvoz-prizmu-izobrazitel'nogo-iskusstva-karachaevno-cherkesii>
10. Цекова Л.И. Пространственно зрелищные искусства в системе народной художественной культуре Карачаево-Черкесии // Аналитика культурологии. 2012. № 22. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvenno-zrelischnye-iskusstva-v-sisteme-narodnoy-hudozhestvennoy-kulture-karachaevno-cherkesii>

References

1. Aganov I.M. Fine Art as an Ethnocultural Phenomenon // Bulletin of Adyghe State University. Series: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies. 2015. № 1 (156). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izobrazitel'noe-iskusstvo-kak-etnokulturnyy-fenomen>
2. Bittirova T.Sh. Artistic Construction of Reality in the Literature and Folklore of the Karachay-Balkar Diaspora Abroad // Bulletin of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2012. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennoe-konstruirovaniye-realnosti-v-literature-i-folklore-karachaevno-balkarskoy-zarubezhnoy-diaspory-1>
3. Bittirova T.Sh. Artistic creativity of Karachay-Balkar educators of the 19th - early 20th centuries. P. 216-220.
4. Bittirova T.Sh. Karachay-Balkarian cultural figures of the late 19th - early 20th centuries. – Nalchik: Elbrus, 1993. 245 p.
5. Botasheva N.P. Formation of the modern system of art education in Karachay-Cherkessia (1967-2021) // Modern scientific thought. 2021. № 5. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustanovlenie-sovremennoy-sistemy-khudozhestvennogo-obrazovaniya-v-karachaevno-cherkesii-1967-2021-gg>
6. Gagua L.A., Eldarova N.G. Formation of Art History in Karachay-Cherkessia: History and Modernity // Modern Scientific Thought. 2021. № 3. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustanovlenie-iskusstvovedcheskoy-nauki-v-karachaevno-cherkesii-istoriya-i-sovremennost>
7. Koychueva Z.K. "Hurry after us, young ones, catch up with us, overtake us!" On the Development of Professional Art in Karachay-Cherkessia // Artikult. 2015. № 1 (17). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/speshite-za-nami-yunye-dogonite-nas-obgonite-k-voprosu-ustanovleniya-professionalnogo-iskusstva-karachaevno-cherkesii>
8. Koychueva Z.K. Artists and Teachers of Karachay-Cherkessia // Prepodavatel XXI vek. 2014. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhniki-pedagogi-karachaevno-cherkesii>
9. Suleimanova F.Kh. Problems of Cultural Identification of Circassians through the Prism of Fine Arts of Karachay-Cherkessia // Bulletin of Adyghe State University. Series 2: Philology and Art Criticism. 2021. № 3 (282). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kulturnoy-identifikatsii-cherkesov-skvoz-prizmu-izobrazitel'nogo-iskusstva-karachaevno-cherkesii>
10. Tsekova L.I. Spatial and Spectacular Arts in the System of Folk Art Culture of Karachay-Cherkessia // Analytics of Cultural Studies. 2012. № 22. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvenno-zrelischnye-iskusstva-v-sisteme-narodnoy-hudozhestvennoy-kulture-karachaevno-cherkesii>

Ши Юйцин

Старший преподаватель. Нанкинский университет науки и технологии, Китай.

Картографический анализ исследований Льва Толстого в Китае*

Аннотация. В статье на основе 833 публикаций из ключевых рецензируемых журналов CNKI (1992–2024) с помощью CiteSpace построены карты знаний, позволяющие проанализировать развитие, ключевые темы и тенденции толстоведения в Китае. Исследование выявляет региональную специфику и многообразие форм производства знаний. Кластерный анализ ключевых слов определил три направления: 1) интерпретация классических произведений («Анна Каренина», «Воскресение») с позиций нарратива, этики и религиозной философии; 2) междисциплинарное расширение, обновляющее образовательные идеи, семиотику и биографические исследования; 3) исторический резонанс идей Толстого с мыслями древних китайских философов и литературой революционной эпохи нового времени.

Ключевые слова: Лев Толстой, карты знаний, «Анна Каренина», «Воскресение», религиозные идеи, библиометрический анализ.

Shi Yuqing

Senior Lecturer, Nanjing University of Science and Technology, China.

Cartographic analysis of Lev Tolstoy studies in China

Abstract. The article constructs knowledge maps using CiteSpace based on 834 publications from key peer-reviewed journals in CNKI (1992–2024), allowing for an analysis of the development, key themes, and trends in Tolstoy studies in China. The study identifies regional specificity and the variety of knowledge production forms. Keyword cluster analysis reveals three major directions: (1) the interpretation of classic works (Anna Karenina, Resurrection) from the perspectives of narrative, ethics, and religious philosophy; (2) interdisciplinary expansion, contributing to the renewal of educational thought, semiotics, and biographical research methodologies; (3) the historical resonance of Tolstoy's ideas with the ideas of ancient Chinese philosophers and the literature of the revolutionary period of modern times.

Key words: Lev Tolstoy; knowledge maps; Anna Karenina; Resurrection; religious ideas; bibliometric analysis.

1. Введение

Как великий мыслитель и писатель XIX века, Л.Н. Толстой создал ли-

* © Ши Юйцин, 2025.

тературную вселенную, которая неизменно сохраняет интерпретационное напряжение, превосходящее границы времени и пространства. От глубоких историко-эпических размышлений, воплощённых в романе «Война и мир», до поиска духовного искупления в «Воскресении»; от трагедии любви и семейных конфликтов в «Анне Карениной» до педагогического эксперимента в Яснополянской школе – наследие Толстого остаётся актуальным в научной среде.

В Китае исследования Толстого приобретают специфические интерпретационные особенности. Однако традиционные подходы, основанные на текстологическом анализе и теоретической интерпретации, уже не в полной мере отражают динамику роста фундаментальных публикаций. Расширение исследовательских интересов и усиление междисциплинарных связей требуют более системного картографического анализа.

В этой связи настоящая статья сочетает методы библиометрии и культурной герменевтики, опираясь на данные ведущих академических журналов CNKI за 1992–2024 годы и используя инструмент CiteSpace. Это позволяет визуализировать развитие, ключевые направления и тенденции исследований, связанных с личностью, идеями и творческим наследием Льва Толстого.

2. Методика исследования

2.1 Инструмент исследования

CiteSpace – это визуальный инструмент для библиометрического анализа научной литературы, разработанный доктором Чэнь Чаомэем с целью исследования структуры знаний в конкретной области и процессов её эволюции. CiteSpace позволяет определить ключевые направления исследований и выявить передовые научные достижения через анализ встречаемости ключевых слов, кластеризацию и всплески цитируемости (burst detection).

В данной работе применяется алгоритм g-index ($k=25$) для идентификации ключевых слов с высокой частотой, что позволяет сосредоточиться на исследовательских приоритетах и снизить избыточность информации. Для устранения избыточных связей используется метод «pruning sliced networks», который улучшает визуальную наглядность карты знаний и обеспечивает более чёткое представление основных узлов и ключевых взаимосвязей в исследуемой области.

2.2 Источник данных

Данные для исследования получены из базы данных China National Knowledge Infrastructure (CNKI). Выборка ограничена публикациями из журналов, включённых в Перечень ключевых китайских академических журналов (PKU Core Journals, составленный Пекинским университетом) и CSSCI (Chinese Social Sciences Citation Index, составленный Нанкинским университетом).

По запросу с ключевым словом «Толстой» было получено 867 публикаций. После автоматического удаления дубликатов с помощью программного обеспечения и последующего ручного отбора были исключены повторяющиеся записи и статьи с низкой релевантностью. В результате в анализ вошли 833 валидных публикации.

3. Построение и анализ карт знаний во временном и пространственном разрезе

3.1 Временная картина исследований Толстого

Л.Н. Толстой начал получать известность в Китае около 1900 года, когда появились первые краткие обзоры его творчества и переводы произведений. В этот же период Лян Цичао опубликовал оценки Толстого и его идей, заложив тем самым основы китайского толстоведения. Исследования творчества Толстого оформились в конце династии Цин и в начале республиканского периода, ознаменовав начало более чем столетней традиции изучения его наследия. В 1910–1920-е годы, в контексте движения «Четвёртого мая» и Новокультурного движения, интерес к Толстому заметно возрос: русская литература стала объектом активного изучения, что обозначило первую волну толстоведения в Китае [1], [2].

Данные для исследования взяты из базы CNKI, включающей публикации ведущих академических журналов. Поскольку платформа была создана уже в эпоху цифровизации, она не охватывает материалы XIX – первой половины XX века, опубликованные в печатных изданиях. Тем не менее, выборка отражает современное состояние толстоведения в Китае и позволяет выявить направления его развития в XXI веке, опираясь на столет-

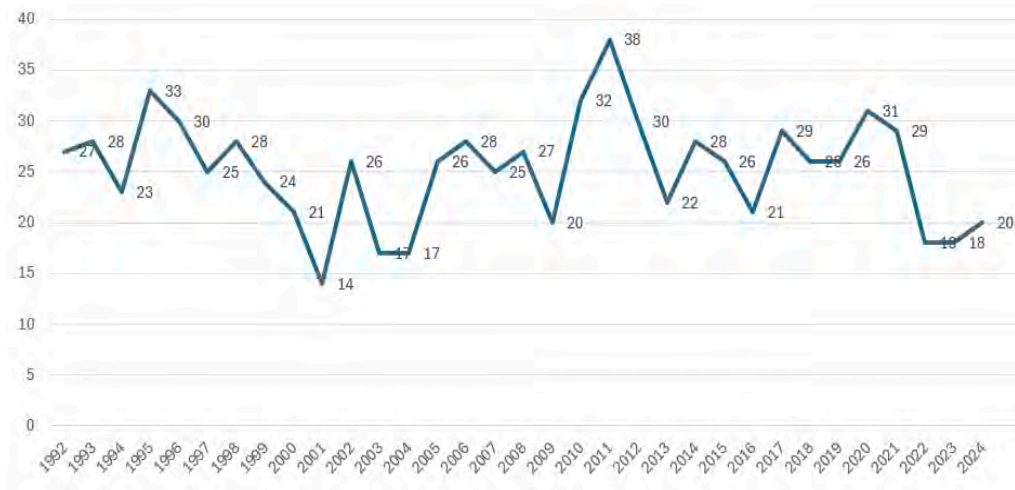


Рис. 1. График годовой публикационной активности в исследованиях Толстого.

ную традицию изучения наследия Л.Н. Толстого.

Как видно из Рис. 1, В период с 1992 по 2024 год публикационная активность по толстоведению в ведущих китайских академических журналах демонстрирует неравномерную, волнообразную динамику, без ясно выраженной тенденции к устойчивому росту или снижению: число статей колеблется от 14 до 38 в год. Отмечаются периоды подъёмов, наиболее заметные в 1995 году (33 статьи), 2010 году (32 статьи) и 2011 году (38 статей), что, вероятно, связано с юбилейной датой – столетием со дня смерти Л.Н. Толстого и сопутствующими памятными мероприятиями. Вместе с тем зафиксированы и периоды спада, в частности, в 2001–2003 годах, а также в 2022–2023 годах, когда число публикаций сократилось до 18 в год.

Подобная динамика, с одной стороны, свидетельствует об устойчивом интересе к творчеству Толстого как классика мировой литературы, который занимает прочное место в научной повестке Китая. С другой стороны, наблюдаемые всплески публикационной активности, приуроченные к юбилейным датам и значимым событиям, показывают, что исследовательский интерес к Толстому отчасти носит циклический характер. Снижение

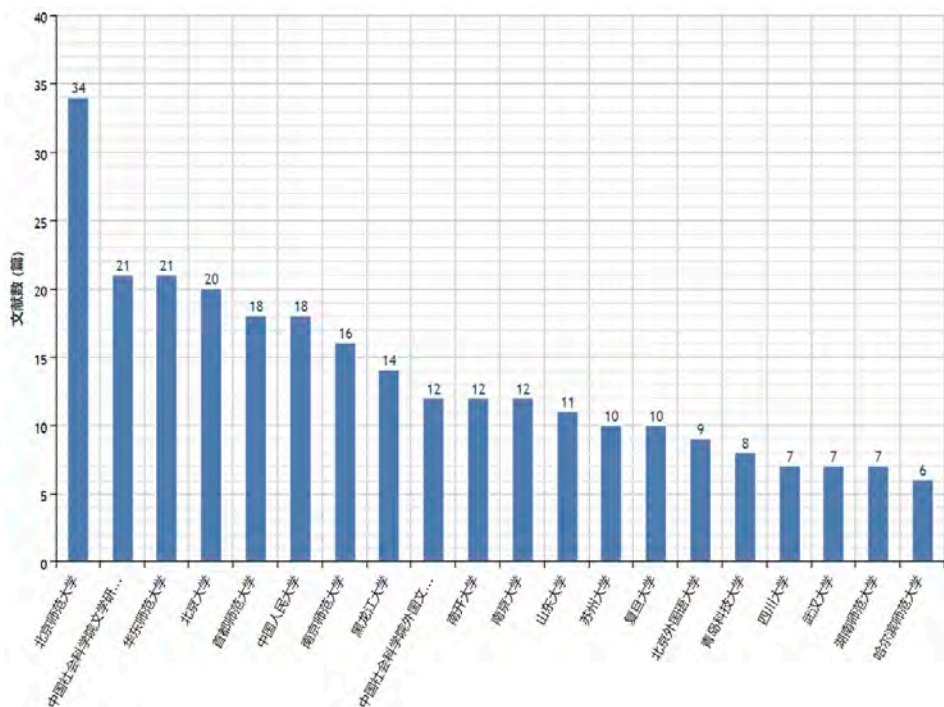


Рис. 2. Частично представлена карта организаций с высоким объёмом публикаций в исследованиях Толстого.

числа публикаций после 2021 года может объясняться реформированием системы академической оценки в Китае, в результате которого произошло перераспределение исследовательских ресурсов в пользу междисциплинарных и социально значимых тем.

Кроме того, не исключается влияние внешнеполитических факторов, в частности, состояния китайско-российских отношений, поскольку в истории изучения русской литературы в Китае прослеживается определённая корреляция между активностью исследований и уровнем двустороннего сотрудничества. Однако, судя по имеющимся данным, утверждать наличие прямой зависимости преждевременно. В целом, сочетание стабильной инерции интереса к классическим авторам и внешних импульсов, провоцирующих волнообразные колебания публикационной активности, является характерной чертой толстоведческих исследований в Китае, что требует дальнейшего комплексного наблюдения и анализа.

3.2 Пространственная карта исследований Толстого

В области толстоведения в Китае сформировалась структура научно-го взаимодействия, при которой ведущие исследовательские силы сосредоточены в ряде академических центров. В Пекине важную роль играют Пекинский педагогический университет, Китайская академия социальных наук, Пекинский университет, а также другие научно-образовательные учреждения, задающие направления исследований и оказывающие влияние на интерпретационные подходы. Пекинский педагогический университет (34 публикации) является одним из активных участников этого процесса, сочетая исследовательскую деятельность с издательскими проектами, включая руководство журналом «Российское искусство». Китайская академия социальных наук (33 публикации) также демонстрирует заметную публикационную активность, отражающую вклад её сотрудников в изучение творчества Л.Н. Толстого. Институт иностранной литературы при Китайской академии социальных наук, обладая прочными исследовательскими традициями и значительным академическим ресурсом, играет важную роль в поддержке и координации исследований русской литературы, включая толстоведение. Кроме того, значительные научные результаты показывают Столичный педагогический университет и Народный университет Китая, которые, наряду с другими учреждениями, образуют пекинское научное пространство толстоведческих исследований.

В регионе дельты реки Янцзы Восточно-Китайский педагогический университет, Нанкинский педагогический университет, Нанкинский университет, Сучжоуский университет, Фуданьский университет и другие вузы, опираясь на региональные академические ресурсы, сформировали кластерный эффект в исследованиях Толстого, играя важную роль в переводах его произведений, академическом обмене и межкультурных исследованиях. Среди них особенно выделяется профессор Чэнь Цзяньхуа

из Восточно-Китайского педагогического университета, возглавляющий ключевой проект Национального фонда социальных наук «История толстоведения в Китае: формирование и развитие дисциплины».

Кроме того, на северо-востоке Китая представителями исследований Толстого являются Хэйлунцзянский университет (14 публикаций) и Харбинский педагогический университет (6 публикаций), которые сформировали региональную научную группу. В провинции Шаньдун значительных результатов добились такие вузы, как Шаньдунский университет и Циндаоский технологический университет.

В целом толстоведение в Китае постепенно выстраивает многорегиональную структуру с Пекином в качестве научного центра, при этом регионы дельты Янцзы, Северо-Восточного Китая и другие академические зоны развиваются в синергии, что создаёт прочную основу для углубления и диверсификации исследований в данной области.

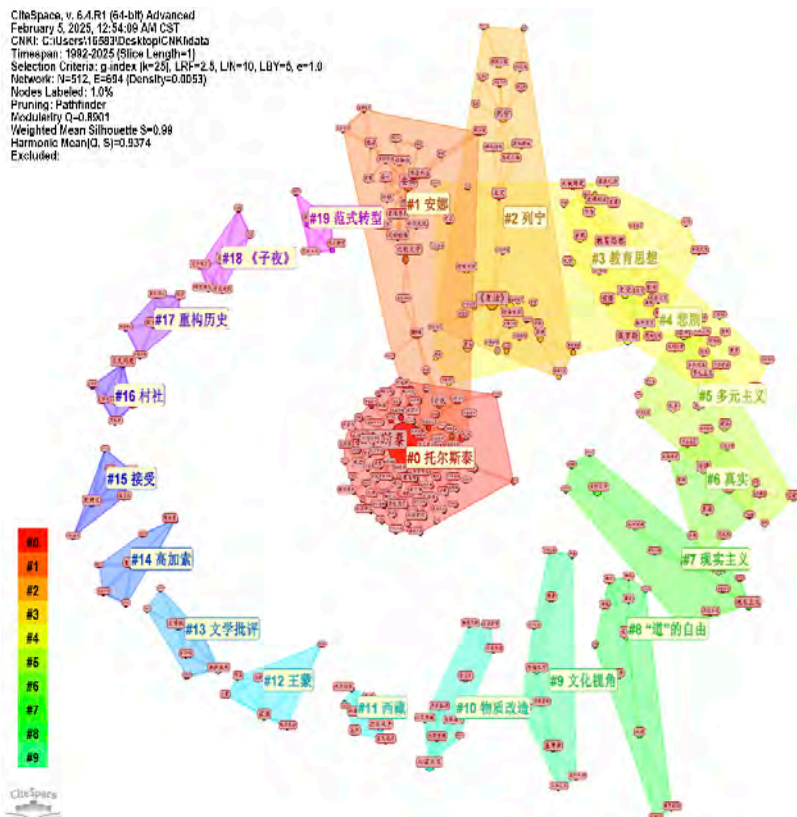


Рис. 3. Карта кластеризации ключевых слов в исследованиях Толстого.

4. Содержательная карта знаний и её анализ

4.1 Карта кластеризации ключевых слов в исследованиях Толстого

Как видно из рис. 3, в китайском толстоведении постепенно сформировалась структура, характеризующаяся многомерностью и диверсификацией исследовательских направлений, где различные тематические кластеры и исследовательские подходы переплетаются, образуя три основные траектории: традиционная интерпретация классических текстов, изучение философско-социальных идей Толстого и исследования рецепции и межкультурной трансляции.

Во-первых, литературоведческий анализ произведений Толстого по-прежнему составляет основу китайского толстоведения. Это направление сконцентрировано вокруг таких кластеров, как “托尔斯泰/Толстой”, “安娜/Анна”, “复活/Воскресение”, “悲剧/трагедия”, “现实主义/реализм”, “文学批评/литературная критика”, что указывает на неизменное внимание к изучению его классических романов и малой прозы. Китайские исследователи сосредоточены на интерпретации произведений Толстого через призму проблематики судьбы личности, нравственного выбора, исторического сознания и художественного метода, что отражает непреходящую значимость толстовского наследия как части реалистической традиции.

Во-вторых, изучение философско-социальных воззрений Толстого демонстрирует тенденцию к расширению. Кластеры “教育思想/педагогические идеи”, “道的自由/свобода Дао”, “村社/деревенская община”, “农民问题/крестьянский вопрос”, “物质改造/материальное преобразование” отражают углублённое внимание к поздним религиозно-философским исканиям Толстого, его утопическим представлениям о земледельческом сообществе, этико-педагогическим взглядам. Китайские исследователи рассматривают толстовскую концепцию нравственного самосовершенствования и просвещения в сопоставлении с традиционными представлениями китайской этики, а также выявляют потенциальные параллели между деревенской утопией Толстого и аграрными преобразованиями в китайской истории.

В-третьих, рецепция и межкультурные исследования становятся новым фокусом толстоведения. Кластеры “接受/рецепция”, “文化视角/культурная перспектива”, “高加索/Кавказ”, “王蒙/Ван Мэн”, “子夜/Полночь”, “重构历史/реконструкция истории” свидетельствуют о растущем интересе к изучению восприятия и адаптации толстовских текстов в Китае. Исследователи обращают внимание на влияние толстовского реализма и его идей на развитие китайской литературы XX века, в том числе на роман “子夜/Полночь” Мао Дуня. Кроме того, анализ произведений Толстого, посвящённых Кавказу, как например, “Казачи” и “Хаджи Мурат”, выводит исследовательскую дискуссию на уровень изучения культурных конфликтов и проблематики столкновения цивилизаций, что приобретает особую

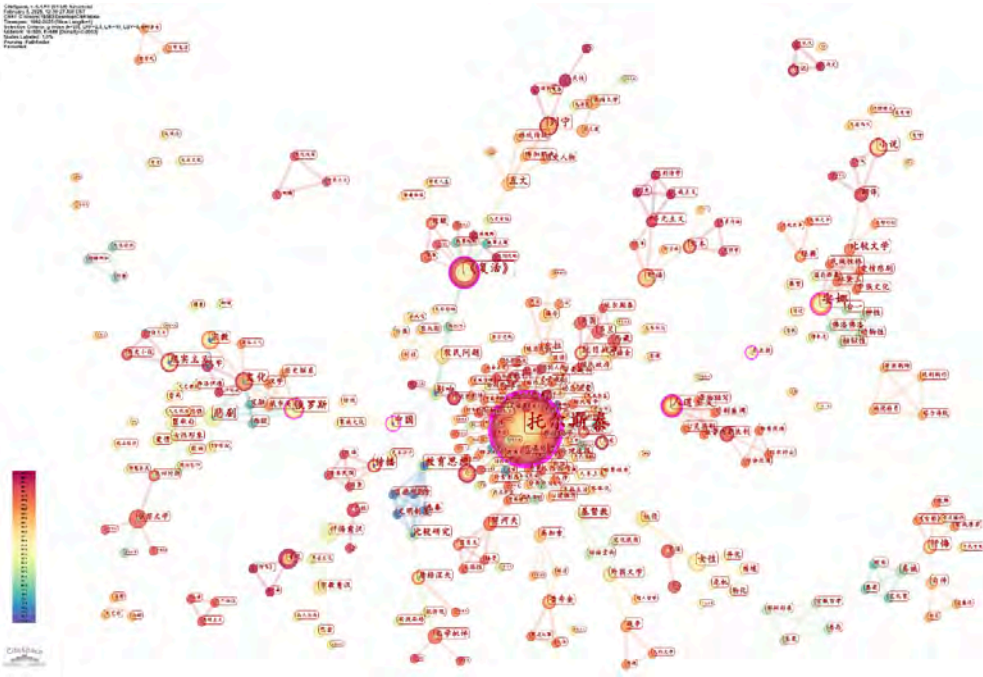


Рис. 4. Карта совместного появления ключевых слов в исследованиях Толстого.

актуальность в контексте геополитических и межкультурных исследований.

Наконец, кластер “多元主义/плюрализм” отражает методологическое разнообразие подходов, используемых китайскими учёными, что свидетельствует о стремлении к интеграции традиционного текстологического анализа с современными направлениями в области литературной критики и культурологии.

В целом, кластерная карта ключевых слов демонстрирует, что китайское толстоведение развивается в направлении расширения исследовательского поля: от анализа текстов к изучению толстовской философии, от эстетики к социокультурной проблематике, от российской литературной традиции к китайской рецепции и трансформации толстовских идей. Взаимосвязи между этими направлениями будут детально рассмотрены в следующем разделе на основе карты совместной встречаемости ключевых слов.

В отличие от кластерной карты, карта совместной встречаемости ключевых слов выявляет не только исследовательские узлы, но и связи между

ними, что особенно важно для понимания процесса циркуляции толстовских текстов и идей в китайском культурном пространстве. Анализ рис. 4 показывает, что система толстоведения в Китае демонстрирует многомерное развитие. Наряду с традиционными литературоведческими интерпретациями всё большее внимание уделяется вопросам текстовой трансляции, путей рецепции и цивилизационного взаимодействия [3].

В рамках литературоведческого анализа сформировалась систематическая исследовательская линия, сосредоточенная на романе как центральном объекте изучения, но также затрагивающая драматургию и религиозную литературу. Особое внимание уделяется классическим произведениям, таким как «Анна Каренина» [4–6], «Воскресение» [7–8], «Смерть Ивана Ильича» [9], а также исследованиям перевода и публикации произведений Толстого в Китае [10] и его религиозной мысли [11–12]. Параллельно ведутся углублённые исследования театрального наследия Толстого [13–15]. Кроме того, новые перспективы в изучение толстоведения вносят работы, посвящённые биографическим исследованиям, включая «Биографию Льва Толстого» под редакцией Шкловского [16] и анализ феномена «бегства» Толстого, предложенный Янь Куанем в его интерпретации биографии Басинского [17].

В межкультурных исследованиях прослеживаются два ключевых направления. Во-первых, исторический анализ восприятия Толстого в Китае выявил влияние его образов на китайскую литературу: например, изображение «дикого репейника» (野薊) в «Хаджи-Мурате» оказало влияние на сборник эссе и поэзии Лу Сюня «Дикая трава» [1, 18], а адаптация «Воскресения» в китайской драматургии, созданная Тянь Ханем [19], свидетельствует о проникновении толстовских идей в национальный культурный контекст.

Во-вторых, в философском диалоге между Западом и Востоком проявляются такие примеры, как перевод Толстым «Великого обучения» – первой из Четырёх книг конфуцианского канона [20], его взаимодействие с буддийскими идеями [21], обмен идеями с учениями Лао-цзы и Чжуан-цзы [22–23] и влияние на идеи Ганди [24], что отражает его роль в междоцивилизационном обмене.

Переосмысление толстовских текстов демонстрирует отход от традиционного трагического восприятия «Анны Карениной» в сторону культурной семиотики. Этот сдвиг проявляется в межвременных сопоставлениях с «Сном в красном тереме» [25] и «Альми буквами» [26], биографическом анализе формирования литературных персонажей, представленном в «Истинной истории Анны Карениной» Басинского [27], а также в повторной активации тем «национального характера» и «религиозного искупления» [28–29], что в совокупности реконструирует интерпретационное пространство классического образа.

Анализ толстовских идей в историко-философском контексте демонстрирует три ключевых исследовательских направления. Первое касается концепции искупления первородного греха, её связи с русской революционной мыслью и диалога образа народности в «Войне и мире» с социальными трансформациями XX века. Второе направление посвящено влиянию Толстого на китайскую литературу и его взаимодействию с китайской революционной литературой [30–31], включая творчество Шэнь Цуньвэна [32], Лю Цина [33], Ли Дачжао [34] и Мяо Дуня. Третье направление исследует межкультурный обмен образовательными концепциями, демонстрируя когнитивное столкновение между моральными представлениями философов периода до Цинь и педагогическими взглядами Толстого [35].

Отдельного внимания заслуживают исследования толстовского литературного кавказского дискурса. В произведениях «Казачьи» и «Хаджи Мурат» [36] создаётся сложная связь между региональной культурой и судьбой личности, что позволяет Толстому использовать Кавказ как символический образ цивилизационного конфликта. Лю Ядин [37], опираясь на путешествия и творческое наследие Лермонтова и Л. Толстого, воссоздаёт образ кавказских войн XIX века.

Таким образом, исследования Толстого имеют мультимодальную структуру, сочетая онтологический анализ его прозы с междисциплинарными и межкультурными подходами. Современное толстоведение объединяет традиционный литературный анализ с компаративистикой, религиоведением и культурной семиотикой. Это подтверждает, что толстовское наследие остаётся актуальным не только в литературном контексте, но и в более широком интеллектуальном дискурсе, становясь платформой для глобального гуманитарного диалога.

Заключение

Анализ публикаций в CNKI (1992–2024) с помощью CiteSpace показал структуру и динамику развития толстоведения в Китае. Академические центры Пекина, дельты Янцзы и Северо-Восточного Китая сформировали многомодальную сеть теоретических инноваций. Кластерный анализ ключевых слов выявил три направления эволюции толстоведения в Китае. Во-первых, исследования литературной онтологии расширяют дискурсивные границы толстовства через интерпретации классических текстов с позиций нарратологии, этики и религиозной философии. Во-вторых, наблюдается активное междисциплинарное взаимодействие: обновление методологии биографических исследований, семиотики и образовательной мысли расширяет традиционные подходы к анализу толстовского наследия. В-третьих, идеи Толстого вступают в исторический диалог с древнекитайской философией и революционной литературой.

Библиографический список

1. Инь Пэнфэй. Перевод теории Толстого и исследование Лу Синем революционной литературы [Ж]. *Literary Review*, 2024: 95-103. Чжан Бин. Пекинский университет и развитие «Львоведения Толстого» в Китае [Ж]. *Chinese Russian Language Teaching*, 2024. № 43 (3). С. 50-58.
2. Чжан Синюй. Новые разработки в современном российском Львоведении Толстого (2000-2018) [Ж]. *Russian Literature and Art*, 2020. № 4. С. 39-50.
3. Сунь Янь, Чжан Цзе. Реальность за пределами истории: религиозная интерпретация «Анны Карениной» [Ж]. *Foreign Literature Studies*, 2016. № 38 (5). С. 137-145.
4. Лю Я. Структура и изобразительное искусство «Анны Карениной» [Ж]. *Зарубежная литература*, 1998. № 3. С. 87-90.
5. Ма Цян. Непреодолимые препятствия: переосмысление трагедии Анны [J]. *Зарубежная литература*, 1998. № 2. С. 64-67.
6. Ли Чжэнжун. О «Воскресении» как риторике жизни и смерти Льва Толстого [J]. *Русская литература и искусство*, 2020. № 4. С. 4-18.
7. Е Фанфан. От «Воскресения» к «心狱»: современный литературный перевод и тематическая трансформация романов – исследование первого китайского перевода «Воскресения» Льва Толстого [J]. *Зарубежная литература*, 2021. № 38 (5). С. 92-96, 111.
8. Цзэн Чжу. От «смерти» к «возрождению» – «Смерть Ивана Ильича» с точки зрения коллаборативной антропологии [J]. *Русская литература и искусство*, 2023. № 4. С. 72-81.
9. Ян Ли, Чжан Юэ. Перевод и публикация романов Льва Толстого в Китае [J]. *Contemporary Foreign Language Studies*, 2022. № 2. С. 130-138.
10. Ван Чжигэн. Обзор религиозной критики Толстого с Нового времени [Z]: Культура и поэтика, 2023. С. 2-40.
11. Цзинь Мэйлин. Отклонение от православия и преодоление барьеров: рациональная вера Толстого и её современная интерпретация [Z]: *Журнал христианской культуры*, 2023. С. 64-80.
12. Ван Шуфу. От плюрализма к национализму: эволюция интерпретации драмы Толстого в России [Ж]. *Драма (Журнал Центральной академии драмы)*, 2024. № 5. С. 141-153.
13. Ван Лидань. Лебединая песня элиты и трагедия империи: к теме русской судьбы в пьесе «Криминальная история, или Три смерти» [Ж]. *Chinese Russian Language Teaching*, 2019. № 38 (3). С. 61-68.
14. Ма Цзяцзюнь. Нарративное искусство и психологический анализ драмы Толстого [Ж]. *Contemporary Drama*, 2010. № 4. С. 14-17.
15. Чжао Сяобинь, Цзяо Ян. Биография Льва Толстого, написанная Шкловским [Ж]. *Русская литература и искусство*, 2019. № 2. С. 63-71.
16. Янь Куань. О психопатологическом анализе в биографических записях Басинского [Ж]. *Исследования тенденций зарубежной литературы*, 2024. № 4. С. 45-58.
17. Гао Юаньбао. К вопросу о происхождении названия «Дикая трава» с точки зрения «аллюзий» [Ж]. *Academic Monthly*, 2024. № 56 (9). С. 144-152.
18. Го Сыхэн. Адаптация как интерпретация – о пьесе Тянь Ханя «Воскрешение» и дополнении к её адапционному замыслу [Ж]. *Modern Chinese Literature Journal*, 2024: 90-98.
19. Чжан Хунъянь, Нин Цзин. Анализ феномена трансмиссии и причин распространения «Великого учения» в России [Ж]. *Chinese Russian Language Teaching*, 2022. № 41 (2). С. 61-70.
20. Сюй Ван. Лев Толстой и буддизм [Ж]. *Русская литература и искусство*, 2021. № 1. С. 33-42.
21. Цай Баоси. О религиозных воззрениях Толстого и учении Лао-цзы [Ж]. *Русская литература и искусство*, 2003. № 5. С. 67-70.
22. Се Наньдоу. Учение Лао-цзы и Чжуан-цзы и Толстой [Ж]. *Русская литература и искусство*, 2000. № 4. С. 40-44.
23. Цзя Хайтао, Е Юйчэнь. Западное образование или индийская культура как основа? - Переосмысление источников и основ учения Ганди [Ж]. *Журнал Синьцзянского университета (издание по философии и социальным наукам)*, 2024. № 52 (5). С. 64-73.
24. Чжан Ваньюй. Предварительное исследование типологического сравнения персонажей в «Анне Карениной» и «Сне в красном тереме» [J]. *Журнал Пекинского университета (иностранные языки и литература)*, 1999. (S1). С. 168-172.
25. Синь Цзюэру, Хэ Хайлунь. Испуление или разочарование – сравнение «Алой буквы» и «Анны Карениной» [J]. *Журнал Южно-Китайского педагогического университета (издание*

- по социальным наукам), 2002. № 2. С. 72-76, 123.
26. Гао Юй. Граница между русской литературой и реальностью – рецензия на «Правдивую историю Анны Карениной» [J]. Аудиовизуальное обучение иностранным языкам, 2023. № 6. С. 103.
27. Цзинь Яна. Переосмысление фразы «Мне отмщение, Аз воздам» [J]. Обзор иностранной литературы, 2008. № 3. С. 27-34.
28. Ли Тяньюнь. Проблема богочеловека и божественного у Толстого — проблема Христа в 11-й главе пятой части «Анны Карениной» [J]. Русская литература и искусство, 2018. № 3. С. 22-29.
29. Яо Жуйлин. Перевод и введение в литературу Толстого «Об искусстве» и революционные литературные взгляды в Китае начала XX века [J]. Исследования китайской литературы, 2017. № 2. С. 100-104.
30. Ван Чжигэн. Лев Толстой и китайская революция [J]. Журнал Университета Цинхуа (издание по философии и социальным наукам), 2018. № 33 (1). С. 65-73, 195.
31. Сян Цзифа. О восприятии и трансформации Льва Толстого Шэнь Цунвэнем — использование истории чтения как пути исследования [J]. Chinese Comparative Literature, 2024. № 1. С. 87-101.
32. Хоу Вэйхун, Цзэн Чжаоди. Отдавая дань уважения Толстому сквозь время и пространство жизнью и творчеством — О принятии Толстого Лю Цином [J]. Russian Literature and Art, 2024. № 3. С. 118-128.
33. Чжоу Цзыцзянь. От Толстого до Маркса: понимание Ли Дачжао и трансцендентность гуманизма [J]. Party History Research and Teaching, 2023. № 1. С. 13-24.
34. Ван Цзэцзюнь. Влияние образовательной мысли доциньских философов Китая на Россию — Сравнительное исследование Толстого и образовательной мысли доциньских философов [J]. Журнал Юго-Западного университета национальностей (издание по гуманитарным и социальным наукам), 2007. № 2. С. 213-216.
35. Фэн Сяоцин. Кавказ: исследование национальных и религиозных вопросов в произведениях Толстого [J]. Русская литература и искусство, 2014. № 4. С. 18-23.
36. Лю Ядин. Литературное изображение XIX Кавказских войн: исследование путешествий и произведений Лермонтова и Льва Толстого [J]. Русские исследования, 2011. № 2. С. 30-46.
37. Нестеров О.В. Информационно-аналитические системы как инструмент снижения операционных издержек промышленных предприятий // Альманах «Крым». 2025. № 49. С. 134-143.

References

1. Yin Pengfei. Translation of Tolstoy's Theory and Lu Xun's Studies of Revolutionary Literature [F]. Literary Review, 2024: 95-103. Zhang Bing. Peking University and the Development of "Tolstoy Leo Studies" in China [F]. Teaching Chinese Russian, 2024. № 43 (3). P. 50-58.
2. Zhang Xinyu. New Developments in Contemporary Russian Tolstoy's Leo Producing Studies (2000-2018) [F]. Russian Literature and Art, 2020. № 4. P. 39-50.
3. Sun Yan, Zhang Jie. Reality Beyond History: Religious Interpretation of "Anna Karenina" [F]. Foreign Literary Studies, 2016. № 38 (5). P. 137-145.
4. Liu Ya. The Structure and Fine Art of "Anna Karenina" [Z]. Foreign Literature, 1998. № 3. P. 87-90.
5. Ma Qiang. Insurmountable Obstacles: Rethinking the Tragedy of Anna [J]. Foreign Literature, 1998. № 2. P. 64-67.
6. Li Zhengrong. On "Resurrection" as the Rhetoric of Leo Tolstoy's Life and Death [J]. Russian Literature and Art, 2020. № 4. P. 4-18.
7. E Fangfang. From "Resurrection" to "心狱": Modern Literary Translation and Thematic Transformation of Novels – A Study of the First Chinese Translation of Leo Tolstoy's "Resurrection" [J]. Foreign Literature, 2021. № 38 (5). P. 92-96, 111.
8. Zeng Zhu. From "Death" to "Rebirth" - "The Death of Ivan Ilyich" from the Perspective of Collaborative Anthropology [J]. Russian Literature and Art, 2023. № 4. P. 72-81.
9. Yan Li, Zhang Yue. Translation and Publication of Leo Tolstoy's Novels in China [J]. Modern Foreign Language Studies, 2022. № 2. P. 130-138.
10. Wang Zhigeng. A Review of Tolstoy's Religious Criticism since the Modern Age [Z]: Culture and Poetics, 2023. P. 2-40.
11. Jin Meiling. Deviation from Orthodoxy and Overcoming Barriers: Tolstoy's Rational Faith and Its Modern Interpretation [Z]: Journal of Christian Culture, 2023. P. 64-80.

12. Wang Shufu. From Pluralism to Nationalism: The Evolution of Tolstoy's Traditional Drama in Russia [Z]. *Drama (Journal of the Central Academy of Drama)*, 2024. № 5. P. 141-153.
13. Wang Lidan. The Swan Song of the Elite and the Tragedy of the Empire: On theme of Russian Fate in the Play "Criminal History, or Three Deaths" [Z]. *Teaching Chinese Russian*, 2019. № 38 (3). P. 61-68.
14. Ma Jiajun. Narrative Art and Psychological Analysis of Tolstoy's Drama [Z]. *Modern Drama*, 2010, № 4, P. 14-17.
15. Zhao Xiaobin, Jiao Yang. Shklovsky's Biography of Leo Tolstoy [Zh]. *Russian Literature and Art*, 2019, № 2, P. 63-71.
16. Yan Kuan. On Psychopathological Analysis in Basinsky's Biographical Notes [Zh]. *Studies of Foreign Literature Trends*, 2024, № 4, P. 45-58.
17. Gao Yuanbao. On the Origin of the Name "Wild Grass" from the Perspective of "Allusion" [Zh]. *Academic Monthly*, 2024, № 56 (9). P. 144-152.
18. Guo Siheng. Adaptation as Interpretation: On Tian Han's Play "Resurrection" and Additions to Its Adaptational Concept [Zh]. *Journal of Modern Chinese Literature*, 2024: 90-98.
19. Zhang Hongyan, Ning Jing. Analyze the Phenomenon of Transmission and the Reason for the Spread of the "Great Learning" in Russia [Zh]. *Teaching Chinese to Russian*, 2022. № 41 (2). P. 61-70.
20. Xu Wang. Leo Tolstoy and Buddhism [Zh]. *Russian Literature and Art*, 2021. № 1. P. 33-42.
21. Cai Baoxi. On Tolstoy's Religious Views and the Teachings of Lao Tzu [Zh]. *Russian Literature and Art*, 2003. № 5. P. 67-70.
22. Xie Nandou. The Teachings of Lao Tzu and Zhuang Tzu and Tolstoy [Zh]. *Russian Literature and Art*, 2000. № 4. P. 40-44.
23. Jia Haitao, Ye Yuchen. Western Education or Indian Culture as a Foundation? - Rethinking the Sources and Foundations of Gandhi's Teachings [Zh]. *Journal of Xinjiang University (Philosophy and Social Science Press)*, 2024. № 52 (5). P. 64-73.
24. Zhang Wanyu. Preliminary Study on Typological Comparison of Characters in "Anna Karenina" and "Dream of the Red Chamber" [J]. *Journal of Peking University (Foreign Languages and Literature)*, 1999. (S1). P. 168-172.
25. Xin Jueru, He Hailun. Redemption or Disappointment: A Comparison of "The Scarlet Letter" and "Anna Karenina" [J]. *Journal of South China Normal University (Social Science Press)*, 2002. № 2. P. 72-76, 123.
26. Gao Yu. The Border Between Russian Literature and Reality: A Review of "The True Story of Anna Karenina" [J]. *Audiovisual Teaching of Foreign Languages*, 2023, № 6, p. 103.
27. Jin Yana. Rethinking the Phrase "Vengeance is Mine, I Will Repay" [J]. *Review of Foreign Literature*, 2008, № 3, P. 27-34.
28. Li Tianyun. The Problem of the God-Man and the Divine in Tolstoy: The Problem of Christ in Chapter 11 of Part V of "Anna Karenina" [J]. *Russian Literature and Art*, 2018, № 3, P. 22-29.
29. Yao Ruiling. Translation of and Introduction to Tolstoy's "On Art" and Revolutionary Literary Views in China at the Beginning of the Twentieth Century [J]. *Chinese Literary Studies*, 2017, № 2, P. 100-104.
30. Wang Zhigeng. Leo Tolstoy and the Chinese Revolution [J]. *Journal of Tsinghua University (Philosophy and Social Science Edition)*, 2018, № 33 (1). P. 65-73, 195.
31. Xiang Zifa. On Shen Congwen's Reception and Transformation of Leo Tolstoy - Using the History of Reading as a Path of Research [J]. *Chinese Comparative Literature*, 2024, № 1, P. 87-101.
32. Hou Weihong, Zeng Zhaodi. Paying Homage to Tolstoy Across Time and Space with Life and Work - On Liu Qing's Acceptance of Tolstoy [J]. *Russian Literature and Art*, 2024. № 3. P. 118-128.
33. Zhou Zijian. From Tolstoy to Marx: Understanding Li Dazhao and the Transcendence of Humanism [J]. *Party History Research and Teaching*, 2023. № 1. P. 13-24.
34. Wang Zejun. The Influence of Pre-Qin Chinese Philosophers' Educational Thought on Russia - A Comparative Study of Tolstoy and Pre-Qin Philosophers' Educational Thought [J]. *Journal of Southwest University for Nationalities (Humanities and Social Sciences Edition)*, 2007. № 2. P. 213-216.
35. Feng Xiaoqing. The Caucasus: A Study of National and Religious Issues in Tolstoy's Works [J]. *Russian Literature and Art*, 2014. № 4. P. 18-23.
36. Liu Yading. Literary Portrayals of the 19th Caucasian Wars: A Study of the Travels and Works of Lermontov and Leo Tolstoy [J]. *Russian Studies*, 2011. № 2. P. 30-46.
37. Nesterov O.V. Information and analytical systems (IAS) as a tool for reducing operating costs of industrial enterprises // *Almanac «Crimea»*. 2025. № 49. P. 134-143.

Барсуков Р.Р.

Преподаватель кафедры тактики и боевой работы, майор. Саратовское высшее артиллерийское командное училище, г. Саратов. ORCID: 0009-0008-1008-9471

Матвеева Е.А.

Кандидат культурологии, преподаватель ОСПДО. Энгельсский технологический институт (филиал) ФГБОУ ВО Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., г. Энгельс. ORCID: 0009-0006-1099-4725

Шиндель В.В.

Магистрант. ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов. ORCID: 0009-0005-9922-8156

Репрезентация субкультуры СВО (на материале культурных практик участников боевых подразделений)*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности субкультуры СВО, репрезентированные в интернет-дискурсе представителями боевых подразделений. Поскольку в зоне проведения специальной военной операции участвуют военнослужащие регулярной армии Министерства обороны Российской Федерации, добровольческие отряды, мобилизованные граждане, а также представители специального контингента (лица из мест лишения свободы), то, соответственно, формируется особая подсистема военной культуры (далее: субкультура СВО). В статье исследованы технологии репрезентации субкультуры СВО на примерах песни штурмового подразделения «Шторм-423» и контента Telegram-канала «Доброволец Z#art». Литературоведческий анализ текста песни «Это братья мои...» позволяет отнести произведение «Шторма-423» к жанру армейского шансона. Семиотический метод, использованный для исследования текстов «новелл» в сочетании с графическими изображениями автора канала «Доброволец Z#art» с поэтическим Учитель дает основание определить данный эго-текст как жанр военного дневника. Рассмотренные в статье примеры свидетельствуют о специфике субкультуры СВО, которая по своей структуре латентна, фрагментарна, отличается гибридным характером. Выводы, полученные в результате проведенного анализа, могут найти свое подтверждение и при рассмотрении аналогичных примеров, которые, в свою очередь, могут существенно расширить эмпирическую базу по заявленной теме, что свидетельствует о ее актуальности и открывает перспективы для дальнейшего исследования феномена субкультуры СВО.

Ключевые слова: специальная военная операция, субкультура СВО, штурмовое подразделение «Шторм-423», добровольцы, Telegram-канал «Доброволец Z#art», технологии репрезентации, новелла, военный дневник.

* © Барсуков Р.Р., Матвеева Е.А., Шиндель В.В., 2025.

Репрезентация субкультуры СВО (на материале культурных практик участников боевых подразделений)

Barsukov R.R.

Lecturer in the Tactics and Combat Operations Department, Major. Saratov Higher Artillery Command School, Saratov. ORCID: 0009-0008-1008-9471

Matweeva E.A.

Candidate of Cultural Studies, Lecturer in the Specialized Professional Development Program. Engels Technological Institute (branch) of the Saratov State Technical University named after Yuri Gagarin, Engels. ORCID: 0009-0006-1099-4725

Shindel V.V.

Master's Student. Saratov State Law Academy, Saratov. ORCID: 0009-0005-9922-8156

SVO Subculture Representation (on the Basis of Combat Unit Participants' Cultural Practices)

Abstract. The article examines the peculiarities of the special military operation subculture represented in the Internet discourse by the combat unit participants. Since the full-time servicemen of the Russian Ministry of Defense, the volunteer crops, the mobilized citizens, as well as the representatives of the special forces (those from imprisonment) participate in the zone of the special military operation, a special subsystem of the military culture (hereinafter referred to as the SVO subculture) is being formed. The technologies of representing the SVO subculture illustrated by the “Storm-423” assault unit’s song and the Telegram channel “Volunteer Z#art” content have been researched. A literary analysis of the lyrics of the “Storms-423” unit’s song “These are my brothers ...” has made it possible to attribute the piece under discussion to the army chanson genre. The semiotic method used to study the texts of the “novellas” in combination with graphic images by the Telegram channel “Volunteer Z#art” author (nicknamed “Teacher”) has given grounds to define this ego-text as the war diary genre. The examples provided in the present paper indicate the specifics of the SVO subculture, which is latent, fragmentary, and characterized by a hybrid nature. The conclusions obtained as the result of the analysis can be confirmed when considering the similar examples, which, in turn, can significantly expand the empirical base on the claimed subject, which indicates its relevance and opens up prospects for further research of the SVO subculture phenomenon.

Key words: special military operation, special military operation subculture, “Storm-423” assault unit, volunteers, Telegram channel “Volunteer Z#art”, technology of representation, novella, war diary.

Введение

С 2022 по 2025 гг. на платформе Российской электронной библиотеки опубликовано свыше 4000 научных работ, посвященных самым разным проблемам изучения специальной военной операции, в том числе более 200 публикаций, в которых исследуются различные аспекты формирования субкультуры СВО – подсистемы военной культуры. Боевые задачи в зоне военного противостояния выполняют военнослужащие регуляр-

ной армии Министерства обороны Российской Федерации, добровольческие отряды, мобилизованные граждане, лица из мест лишения свободы; представители не только многонационального народа нашей страны, но и граждане других государств (с 2024 г. на официальном уровне было заявлено о военном сотрудничестве с КНДР). В результате организовалось боевое братство, которое, в свою очередь, формирует свое особое культурное пространство со свойственными ему системой координат и ценностей. О специфике этого пространства, репрезентированного в культурных практиках представителей отдельных боевых подразделений, и пойдет речь в нашей статье.

Начнем с того, что субкультура СВО есть не что иное, как подсистема военной культуры (ВКО). Авторы разделяют мнение В.Н. Гребенькова, который приводит следующее определение военной культуры: «ВКО включает в себя те элементы общественного сознания и духовной культуры страны или региона, которые связаны с военно-политическими институтами и процессами. Она представляет руководящие принципы поведения в военной сфере, нормы, идеалы, обеспечивающие единство и взаимодействие институтов и организаций, придавая целостность и интегрированность военной сфере. В качестве составных элементов ВКО включает в себя сформировавшиеся в течение многих поколений традиции военной защиты общества, действующие нормы воинской деятельности, идеи, концепции и убеждения народа в отношении вооруженной защиты существующей политической системы и отечества в целом» [3, С. 85]. К сожалению, приходится признать, что в определенные периоды отечественной истории (90-е гг. XX в.) наблюдалась оторванность общества от армии, появилось отчуждение, о специфике которого подробно пишет исследователь Н.В. Тищенко в работе «Воин: образ и контекст. К проблеме репрезентации образа военнослужащего в российских средствах массовой информации» [11]. Феномен отчуждения усилился с началом СВО и наблюдается преимущественно в среде представителей либеральных кругов; в то же время произошла консолидация общества, сформировалось волонтерское движение помощи участникам боевых действий, вернулось понимание того, что истинные союзники России – «армия и флот».

Поскольку «Россия испокон веков была сильным централизованным государством со своей военной элитой – офицерством» [12, С. 70], не взирая на тот или иной «исторический контекст», военной культуре свойственен традиционализм, черты которого обнаруживаются и в субкультуре СВО. Появление штурмовых подразделений, обусловленное военной необходимостью и связанное со спецификой выполнения боевых задач, вносит черты тюремной субкультуры; впрочем, штурмовые подразделения – это не новое явление, достаточно вспомнить историю Великой Отечественной войны, чтобы найти в определенном смысле аналогичные примеры, когда

заклученные шли на штурм, желая или не желая (это уже отдельный вопрос) «смыть позор кровью» часто ценой своей жизни. Обнаруживаются в субкультуре СВО и черты религиозной культуры, так как в зоне специальной военной операции воюют представители разных конфессий и для многих этот конфликт не только военное, культурное, но и цивилизационное противостояние [1, 12] – борьба за традиционные духовные ценности, отстаивание прав на религиозную и национальную идентичность.

Безусловно, в рамках данной публикации не представляется возможным дать комплексный анализ и оценку специфике субкультуры СВО и тем более проанализировать весь спектр культурных практик, репрезентированных, к примеру, участниками боевых действий. Но можно попытаться обозначить границы проблемного поля субкультуры СВО на основе конкретных объектов, созданных представителями отдельных воюющих подразделений и репрезентированных в интернет-дискурсе. Для реализации поставленной задачи (выявления технологий репрезентации субкультуры СВО) мы ограничились анализом объектов культурных практик добровольца с позывным Учитель, а также бойцов штурмового подразделения «Штурм-423». **Предметом** исследования выступают технологии репрезентации субкультуры СВО, **объектом** – культурные практики, в символическом пространстве которых данные технологии обнаруживаются; **материалом** для исследования послужили новеллы и графика добровольца с позывным Учитель, а также песня «Это братья мои...» о бойцах подразделения «Штурм-423».

Обсуждение.

Некоторые аспекты песенного (военного) дискурса были рассмотрены в работе Е.И. Мищенко «Культурно-тематические особенности современной военной песни», в которой автор ограничивается периодами исторического времени после окончания Второй мировой войны и первой четверти XXI в., при этом не берется анализировать песни периода СВО, так как: «... исследовательская рефлексия применима к устоявшемуся материалу, прошедшему «проверку временем», и тем самым закрепившемся в качестве узнаваемого и воспроизводимого аудиторией сегмента военной песенной культуры» [8, С.76]. В статье «Песни периодов ВОВ и СВО: сравнительный анализ» [4] авторами Р.Ф. Зинатуллиным и Р.Р. Барсуковым впервые предпринимается попытка исследовать и детерминировать штрихпунктирно сходство и различия в содержании песен ВОВ и СВО. В представленной статье авторы подробно останавливаются на литературоведческом анализе одного музыкального произведения периода СВО.

Песня «Это братья мои...», посвящена «Штурму-423» – штурмовому подразделению, которое входит в состав 423 гвардейского мотострелкового Ямпольского Краснознамённого, орденов Суворова и Кутузова полка. Этот полк участвовал с 1942 года в Великой Отечественной войне, потом

во Второй чеченской войне, а теперь успешно выполняет боевые задачи в зоне специальной военной операции. Всем русским людям известна цитата: «Нам песня строить и жить помогает». Точно также помогает песня и военным – «воевать и побеждать». Сочинять песни на линии боевого соприкосновения едва ли возможно, и далеко не каждый обладает таким талантом, но можно в устной форме поведать о реалиях военного времени, погибших и выживших товарищах творческим людям, а уж песня появится непременно. Таким образом в 2024 году и была сочинена песня «Это братья мои ...» (слова В.Н. Пасечник, музыка – И.В. Оленев). Василий Пасечник родился в рабочем поселке Советское Саратовской области в семье военных, получил высшее образование в Саратовской государственной юридической академии, проходил срочную службу в армии, поэтому интерес к военной теме неслучаен. Песня «Это братья мои ...» (другое название песни «Ямпольский шторм») сочинена на основе рассказов одного из саратовских бойцов полка «Шторм-423» с позывным Кизляр. Приведем текст музыкального произведения.

Песня «Это братья мои ...»

Пацанов забирала кровавая тьма!
И горела посадка, взрывались дома,
С неба падали дроны, как дьявольский дождь!
Здесь до дури врагов, как мышей в блиндаже,
На исходе БК и неважно уже,
Что от грязи и копоты сам стал на чёрта похож!
И броня в решето, и не тянет движок!
В огневой попадает машина мешок,
Но у Шкипера фарту сегодня на десятерых!
И он тянет машину сквозь огненный ад,
И машина ревет, матерится солдат,
Но Господь помогает ему оставаться в живых!

Припев:

Пусть когда-нибудь вспомнят в далёком потом,
Как ковали победу огнем и трудом,
Как в степи бушевал грозный Ямпольский шторм!
Это больше, чем гордость и сила внутри,
Это яркие отблески ранней зари!
Это братья мои из 423,
Это братья мои из 423!
Кто ты, воин? Отвечу: «Урал, Ахиллес,
Я Одесса, я Карой спустился с небес,

Я Тайфун и Кизляр, Восток, Плохой и Каскад!
И Красивый, Буденный, Матрос и Цыган,
Пуля, Джаш, Водяной, Адекват, Тунгус, Рамазан
За мою спиною в строю, как живые, стоят!

Я горю в БМП, я врываюсь в укреп,
Я делю с пацанами последний свой хлеб,
Я останусь живым, даже если погибну в бою,
Потому что, как водится, русский солдат
Не страшится чертей, и берет автомат,
И идет воевать за родимую землю свою!»

Припев:

Пусть когда-нибудь вспомнят в далёком потом
Как ковали победу огнем и трудом
Как в степи бушевал грозный Ямпольский шторм!

Это больше, чем гордость и сила внутри,
Это яркие отблески ранней зари!
Это братья мои из 423,
Это братья мои из 423!
Ямпольский шторм!
Ямпольский шторм!
Ямпольский шторм!
Ямпольский шторм!

«Это братья мои...»¹ – военная патриотическая авторская песня о русском солдате, который встал на защиту своей родины. Лирический герой песни – боец подразделения «Шторм» 423 Ямпольского полка. Он описывает страшный бой, участником которого является сам. Находясь в БМП, боец сначала изображает все, что он видит вокруг: горящие деревья, взрывы домов, падающие БПЛА. Потом говорит о повреждении машины и о пожаре, возникшем в ней.

В песне много указаний на военные реалии СВО. Это и дроны (беспилотные летательные аппараты), и БК (боекомплект), и БМП (боевая машина пехоты), и позывные бойцов, и сравнения, понятные для военнослужащих (большое количество врагов сравнивается с нашествием грызунов в блиндажах СВО: «как мышей в блиндаже»). Для обозначения военных терминов используются сокращенные названия (БК, БМП) вместо полных или, наоборот, разговорное слово «дроны» вместо сложной аббревиатуры

¹ Песня «Это братья мои» выложена на личной странице автора В.Н. Пасечника на канале Telegram.

БПЛА. В тексте также присутствует армейский жаргон. Например, выражение «огневой мешок» означает зону, в которой при появлении противника открывается огонь, а слово «укреп» – район, в котором находятся защитные сооружения, необходимые при длительной обороне. Это обусловлено доминирующей разговорной интонацией в тексте песни.

Отдельного внимания заслуживает семантическое поле позывных в песне. Исследователь Н.А. Родина отмечает: «прозвища используются при социализации, становлении самосознания человека в детстве и юности, а также в процессе профессионализации взрослых военнослужащих» [10, С. 117]. В тексте песни 20 позывных, которые с точки зрения этимологии можно разделить на несколько групп. К первой группе относятся позывные с географическим названием местности, имеющим важное значение для военнослужащего: Урал, Одесса, Кизляр. Ко второй группе – позывные с указанием на национальность (Цыган, Тунгус). К третьей группе – позывные с именами литературных героев и исторических личностей: Ахиллес, как известно, является героем древнегреческой мифологии и литературным героем в «Илиаде» Гомера, а Буденный – это позывной в честь легендарного советского командира во время Гражданской и Великой Отечественной войны. Четвертая группа объединяет позывные с выделением какой-либо характеристики военнослужащего: Адекват сокращенно от «адекватный» – уравновешенный человек, с нормальным поведением, Плохой – характеристика негативная, но, скорее всего, подразумевается значение «опасный для врагов», в позывном Красивый подчеркивается особенность внешности. К этой же группе можно отнести грозные позывные Кара, Тайфун и Пуля. Кара указывает на возмездие, которое неминуемо ждет противника. Основное качество характера человека с таким позывным – справедливость. Позывной Тайфун несет в себе семантический смысл силы и стремительности разрушений от страшного стихийного бедствия. Название свинцового снаряда для стрельбы (Пуля) обращает внимание, скорее всего, на такую характеристику бойца, как быстрота выполнения задач. В пятую группу входят позывные с лингвистическим намеком на язык или группу языков многонациональной России. Примером является Джаш («сын», «юноша», «мальчик» в карачаево-балкарском языке) и Рамазан – имя арабского происхождения, распространенное среди мусульман в Чечне, Кабардино-Балкарии, Татарстане, Дагестане, Ингушетии и т.д. и означающее «палящий, сжигающий, родившийся в священный месяц Рамадан». Позывной Шкипер указывает по контексту в песне на род занятий военнослужащего: «и он тянет машину сквозь огненный ад...», то есть он механик-водитель БМП. Этимология позывного связана с морской тематикой и обозначает лицо, осуществляющее управление судном. Общий семантический смысл – управление машиной. Происходит перенос значения с водного судна на сухопутную военную машину. Происхожде-

ние позывных Матрос и Водяной сложно определить.

Помимо особенностей военной культуры в тексте заметны черты и тюремной субкультуры. Лексический анализ песни позволяет выделить непосредственно относящиеся к тюремному жаргону слова («фарт», «пацаны») и слова, не являющиеся блатной лексикой, но имеющие сниженную стилистическую окраску и использующиеся для особой выразительности. Так, просторечное выражение «до дури» используется здесь в значении «очень много», а слово «движок» означает «мотор машины». В четырехтомном «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова² указано, что слово «фарт» обозначает удачу, является просторечным словом, вульгаризмом из воровского жаргона. П.М. Корявцев в работе «Отдельные вопросы этимологии блатной фени» [6] отмечает, что слово «пацан» имело значение «приблатненный» подросток, а теперь стало общеупотребительным. Несмотря на это, оно, безусловно, является просторечным. Даже выражение «братья мои» в припеве песни, имеющее здесь значение боевого братства, единства воинов для защиты родины, связано с тюремной лексикой. Как указывает П.М. Корявцев [6], многозначное слово «брат» как обращение, в том числе «используется в общении блатных между собой». Нецензурной лексики в тексте нет, но есть указание на нее: «матерится солдат», что является стилистическим снижением. Скорее всего, причиной появления тюремной лексики в песне и в целом в субкультуре СВО является разрешение людям, отбывающим наказание в местах лишения свободы, проходить службу на СВО с последующим освобождением от уголовной ответственности. Таким образом, неофициальное общение бывших заключенных и профессиональных военных способствует синтезу армейского и тюремного жаргонов.

Литературоведческий анализ позволяет определить своеобразие песни как художественного произведения. В тексте 2 больших куплета из 12 строк, после них – припев. Куплеты распадаются на 2 шестистишия с рифмовкой аабсбс, то есть сначала идет парная рифмовка, потом кольцевая. Такую рифмовку называют еще ронсаровой строфой [5]. Стихи с такими рифмами писал французский поэт XVI века Пьер Ронсар. В русской поэзии рифмовку аабсбс использовал в своем творчестве С.М. Соловьев. Такое шестистишие, по справедливому замечанию Е.Д. Гиге, «является одним из самых «песенных» [2, С.2209]. Доминирующий размер в песне – четырехстопный анапест. Пятистопный анапест появляется только в 6 строке первого и третьего шестистишия, в 3 и 6 строке второго и четвертого шестистишия, что как раз характерно для жанра песни. В 3 шестистишии ритм четырехстопного анапеста сбивается в третьей и пятой строке, где идет перечисление позывных. Это можно объяснить

² Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. // URL: www/ushakovdictionary.ru
(Дата обращения: 4.11.2025)

тем, что четырехстопный трехсложный размер трудно выдержать при назывании конкретных имен. Четырехстопный и пятистопный анапест подходит для длинных музыкальных строк, складывающихся в песню-историю. Такие песни-истории характерны для русского шансона. В песне «Это братья мои» можно заметить такие черты шансона, как сюжетность (изображение боя), рассказ от первого лица, наличие тюремных жаргонизмов, эмоциональность, реалистичность, она исполняется под аккомпанемент акустической гитары. Эту песню можно отнести к жанру армейского шансона.

По тематике песня, безусловно, очень драматичная. Изображение боя, в котором участвует лирический герой, демонстрирует ужас от происходящего. Выразительные средства акцентируют внимание на отдельных страшных деталях. Олицетворение «пацанов забирала кровавая тьма» напоминает о гибели бойцов на войне. Падение беспилотников с неба уподобляется «дьявольскому дождю», поврежденная броня БМП с большим количеством отверстий сопоставляется с ситом («в решето»), а солдат во время боя сравнивается с чертом «из-за грязи и копоты», подчеркивая нечеловеческое начало войны как таковой. Антитеза добра и зла, связанная с противопоставлением дьявольского начала с чертами и божественного начала, пронизывает два первых шестистишия. Образ врага становится символом зла, «огненным адом», а на стороне русского воина Бог: «Господь помогает ему оставаться в живых!» Здесь представлено христианское представление о Боге-помощнике, выражающее надежду на спасение с помощью божественной силы. Инверсия «в огневой попадает машина мешок» намеренно разрывает единое выражение «огневой мешок», подчеркивая драматичность ситуации, когда машина оказывается в кольце, под обстрелом врага. Гипербола «у Шкипера фарту сегодня на десятерых» вселяет надежду на удачу и счастливый исход боя для русских воинов.

Припев переносит нас из описания боя в размышления о значении этого боя в будущем. Лирический герой уверен, что герои СВО останутся в памяти потомков. Обращает на себя внимание достаточно редкий случай субстантивации наречия «потом»: в выражении «в далеком потом» оно становится существительным, делая акцент на будущих поколениях, которые будут помнить о подвиге бойцов на СВО. С помощью метафоры «в степи бушевал грозный Ямпольский шторм!» автор песни проводит аналогию между грозным природным явлением и боем 423 Ямпольского полка. Фонетические средства выразительности придают особую эмоциональность припеву. Анафора «Как ковали победу огнем и трудом, / Как в степи бушевал грозный Ямпольский шторм!» подчеркивает значимость победы, доставшейся тяжелой ценой. Лексическая анафора «Это...», а потом «это братья мои из 423!» выражает гордость за друзей-бойцов, они стали для него не просто товарищами, а братьями:

Это больше, чем гордость и сила внутри,
 Это яркие отблески ранней зари!
 Это братья мои из 423,
 Это братья мои из 423!

В третьем шестистишии местоимение «я» повторяется 3 раза, а в четвертом шестистишии – 4 раза. С одной стороны, это создает особую доверительность интонации, подчеркивая личное переживание ситуации, с другой стороны, ярче становится контраст, так как имеется в виду не личность, а боевое братство («мы»). Его «я» объединяет всех бойцов, лирический герой на все готов ради друзей: «я делю с пацанами последний свой хлеб». Он представляется позывными 19 военнослужащих. В этом единении – сила воина: «За мою спину в строю, как живые, стоят!» Обращает на себя внимание большое количество восклицательных знаков в тексте, которые свидетельствуют о его драматичности и эмоциональности. Сравнение «как живые» напоминает о теме смерти, особенно актуальной на войне. О смерти лирический герой говорит и в последней строфе куплета песни: «я горю в БМП...», однако он убежден, что человек жив, пока о нем помнят: «я останусь живым, даже если погибну в бою». Вечна будет память о русском воине, который защищает свою родину. Вызывает интерес образ русского солдата в русском фольклоре, о котором напоминает лирический герой песни: «потому что, как водится, русский солдат не боится чертей...». Например, в русской народной бытовой сказке «Солдат и смерть» идет речь о встрече русского солдата с чертями на ночлеге и победе в борьбе с ними с помощью волшебной котомки. Надежда на волшебство в сказке и божественную помощь на СВО объединяются. Таким образом, происходит синтез образа русского солдата в фольклоре и в субкультуре СВО.

Последние строки, повторяющиеся 4 раза и не относящиеся ни к куплету, ни к припеву, звучат в песне тихо, как эхо конца строки. Ритмически эти маленькие строки представляют собой ударный слог как последний слог в анапесте и одностопный анапест:

Ямпольский шторм!
 Ямпольский шторм!
 Ямпольский шторм!
 Ямпольский шторм!

Но не только воспоминаниями о военных реалиях живут бойцы-штурмовики. Выживать и побеждать им помогает стремление вернуться в мирную жизнь, соединиться с родными и близкими. Они прекрасно знают истинную цену жизни и смерти: «Пространство войны и её время (как в физическом, так и метафизическом плане) представляются тем контек-



Рис. 1. Образцы №1, №2 авторских листовок с указанием радиочастоты оповещения «Волга».

стом, где раскрывается аксиология солдата в полной мере. Пограничность ситуации (между жизнью и смертью) создаёт напряжение, обостряет экзистенциальный выбор» [9, С. 26]. Хорошо, если этот выбор есть; тогда можно набрать радиочастоту «Волга» и спасти воюющим на стороне ВСУ бойцам жизнь. Так, на иллюстрациях, размещенных ниже, представлены авторские листовки³ одного из бойцов «Штурма-423» с позывным Кизляр. Безусловно, в зоне СВО разрешается использовать только утвержденные МО РФ типовые средства оповещения. Тем не менее представляют бойцы и произведения авторского творчества (в данном случае – листовки), которые, по сути, можно назвать и культурными практиками, и эго-технологиями репрезентации субкультуры СВО.

На листовках размещены тексты в формате стихотворений, смысл которых сводится к призыву военнослужащих ВСУ сдаться в плен с целью сохранения жизни. Для этого надо выйти по рации на радиочастоту «Волга». Образы матери и ребенка (на образце слева) и жены (справа) напоминают воюющим на стороне Украины о непреходящих ценностях – о жизни, семье, мире и используются для стилистической экспрессии представленной информации. Отметим также, что обращения, напечатанные на русском

3 Иллюстрации листовок выложены на личной странице военнослужащего с позывным «Кизляр» и публикуются с согласия автора. Указание ссылки на ресурс не предоставляется возможным по этическим соображениям.



Рис. 2. Образец авторской листовки №3 с указанием радиочастоты оповещения «Волга».

языке, но с использованием украинских слов несут в себе важный послыл о том, что русские и украинцы были братскими народами: «Люба моя!» и «Повертайся до дому!».

А вот и другой, хоть и несколько стилизованный под современность, но узнаваемый образ Родины-матери, призванный напомнить военнослужащим ВСУ и о событиях общей истории, о победе над фашизмом во время Великой Отечественной войны (рис. 2). Комментировать сам текст излишне: его содержание вполне понятно, отметим лишь дизайн, который можно увидеть на информационных листовках службы спасения, скорой помощи или в инструкциях на случай пожара.

Обратимся к рассмотрению объекта культурных практик, созданного добровольцем с позывным Учитель, который принимает участие в боевых действиях с самого начала специальной военной операции. Являясь создателем Telegram-канала «Доброволец Z#art», он репрезентирует субкультуру СВО с помощью дневника, в котором размещает видеозаписи, авторские новеллы, а также иллюстрации в виде графических рисунков на военную тему. Все записи и графические иллюстрации строго датированы, что позволяет определить жанр произведения Учителя как военный дневник. На наш взгляд, выбор такой авторской технологии закономерен;

он связан не только с желанием писать и рисовать, с целью получения разгрузки от психологического напряжения (высвобождения от негативных эмоций), но и отчасти с основной профессией: до начала специальной военной операции доброволец был учителем физики (отсюда и позывной). Педагоги структурируют и упорядочивают этапы своей профессиональной деятельности, анализируют реалии и запечатлевают события на бумаге: журнал успеваемости, отчетность или просто рабочий ежедневник. В заметке Telegram-канала от 03.10.2025 г. доброволец с легкой иронией приводит такой диалог:

– Учитель? «Почему у тебя позывной такой?» – спросил меня один из сослуживцев.

– По первому образованию учитель. Работал в школе учителем.

– Что закончил?

– Педагогический университет, физмат.

– А, понятно, – он смерил меня взглядом, посмотрел на мои руки и добавил, физкультурник. Сразу видно.

– Ну, как бы физик. Но иногда занимался физкультурой и спортом, – улынулся я ему⁴.

Размышляя о своем творчестве, Учитель признается: «Возможно, это нужно только мне одному. Просто так себя проявляю. Веду дневник. Рисую, в графике выражаю свои мысли и чувства, свое отношение к происходящему на этой войне ...». В этой связи справедливым представляется мнение исследователя С.К. Лашенко, которая размышляет об адекватности выбора средств для транслирования тех или иных явлений через искусство: «Самопознание и самопрезентация, преломленные сквозь призму законов художественного творчества, остаются зависимы от специфики избранного автором вида искусства, жанра, средств, которыми он владел; задач, которые решал; целей, которые преследовал. Обретая, таким образом, зависимость от каждого конкретного случая, феномены самопознания и самопрезентации, проявляющиеся в художественном произведении, начинают требовать к себе подхода, адекватного прежде всего данному опусу, не позволяя взойти от частного к общему» [7, С. 994].

В зоне специальной военной операции доброволец оказался в составе боевого подразделения «Ахмат», предварительно пройдя подготовку в Гудермесе в лагере Российского университета спецназа. Из записей в дневнике мы узнаем о семейном положении: доброволец женат (на скриншоте справа – авторский рисунок жены), воспитывает двух детей; встречаются заметки личного характера о жизни в прошлом и о планах на будущее.

Начинает свой дневник Учитель с пролога, в котором размышляет о смысле войны, о том, что кто-то ее начинает и кто-то обязательно заканчи-

⁴ Все записи добровольца с позывным Учитель в содержании авторского Telegram-канала можно найти, используя опцию «поиск».

Проект проект Доброволец Z (дневник)
В 2022 году поехал добровольцем на
СВО. И так три раза. Пишу новеллы о том
что видел, что слышал и рисую

Доброволец Z #art
2 571 subscribers



Рис. 3. Скриншот контента Telegram-канала «Доброволец Z#art».

вает, а кто-то пользуется трудами первых и последних. Представляя своих врагов, доброволец обращается к образам германо-скандинавской мифологии, мысленно воображая их оказавшимися после смерти в Вальхалле – месте, куда попадают после смерти павшие в битве воины. В этом «чертоге мертвых», пишет доброволец, даже «самый прожженный «азовец» будет просить красавиц Валькирий забрать его жизнь во время сражения, чтобы, умерев, продолжать сражаться со своими братьями, периодически вкушая мясо дикого кабана Сехримнира и пить мед волшебной козы Хейдрун». В этом сравнении усматриваются следующие смыслы: во-первых, в своих противниках Учитель отмечает демоническое inferнальное начало, а во-вторых, он проявляет к врагам уважительное отношение, как к воинам, готовым расстаться с собственной жизнью на поле боя. И все же реальный мир очень далек от представлений древних скандинавов: это только в кинематографе романтизируют жизнь, превращая ее в миф и «прельщая мнимым героизмом». Но, как признается доброволец, «... нам всем нужен миф, сказка, в которую хочется свято верить. В мире грез и фантазии проще жить», может быть, поэтому «Чертог мертвых никогда и никто не будет изображать ужасным. Чтобы не пугать тех, кого отправляют на верную смерть» (запись сделана в апреле 2023).

Современная война, по мнению Учителя, «это не идеализированные схватки на мечах викингов из кино, это не метание ножей в огороде в старую грушу или в дверь сарая, это военный хаос, в котором нет безопасных зон и тыловых позиций». Это высокотехнологичная война, которую называют странной те, кто там побывал. О реалиях СВО доброволец рассказывает с помощью видеороликов, в которых, например, даются подробные обзоры детектора дронов, антидронного ружья, средств спецсвязи, военной одежды, а также практические рекомендации по выживанию в зоне специальной военной операции. Особое внимание доброволец уделяет анализу и описанию военного оборудования, например, приводится краткая справка о характеристиках самоходной артиллерийской установки (САУ) «CAESAR» (производство Франция), имеющейся на вооружении ВСУ. Размещает в дневнике Учитель графические рисунки военной тех-

ники и отечественного производства (рис. 4).

Если собрать воедино все графические иллюстрации добровольца, то получится галерея, внутри которой можно выделить тематические группы работ: «военные профессии», «фронтовые будни», «портреты». В последней группе представлены иллюстрации с указанием позывных или без них, но обязательно с комментариями (на рис. 5 представлено 4 рисунка).

К группе «военные профессии» следует отнести графические рисунки «Гранатометчик», «Штурмовик», «Танкист», «Солдат», «Стрелок», «Снайпер» и т.д. О фронтовых буднях свидетельствуют иллюстрации «В засаде», «Напарники», «Пулеметный расчет», «В ожидании», «К бою готов», «За-



Рис. 4. Скриншоты рисунков образцов военной техники отечественного производства.



Рис. 5. Скриншоты портретов участников специальной военной операции.



Рис. 6. Скриншоты портретов погибших участников специальной военной операции.

чистка здания», «Установка флага».

Отдельного внимания среди графических работ заслуживают рисунки, посвященные погибшим фронтовым товарищам (рис. 6).

Первым в ряду изображен воин без позывного. Его можно было бы назвать «Неизвестный». Вот какой комментарий содержится под рисунком: «Когда ищут солдата, потом находят живого или мертвого, то плачут. А когда никто не ищет солдата. Потому что некому. И никто не плачет, что живой или мертвый. Не знаю. Лучше это или нет. Такое бывает ...». Далее, девушка (2 портрет), в правом углу рисунка – дрон. Из записей в дневнике узнаем: позывной Белка, оператор БПЛА, погибла 22 июля 2025 года на позиции в ДНР. Справа от Белки боец с позывным Гуня – разведчик 54 мотострелкового полка, погиб на боевом задании в августе 2024. Отец девятерых детей. Последний в ряду рисунок – портрет одного из тех, кто шел по трубе под землей к победе; в правом нижнем углу можно прочесть позывной Кирбос. В дневнике добровольца есть портреты и других участников операции «Труба» или «Поток», которые совершили беспрецедентный подвиг, разгромив противника, оккупировавшего Курскую область, зайдя по магистральному трубопроводу врагу с тыла (март 2024 г.).

Среди графических рисунков есть портреты с позывными Каспий (национальная принадлежность не указана, но внешне боец очень похож на выходцев из Кавказа), Грузин, Лезгин (позывные указывают на национальность); еще один портрет посвящен командиру – дагестанцу без указания национальной принадлежности (в Дагестане проживает более 36 этносов), вместо позывного под рисунком можно прочесть цитату: «Я русский офицер! Но дагестанец. Я сражаюсь за Россию! Но сын Дагестана!». В графике Учителя запечатлены не только позывные и даты тех или иных военных событий, в которых участвовали герои портретов, но и национальный характер бойцов. Показательно, на наш взгляд, то обстоятельство, что в



Рис. 7. Графические рисунки Добровольца Z на тему казачества.

дневнике добровольца уделяется внимание и национальной культуре народов России. Причем это относится не только к представителям Кавказа, но и к другим народностям, примером могут являться графические рисунки на тему казачества (рис. 7).

В общей сложности на платформе Telegram-канала «Доброволец Z#art» размещено 433 фотографии, 178 видео, записи ведутся практически ежедневно. Содержание дневника можно условно разделить на две части: первая – это хроника военных будней Учителя на СВО в режиме реального времени и вторая часть – это новеллы о фронтовых товарищах. Сюжетные линии переплетаются, дополняя друг друга, сопровождаются графическими рисунками. «Из маленьких зарисовок складывается большая картина. Хотя, какая она большая? Если представить себе, что там сотни тысяч людей, со своими судьбами, индивидуальным видением ситуации, то я с моим дневником здесь, маленькая песчинка в этом океане событий», – пишет Учитель. Так реконструируется хроника военных будней, в большей степени автобиографичных, в меньшей – с долей художественного вымысла.

Из первой части читатель узнает о том, что побудило добровольца отправиться на СВО, где он проходил подготовку, о первых днях на «нуле», затем в границах «серой зоны» с постепенным продвижением к линии боевого соприкосновения. Описывает Учитель свой отпуск (15 суток и еще 3 на дорогу), встречу с близкими – и так все события, день за днем, начиная с апреля 2022 года.

Вторая часть содержит новеллы «Охотники за дронами», «Живые и мертвые», «Сашка», «Беглец», «Туляк». И в каждой из них – авторская презентация реалий специальной военной операции. Несмотря на очень простую, лишённую замысловатых фраз и средств художественной выразительности манеру изложения, новеллы Учителя читать трудно: происходит погружение в атмосферу войны, которая опустошает душу, калечит судьбы, уносит человеческие жизни. Герои новелл добровольца, как правило, реальные обыкновенные люди, которым ничто человеческое не чуждо: сбежавший с позиции боец, бывший заключенный с выдуманном позывным Козырь («Беглец») или погибший оператор БПЛА из одноименной новеллы «Сашка». Рассказ о фронтовом товарище с позывным Туляк, по признанию Учителя, самый сложный. Герой отправляется на боевое задание на позицию, куда через час прилетит дрон противника. Туляк оказывается с товарищами под завалами дымящейся земли и погибает. Завершает новеллу постскрипtum: «Туляк, как и другие боевые товарищи, еще там, на позициях ... Они выполнили свой воинский долг. За что им большое уважение. На самом деле, позывной у этого героя другой. Я хотел назвать его имя и фамилию. Но родственники и друзья против. Поэтому пусть это будет Туляк». Не идеализирует Учитель в своих записях и себя: «Не чувствую себя героем. Но мужской поступок сделал. Построить дом,

посадить дерево, вырастить сына... Мне мало... И я такой не один. Намного таких, добровольцев...».

Выводы.

В статье исследованы технологии репрезентации субкультуры СВО на материале культурных практик участников боевых подразделений. Осуществлен литературоведческий анализ песни «Это братья мои ...» (другое название «Ямпольский шторм»), которая посвящена боевой работе штурмового подразделения «Шторм» 423 гвардейского мотострелкового Ямпольского Краснознамённого, орденов Суворова и Кутузова полка. Тот факт, что основой для написания песни послужили события в зоне проведения СВО и ее герои – реальные участники боевых действий, позволяет говорить о создании эго-текста в форме песни, появление которой было бы невозможным без личных историй бойцов подразделения. «Ямпольский шторм» – музыкальное произведение, текст которого содержит военную терминологию, лексику армейского жаргона, черты тюремной субкультуры, что позволяет авторам отнести песню к жанру армейского шансона. Армейский шансон, на наш взгляд, маркирует субкультуру СВО на микроуровне, отражая в малой форме ее характерные особенности – гибридность, латентность, фрагментарность. Мы имеем дело со смешением стилей, форм и жанров, что представляет определенные сложности даже с точки зрения выбора методологии исследования. К примеру, можно ли говорить о создании эго-текста как такового, если слова к песне написаны поэтом, который только облекает в форму чужой пережитой военной опыт? Правомерно ли называть новеллы добровольца с позывным Учителя эго-текстом, если он пишет их сам, но о своих фронтовых товарищах, причем часто в вольном художественном изложении? Как определить границы понятия «эго-текст» в контексте исследования специфики субкультуры СВО? Можно сколько угодно размышлять о роли и границах рефлексии и само-рефлексии, но, чтобы ответить на конкретно поставленные вопросы, необходимо существенно расширить эмпирическую базу аналогичных объектов культурных практик, что, на наш взгляд, предоставит богатый материал для дальнейшего исследовательского поиска.

Библиографический список

1. Барсуков Р.Р., Кармалеев Р.А. Культуры жизни и культуры смерти: попытка демаркации // Культура мира. 2025. Т. 13. № 6 (49). С. 84-98.
2. Гиге Е.Д. Художественная специфика лирики казачьего поэта Н.А. Келина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Том 16. Выпуск 9. С. 2207-2911.
3. Гребеньков В.Н. Методологический потенциал концепта «военная культура общества» в исторических и политических исследованиях // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2009. № 12. С. 83-89.
4. Зинатуллин Р.Ф., Барсуков Р.Р., Федорчукова Л.А. Песни периодов ВОВ и СВО: сравнительный анализ // Миссия конфессий. 2025. Том. 14. № 2 (83). С. 31-37.
5. Квятковский А.П. Поэтический словарь / Под ред. И. Роднянской. М.: Советская Энцикло-

педия, 1966. 375 с.

6. Корявцев П.М. Отдельные вопросы этимологии блатной фени (С- б.:2006). // URL: <https://subscribe.ru/archive/history.antisys/201506/01194542.html> (Дата обращения: 04.11.2025)

7. Лащенко С.К. Механизмы самопознания и самопрезентации творческой личности в пространстве культуры: к постановке проблемы // Вопросы культурологии. Издательский Дом «ПРОСВЕЩЕНИЕ», 2024. Том 21. № 11 (238). С. 993-1002.

8. Мищенко И.Е. Культурно-тематические особенности современной военной песни // Вестник культуры и искусств. – Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, 2023. № 4 (76). С. 71-81.

9. Подлесная М.А. Актуализированные ценности солдата СВО: Письма с фронта – 2023 // Социологическая наука и социальная практика. Т. 12, № 3. Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, 2024. С. 26-55.

10. Родина Н.А. Индивидуальное прозвище как компонент концепта «Российский военнослужащий» // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. № 4 (125), Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2024. С. 117-124.

11. Тищенко Н.В. Воин: образ и контекст. К проблеме репрезентации образа военнослужащего в российских средствах массовой информации // Общество: философия, история, культура. 2025. № 1. С. 41-50.

12. Шиндель С.В., Шиндель В.В. Зона специальной военной операции как пространство военного и культурного противостояния // Миссия конфессий. 2024. Том 13. Часть 8 (81). С. 70-81.

References

1. Barsukov R.R., Karmaleev R.A. Cultures of Life and Cultures of Death: An Attempt at Demarcation // Culture of the World. 2025. Vol. 13. № 6 (49). P. 84-98.

2. Gizhe E.D. Artistic Specificity of the Lyrics of the Cossack Poet N.A. Kelin // Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2023. Vol. 16. Issue 9. P. 2207-2911.

3. Grebenkov V.N. Methodological Potential of the Concept “Military Culture of Society” in Historical and Political Research // Bulletin of the Immanuel Kant State University of Russia. Series: Humanities and Social Sciences. 2009. № 12. P. 83-89.

4. Zinatullin R.F., Barsukov R.R., Fedorchukova L.A. Songs of the Great Patriotic War and the North Caucasus Military District Periods: A Comparative Analysis // Mission of Confessions. 2025. Vol. 14. № 2 (83). P. 31-37.

5. Kvyatkovsky A.P. Poetic Dictionary / Ed. by I. Rodnyanskaya. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1966. 375 p.

6. Koryavtsev P.M. Certain Issues of the Etymology of Criminal Fenya (St. Petersburg: 2006). // URL: <https://subscribe.ru/archive/history.antisys/201506/01194542.html> (Accessed: 04.11.2025)

7. Lashchenko S.K. Mechanisms of Self-Knowledge and Self-Presentation of a Creative Personality in the Cultural Space: Toward a Problem Statement // Voprosy Kulturologiya. Publishing House “PROSVESHCHENIE”, 2024. Vol. 21. № 11 (238). P. 993-1002.

8. Mishchenko I.E. Cultural and Thematic Features of Modern Military Song // Bulletin of Culture and Arts. - Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, 2023. № 4 (76). P. 71-81.

9. Podlesnaya M.A. Actualized Values of a Soldier of the Air Defense Forces: Letters from the Front - 2023 // Sociological Science and Social Practice. Vol. 12, № 3. Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 2024. P. 26-55.

10. Rodina N.A. Individual nickname as a component of the concept “Russian serviceman” // Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev. № 4 (125), Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev, 2024. P. 117-124.

11. Tishchenko N.V. Warrior: image and context. On the problem of representing the image of a serviceman in Russian mass media // Society: philosophy, history, culture. 2025. № 1. P. 41-50.

12. Shindel S.V., Shindel V.V. Special military operation zone as a space of military and cultural confrontation // Mission of confessions. 2024. Volume 13. Part 8 (81). P. 70-81.

Шулунова Е.К.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии Российской академии наук.

Театр как элемент кода взаимодействия традиций русского и китайского театрального искусства (вторая половина 20 века - начало 21 века)*

Аннотация. Статья рассматривает историю, современное состояние культурного взаимодействия российского и китайского театров, которое охватывает вторую половину 20 и начало 21 веков. Основное содержание делится на несколько этапов: активизация сотрудничества в театральной сфере в 50-е годы, перерыв и возрождение связей (1960–1980-е годы), новый подъём российско-китайского театрального сотрудничества на современном этапе (XXI век). Исторический опыт демонстрирует глубокую интеграцию и влияние театральных традиций двух стран. Текущие тенденции отражают перспективность дальнейшего развития театрального сотрудничества и потенциал позитивного воздействия на мировую культуру такой совместной деятельности.

Ключевые слова: история театральных контактов, русская драма, советский театр, китайский театр, Россия, Китай, переосмысление, взаимодействие.

Shulunova E.K.

Candidate of Sciences (Philology), Senior Research Associate, Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences.

Theatre as an element of the code of interaction between Russian and Chinese theatrical traditions (second half of the 20th century - early 21st century)

Abstract. The article is devoted to the history and current state of cultural interaction between The Russian and The Chinese theaters, spanning the second half of the 20th and early 21st centuries. The article is divided into several stages: the intensification of theatrical cooperation in the 1950s, the hiatus and revival of ties (1960–1980), and the resurgence of The Russian-Chinese theatrical collaboration in the present day (21st century). Historical experience demonstrates the profound integration and influence of theatrical traditions of the two countries. Current trends reflect the promise of further development of theatrical collaboration and the potential for such joint activities to positively impact global culture.

Key words: history of theatrical contacts, Russian drama, Soviet theater, Chinese theater, Russia, China, reinterpretation, interaction.

* © Шулунова Е.К., 2025.

Театр как элемент кода взаимодействия традиций русского и китайского театрального искусства (вторая половина 20 века - начало 21 века)

Укрепление связей между театральными культурами двух стран. Идеологические разногласия

Диалог китайской театральной культуры с русской драмой в XX веке и в начале XXI века представляет собой важную тему для исследования. Этот процесс отражает культурные обмены между двумя странами, развитие театра и влияние различных художественных традиций друг на друга, а также на культурный процесс в мире в целом.

Китайская традиционная театральная культура имеет глубокие корни, уходящие в древность. Традиционные формы китайского театра сицзюй, характеризуются яркими костюмами, выразительной мимикой и символическими жестами. Русская драма, напротив, развивалась в рамках европейской театральной культуры, подчеркивает психологизм персонажей и реалистичность сценического действия.

В 1950-х годах, такое сотрудничество в большей мере приобрело систематический и целенаправленный характер, советское правительство активно поддерживало культурные связи с Китаем. Отечественные специалисты были приглашены для работы в китайских театральных учебных заведениях, таких как Центральный институт драматического искусства в Пекине и Институт искусств в Шанхае. Они делились своим опытом в области актерской игры, режиссуры и драматургии, внедряли систему Станиславского и другие педагогические методики [2]. В первой половине XX века советские педагоги и режиссёры, работающие в Пекинской и Шанхайской театральных академиях, внесли огромный вклад в развитие китайского театрального искусства. Среди известных преподавателей и наставников выделялись Павел Лесли, Борис Кульнев, Георгий Гурьев и Евгения Лепковская [5, с. 13]. Их основной задачей было воспитание китайских актеров в духе системы Станиславского, ориентированной на глубокое погружение в психологию героя, выявление внутренних переживаний и создание живых, убедительных образов на сцене. Учебный процесс под руководством советских педагогов действительно принес определённые успехи, позволяя освоить технику работы над русским материалом и постепенно вводить элементы психологической игры. Однако переход от традиционной китайской театральной школы к новой европейской модели был непростым и длительным.

На сценах китайских театров ставили спектакли русских классиков: «Ревизор» Н.В. Гоголя, «Гроза» А.Н. Островского, «Воскресение» Л.Н. Толстого, «Человек с ружьем» Н.Ф. Погодина и другие [11, с. 9]. Советское театральное искусство значительно обогатило культурную жизнь Китая и помогло формированию национальной школы китайского театра. В свою очередь режиссеры и драматурги в КНР ставили и российскую классику: «Человек с ружьем» Н. Погодина, «Бронепоезд 14–69» В. Иванова, «Русские люди» К. Симонова, в 1956 году Центральной академией драмы была поставлена

пьеса «Мещане», Пекинский народный художественный театр представил пьесу «Егор Булычов и другие» М. Горького, пьесы «Таня», «Иркутская история» А. Арбузова, «Ее друзья», «В добрый час» В. Розова; исследовали современное творчество советских драматургов, например инсценировали спектакль «Юлиус Фучек» по пьесе «Завет молодым» Ю. Буряковского [8, с. 36]. В первой половине 1950-х годов наблюдается значительный рост контактов между двумя странами в культурной сфере, что выражалось в взаимных визитах деятелей искусства и представителей культур обеих стран. Например, гастроль Ансамбля Советской армии [9, с. 25], Государственного ансамбля народного танца Союза ССР, Государственного московского Музыкального театра им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко [6]. В частности, в 1956 году драматурга А. Арбузова в Китае тепло встретили деятели культуры. Таким образом, первую половину данного периода XX столетия можно охарактеризовать плодотворным временем международных театральных обменов. Все это несомненно положительно отразилось на обогащении художественной ценности представлений двух стран и предоставило возможность изучения разных культур. Китайский литературовед, критик Гэ Баоцюань выразил мнение о системе К.С. Станиславского: «... сценическая школа Станиславского является также образцом и для наших деятелей театрального искусства...» [7, с. 27]. Китайские театры показывали пьесы русских, советских авторов, адаптируя их к местной аудитории: «Как закалялась сталь» (1950 г.), «Ревизор» (1952 г.) и «Дядя Ваня» (1954 г., режиссер Сунь Вэйши), в этих работах воплощался эстетический дух и художественные высоты реалистического сценического искусства.

В 1956 году в Советском Союзе состоялся выход сборника переводов пьес китайских драматургов: «Великий поход» Чэнь Цитун, «Гроза» Цао Юя, «Канавы Драконов ус» Лао Шэ, «Они выросли в боях» Ху Кэ, «Цюй Юань» Го Можо. Это событие стало значимой вехой в культурном взаимодействии между Китаем и СССР, открыв горизонт для ознакомления широких читательских и зрительских аудиторий с шедеврами китайской драматургии. Публикация сборника дала импульс дальнейшему сотрудничеству между китайскими и советскими театрами, возникновению совместных постановок и обсуждений возможностей совместного театрального творчества. А. Анастасьев во вступительной статье сборника отмечал: «На сцене советского театра заметное место заняла китайская драматургия, и мы с волнением и радостью смотрели такие спектакли, как «Пролитая чаша», «Цюй Юань», «Они выросли в боях», музыкальную драму «Седая девушка» [1, с. 8]. Касательно «Седой девушки», данное произведение было создано в 1945 году Ма Кэ, Чжан Лу, Цуй Вэй и в КНР «на два десятилетия (1950–1960-е гг.) определило протестные – социальную и национально-освободительную – темы как ведущие, круг образов (про-

стые люди, прежде всего крестьяне, солдаты), музыкальную стилистику (народно-песенный тематизм, доминирование простых вокальных форм)» [4, с. 284]. Книга китайских пьес на русском языке, постановки китайских произведений на советской сцене оказались ярким свидетельством культурного обмена и укрепления дружбы народов, играя значительную роль в развитии двусторонних театральных отношений, отражением идейно-художественного поиска.

Переосмысление и взаимодействие: российско-китайские театральные контакты (1980-е годы - начало 21 века)

В 1960-1970 годы связи между театральными сообществами СССР и Китая значительно претерпели изменения – театральные мероприятия практически прекратились, и отношения резко ухудшились, это произошло в результате политической нестабильности и изоляции Китая во времена «культурной революции» (1966–1976 гг.). Китайская сторона сосредоточилась на собственной пропаганде и внутривнутриполитическом контроле. Несмотря на политическую напряженность и расхождения во взглядах между Советским Союзом и Китаем в это время китайская интеллигенция переводила и публиковала советские пьесы в Китае: «Иркутская история» А. Арбузова, «Над Днепром» А. Корнейчука, «Четвёртый» К. Симонова, «Перед ужином» В. Розова, «Океан» А. Штейна, «Палата» С. Алёшина и другие. Невзирая на то, что политическая ситуация осложнила отношения между странами, публикация советских пьес свидетельствовала о сохранении интереса китайского общества к русской литературе и театральному искусству. В сборник пьес вошли те произведения русских авторов, которые отличает не только качество литературного мастерства, но и отражение серьёзных тем и вопросов, интересующих обе стороны. Такие переводы помогли поддерживать диалог культур.

После установления дипломатических контактов между странами в середине 1980-х годов стала постепенно возобновляться двусторонняя театральная деятельность. Российская театральная традиция снова оказалась востребованной в Китае, были организованы совместные театральные фестивали, семинары, конференции, направленные на укрепление дружеских связей и обмен культурным опытом.

Возобновившийся интерес к русским авторам в Китае свидетельствовал о признании значения русской литературы и драматургии в стране. В 1980-е годы появилось значительное число публикаций, посвященных творчеству русских литераторов, например Горького, его пьесам «На дне», «Мещане», «Враги» [3, С. 456]. Опубликована книга «Драмы А. Вампилова», готовилось переиздание сочинений К.С. Станиславского. Однако в конце 1970 – начале 1980-х годов в Китае возникло недовольство результатами творчества, ограничиваемого рамками социалистического реализ-

ма. Творческая среда жаждала свободы и расширения горизонтов, что породило активный интерес к альтернативным театральным теориям и методикам. В качестве противовеса господствующей доктрине системы К.С. Станиславского и реалистическому реализму высказывались иные взгляды, обращенные к именам иных театральных реформаторов, как то: Вс. Мейрхольду с авангардными методами, С. Эйзенштейну, выступающему за визуальные эффекты, Е. Вахтангову, воплощающему психологический реализм и другим. Что представлялось поиском обретения свободы творчества, новых путей развития китайского театра.

Все это демонстрировало растущую заинтересованность китайской научной и театральной общественности в иностранной, в частности, русской театральной традиции, русской литературе и драматургии. Большинство статей и аналитических материалов концентрировались на пьесах русской и советской драматургии: «Без вины виноватые» (А.Н. Островский), «Чайка» (А.П. Чехов), «Иркутская история», «Жестокие игры» (А.Н. Арбузов), «Провинциальные анекдоты» (А.В. Вампилов), «Синие кони на красной траве» (М.Г. Шатрова, пост. М. Захарова, 1987), «Солдаты» (А.А. Дударев), творчестве Горького.

Восстановление связей в 1980-1990-е годы создало благоприятные условия для дальнейшего развития театрального сотрудничества между двумя странами, приведя к росту популярности русского театра в Китае и усиливая интеграцию русской и китайской театральных традиций. Развитие культурного сотрудничества стало важным аспектом укрепления российско-китайских отношений начиная с конца XX – начала XXI столетий. Китайские режиссеры ставили спектакли русских литераторов, драматургов: «Клоп» (В.В. Маяковский), «Три сестры – В ожидании Годо» (по мотивам пьес А.П. Чехова и С. Беккета), «История солдата» (И.Ф. Стравинский), «Вишневым сад» (А.П. Чехова), балет «Анна Каренина» (по одноименному роману Л.Н. Толстого) и др.

После нормализации политических контактов между двумя странами, обе стороны начали активно развивать культурное взаимодействие. Например, по итогам визита в театральные вузы Москвы, Санкт-Петербурга ведущих театральных педагогов Китая во главе с профессором Сюй Сяочжунем в 1993 году была разработана программа системной подготовки актеров в Китае, основанная на лучших практиках российского театрального образования [17]. Программа включала изучение системы Станиславского, техники сценической речи, пластики и других дисциплин, необходимых для формирования профессионального актера. Эта поездка значительно повлияла на дальнейшее развитие китайского театрального искусства, позволив создать новую актерскую образовательную модель, сочетающую национальные традиции с современными международными методами. Сотрудничество продолжилось и в последующие годы, способствуя укре-

плению культурных связей между нашими странами [10].

В июле 2001 года подписанный Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой [13], который способствовал укреплению взаимопонимания и доверия между народами двух стран, имел большое значение для дальнейших взаимоотношений наших государств. Этот документ заложил основу для углубления и взаимодействия в области театрального сценического искусства.

Исторический опыт показывает, что театральная культура выступает своего рода связующим звеном, помогающим преодолеть различия, построить конструктивный диалог в меняющихся условиях геополитической многоплановости. Успешны творческие подходы, осуществленные в начале XXI века, вот лишь малая часть их: новое прочтение классической оперы Дж. Пуччини «Китайская принцесса Турандот» Пекинского театра цзинцзюй поразила московского зрителя интресным подходом к решению драматического сюжета, уникальным сценическим оформлением (Театриум на Серпуховке, сентябрь 2007), концерты ансамбля песни и пляски Синцзян-Уйгурского автономного округа, участие артистов Пекинской оперы в Московской Театральной Олимпиаде, постановка спектакля «Гроза» по одноименной пьесе китайского драматурга Цао Юя Пекинским народным художественным театром на московской сцене (Театр им.Пушкина, июнь 2011) [12]. МХТ им. М. Горького в показал пьесу «На дне» на первом международном театральном фестивале им. Цао Юя, проведенном в Тяньцзине в 2014 году [11]. В Китае в году был проведен международный театральный фестиваль «Чехов на века». Это мероприятие стало знаковым событием, символизирующим укрепление российско-китайских культурных связей. Проведение фестиваля и успешные гастроли подтвердили актуальность и востребованность русской театральной традиции в Китае, способствовали культурному обмену и укреплению театрального сотрудничества.

В 2019 году в рамках XIV Международного театрального фестиваля имени А.П. Чехова китайские театральные труппы Национального театра Китая, «Лон Юнь Кунг-фу» привезли в Москву спектакли «Принц Лань Лин», «11 воинов». Пьеса А. Арбузова «Иркутская история» в январе 2021 г. показана на сцене Шанхайской театральной академии. Спектакль тепло встретил китайский зритель, в 1963 году она уже была переведена на китайский язык, поэтому знакомство с пьесой произошло значительно раньше.

Таким образом, фестивали театральные, конференции, гастроли, научные исследования, проводимые ежегодно в настоящий период в России и Китае служат площадкой для презентации достижений российского и китайского театрального искусства, обеспечивая канал для сохранения общего культурного пространства и взаимопонимания.

Китайский традиционный театр сицзюй прошел долгий путь развития, оставаясь одновременно открытым внешним влияниям и бережно хранящим свои национальные корни. Несмотря на значительные изменения, произошедшие в XX веке, национальный театр сумел сохранить свою уникальную сущность и культурную идентичность. Что касается драматического театра хуацзюй, на его становление, развитие русский театр и драматургия оказали важное, особое значение, предложив новые формы, методы и системы. На протяжении всего времени, с 1907 года до настоящего момента, данный вид театрального искусства ознаменовал собой новый этап развития китайского театра. Последний сейчас предлагает зрителям разнообразие художественных решений и идей, обретает новую аудиторию и укрепляет свою роль как важнейшее явление китайской культуры. Китайский театр, включая национальный сицзюй и разговорный хуацзюй, представляет собой сложное единство, объединяющее национальное наследие и новые веяния, традиционные формы и инновационные методы.

Начало XXI века ознаменовалось глубокими изменениями в структуре и содержании китайского театра, вызванными как внутренним процессом саморазвития, так и внешней культурной глобализацией. Театры России и Китая вступили в фазу интенсивного роста и качественной трансформации. Взаимопроникновение культур может привести к обогащению обоих национальных искусств, углублению понимания человеческих отношений и расширению границ художественного самовыражения. Стремление к сохранению российской идентичности Россией, китайской национальной самобытности Китаем обуславливает сохраняемый активный интерес русских деятелей к китайской традиции и китайских мастеров театра к русской драматургии, российскому сценическому опыту. XX век и начало XXI века отмечены значительным взаимодействием культур Китая и России, а также между Востоком и Западом в целом. Особую роль в этом взаимодействии играет неугасаемое внимание к осмыслению русской классической драматургии в Китае и восприятию китайской культуры и театрального искусства в России. Межкультурный обмен является катализатором творческих процессов, способствовавшим углубленному пониманию сущности театрального искусства, созданию уникальных и значимых произведений искусства, которые уже стали и, верится, могут стать частью общечеловеческого достояния.

Библиографический список

1. Анастасьев А.Н. Пьесы наших друзей // Современные китайские пьесы. – М.:1956. С. 8.
2. Велединский О.В. Современный этап взаимодействия театральных школ России и Китая в контексте диалога культур // Философия и культура. 2022. № 4. С. 25-40.
3. Лу Сюнь Цюаньцзи (Полное собрание сочинений). Шанхай: Шанхай чубаньшэ, 1938. Т. 19.
4. Лю Цзинь. Китайская национальная опера: 1920–1980 годы // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. №117. 2009. С. 277-285

5. Лян Цуйчжэнь. Некоторые проблемы китайско-русских театральных связей. Драматургия Алексея Арбузова и Виктора Розова на китайской сцене 1950-1980-х годов. автореферат диссертации по искусствоведению. Санкт-Петербургский институт театра, музыки и кинематографии имени Н.К. Черкасова, 1992.
6. Московский академический Музыкальный театр имени К.С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко. Хроники столетия. 1918-2018. – М.: 2019.
7. Народный Китай. 1955. № 2.
8. Народный Китай. 1956. № 1.
9. Народный Китай. 1956. № 3.
10. Сюй Вейхун. К проблеме взаимодействия восточной и европейской театральных культур: Шекспир и китайский театр: автореферат дис. ... кандидата искусствоведения. – Санкт-Петербург, 1995. 24 с.
11. Шулунова Е.К., Сухадольская Л.Л. Театральные связи в рамках культурного сотрудничества России и Китая // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX международной научно-практической конференции. – Благовещенск: БГПУ, 2019. С. 174-179
12. Гроза // URL: <https://chekhovfest.ru/festival/projects/performances/groza-2011/>
13. Россия – Китай: мир или будущая война? // kitaigorod – Россия – Китай: мир или будущая война // URL: <http://kitai-gorod.livejournal.com/6778.html>. (Дата обращения: 09.04.2025)
14. Баранов А.Н. Гуманитарная политика как инструмент расширения международного влияния Турецкой республики // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 8 (206). С. 78-84.
15. Ткаченко В.В. Режиссура высоких идей: технологии подготовки и проведения празднования 80-летия победы в Ленинградской области // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 52-59.

Reference

1. Anastasyev, A.N. "Plays by Our Friends." *Modern Chinese Plays*. Moscow: 1956. P. 8.
2. Veledinsky, O.V. "The Current Stage of Interaction between Theatre Schools in Russia and China in the Context of Dialogue of Cultures." *Philosophy and Culture*. 2022. № 4. P. 25-40.
3. Lu Xun Quanji (Complete Works). Shanghai: Shanghai Chubanshe, 1938. Vol. 19.
4. Liu Jin. *Chinese National Opera: 1920-1980*. News of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. № 117. 2009. P. 277-285.
5. Liang Cuizhen. Some Issues of Chinese-Russian Theatre Relations. The Drama of Alexei Arbutov and Viktor Rozov on the Chinese Stage in the 1950s-1980s. Abstract of a Dissertation in Art Criticism. St. Petersburg Institute of Theatre, Music, and Cinematography named after N.K. Cherkasov, 1992.
6. Moscow Academic Musical Theatre named after K.S. Stanislavsky and V.I. Nemirovich-Danchenko. *Chronicles of the Century*. 1918-2018. – Moscow: 2019.
7. *People's China*. 1955. № 2.
8. *People's China*. 1956. № 1.
9. *People's China*. 1956. № 3.
10. Xu Weihong. On the Interaction of Eastern and European Theatrical Cultures: Shakespeare and Chinese Theatre: Abstract of a Candidate of Arts Dissertation. – St. Petersburg, 1995. 24 p.
11. Shulunova E.K., Sukhadolskaya L.L. Theatrical Ties in the Framework of Cultural Cooperation between Russia and China // *Russia and China: History and Prospects of Cooperation: Proceedings of the IX International Scientific-Practical Conference*. – Blagoveshchensk: BSPU, 2019. P. 174-179
12. *Thunderstorm* // URL: <https://chekhovfest.ru/festival/projects/performances/groza-2011/>
13. *Russia – China: Peace or Future War?* // kitaigorod – Russia – China: Peace or Future War // URL: <http://kitai-gorod.livejournal.com/6778.html>. (09.04.2025)
14. Baranov A.N. Humanitarian policy as a tool for expanding the international influence of the Republic of Turkey // *Etnosotium and international culture*. 2025. № 8 (206). P. 78-84.
15. Tkachenko V.V. Directing high ideas: technologies of preparation and celebration of the 80-th anniversary of victory in the Leningrad Region // *Mission confessions*. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 52-59.

Троепольский Д.К.

Член Российского музыкального союза гильдии звукорежиссеров, старший преподаватель факультета искусств кафедры «Музыкальная звукорежиссура». Санкт-Петербургский Гуманитарный Университет Профсоюзов.

Роль музыкального продюсера как культурного посредника в цифровую эпоху: трансформация функций и стратегий*

Аннотация. В статье анализируется трансформация роли музыкального продюсера в условиях цифровой эпохи. Продюсер рассматривается как культурный посредник, соединяющий творческие, технологические и маркетинговые аспекты музыкального производства. Особое внимание уделено влиянию цифровых платформ, рекомендательных алгоритмов и социальных сетей на стратегию релизов, взаимодействие с аудиторией и вопросы авторства.

Ключевые слова: музыкальный продюсер, цифровая музыка, культурный посредник, стриминг, рекомендательные алгоритмы, социальные сети, UGC, религиозная стратегия, авторское право, музыкальная индустрия.

Troepolsky D.K.

Member of the Russian Musical Union of the Guild of Sound Engineers, senior lecturer at the Faculty of Arts of the Department of Musical Sound Engineering. St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences.

The role of the music producer as a cultural intermediary in the digital age: transformation of functions and strategies

Abstract. The article examines the transformation of the music producer's role in the digital era. The producer is considered as a cultural intermediary who integrates artistic, technological, and marketing dimensions of music production. Special attention is given to the influence of digital platforms, recommendation algorithms, and social media on release strategies, audience engagement, and issues of authorship.

Key words: music producer, digital music, cultural intermediary, streaming, recommendation algorithms, social media, UGC, religious strategy, copyright, music industry.

* © Троепольский Д.К., 2025.

Роль музыкального продюсера как культурного посредника в цифровую эпоху: трансформация функций и стратегий

Музыкальный продюсер традиционно занимал центральное место в создании песни, выступая связующим звеном между художественным замыслом артиста и его технической реализацией. При этом цифровая революция, радикально изменившая ландшафт музыкальной индустрии, спровоцировала глубокую трансформацию его роли. Продюсер эволюционировал в «ключевого арт-посредника», чья деятельность распространяется на весь жизненный цикл музыкального продукта. Понятие «культурный посредник» (cultural intermediary), введенное Пьером Бурдьё, описывает агентов, занимающих промежуточное положение в поле культурного производства и потребления. Они наделены властью продвигать культурные продукты, формировать вкусы и транслировать смыслы. Музыкальный продюсер, обладая специфическим культурным капиталом (знаниями, связями, эстетическим чутьем), всегда выполнял эту роль, отбирая таланты, формируя звучание, определяя коммерческий потенциал записей. В аналоговую эпоху его посредничество было более ограниченным, сфокусированным на студии и взаимодействии с лейблами, медиа и ритейлом.

Появление и доминирование цифровых технологий (DAW, виртуальные инструменты, плагины) радикально изменили процесс создания музыки. Доступность студийных инструментов породила феномен DIY (Do It Yourself) продюсирования. Смещение центра тяжести музыкальной индустрии с продажи физических носителей на стриминг, социальные медиа и цифровую дистрибуцию кардинально изменило каналы распространения и монетизации.

Ключевые изменения проявляются в следующих аспектах:

1. От фильтра лейбла к куратору и сетевому агенту: современный продюсер активно занимается талант-скаутигом и художественным развитием артистов, выходя далеко за рамки студийной работы. Он выстраивает и поддерживает обширную сеть профессиональных контактов, включая других продюсеров, авторов песен, битмейкеров, звукорежиссеров, дизайнеров обложек, видеооператоров и режиссеров. От него требуется умение находить, привлекать и координировать работу этих специалистов – именно это определяет создание конкурентоспособного продукта на рынке. Продюсер превращается в архитектора не только звука, но и всей творческой команды проекта.

2. Цифровая эпоха разрушила модель продюсера как исключительно технического эксперта. Во-первых, он обеспечивает постоянную и эффективную связь между артистом и его командой (менеджером, маркетинговыми, букинг-агентами), синхронизируя творческие и коммерческие аспекты. Во-вторых, продюсер все чаще выступает мостом между артистом и аудиторией. Он участвует в создании целостного образа во круг музыки (истории исполнителя, концепции релиза), консультирует

или непосредственно вовлекается в создание контента для социальных сетей (от студийных дневников до прямых трансляций), помогая музыканту выстраивать тесную связь с аудиторией. Важнейший аспект – углубление творческого участия. Продюсер перестал быть лишь техническим исполнителем; он все чаще выступает как равноправный соавтор, внося существенный вклад в создание музыки (аранжировки, звуковой дизайн, подбор тембров) и даже текстов, формируя художественное видение проекта наравне с исполнителем.

Понимание механики рекомендательных систем стриминговых платформ превратилось в насущную необходимость. Осознание критической важности первых секунд трека (5-30 секунд) для снижения показателя пролистывания и повышения шансов на попадание в алгоритмические плейлисты напрямую влияет на структурные решения. Интро делаются более динамичными и цепляющими, откладывая традиционные длинные вступления. Продюсеры активно используют аналитику данных предыдущих релизов (какие части трека пользователи переслушивают, где чаще пропускают, демография аудитории) для информирования творческих решений при создании нового материала, выявляя успешные паттерны и звуковые элементы.

Универсальный подход к релизу ушел в прошлое. Продюсеры разрабатывают индивидуальные стратегии для каждой платформы (Spotify, Apple Music, YouTube, TikTok, Instagram Reels, VK Музыка, Яндекс.Музыка). Это включает:

1. Создание специальных укороченных версий (snippets), хайлайтов или инструменталов для TikTok/Reels, оптимизированных под виральный потенциал и использование в пользовательском контенте.

2. Тщательную оптимизацию метаданных: грамотное использование ключевых слов и написание описаний под алгоритмы для улучшения ранжирования в поиске и попадания в рекомендательные подборки.

3. Производство разнообразного визуального контента как неотъемлемой части промо-кампании: вертикальные видео, визуализаторы, анимированные обложки, студийные видеоблоги, эксклюзивные закулисные материалы – все это необходимо для захвата внимания на разных платформах.

Продюсеры сознательно проектируют релизы с потенциалом для распространения через пользовательский контент (UGC). Это может быть создание треков с запоминающимися хуками, подходящих для челленджей, танцев или мемов в TikTok/Reels. Активно вовлекается фан-база еще на этапе создания: тестируются фрагменты треков, проводятся голосования по вариантам аранжировок или обложек, что укрепляет чувство сопричастности у аудитории и генерирует предрелизный ажиотаж.

От альбомов индустрия переходит к гибкой стратегии регулярного вы-

пуска музыки. Для поддержания постоянного внимания аудитории в условиях переизбытка контента и скоротечности трендов продюсеры и артисты делают ставку на частый выпуск синглов или мини-альбомов (EP), оперативно реагируя на обратную связь и рыночные изменения.

Однако такая трансформация сопряжена со значительными сложностями:

1. Перегрузка и размывание фокуса: необходимость одновременно быть творцом, технологом, стратегом, маркетологом, аналитиком и коммуникатором создает угрозу профессионального выгорания и снижения качества работы по каждому из направлений. Баланс между глубиной и шириной компетенций становится критической проблемой.

2. Гонка за алгоритмами: стремление угодить алгоритмам платформ несет риск творческой унификации и упрощения музыки. Поиск «идеальной формулы» для первых 30 секунд может подавлять художественный эксперимент и приводить к появлению шаблонных, предсказуемых произведений.

3. С одной стороны, доступность музыкальных технологий размывает границы профессии, создавая впечатление, что продюсером может стать любой. С другой стороны, в эпоху тотального изобилия контента возникает острая потребность в подлинной экспертизе – в стратегическом видении, уникальном звучании и кураторской функции, которую может обеспечить только опытный специалист.

4. Вопросы авторства и вознаграждения: глубокая вовлеченность продюсера как соавтора и главного стратега проекта ставит острые вопросы о справедливом распределении прав интеллектуальной собственности и роялти. Особенно актуальна эта проблема в независимых моделях, где четкие юридические рамки часто отсутствуют, а вклад продюсера в общий успех может быть решающим, но не всегда адекватно оцененным.

Цифровая эпоха не отменила роль музыкального продюсера, но радикально ее переопределила. Из технического специалиста и организатора записи он превратился в ключевого участника музыкального производства, чье участие охватывает все этапы выпускаемого продукта. Современный продюсер – это гибридный профессионал, интегрирующий художественное видение, технологическую грамотность, маркетинговую интуицию и навыки сетевого взаимодействия.

Его ключевая задача как культурного посредника – не просто записать песню, а создать конкурентоспособный художественный продукт, эффективно донести его до целевой аудитории в переполненном цифровом пространстве и сформировать устойчивую связь между артистом и слушателями. Успех в этой роли определяется умением не просто реагировать, а идти в ногу с динамикой цифровой среды – постоянным обновлением технологий, платформ и паттернов потребления, – сохраняя при этом творче-

скую оригинальность и культурную значимость создаваемой музыки.

Библиографический список

1. Хесмондхалх Д. Культурные индустрии. 4-е изд. – Лондон: SAGE Publications, 2019. 464 с. // URL: <https://www.sagepub.com/>
2. Викстрём П. Музыкальная индустрия: музыка в облаке. 2-е изд. – Кембридж: Polity Press, 2013. 200 с. // URL: <https://www.politybooks.com/>
3. Шталь М. Несвободные мастера: записывающиеся артисты и политика работы. – Дарем: Duke University Press, 2013. 304 с. // URL: <https://www.dukeupress.edu/>
4. Кац М. Захват звука: как технологии изменили музыку. Пересмотренное издание. – Беркли: University of California Press, 2010. 320 с.
5. ИМИ. Ментальное здоровье музыкантов // ИМИ 2021. 104 с. // URL: <https://i-m-i.ru/guides/mental-health/>
6. Сибрук Дж. Машина песен. Внутри фабрики хитов // ИМИ 2022. 360 с.
7. Бурлина Е.Я. Музыкальная культура в цифровую эпоху: трансформации и вызовы / Е.Я. Бурлина. – М.: Канон+, 2018. 320 с.
8. Зисль А.Я. Экономика музыкального бизнеса / А.Я. Зисль. – М.: Альпина Паблишер, 2019. 412 с.
9. Тарасов А.В. Цифровая трансформация музыкальной индустрии: новые модели распространения и монетизации контента // Медиаальманах. 2021. № 1 (102). С. 62-71.
10. Мартиросян В.Б.М. Англо-испанская война 1585-1604 гг. - Разгром «Непобедимой Армады» // Власть истории – История власти. 2025. Том 11. Часть 4. № 62. С. 128-133.
11. Ананченкова П.И. Возраст как предмет философского дискурса // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 78-86.
12. Милованов А.В. Свободное воспитание как педагогическая парадигма в отечественной образовательной мысли конца XIX века // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 236-244.

References

1. Hesmondhalgh D. Cultural Industries. 4th ed. London: SAGE Publications, 2019. 464 p. // URL: <https://www.sagepub.com/>
2. Wikström P. The Music Industry: Music in the Cloud. 2nd ed. Cambridge: Polity Press, 2013. 200 p. // URL: <https://www.politybooks.com/>
3. Stahl M. Unfree Masters: Recording Artists and the Politics of Work. Durham: Duke University Press, 2013. 304 p. // URL: <https://www.dukeupress.edu/>
4. Katz M. Capturing Sound: How Technology Changed Music. Revised edition. Berkeley: University of California Press, 2010. 320 p.
5. IMI. Musicians' Mental Health // IMI 2021. 104 p. // URL: <https://i-m-i.ru/guides/mental-health/>
6. Seabrook J. The Song Machine. Inside the Hit Factory // IMI 2022. 360 p.
7. Burlina E.Ya. Musical Culture in the Digital Age: Transformations and Challenges / E.Ya. Burlina. – Moscow: Kanon+, 2018. 320 p.
8. Ziss A.Ya. Economics of the Music Business / A.Ya. Ziss – Moscow: Alpina Publisher, 2019. 412 p.
9. Tarasov A.V. Digital Transformation of the Music Industry: New Models of Content Distribution and Monetization // Media Almanac. 2021. № 1 (102). P. 62-71.
10. Martirosyan V.B.M. Anglo-Spanish War 1585-1604 - The Defeat of "Spanish Armada" // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 4. № 62. P. 128-133.
11. Ananchenkova P.I. Age as a subject of philosophical discourse // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 78-86.
12. Milovanov A.V. Free education as a pedagogical paradigm in domestic educational thought at the end of the 19th century // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 236-244.



Political science

Политология

Рябова Е.Л.

Доктор политических наук, главный редактор журнала «Этносоциум и межнациональная культура».

Терновая Л.О.

Доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Ренессанс с цифровым лицом: переизобретение гуманитарного знания в эпоху технологий*

Аннотация. В статье рассматривается переосмысление гуманитарного знания в эпоху цифровых технологий, характеризуемое как «Ренессанс с цифровым лицом». Анализируются три ключевых проблемы: технологический вызов и этический вакуум, кризис идентичности в цифровую эпоху и методологическая революция в гуманитарных науках с использованием цифровых инструментов. Особое внимание уделяется государственному запросу на развитие гуманитарных наук как инструмента мягкой силы и национальной безопасности, а также появлению новых междисциплинарных и межотраслевых направлений, таких как нейрогуманитарные науки, экологические гуманитарные науки, гуманитарные науки данных и др. Подчеркивается опасность «научного огораживания», мешающего интеграции знаний и решению сложнейших проблем современности. В статье исторически обоснована необходимость постоянного обновления гуманитарного знания.

Ключевые слова: гуманитарные науки, цифровизация, междисциплинарность, методологическая революция, этика технологий, кризис идентичности, новые науки, интеграция знаний, мягкая сила.

Ryabova E.L.

Doctor of Political Sciences, Editor-in-Chief of the journal "Ethnosociety and Interethnic Culture".

Ternovaya L.O.

Doctor of Historical Sciences, Professor. Moscow Automobile and Road Construction State Technical University.

Renaissance with a digital face: reinventing humanities in the age of technology

* © Рябова Е.Л., Терновая Л.О., 2025.

Ренессанс с цифровым лицом: переизобретение гуманитарного знания в эпоху технологий

Abstract. The article examines the rethinking of humanities in the digital age, characterized as a “Renaissance with a digital face”. Three key issues are analyzed: technological challenge and ethical vacuum, identity crisis in the digital age, and methodological revolution in the humanities using digital tools. Particular attention is paid to the state demand for the development of humanities as a tool of soft power and national security, as well as the emergence of new interdisciplinary and intersectoral areas, such as neurohumanities, environmental humanities, data humanities, etc. The danger of “scientific fencing” that hinders the integration of knowledge and the solution of the most complex problems of our time is emphasized. The article historically substantiates the need for constant updating of humanities.

Key words: humanities, digitalization, interdisciplinarity, methodological revolution, ethics of technology, identity crisis, new sciences, knowledge integration, soft power.

В название статьи включены три термина, которые очень точно характеризуют рассматриваемую проблему: «Ренессанс» отсылает к тезису о возрождении гуманитаристики; «цифровое лицо» выступает в роли главного признака интеграции технологий; «переизобретение» делает акцент на методологической революции, а не косметических изменениях предметного поля гуманитарных наук. Ответ на вопрос: «Почему гуманитарная сфера переосмысливает себя?», предполагает обращение к трем основным проблемам.

Первая из них связана с одновременным проявлением в наши дни технологического вызова и этического вакуума. Ускорение цифровизации потребовало не только технических решений, но и осмысления их последствий для общества, чтобы технологическое лидерство не превратилось в слепой прогресс.

Вторая проблема обнажила углубляющийся кризис идентичности в цифровую эпоху¹. Каждое новое поколение отличается от предшествующих собственными когнитивными способностями, ценностями и формами социализации. Без понимания этих отличий и умения взаимодействовать возникает конфликт поколений, отражающихся во всех сферах жизнедеятельности.

Третья проблема рождается внутри методологической революции, проявляющейся в активном осваивании гуманитариями цифровых инструментов².

Какие акторы выступают в роли драйверов обновления гуманитарного поля? Прежде всего, не может не радовать, что четко выражен государственный запрос на признание гуманитарного знания действенным ин-

1 Терновая Л.О. Глобализация и проблема формирования новых идентичностей // Власть. 2004. № 4. С. 10-15; Терновая Л.О. Идентичность как фактор глобального диалога // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 2. С. 20-30.

2 Терновая Л.О., Чапкин Н.С. Международные отношения в эпоху искусственного интеллекта: новые вызовы, риски и возможности // Культура мира. 2025. Том 13. Выпуск 5. (№ 48). С. 153- 162.

струментом мягкой силы и национальной безопасности. Например, этот запрос проявился в принятии Плана гуманитарного сотрудничества в СНГ (2025 – 2026) с фокусом на устойчивое развитие, историческую память и молодежную политику³. Также в связи с образовательной перезагрузкой учебные заведения усиливают ставку на критическое мышление и этику вместо механической передачи знаний. Сама наука формирует новые исследовательские пространства, как правило, не просто междисциплинарного характера, а межотраслевого, например, психоистория, социолингвистика, климатическая антропология, автоэтнография, лоскутная этнография и др.⁴ Они объединяют методы и подходы из разных наук, сочетая социальные, культурные, философские, психологические и технологические аспекты.

При всех завораживающих воображение новшествах в гуманитарном поле знаний следует признать, что оно переживает далеко не первую волну обновления. Всякий раз подъем таких волн знаменовал резкий поворот не только области знаний, но и поведении человека, его самосознании и отношении к себе и к миру. Например, итальянский философ и историк, один из основоположников философии истории и социальных наук Джамбаттиста Вико (1668–1744) так и озаглавливает свой главный труд «Основания новой науки об общей природе наций» («*Principi di una scienza nuova d'intorno alla comune natura delle nazioni*», 1725, с дополнениями в 1730 и 1744 гг.)⁵.

Вико назвал свою работу «новой наукой», потому что он стремился создать принципиально новый метод изучения истории и общества, отличный от господствовавших в его время подходов. Во-первых, происходил отказ от механистического рационализма. Вико критиковал попытки Рене Декарта или Томаса Гоббса объяснять общество и историю через чисто математические или физические законы. Во-вторых, предлагалась циклическая теория истории, опирающаяся идею, что нации проходят через повторяющиеся циклы: «века богов, героев и людей». Это категорически противоречило линейному видению прогресса в период Просвещения. В-третьих, Вико делал акцент на мифах и языке, считал их не просто выдумками, а ключом к пониманию менталитета древних народов. В-четвертых, возникла концепция «истории, сделанной людьми», которая в отличие от теологических или натуралистических взглядов, утверждала, что история создается человеческими действиями, а потому может быть понята через анализ культуры, права и языка.

В XVII – XVIII вв., в эпоху Вико, термин «новая наука» часто использо-

3 Алина В.Н., Вознесенский И.С., Терновая Л.О. Молодежная политика. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2023.

4 Günel G., Varma S., Watanabe C. A Manifesto for Patchwork Ethnography // URL: <https://www.culanth.org/fieldsights/a-manifesto-for-patchwork-ethnography>.

5 Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. – М.-Киев: REFL-book, ИСА, 1994.

вался для обозначения дисциплин, которые: ломали старые парадигмы, как в физике «Новая наука» Галилео Галилея⁶; использовали новые методы (эмпиризм, исторический анализ); изучали прежде игнорируемые явления (общество, культуру, язык). Обновление наук происходило в органичной связи с изменениями в мире и переменами в самой научной области. Эти причины действуют и сейчас. Однако к ним добавился фактор кризиса старых парадигм, касающийся не только точных наук, например, переход от классической физики к квантовой, но и гуманитарных, где не оправдали себя ни выводы марксизма, ни либерализма. Современные «новые науки» возникают в основном на почве развития технологий, междисциплинарных исследований и необходимости более объемно объяснять усложняющийся мир.

Гуманитарные науки в наши дни чутко реагируют на технологические и социокультурные изменения, формируя новые предметные интегральные поля. В первую очередь следует упомянуть цифровые гуманитарные науки (англ. Digital Humanities, DH), которые используют цифровые технологии (анализ больших данных, машинное обучение, 3D-моделирование) для изучения традиционных гуманитарных вопросов (литература, история, искусство)⁷. С их помощью идет оцифровка архивов, производится виртуальная реконструкция исторических объектов.

Нейрогуманитарные науки (англ. Neurohumanities) изучают связи между человеческим мозгом, культурой и творчеством, применяя методы нейронауки к искусству, литературе и философии. Экологические гуманитарные науки (англ. Environmental Humanities) анализируют взаимодействие человека и природы через призму культуры, истории и философии. Гуманитарные науки данных (англ. Data Humanities) исследуют социальные и культурные процессы через большие данные, сочетая методы data science и гуманитарного знания, в частности, давая возможность визуализировать исторические тенденции, выявлять культурные паттернов в медиа. Трансмедийные исследования (англ. Transmedia Studies) рассматривают нарративы, существующие в различных медиа (кино, игры, книги, комиксы). Когнитивные культурологические исследования (англ. Cognitive Cultural Studies) изучают, как когнитивные процессы (память, внимание, эмоции) влияют на культуру и искусство. Критическая урбанистика (англ. Critical Urban Studies) анализирует города как сложные социально-культурные системы, включая неравенство, миграцию и цифровизацию пространства и выявляя такие процессы, джентрификация, уличное искусство, уличная еда, «умные» и «пятнадцатиминутные» города. Киберкультурология

6 Шербаков Р.Н. Новая наука Галилео Галилея: к 450-летию со дня рождения // Вестник Российской академии наук. 2014. Том 84, № 6. С. 545-552.

7 Терновая Л.О., Чапкин Н.С. Международные отношения в эпоху искусственного интеллекта: новые вызовы, риски и возможности // Культура мира. 2025. Том 13. Выпуск 5. (№ 48). С. 153-162.

(англ. Cyberculture Studies) проявляет интерес к интернет-культурам, цифровым сообществам и виртуальным идентичностям. Гуманитарная биоэтика (англ. Humanities Bioethics) рассматривает этические вопросы биотехнологий (ГМО, клонирование) с позиций философии, антропологии и литературы. Постколониальная цифровая этнография (англ. Postcolonial Digital Ethnography) исследуют влияние цифровых технологий на культуры бывших колонизированных народов, используя онлайн-этнографию, например, представляет соцсети как инструмент деколонизации.

Эти и другие новейшие направления гуманитарных наук стали знаком их адаптации к вызовам XXI в., включая цифровизацию, экологические кризисы и новые формы социальных взаимодействий. Имея интегральный характер, они способствуют преодолению того, что по аналогии с историей экономики, в которой явление огораживания (англ. enclosure, inclosure) было не просто созданием границ, а приватизацией общинных земель с разрушением традиционных систем, можно назвать «научным огораживанием». В науке преодоление огораживания выступает как создание «общинных интеллектуальных пастбищ», то есть пространств для междисциплинарного обмена. Их отсутствие или ущербность ведет к ряду сложно преодолеваемых болезней: когнитивной, когда страдает само производство знаний; организационной, при которой переживает упадок структура институтов и финансирования наук; социальной, проявляемой в печальных последствиях для общества; практической, выступающий как тормоз экономического развития.

В период сложных глобальных проблем (климат, пандемии, угроза применения ядерного оружия и пр.) фрагментация науки становится прямой угрозой человечеству. Страшно представить, что бы было во время вспышки COVID-19 если бы области вирусологии, логистики, социологии и IT были замкнуты в «научных вотчинах» без общих «пастбищ». «Научные лендлорды», под которыми мы понимаем узких специалистов, рьяно охраняющих свои дисциплинарные границы, — это такая же угроза прогрессу, как скваттеры XVII в. были угрозой крестьянским общинам.

Если допустить, что современные научные дисциплины продолжают возводить высокие, непроницаемые «заборы» вокруг себя, вред науке и обществу будет становиться глубже и многогранное. Удушение междисциплинарных зон (биоинформатика, нейроэкономика, климатическая социология и т.д.), где рождаются прорывные идеи, равно отказу от инноваций. Многие открытия рождаются на стыке наук, а «огороженные» дисциплины подавляют исследования, не вписывающиеся в их узкие рамки, считая их «нечистыми», т.е. «ненаучными». Сложнейшие современные проблемы (изменение климата, старение населения, искусственный интеллект, пандемии) требуют интеграции знаний из десятков областей, тогда как барьеры между ними делают решения неэффективными или совсем невозможными.

Усиление «слепых зон» из-за того, что каждая дисциплина, замкнутая в себе, будет развивать свою узкую оптику и язык, теряя способность видеть проблему целиком, приведет к неполным, искаженным или ошибочным выводам. Понятно, что исследователи в одной области могут не знать о релевантных открытиях или методах в соседней сфере знаний. А это ведет к дублированию работы и накоплению изолированных массивов данных, которые невозможно эффективно интегрировать. Реальность представляет собой сложные адаптивные системы. «Огороженные» науки неизбежно упрощают свои модели, игнорируя критически важные связи с другими системами, что ведет к неадекватному пониманию мира.

Наука теснейшим образом связана с образованием. Образовательные программы в «огороженных» дисциплинах ориентированы на подготовку узких специалистов, неспособных мыслить за пределами своей территории, лишенных широкого кругозора и навыков междисциплинарной коммуникации. «Огораживание» убивает умение синтезировать знания из разных источников.

Нельзя упускать из виду политические и экономические смыслы научного «огораживания», закрепляющего четкие дисциплинарные территории, борьба научных «лендлордов» (руководители университетов, научных институтов, журналов) за контроль над которыми (финансирование, публикации, должности, влияние) усиливает бюрократию и консерватизм. «Огороженные» дисциплины могут легче приватизироваться коммерческими или государственными структурами, стремящимися к контролю над знанием, когда доступ к «огороженным» данным и методам ограничивается. Новые, неортодоксальные или критически настроенные направления внутри дисциплины легко подавляются «владельцами» огороженной территории, видящими угрозу своему авторитету и ресурсам.

Можно выделить несколько областей, в которых вред подобной практики проявится наиболее остро. В первую очередь он обнаружится в комплексе проблем глобального характера: изменение климата, устойчивое развитие, здравоохранение будущего и др. Далее сложности проявятся в развитии передовых технологических направлений, связанных с искусственным интеллектом, нейронауками, нано- и биотехнологиями. Нобелевскому лауреату, академику Петру Капице принадлежат слова: «Наука — это то, чего не может быть; то, что может быть — это технологии». Когда техническому прогрессу приходится преодолевать разделительные линии, то это ведет к непредсказуемым рискам.

Такие же риски вследствие разделения наук имеются в гуманитарной сфере. Политика изоляции, в целом, ведет к упрощенным и ошибочным политическим решениям. Но в этом есть вина и научного разделения, не позволяющего исследователям увидеть и понять причины кризиса демократии, углубления социального неравенства, эскалации миграции и пр.

Также на гуманитарные науки возложена ответственная задача этического регулирования последствий развития технологий. Барьеры между науками ослабляют механизмы поддержания этических норм и регуляторных рамок, что уже в самом недалеком будущем приведет к этическим провалам в общественной жизни. Например, когда зоопарк города Ольборга в Дании призвал владельцев кур, кроликов и морских свинок отдавать своих питомцев целиком на съедение животным, включая европейскую рысь, организаторы этого процесса не думали о том, каким вырастет следующее поколение, для которого не будет действовать максима Антуана де Сент-Экзюпери о том, что мы ответственны за тех, кого приручили.

«Научное огораживание» — это путь к интеллектуальному регрессу. Оно превращает науку из динамичной, самообновляющейся системы, способной решать сложнейшие проблемы человечества, в набор изолированных, консервативных «вотчин», борющихся за ресурсы и воспроизводящих самих себя. Наибольший и самый опасный удар приходится именно на те области, где требуется максимальная интеграция знаний для выживания и прогресса человечества — климат, здоровье, сложные технологии, устойчивое развитие общества. Историческое огораживание обогатило немногих собственников, разорив множество простых людей. Научное «огораживание» обеднит всех, лишив человечество инструментов для понимания и решения своих самых насущных проблем.

Поскольку наука — это саморазвивающаяся и самообновляющаяся система, она имеет мощный инструмент против такой политики «огораживания». Этот инструмент заложен в человеко-центричном подходе к любому рода исследованиям. По сути, эта модель была визуализирована еще Леонардо да Винчи в его знаменитом «витрувианском человеке» (лат. *Homo vitruvianus*; итал. *L'uomo vitruviano*; другие названия: лат. *Homo quadratus* — Квадратный человек, лат. *Domus Aeternus* — Вечный Дом)⁸. Эта модель показывает, что интересы человека выходят за пределы его телесности или узкого мира личных интересов. Следует вместо дефиниции «Номо» перейти к тем, которые четко передают идею человека как источника, автора знания: «*Auctor cognitionis*» или «*Auctor scientiae*», для образного выражения: «*Fons cognitionis*» или «*Fons scientiae*». Для философского контекста, в котором выражен акцент на субъекте познания, уместнее применить определение: «*Subiectum cognoscens*», а для акцента на исследовательской деятельности — «*Investigator*».

Такой человеко-центричный подход лежит в основе антропологии. Сам этот термин происходит от греческих слов *ἄνθρωπος* (*anthropos*) — «человек» и *λόγος* (*logos*) — «учение», «наука». Первое зафиксированное использование данного понятия приписывается Аристотелю (IV в. до

8 Lester T. Da Vinci's Ghost: Genius, Obsession, and How Leonardo Created the World in His Own Image. – New York: Free Press, 2012.

н.э.), который применял его для изучения духовной природы человека в рамках философии. В его трудах антропология рассматривала этические и рациональные аспекты человеческой сущности, противопоставляя человека животным. В античной мысли, например, у Геродота (V в. до н.э.) можно найти попытки расширения этого предметного поля, в частности, в его описаниях культур народов Средиземноморья. Римские и средневековые авторы (например, Ибн Хальдун в XIV в.) развивали идеи социальной организации, хотя термин «антропология» в этот период не систематизировался. Возрождение термина происходит в Новое время. Понятие «антропология возвращается в научный дискурс в эпоху Просвещения (XVIII в.) в том виде, в каком Жан-Жак Руссо представляет его в концепции «естественного человека», анализируя связь природы и общества. Не случайно Клод Леви-Стросс назвал Руссо за идеи, предвосхитившие научное изучение культур «отцом антропологии».

Антропология, как и любая гуманитарная наука, не избежала биологизации. Так, Карл Линней в работе «Система природы» (1758) классифицировал человека как вид *Homo sapiens*, интегрировав его в биологическую таксономию, что стало основой физической антропологии. В XX в. дисциплина разделилась на биологическую и социокультурную ветви. Сегодня антропология служит мостом между естественными и гуманитарными науками, сохраняя античную идею интегрального изучения человека. Яркий пример — Бруно Латур и его исследование «Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри сообщества»⁹.

С конца XX столетия термин «антропология» охватывает множество междисциплинарных направлений: медицинскую, городскую, цифровую, религиозную, феминистскую, визуальную, психологическую, символическую, корпоративную, темпоральную и др.¹⁰ Расширение направлений антропологии отражает ее сдвиг от философских размышлений о сущности человека к интегральной научной специализации. Этот процесс передает суть обновления гуманитарных наук, которое является не данью моде, а ответом на запрос смысла в мире алгоритмов. Поскольку именно гуманитарные науки формируют идеологию, законы и политику, то в нынешнем беспокойном и непредсказуемом мире данный ответ актуален как никогда: без «человеческого измерения» технологии ведут в тупик, а гуманитарии становятся переводчиками между цифрой и человечностью. Гуманитарное знание — это не музейный экспонат, а операционная система для социума,

9 Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества / пер. с англ. К. Федоровой; Европейский ун-т в Санкт-Петербурге. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2013.

10 Вознесенский И.С. Корпоративная антропология: зарубежный опыт в адаптации для российского читателя // Власть истории и история власти. Том 5. Часть 2. 2019. (№ 16). С. 178-192; Вознесенский И.С. Темпоральный интеллект: от секрета овладения временем к эффективному управлению // Миссия конфессий. 2022. Т. 11. Часть 3 (№ 60). С. 90-97.

а ее своевременное обновление предотвращает «сбои» цивилизации.

Библиография

1. Алипа В.Н., Вознесенский И.С., Терновая Л.О. Молодежная политика. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2023. 216 с.
2. В СНГ принят План приоритетных мероприятий в сфере гуманитарного сотрудничества на 2025–2026 годы // URL: <https://e-cis.info/news/564/123555/>
3. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. – М.-Киев: REFL-book, ИСА, 1994. 656 с.
4. Вознесенский И.С. Корпоративная антропология: зарубежный опыт в адаптации для российского читателя // Власть истории и история власти. Том 5. Часть 2. 2019. (№ 16). С. 178-192.
5. Вознесенский И.С. Темпоральный интеллект: от секрета овладения временем к эффективному управлению // Миссия конфессий. 2022. Т. 11. Часть 3 (№ 60). С. 90-97.
6. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества / пер. с англ. К. Федоровой; Европейский ун-т в Санкт-Петербурге. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2013. 413 с.
7. Терновая Л.О. Глобализация и проблема формирования новых идентичностей // Власть. 2004. № 4. С. 10-15.
8. Терновая Л.О. Идентичность как фактор глобального диалога // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 2. С. 20-30.
9. Терновая Л.О., Чапкин Н.С. Международные отношения в эпоху искусственного интеллекта: новые вызовы, риски и возможности // Культура мира. 2025. Том 13. Выпуск 5. (№ 48). С. 153-162.
10. Щербаков Р.Н. Новая наука Галилео Галилея: к 450-летию со дня рождения // Вестник Российской академии наук. 2014. Том 84. № 6. С. 545-552.
11. Günel G., Varma S., Watanabe C. A Manifesto for Patchwork Ethnography // URL: <https://www.culanth.org/fieldsights/a-manifesto-for-patchwork-ethnography>.
12. Lester T. Da Vinci's Ghost: Genius, Obsession, and How Leonardo Created the World in His Own Image. – New York: Free Press, 2012. XV. 275 p.

References

1. Alipa V.N., Voznesensky I.S., Ternovaya L.O. Youth Policy. Moscow: International Publishing Center "Ethnosocium", 2023. 216 p.
2. The CIS adopted a Plan of Priority Events in the Sphere of Humanitarian Cooperation for 2025–2026 // URL: <https://e-cis.info/news/564/123555/>
3. Vico G. Foundations of a New Science of the General Nature of Nations. Moscow-Kyiv: REFL-book, ISA, 1994. 656 p.
4. Voznesensky I.S. Corporate Anthropology: Foreign Experience Adapted for the Russian Reader // The Power of History and the History of Power. Volume 5. Part 2. 2019. (№ 16). P. 178-192.
5. Voznesensky I.S. Temporal Intelligence: From the Secret of Mastering Time to Effective Management // Mission of Confessions. 2022. Vol. 11. Part 3 (№ 60). P. 90-97.
6. Latour, B. Science in Action: Following Scientists and Engineers Within Society / translated from English by K. Fedorova; European University at St. Petersburg. – St. Petersburg: Publishing House of the European University, 2013. 413 p.
7. Ternovaya L.O. Globalization and the Problem of Forming New Identities // Vlast. 2004. № 4. P. 10-15.
8. Ternovaya, L.O. Identity as a Factor in Global Dialogue // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2011. № 2. P. 20-30.
9. Ternovaya L.O., Chapkin N.S. International Relations in the Age of Artificial Intelligence: New Challenges, Risks, and Opportunities // Culture of the World. 2025. Vol. 13. Issue 5. (№ 48). P. 153-162.
10. Shcherbakov R.N. Galileo Galilei's New Science: On the 450th Anniversary of His Birth // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2014. Vol. 84. № 6. P. 545-552.
11. Günel G., Varma S., Watanabe C. A Manifesto for Patchwork Ethnography // URL: <https://www.culanth.org/fieldsights/a-manifesto-for-patchwork-ethnography>.
12. Lester T. Da Vinci's Ghost: Genius, Obsession, and How Leonardo Created the World in His Own Image. – New York: Free Press, 2012. XV. 275 p.

Ашнокова Л.М.

Доктор философских наук, профессор кафедры философии. Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова.

Павельева Т.Ю.

Доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии и социального управления. Московский государственный технологический университет «Станкин».

Влияние молодежной субкультуры на менталитет*

Аннотация. В статье анализируются молодежные субкультуры, причины их появления и распространения, последствия их воздействия на менталитет молодежи. Наряду с более устойчивым менталитетом большинства современной российской молодежи, существует и ментальность, в большей степени подверженная культурным условиям формирования, характерным для данного исторического периода. Поскольку усвоение культурных ценностей у молодежных групп происходит неодинаково, можно говорить о ментальностях, обусловленных различной культурой, сосуществующих с более устойчивым менталитетом.

Ключевые слова: менталитет, ментальность, кризис системы ценностных ориентаций, молодежная субкультура, противоречивая трансформация ментальности молодежи.

Ashnokova L.M.

Doctor of Philosophy, Professor of the Philosophy Department at the Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov.

Pavelieva T.Yu.

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Social Management at the Moscow State Technological University "Stankin".

The impact of youth subculture on mentality

Abstract. This article analyzes youth subcultures, the reasons for their emergence and spread, and the consequences of their impact on the mentality of young people. Along with the more stable mentality of the majority of contemporary Russian youth, there is also a mentality that is more susceptible to the cultural conditions of formation characteristic of a given historical period. Since the assimilation of cultural values occurs unevenly across youth groups, one can speak of mentalities conditioned by different cultures that coexist with a more stable mentality.

Key words: mentality, consciousness, crisis of the value system, youth subculture, contradictory transformation of youth mentality.

* © Ашнокова Л.М., Павельева Т.Ю., 2025.

Влияние молодежной субкультуры на менталитет

Прогрессивное экономическое, политическое, культурное развитие страны зависит, прежде всего, от наличного человеческого потенциала, духовного настроения молодежи, состояния менталитета молодежи. Молодежь является наиболее активной, мобильной социальной группой населения, которая более других отражает гипотетическую перспективу дальнейшего развития общества. Актуальность изучения социальных групп, норм и ценностей, с которыми идентифицирует себя молодежь, обусловлена тем, что молодое поколение является активным субъектом всех социальных процессов, от которых зависит благополучие нашего общества. Поэтому важно знать настроения, предпочтения молодежи.

В постсоветский период произошли кардинальные изменения во всех сферах общественной жизни, сопровождающиеся переоценкой ценностей прошлого: то, что недавно казалось неопровержимым, абсолютным ставится под сомнение. Переходное состояние общества приводит к неустойчивости ментальности молодежи, поскольку прежние ценностные ориентации уходят в прошлое, а новые еще только формируются.

Часть российских молодых людей склонны к отрицательному восприятию окружающего мира, полагая, что ничего хорошего их не ожидает в жизни. Подобное восприятие мира приводит к тому, что они становятся приверженцами субкультур, рассматривая субкультуру в качестве самовыражения, самоуспокоения. Молодежные субкультуры находят все большее распространение в обществе, вызывают интерес определенной части молодежи, в то время как не одобряются основной массой общества, в том числе и подрастающим поколением.

Г.С. Киселев, характеризуя современную эпоху как эпоху кризиса культуры, отмечает, что в современном развитом мире господствуют квази- и псевдокультура. Эти виды культуры оказывают отрицательное влияние на процесс становления личности. Г.С. Киселев полагает, что в нашу эпоху господства электронных средств коммуникации и массовой информации, прежде всего Интернета и телевидения, а также кино и массовой литературы, семье, школе и церкви не под силу конкурировать с масс-культурой – единственным источником ценностей, которые он называет псевдоценностями, социализирующегося поколения. Он пишет: «При этом вся бездна пустоты, пошлости и насилия совсем не сводится к проблеме злоупотребления индустрией развлечений. Дело, к несчастью, в том, что квазикальтура занимает место, которое должно принадлежать культуре, принимая на себя ее функции по выработке у человека тех ценностей, с которыми ему предстоит жить среди других людей» [5, с. 4].

Представляется важным исследование молодежных субкультур, выявление причины их появления и распространения, последствия их воздействия на ментальность молодежи.

Термин «субкультура» в отечественной литературе стал использоваться во второй половине 1980-х годов. Она трактовалась как культура определенной социальной или демографической группы, вызванная ограниченностью ее социальных связей, недостаточностью доступа для ее членов к общему культурному наследию. Под молодежной субкультурой А.И. Шендрик понимает совокупность артефактов, алгоритмов деятельности, а также ценностей, моральных и эстетических норм, которые создаются для регуляции поведения индивидов тем или иным молодежным сообществом, выделяемым в соответствии с возрастными, профессиональными, эстетическими или идейно-нравственными признаками [13, с. 609]. С.И. Левикова дает определение молодежной субкультуре: «Молодежная субкультура – это эзотерическая, эскапистская, урбанистическая культура, созданная молодыми людьми для себя; это «элитарная» культура, нацеленная на включение молодых людей в общество; это частичная культурная подсистема внутри системы «официальной», базовой культуры общества, определяющая стиль жизни, ценностную иерархию и менталитет ее носителей» [7, с. 34-35]. Д.Б. Писаревская, которая рассматривает субкультуры в рамках изучения молодежной культуры, полагает: «Считается, что в рамках субкультуры ценности, нормы, стереотипы базовой (доминирующей) культуры общества интерпретируются, т.е. так или иначе изменяются каким-то конкретным, но необязательно замкнутым сообществом и становятся скорректированными для конкретных сообществ. Субкультура может добавлять к этим ценностям и новые, специфичные только для нее, и характеризуется определенным стилем жизни и поведения приверженцев» [11, с. 19].

Представляется, что причиной стремления к участию в субкультуре является ослабление преемственности между старшим и младшим поколениями, которое приводит, в свою очередь, к отчуждению между родителями и детьми. Социальный опыт родителей в переломный момент развития российского социума стал неактуальным для детей. Утрату связи родителей и детей компенсирует субкультура. Помимо этого, принадлежность к определенной субкультуре рассматривается рядом молодых людей как социальная, психологическая защита. Еще одна функция субкультуры – функция адаптации, когда члены социальной группы рассматриваются как «свои». Идентификация с группой осуществляется посредством общей для группы символики в одежде, стиле поведения, общих ценностей.

Часть молодежи включается в субкультуру для общения, самоутверждения, что она в формальной группе удовлетворить не может, также для реализации неодобряемых обществом форм поведения.

В науке существуют различные подходы к оценке молодежных субкультур. Например, В.Ф. Пирожков выделяет просоциальные и асоциальные

молодежные субкультуры. Просоциальные – это социально-позитивные группы и общественные формирования несовершеннолетних и молодежи, которые могут отвергать устоявшиеся нормы, ценности, взгляды, установки, но не отрицают общечеловеческие ценности. К асоциальным субкультурам Пирожков относит объединения, характеризующиеся размытостью моральных норм, криминальными ценностями и установками, где целенаправленно насаждаются нормы, ценности, оправдывающие преступный характер деятельности и обеспечивающие единство в достижении криминальных целей [12].

Опасность ряда субкультур подробно анализирует Е.И. Гацкова. Причину опасности она связывает, в первую очередь с тем, что у приверженцев ряда субкультур можно наблюдать уже сложившуюся «ментальность», характеризующуюся неприязненным отношением к представителям других наций и народностей. Далее существуют субкультуры, специализирующиеся на мелких грабежах, хулиганстве, кражах, вымогательствах, в частности, гопники; на употреблении наркотиков, убийствах, самоубийствах (готы, эмо) и прочих безнравственных и незаконных деяниях; субкультуры, провозглашающие принесение в жертву, как ее участников, так и других, чтобы улучшить жизнь всех людей. Е.И. Гацкова полагает, что понимание мира, ментальность современной молодежи посредством объединения в субкультуры опасна для всего общества. Опасность усиливается тем, что наблюдается с каждым днем рост количества их приверженцев. Данное проявление менталитета современной молодежи ведет к увеличению преступности в обществе и государстве [1, с. 28].

В качестве основных причин молодежной преступности являются причины экономического характера: поляризация доходов, безработица, низкий уровень жизни, которые в большей степени актуализируются в связи с экономическим кризисом. Предупреждением криминального поведения подростков являются эффективные государственные меры по преодолению нищеты. Еще одной причиной молодежной преступности, вытекающей из экономической, можно назвать социальную несправедливость. Видя социальную несправедливость, осознавая невозможность достижения своих целей легально, законным путем, молодые люди могут стать жертвами криминальных организаций.

Экстремизм характеризуется приверженностью крайним, насильственным средствам достижения целей, поэтому крайне опасен для общества, подрывает его основы. Экстремизм является следствием правового нигилизма, поскольку экстремизм – форма нигилистического отрицания охраняемых государством общественных отношений. Он направлен на разрушение основ общества, дестабилизацию всех общественных отношений посредством угроз или насилия. Экстремизм можно охарактеризовать как социальную патологию, так как в нем присутствует элемент разруши-

тельного зла, который является недопустимым для нормального функционирования общества.

В среде российской молодежи наблюдаются основные виды экстремизма: экономического, этнического, политического, религиозного, экологического, духовного. В моменты общественных потрясений, связанных с кардинальными изменениями во всех сферах жизнедеятельности, что приводит к нивелированию многих ценностей, с неясностью дальнейших жизненных перспектив, экстремизм становится одним из наиболее опасных явлений. Причины экстремизма в современной России имеют социальные и психологические корни. К социальным корням могут быть отнесены: экономическая нестабильность, низкий материальный уровень жизни, проникающая во все сферы общества коррупция, невозможность быстрого улучшения жизни. Психологические корни обусловлены происходящим сегодня изменением тех стереотипов поведения, которые складывались веками и определялись культурой, менталитетом.

В.И. Добрынина и Т.Н. Кухтевич в качестве характерных черт молодежного экстремизма называют следующее: проявление экстремизма на социально-психологическом уровне, повышенная эмоциональность, максимализм, правовая безответственность, нигилизм, национализм, религиозная нетерпимость, преобладание групповых форм [2, с. 9-10].

Важно учитывать, что существенное влияние на уровень преступности оказывает уровень образования. Дополнительный год образования ведет к падению уровня преступности на 8-10%. С.Г. Ивченков и Н.П. Ивченкова считают, что люди, получившие высшее образование, имеют больше возможностей для достижения поставленных перед собой целей, не нарушая закон. Они, ссылаясь на специалистов, отмечают рост числа преступников, имеющих только начальное образование или вообще безграмотных. С.Г. Ивченков и Н.П. Ивченкова пишут: «Однако сегодня доступ в высшие учебные заведения малоимущим слоям населения практически закрыт» [4, с. 29]. Безусловно, уровень преступности зависит от уровня образования, хотя преступления совершают и высокообразованные молодые люди, то есть строгой прямой зависимости преступных действий и уровня образования нет. Также мы не разделяем мнение авторов о невозможности получения высшего образования малоимущими слоями населения, поскольку конкурсная основа поступления дает возможность любому подготовленному абитуриенту обучаться бесплатно.

Названные негативные явления не могут не вызывать беспокойство государства, гражданского общества. Исследования, проведенные в молодежной среде, выявили кризис системы ценностных ориентаций, отсутствие правил, принципов и императивов, регулирующих менталитет современной российской молодежи [3, с. 130-136]. Представления о ценностных ориентирах размыты, поскольку нет эффективных методов, воз-

действующих на сознание, менталитет и поведение молодого поколения.

Исследователями субкультурной проблематики гипотетически выделяются возможные последствия влияния молодежной субкультуры на образ мыслей, жизни и поведение: позитивная тенденция, когда осваиваются социальные роли в группе сверстников; социально-негативная тенденция, которая приводит к наркотизации, принятию идеологии национализма, экстремизма, приобщению к криминальному образу жизни; индивидуально-негативная тенденция, приводящая к бегству от социальной реальности. А.Л. Корженко в своем исследовании пришел к следующим выводам: «молодые люди, включенные в субкультуру, имеют особую специфику отношения к людям: *агрессивность* и *подозрительность* проявляются в большей степени, чем у обычной молодежи, а *подчиняемость*, *зависимость*, *дружелюбие* и *альтруистичность* – в меньшей» [6, с. 87-88]. А.Л. Корженко полагает, что в молодежных субкультурах предпочитают специфические нормы поведения, отличные от преобладающих в господствующей культуре. Интерес молодых людей к субкультуре выше в больших городах. Н.Е. Маркова пишет: «Результаты исследования распространенности субкультур показывают, что в среднем более четверти (29%) молодежи в возрасте 12-25 лет в той или иной степени оказались затронуты субкультурной мифологией и участвовали в субкультурных группах. Данные исследований показывают более широкое распространение субкультурных движений в мегаполисе (Москва) и крупном портовом городе (Владивосток), чем в городах с населением менее 500000 человек (Вологда, Коломна, Тула)» [8, с. 122].

Для большинства современных субкультурных практик характерно девиантное поведение, которое культивируется идеологией субкультуры: рискованное для жизни поведение, употребление алкоголя и наркотиков, агрессивное и преступное поведение. Н.Е. Маркова характеризует стереотипы поведения в молодежных субкультурах как агрессивные, депрессивные, гедонистические, рискованные, что связано с типами девиантной самоактуализации, формируемой вследствие усвоения субкультурных норм. Самоактуализация, выраженная в грубых, агрессивных, преступных действиях, направленных против идеологически обозначенных «врагов», характерна для скинхедов, футбольных фанатов, национал-социалистов. В качестве причин приобщения молодых людей к субкультуре Н.Е. Маркова называет неблагоприятную социальную обстановку, отсутствие возможности самореализации в сфере конвенциональной культуры. Субкультурные движения и идеология наделяют жизнь подростка смыслом, предлагающим иллюзию выбора и самоактуализацию в субкультурном смысле. Н.Е. Маркова приводит результаты исследований: «Исследования несовершеннолетних, нуждавшихся в реабилитации вследствие пребывания в деструктивных субкультурных модификациях: панки, скинхеды, футболь-

ные фанаты, сатанисты, язычники, эмо, готы, показывают, что часть социально обездоленных детей из неполных и проблемных семей достаточно глубоко входят в субкультурные практики и пополняют реабилитационные центры, нуждаясь в помощи психолога. Из наиболее уязвимых, полностью поверивших в мифологическую субкультурную реальность подростков формируются клиенты психиатрических клиник» [9, с. 22].

Особую опасность для современного общества представляет скин-движение в ее националистическом варианте. Е.Л. Омельченко отмечает, что идеология российского скин-движения, ставящая перед собой цель защитить чистоту расы, нации, основывается на принципах строгого следования патриархальному укладу семейной и государственной жизни, утверждении власти и авторитета физической силы, морального превосходства титульной нации, насилия по отношению к представителям других рас и наций [10, с. 61]. Эта идеология неприемлема в многонациональном российском обществе.

Таким образом, культурный фактор оказывает активное воздействие на менталитет российской молодежи, в связи с чем, в настоящее время происходит противоречивая трансформация ментальности молодежи. Д.Б. Писаревская отмечает: «Считается, что в рамках субкультуры ценности, нормы, стереотипы базовой (доминирующей) культуры общества интерпретируются, т.е. так или иначе изменяются каким-то конкретным, но необязательно замкнутым сообществом и становятся скорректированными для конкретных сообществ. Субкультура может добавлять к этим ценностям и новые, специфичные только для нее, и характеризуется определенным стилем жизни и поведения приверженцев» [11, с. 59].

В заключение можно сказать, что наряду с более устойчивым менталитетом большинства современной российской молодежи, существует и ментальность, в большей степени подверженная культурным условиям формирования, характерным для данного исторического периода. Поскольку усвоение культурных ценностей у молодежных групп происходит неодинаково, можно говорить о ментальностях, обусловленных различной культурой, сосуществующих с более устойчивым менталитетом.

Библиографический список

1. Гацкова Е.И. Молодежь и современность. – М.: «Инфра», 2001.
2. Добрынина В.И., Кухтевич Т.Н. Сущность и причины молодежного экстремизма // Экстремизм в молодежной среде: теоретические и практические аспекты. – М.: 2007.
3. Думнова Э.М. Формирование ментальности молодежи в постсоветский период // Идеи и идеалы. 2013. № 4 (18).
4. Ивченков С.Г., Ивченкова Н.П. Проблема идентификации и маргинализации современной российской молодежи // Социология жизни: преемственность и развитие исследовательских традиций. Изд-во Саратовского университета, 2010.
5. Киселев Г.С. Постмодерн и христианство // Вопросы философии, 2001. № 12.
6. Корженко А.Л. Молодежная субкультура как альтернативная форма социализации лично-

- сти // Вопросы психологии, 2010. № 2.
7. Левикова С.И. Молодежная субкультура. – М.: «ФАИР-ПРЕСС», 2004.
 8. Маркова Н.Е. О государственной молодежной политике в российской федерации // Народонаселение, 2013. № 2.
 9. Маркова Н.Е. Факторы социального здоровья подростков // Народонаселение, 2014. № 1.
 10. Омельченко Е.Л. Скинхед-идентичность в локальном контексте: гомосоциальность, интимность и тело бойца // Этнографическое обозрение, 2014. № 1.
 11. Писаревская Д.Б. Что такое постсубкультурные исследования? (Обзор) // Этнографическое обозрение, 2014. № 1.
 12. Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). Тверь: ИПП «Приз», 1994.
 13. Шендрик А.И. Субкультуры молодежные // Социологическая энциклопедия. Т. 2.
 14. Текеев С.О. Становление промышленной разработки свинцово-серебряных руд в верховьях Кубани во второй половине XIX века // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 83-88.
 15. Гусарова М.Н., Авакян Д.А. Высшее образование в Российской Федерации в первой четверти XXI века в контексте эволюции государственного управления и цифровизации // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 8 (206). С. 31-40.
 16. Мельник С.В. Опыт преподавания дисциплин по тематике межрелигиозного диалога в российских ВУЗах // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 6. № 87. С. 14-26.

References

1. Gatskova E.I. Youth and Modernity. – Moscow: Infra, 2001.
2. Dobrynina V.I., Kukhtevich T.N. The Nature and Causes of Youth Extremism // Extremism in the Youth Environment: Theoretical and Practical Aspects. – Moscow: 2007.
3. Dumnova E.M. Formation of the Mentality of Youth in the Post-Soviet Period // Ideas and Ideals. 2013. № 4 (18).
4. Ivchenkov S.G., Ivchenkova N.P. The Problem of Identification and Marginalization of Contemporary Russian Youth // Sociology of Life: Continuity and Development of Research Traditions. Saratov University Press, 2010.
5. Kiselev G.S. Postmodernism and Christianity // Questions of Philosophy, 2001. № 12.
6. Korzhenko A.L. Youth Subculture as an Alternative Form of Personality Socialization // Voprosy Psichologii, 2010. № 2.
7. Levikova S.I. Youth Subculture. – Moscow: FAIR-PRESS, 2004.
8. Markova N.E. On State Youth Policy in the Russian Federation // Population, 2013. № 2.
9. Markova N.E. Factors of Adolescent Social Health // Population, 2014. № 1.
10. Omelchenko E.L. Skinhead Identity in a Local Context: Homosociality, Intimacy, and the Fighter's Body // Ethnographic Review, 2014. № 1.
11. Pisarevskaya D.B. What is Post-Subcultural Research? (Review) // Ethnographic Review, 2014. № 1.
12. Pirozhkov V.F. Laws of the Criminal World of Youth (Criminal Subculture). Tver: IPP "Priz", 1994.
13. Shendrik A.I. Youth Subcultures // Sociological Encyclopedia. Vol. 2.
14. Tekeev S.O. The development of industrial mining of lead and silver ores in the upper reaches of the Kuban in the second half of the 19th century // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 83-88.
15. Gusarova M.N., Avakyan D.H. Higher education in the Russian Federation in the first quarter of the 21st century in the context of the evolution of public administration and digitalization // Etnosotsium and international culture. 2025. № 8 (206). P. 31-40.
16. Melnik S.V. The experience of teaching disciplines on interreligious dialogue in Russian universities // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 6. № 87. P. 14-26.

Аджиева З.И.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры государственных и административно-правовых дисциплин. Юридический институт Северо-Кавказской государственной академии.

Ногайлиева М.Х.

Кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления и политологии. Факультет экономики и управления, Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева.

Тохчуков М.О.

Кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления и политологии Факультет экономики и управления, Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева.

Хубиев И.Х.

Студент. ФГБОУ ВО «Северо-Кавказская государственная академия».

Сравнительный анализ правового обеспечения защиты персональных данных в Российской Федерации и зарубежных странах*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности правового регулирования защиты персональных данных в различных юрисдикциях, с акцентом на сравнительный анализ законодательств Европейского союза, России и Китая. Особое внимание уделяется принципам, механизмам ответственности и требованиям к обработке и хранению данных. Проанализированы различия в подходах к приоритетам защиты прав личности, национальной безопасности и публичных интересов. Описаны эволюция нормативных актов, а также проблемы трансграничной передачи и обеспечения безопасности персональных данных в условиях международной цифровой среды. Сделан вывод, что российское законодательство стремится соответствовать международным стандартам, сочетая контроль и защиту прав граждан в современных условиях.

Ключевые слова: персональные данные, защита данных, Россия, Китай, законодательство, конфиденциальность, национальная безопасность, кибербезопасность, трансграничная передача данных, ответственность, правовая регламентация, цифровые технологии.

Adjieva Z.I.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of State and Administrative Legal Disciplines, Law Institute of the North-Caucasus State Academy.

* © Аджиева З.И., Ногайлиева М.Х., Тохчуков М.О., Хубиев И.Х., 2025.

Сравнительный анализ правового обеспечения защиты персональных данных в Российской Федерации и зарубежных странах

Nogailieva M.K.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration and Political Science, Faculty of Economics and Management, Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliev.

Tokhchukov M.O.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration and Political Science, Faculty of Economics and Management, Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliev.

Khubiev I.K.

Student. North Caucasus State Academy.

Comparative analysis of the legal framework for personal data protection in the Russian Federation and foreign countries

Abstract. This article examines the features of legal regulation of personal data protection across different jurisdictions, focusing on a comparative analysis of the legislation of the European Union, Russia, and China. Particular attention is given to principles, mechanisms of liability, and requirements for data processing and storage. Differences in approaches to prioritizing the protection of individual rights, national security, and public interests are analyzed. The evolution of regulatory acts, as well as issues of cross-border data transfer and ensuring the security of personal data in the context of the international digital environment, are described. It is concluded that Russian legislation seeks to comply with international standards by combining control and protection of citizens' rights in modern conditions.

Key words: personal data, data protection, Russia, China, legislation, confidentiality, national security, cybersecurity, cross-border data transfer, liability, legal regulation, digital technologies.

В современном обществе защита прав человека становится одной из ключевых задач, стоящих перед государствами и международными организациями. Одним из основных прав, относящихся к первой генерации прав человека, является право на неприкосновенность частной жизни. Это право обеспечивает гражданам возможность вести свою жизнь без вмешательства со стороны государства и третьих лиц, что является основой для свободного выражения своих мыслей, желаний и действий.

С развитием технологий и увеличением объемов обрабатываемой информации вопрос защиты личных данных и частной жизни становится особенно актуальным. В условиях цифровизации, когда личная информация может быть легко собрана, обработана и распространена, необходимо пересмотреть существующие подходы к защите прав граждан. В

этом контексте важным шагом стало принятие различных международных норм и стандартов, таких как Декларация Парламентской Ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) и Европейская конвенция о защите прав человека. В 1998 году ПАСЕ приняла Резолюцию № 1165, которая ввела понятие «права на контроль за персональными сведениями»¹. Это подчеркивает необходимость защиты личной информации в условиях научного и технологического прогресса.

Все государства-члены ПАСЕ обязаны принимать законы, защищающие права человека в сфере личной жизни. Это включает ответственность СМИ за публикации, которые могут нарушать это право, а также возможность возмещения ущерба для пострадавших.

Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) рассматривает понятие «личная жизнь» как широкое и многогранное, охватывающее как внутренний мир индивида, так и его взаимодействие с внешней средой. Это подчеркивает важность контекста при оценке вмешательства в личную жизнь².

Понятие «персональные данные» является более узким по сравнению с понятием «информация о частной жизни». Персональные данные относятся к конкретным сведениям о человеке, которые он считает конфиденциальными и хочет защитить от несанкционированного доступа.

С мая 2018 года в Европе основным документом, регулирующим защиту персональных данных, является Общий регламент по защите данных (GDPR)³. Он распространяется на компании, обрабатывающие данные резидентов и граждан ЕС, независимо от их местонахождения. GDPR вводит принцип экстерриториальности, что означает, что компании, не имеющие офисов в Европе, все равно могут быть привлечены к ответственности за нарушения. Примеры штрафов включают 183 миллиона фунтов стерлингов для British Airways и 50 миллионов евро для Google⁴.

В отличие от российского законодательства, где меры защиты данных строго регламентированы государственными органами, GDPR предоставляет операторам свободу выбора стратегий защиты. Регламент содержит

1 Соколова М.Е. Первые успехи нового европейского общего Регламента по защите персональных данных // Современная Европа. 2020. № 2 (95). С. 56-66.

2 Аleshkova И.А. Развитие правового регулирования вопросов, связанных с конфиденциальностью информации и защитой персональных данных в Европейском союзе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2021. № 4. С. 111-120.

3 Регламент № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных)»: принят в г. Брюсселе 27.04.2016 // Official Journal of the European Union, n L 119. 04.05.2016. P. 1. // URL: <http://eur-lex.europa.eu> (Дата обращения: 10.03.2025).

4 Барциц В.И. Развитие законодательства Европейского Союза в сфере защиты персональных данных // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 2. С. 150-164.

рекомендации по шифрованию данных, но не предлагает четких инструкций или алгоритмов действий. Это различие подчеркивает разные подходы к защите персональных данных в Европе и России.

Одно из ключевых отличий Федерального закона от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» от GDPR заключается в требовании, что базы данных россиян должны находиться на территории России. В отличие от GDPR, который имеет экстерриториальное действие и может привлекать к ответственности компании, не имеющие физического присутствия в Европе, российский закон не распространяется на нерезидентов, обрабатывающих данные россиян за границей⁵.

Таким образом, GDPR обладает более широким спектром воздействия и может применяться к иностранным компаниям, имеющим доступ к данным граждан ЕС. Хотя Федеральный закон также позволяет привлекать иностранные компании к ответственности за несоблюдение требований локализации данных, его возможности ограничены по сравнению с GDPR. Штрафы за нарушения GDPR могут составлять до 2% или 4% от мирового годового оборота компании в зависимости от серьезности нарушения, что делает его более строгим инструментом в области защиты персональных данных⁶.

Вслед за Европейским союзом все больше и больше стран по всему миру разрабатывают свои собственные правила защиты персональных данных, при этом часто берут за основу Руководящие принципы Организации по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР) по защите частной жизни и трансграничного обмена персональными данными⁷ или Общий регламент по защите данных (GDPR).

Некоторые страны, например США, выбрали отраслевой подход к защите данных посредством законов, регламентирующих отдельные виды правоотношений (по оказанию финансовых услуг, защите прав потреби-

5 *Валюшко-Орса Н.В.* Правовое регулирование защиты персональных данных в Европейском союзе: сущностно-содержательные аспекты // Информационная безопасность личности и государства в современном международном праве: Материалы круглого стола кафедры государственного управления юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, 12 апреля 2022 года / Редколлегия: В.С. Михайловский (гл. ред.), Е.Ф. Довгань, Н.О. Мороз. – Минск: Белорусский государственный университет, 2022. С. 111-117.

6 *Кондрахина Н.А.* Нововведения в области защиты персональных данных в Евросоюзе и их влияние на российские организации // Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: проблемы теории и практики: Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, магистрантов и молодых ученых, Москва, 25 апреля 2018 года. – Москва: Российский государственный университет правосудия, 2021. С. 424-429.

7 Основные положения Организации по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР) о защите неприкосновенности частной жизни и международных обменов персональными данными от 23.09.1980 // Справочная правовая система по информационной безопасности [Электронный ресурс]. // URL: https://www.sps-ib.ru/_export/xhtml/пра:oesr_23.09.1980 (Дата обращения: 10.03.2025).

телей, защите прав и законных интересов детей и т.д.)⁸.

Ряд стран, напротив, придерживается комплексного подхода к правовому регулированию защиты персональных данных (в частности, Канада, Япония, Сингапур).

Рассмотрим более подробно защиту персональных данных в Китае, так как, Защита персональных данных в Китае представляет собой сложный и многоуровневый процесс, который регулируется несколькими законами и нормативными актами.

С 1 июня 2017 г. в КНР действует Закон о кибербезопасности, принятый 7 ноября 2016 г.⁹. Китай на протяжении многих лет не вмешивался в сферу правового регулирования кибербезопасности, однако развитие цифровых технологий потребовало изменений. В отличие от GDPR, этот закон охватывает не только защиту персональных данных граждан, но и вопросы национальной безопасности и суверенитета в киберпространстве.

Закон определяет кибербезопасность как меры по предотвращению кибератак и обеспечивает защиту персональных данных, которые могут идентифицировать субъекта. Он распространяется на все компании, включая иностранные, занимающиеся сбором и обработкой данных. За несоблюдение требований предусмотрены серьезные штрафы и ограничения.

Компании делятся на «операторов сети» и «операторов критически важной информационной инфраструктуры». Операторы сети включают всех провайдеров интернет-услуг, тогда как операторы критически важной инфраструктуры относятся к стратегически важным секторам (телекоммуникации, финансы и т.д.) или имеют объем данных свыше 1 000 ГБ. Различия между этими категориями становятся менее значительными из-за ужесточения обязательств для операторов сетей, приближающих их к режиму операторов критически важной инфраструктуры¹⁰.

В главе Закона о кибербезопасности КНР акцентируется внимание на защите персональных данных, включая необходимость получения согла-

8 Матвеевко Д.С. Российский и зарубежный опыт в области защиты персональных данных / Д.С. Матвеевко, А.И. Бевз, Л.И. Ярмоленко // Цифровизация экономики и общества: проблемы, перспективы, безопасность: материалы V международной научно-практической конференции, Донецк, 23 марта 2023 года. – Донецк: Цифровая типография, 2023. С. 175-179.

9 Правовое регулирование кибербезопасности в КНР. [Электронный ресурс]. // URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-06/11/content_5616919.htm (Дата обращения: 01.03.2025).

Закон Китайской Народной Республики о кибербезопасности представляет собой нормативный акт, разработанный для обеспечения сетевой безопасности, защиты суверенитета киберпространства и национальной безопасности, а также социальных и общественных интересов, защиты законных прав и интересов граждан, юридических лиц и других организаций, а также здорового развития экономической и социальной информатизации).

10 Свиридова Е.А. Правила использования технологий дипфейк в праве США и КНР: адаптация зарубежного опыта правового регулирования // Современное право. 2024. № 3. С. 119-123.

сия пользователя на их сбор, использование и передачу¹¹. Пользователь должен быть уведомлен о повреждении или утечке данных и имеет право требовать их удаления.

В 2021 году в Китае были введены новые правила цензуры, обязывающие производителей контента следовать принципам китайского государства и продвигать идеологию Коммунистической партии. Эти правила ограничивают свободу слова и требуют от пользователей сети соблюдения «социальной морали» и национальных интересов.

1 ноября 2021 года вступил в силу Закон о защите личной информации (PIPL), который ввел понятия «важные данные» и «конфиденциальные персональные данные»¹². Обработка последних возможна только с соблюдением строгих мер безопасности. Операторы сети обязаны назначить ответственного за защиту таких данных и взаимодействовать с национальными органами власти. Передача персональных или важных данных за пределы Китая требует самооценки безопасности и одобрения компетентного органа для операторов критически важной инфраструктуры, тогда как для других операторов одобрение не требуется. Эти меры могут ограничивать свободу выражения мнений, так как собранные данные могут быть переданы властям по запросу¹³.

Требование хранить информацию на серверах в Китае и сотрудничать с национальными органами власти может угрожать коммерческой тайне. Китай стремится обеспечить безопасность критически важной инфраструктуры, что включает проверку кибербезопасности для операторов, позволяющую властям контролировать передаваемую информацию.

Таким образом, в Китае правовое регулирование защиты персональных данных осуществляется через рамочный закон (PIPL), который устанавливает основные принципы, в то время как конкретные вопросы регулируются государственными органами, такими как Управление киберпространства. Понятие персональных данных в Китае заимствовано из европейской правовой традиции, однако право на защиту личной информации не считается основным правом человека. В отличие от ЕС, где защита личной информации имеет приоритет над публичными интересами, в Китае акцент сделан на защиту публичных интересов. Китайский подход ориентирован на экономический потенциал данных, государственные интересы и безопасность, в то время как европейский подход стремится к

11 Чернущ Н.Ю. Проблемы защиты персональных данных в России и Китае: сравнительно-правовой анализ / Н.Ю. Чернущ, С. Юйпэн // Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19. № 3. С. 69-77.

12 Закон Китайской Народной Республики о защите личной информации // China's Leading Corporate Service Provider [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.registrationchina.com/articles/law/personal-information-protection-law-china/> (Дата обращения: 01.03.2025).

13 Попова Е.К. Правовая защита личной информации: опыт Китайской Народной Республики // Наука. Общество. Государство. 2024. Т. 12. № 2 (46). С. 66-75.

балансу между правами граждан и интересами власти¹⁴.

Делая выводы по параграфу, отметим, что правовое регулирование защиты персональных данных в разных странах демонстрирует значительные различия в подходах и приоритетах.

В Китае основным актом является Закон о защите личной информации (PIPL), который вводит строгие требования к обработке персональных данных. Операторы обязаны получать согласие субъектов данных, соблюдать меры безопасности и назначать ответственных за защиту данных. При этом защита публичных интересов и национальной безопасности имеет приоритет над индивидуальными правами. Это проявляется в требованиях к хранению данных на территории Китая и обязательном взаимодействии с государственными органами. Нарушения могут привести к включению в черные списки¹⁵.

В Японии действует Закон о защите личной информации (APPI), который регулирует обработку персональных данных, устанавливая требования к безопасности и уведомлению субъектов о сборе их данных. Японское законодательство акцентирует внимание на защите прав личности, но также учитывает интересы бизнеса, не требуя жестких мер по хранению данных внутри страны¹⁶.

Австралия регулирует защиту персональных данных через Закон о защите личной информации (Privacy Act), который включает принципы конфиденциальности, обязательные для организаций. Здесь также наблюдается баланс между защитой прав граждан и коммерческими интересами, а организации обязаны уведомлять о нарушениях безопасности данных¹⁷.

В Канаде действует Закон о защите личной информации и электронных документов (PIPEDA), который охватывает широкий спектр персональных данных и требует согласия субъектов на их обработку. Защита прав личности занимает центральное место, однако закон допускает обработку данных без согласия в определенных случаях, например, для выполнения обязательств¹⁸.

14 Свиридова Е.А. Правила использования технологий дипфейк в праве США и КНР: адаптация зарубежного опыта правового регулирования // Современное право. 2024. № 3. С. 119-123.

15 Чернущ Н.Ю. Проблемы правовой защиты персональных данных по законодательству России и Китая / Н.Ю. Чернущ, Я. Чжун // Respublica Literaria. 2024. Т. 5. № 1. С. 113-123.

16 Матвеев Е.В. Правовая природа политики приватности: практический аспект // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. № 4 (42). С. 137-144.

17 Свиридова Е.А. Региональные модели правового регулирования защиты данных в странах ЕС и АТЭС // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. Т. 20. № 2. С. 81-88.

18 Грибачев К.К. Международный опыт регулирования обработки персональных данных и его применимость в Российской Федерации / К.К. Грибачев, К.А. Седаков, Д.О. Ермаков // Информационная безопасность и защита персональных данных. Проблемы и пути их решения: сборник материалов и докладов XVI межрегиональная научно-практическая кон-

Таким образом, в то время как Китай акцентирует внимание на национальной безопасности и публичных интересах, другие страны, такие как Япония, Австралия и Канада, больше ориентированы на защиту индивидуальных прав. Ответственность операторов в Китае более жесткая, с обязательными оценками безопасности перед передачей данных за границу, тогда как в других странах подход более гибкий.

Сравнительный анализ правового обеспечения защиты персональных данных в Российской Федерации и зарубежных странах показывает, что несмотря на общие цели — обеспечение конфиденциальности, безопасности и прав субъектов данных, — подходы и механизмы значительно различаются. Российское законодательство, представленное главным образом Федеральным законом №152-ФЗ «О персональных данных», ориентировано на контроль и регулирование обработки данных внутри страны с сильным акцентом на национальную безопасность и государственный суверенитет в цифровой сфере.

В то же время зарубежные страны, особенно государства Европейского союза с Общим регламентом по защите данных (GDPR), внедряют универсальные и детализированные принципы, направленные на максимальную защиту прав субъектов данных, установление прозрачности и ответственности операторов данных, а также создание условий для свободного перемещения информации в рамках объединённых юрисдикций.

Китайский опыт с законом PIPL демонстрирует баланс между строгими регуляциями, национальной безопасностью и развитием цифровой экономики. В России и Китае превалирует модель государственного контроля, тогда как в ЕС — защита индивидуальных прав и свобод.

Таким образом, для эффективного обеспечения защиты персональных данных в глобальном цифровом пространстве необходима гармонизация национальных норм с международными стандартами, что позволит повысить уровень доверия граждан, обеспечит правовую определённость для бизнеса и создаст устойчивую основу для трансграничного обмена данными. В этом процессе России важно учитывать лучшие зарубежные практики, не забывая адаптировать их под национальные реалии и стратегические интересы.

Библиографический список

1. Соколова М.Е. Первые успехи нового европейского общего Регламента по защите персональных данных // Современная Европа. 2020. № 2 (95). С. 56-66.
2. Алешкова И.А. Развитие правового регулирования вопросов, связанных с конфиденциальностью информации и защитой персональных данных в Европейском союзе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2021. № 4. С. 111-120.

ференция, Брянск, 29 апреля 2024 года. – Брянск: Брянский государственный технический университет, 2024. С. 66-69.

3. Регламент № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных)»: принят в г. Брюсселе 27.04.2016 // Official Journal of the European Union, n L 119. 04.05.2016. Р. 1. // URL: <http://eur-lex.europa.eu> (Дата обращения: 10.03.2025).
4. Барциц В.И. Развитие законодательства Европейского Союза в сфере защиты персональных данных // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 2. С. 150-164.
5. Валюшко-Орса Н.В. Правовое регулирование защиты персональных данных в Европейском союзе: сущностно-содержательные аспекты // Информационная безопасность личности и государства в современном международном праве: Материалы круглого стола кафедры государственного управления юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, 12 апреля 2022 года / Редколлегия: В.С. Михайловский (гл. ред.), Е.Ф. Довгань, Н.О. Мороз. – Минск: Белорусский государственный университет, 2022. С. 111-117.
6. Кондрахина Н.А. Нововведения в области защиты персональных данных в Евросоюзе и их влияние на российские организации // Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: проблемы теории и практики: Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, магистрантов и молодых ученых, Москва, 25 апреля 2018 года. – Москва: Российский государственный университет правосудия, 2021. С. 424-429.
7. Основные положения Организации по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР) о защите неприкосновенности частной жизни и международных обменов персональными данными от 23.09.1980 // Справочная правовая система по информационной безопасности // URL: https://www.sps-ib.ru/_export/xhtml/npa:oers_23.09.1980 (Дата обращения: 10.03.2025).
8. Матвеев Д.С. Российский и зарубежный опыт в области защиты персональных данных / Д.С. Матвеев, А.И. Бевз, Л.И. Ярмоленко // Цифровизация экономики и общества: проблемы, перспективы, безопасность: материалы V международной научно-практической конференции, Донецк, 23 марта 2023 года. – Донецк: Цифровая типография, 2023. С. 175-179.
9. Правовое регулирование кибербезопасности в КНР. // URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-06/11/content_5616919.htm (Дата обращения: 01.03.2025).
10. Свиридова Е.А. Правила использования технологий дипфейк в праве США и КНР: адаптация зарубежного опыта правового регулирования // Современное право. 2024. № 3. С. 119-123.
11. Чернущ Н.Ю. Проблемы защиты персональных данных в России и Китае: сравнительно-правовой анализ / Н.Ю. Чернущ, С. Юйпэн // Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19. № 3. С. 69-77.
12. Закон Китайской Народной Республики о защите личной информации // China's Leading Corporate Service Provider // URL: <https://www.registrationchina.com/articles/law/personal-information-protection-law-china/> (Дата обращения: 01.03.2025).
13. Попова Е.К. Правовая защита личной информации: опыт Китайской Народной Республики // Наука. Общество. Государство. 2024. Т. 12. № 2 (46). С. 66-75.
14. Свиридова Е.А. Правила использования технологий дипфейк в праве США и КНР: адаптация зарубежного опыта правового регулирования // Современное право. 2024. № 3. С. 119-123.
15. Чернущ Н.Ю. Проблемы правовой защиты персональных данных по законодательству России и Китая / Н.Ю. Чернущ, Я. Чжун // Respublica Literaria. 2024. Т. 5. № 1. С. 113-123.
16. Матвеев Е.В. Правовая природа политики приватности: практический аспект // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. № 4 (42). С. 137-144.
17. Свиридова Е.А. Региональные модели правового регулирования защиты данных в странах ЕС и АТЭС // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. Т. 20. № 2. С. 81-88.
18. Грибачев К.К. Международный опыт регулирования обработки персональных данных и его применимость в Российской Федерации / К.К. Грибачев, К.А. Седаков, Д.О. Ермаков // Информационная безопасность и защита персональных данных. Проблемы и пути их решения: сборник материалов и докладов XVI межрегиональная научно-практическая конференция, Брянск, 29 апреля 2024 года. – Брянск: Брянский государственный технический университет, 2024. С. 66-69.

References

1. Sokolova M.E. "The First Successes of the New European General Data Protection Regulation" // *Modern Europe*. 2020. № 2 (95). P. 56-66.
2. Aleshkova I.A. "Development of Legal Regulation of Information Confidentiality and Personal Data Protection in the European Union" // *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law*. 2021. № 4. P. 111-120.
3. Regulation (EU) № 2016/679 of the European Parliament and of the Council on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) (adopted in Brussels on 27 April 2016) // *Official Journal of the European Union*, n L 119. 04.05.2016. P. 1. // URL: <http://eur-lex.europa.eu> (10.03.2025).
4. Bartsits V.I. Development of Union legislation in the field of personal data protection // *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*. 2022. Vol. 9. № 2. P. 150-164.
5. Valyushko-Orsa N.V. Legal regulation of personal data protection in the European Union: essential and substantive aspects // *Information security of the individual and the state in modern international law: Proceedings of the round table of the Department of Public Administration of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Minsk, April 12, 2022* / Editorial board: V.S. Mikhailovsky (editor-in-chief), E.F. Dovgan, N.O. Moroz. - Minsk: Belarusian State University, 2022. P. 111-117.
6. Kondrakhina N.A. Innovations in the field of personal data protection in the European Union and their impact on Russian organizations // *Legal and individual regulation of public relations: problems of theory and practice: Proceedings of the IX All-Russian scientific and practical conference of postgraduate students, applicants, master's students and young scientists, Moscow, April 25, 2018*. - Moscow: Russian State University of Justice, 2021. P. 424-429.
7. Key provisions of the Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) on the protection of privacy and international exchange of personal data of 23.09.1980 // *Reference legal system on information security* // URL: https://www.sps-ib.ru/_export/xhtml/npa.oesr_23.09.1980 (10.03.2025).
8. Matvienko D.S. Russian and foreign experience in the field of personal data protection / D.S. Matvienko, A.I. Bevz, L.I. Yarmoolenko // *Digitalization of the economy and society: problems, prospects, security: materials of the V international scientific and practical conference, Donetsk, March 23, 2023*. - Donetsk: Digital Printing House, 2023. P. 175-179.
9. Legal Regulation of Cybersecurity in the PRC. // URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-06/11/content_5616919.htm (01.03.2025).
10. Sviridova E.A. Rules for the Use of Deepfake Technologies in the Law of the USA and the PRC: Adaptation of Foreign Experience of Legal Regulation // *Modern Law*. 2024. № 3. P. 119-123.
11. Chernus N.Yu. Problems of Personal Data Protection in Russia and China: A Comparative Legal Analysis / N.Yu. Chernus, S. Yupeng // *Legal Science and Practice*. 2023. Vol. 19. № 3. P. 69-77.
12. Law of the People's Republic of China on the Protection of Personal Information // *China's Leading Corporate Service Provider* // URL: <https://www.registrationchina.com/articles/law/personal-information-protection-law-china/> (01.03.2025).
13. Popova E.K. Legal Protection of Personal Information: The Experience of the People's Republic of China // *Science. Society. State*. 2024. Vol. 12. № 2 (46). P. 66-75.
14. Sviridova E.A. Rules for the Use of Deepfake Technologies in US and Chinese Law: Adaptation of Foreign Experience of Legal Regulation // *Modern Law*. 2024. № 3. P. 119-123.
15. Chernus N.Yu. Problems of Legal Protection of Personal Data under the Legislation of Russia and China / N.Yu. Chernus, Ya. Zhong // *Respublica Literaria*. 2024. Vol. 5. № 1. P. 113-123.
16. Matveev E.V. Legal Nature of Privacy Policy: Practical Aspect // *Journal of the Intellectual Property Court*. 2023. № 4 (42). P. 137-144.
17. Sviridova E.A. Regional Models of Legal Regulation of Data Protection in the EU and APEC Countries // *Problems of Economics and Legal Practice*. 2024. Vol. 20. № 2. P. 81-88.
18. Gribachev K.K. International Experience in Regulating Personal Data Processing and Its Applicability in the Russian Federation / K.K. Gribachev, K.A. Sedakov, D.O. Ermakov // *Information security and personal data protection. Problems and solutions: collection of materials and reports from the XVI interregional scientific and practical conference, Bryansk, April 29, 2024*. - Bryansk: Bryansk State Technical University, 2024. P. 66-69.

Бакка С.В.

Кандидат биологических наук. Ведущий научный сотрудник, Государственный природный заповедник «Нургуш».

Киселева Н.Ю.

Кандидат педагогических наук, доцент, Доцент кафедры биологии, экологии и методик обучения, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина.

Галустьян О.Р.

Магистрант, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина.

Шестакова А.А.

Кандидат биологических наук, доцент кафедры ботаники и зоологии, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобчевского.

Жук К.М.

Магистрант, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина.

Динамика списка видов в региональной Красной книге: анализ изменений*

Аннотация. В работе проанализирована динамика изменения видовых списков в трех изданиях Красной книги Нижегородской области. Рассчитан индекс сходства видовых списков трех изданий региональной Красной книги по Жаккару. Исследованы и систематизированы причины внесения видов в региональную Красную книгу и исключения из нее. Изучены изменения категорий природоохранного статуса редких видов живых организмов.

Ключевые слова: Красная книга, охрана природы, живые организмы, охраняемые виды.

Bakka S. V.

Candidate of Biological Sciences, Leading Researcher, State Nature Reserve Nurgush.

Kiseleva N. Yu.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Biology, Ecology and Teaching Methods, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University.

* © Бакка С.В., Киселева Н.Ю., Галустьян О.Р., Шестакова А.А., Жук К.М., 2025.

Galustyan O.R.

Master's student, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University.

Shestakova A.A.

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of the Department of Botany and Zoology, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

Zhuk K.M.

Master's student, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University.

Dynamics of the list of species in the regional Red Book: analysis of changes

Abstract. This paper analyzes the dynamics of changes in species lists in three editions of the Nizhny Novgorod Region Red Data Book. The Jaccard index of similarity between the species lists of the three editions of the regional Red Data Book is calculated. The reasons for adding and removing species from the regional Red Data Book are investigated and systematized. Changes in the conservation status categories of rare species are examined.

Key words: Red Data Book, nature conservation, living organisms, protected species.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Экокомпас: студенческая наука России» (соглашение № 075-15-2025-450 от 22.05.2025 г.). Мероприятие проводится в рамках реализации гранта в форме субсидий из федерального бюджета образовательным организациям высшего образования на реализацию мероприятий, направленных на поддержку студенческих научных сообществ.

Введение

Значимость красных списков для науки и практики охраны природы сегодня общепризнанна [1, 2]. В России списки видов живых организмов, занесенных в Красную книгу России и региональные Красные книги, служат нормативными документами и важнейшим механизмом сохранения биоразнообразия. В условиях достаточно быстро изменяющейся природы, преимущественно, под влиянием антропогенных факторов, необходим регулярный анализ и пересмотр списков видов, занесенных в Красные книги. В идеале он должен происходить на основании данных перманентного мониторинга как уже внесенных редких видов, так и состояния видов всех систематических групп [3]. На федеральном уровне принято производить такой пересмотр один раз в 10 лет. Эту же норму продублировали в региональных нормативных базах. Такой пересмотр происходит, но, учитывая

невысокую степень изученности живой природы большой территории страны при небольшом числе специалистов, анализ внесения или исключения видов из Красной книги приходится проводить в условиях острого дефицита достоверной научной информации о состоянии видов. Предмет исследования многих ученых - научно-методические основы ведения региональных Красных книг в целом [4-8] и обоснование корректировки перечней видов отдельных систематических групп в региональных Красных книгах [9-11].

Красная книга Нижегородской области учреждена в 1996 г. Сроки законодательного утверждения списков редких видов живых организмов и изданий Красной книги Нижегородской области [12-16] представлены в табл. 1.

Таблица 1. Сроки законодательного утверждения списков редких видов живых организмов и изданий Красной книги Нижегородской области.

Мероприятия	Годы реализации на этапах		
	I	II	III
Утверждение списка таксонов	1998-1999	2013	2024
Издание тома I (животные)	2003	2014	2026*
Издание тома II (растения и грибы)	2005	2017	2028*

* – планируемые сроки реализации

В данном сообщении рассматриваются изменения, происходившие в списке видов живых организмов, занесенных в Красную книгу Нижегородской области, анализируется степень таких изменений, причины внесения в Красную книгу и исключения из нее, изменения категорий статуса видов, занесенных в региональную Красную книгу.

Материал и методики исследования

Материалом для анализа послужили списки видов живых организмов, занесенных в три редакции Красной книги Нижегородской области. Была сделана оценка динамики числа видов как в целом, так и по отдельным группам живых организмов. Определен индекс сходства видовых списков трех изданий региональной Красной книги по Жаккару.

Анализ оснований для внесения видов в Красную книгу и их исключения из нее при подготовке как второй, так и третьей редакции данного нормативного документа базировался на результатах работы Комиссии по Красной книге Нижегородской области и экспертных групп по отдельным таксонам [17]. Авторы суммировали основания внесения видов в Красную книгу и их исключения из Красной книги Нижегородской области. Эти основания формализованы, приведены к стандартизованным формулировкам.

В качестве оснований исключения видов из Красной книги Нижегородской области выделены следующие: 1) рост численности; 2) достоверное и безвозвратное исчезновение в регионе; 3) изменения законодательства об охоте; 4) исключение из Красной книги России обычного в регионе вида; 5) исправление ошибки в систематическом положении таксона; 6) лучшая изученность, в том числе:

- численность оказалась выше предполагавшейся, распространение – шире,
- угрозы существованию вида в регионе отсутствуют,
- в регионе нет местных размножающихся группировок, присутствие вида объясняется завозом людьми или залетами отдельных особей,
- достоверные данные о находках вида на территории области отсутствуют.

В качестве оснований внесения видов в Красную книгу Нижегородской области выделены следующие: 1) сокращение численности; 2) внесение в Красную книгу России; 3) появление в регионе нового редкого вида; 4) выделение систематиками нового редкого вида; 5) лучшая изученность, в том числе: - впервые сделана оценка состояния вида (анализ числа и времени находок); - вид впервые достоверно найден в регионе.

В первой и второй редакциях региональной Красной книги была использована специфическая система категорий статуса видов с буквенным обозначением категорий [12-15]. Большинство принятых в Нижегородской области категорий соответствовало системе категорий Красной книги России: 0 – исчезнувшие, А=1 – исчезающие, Б=2 – сократившие численность, В=3 – редкие, Г=5 – восстанавливающиеся, Д=4 – малоизученные. Кроме того, использовалась дополнительная категория З: виды, у которых под юрисдикцию Красной книги подпадают только ключевые местообитания. В третьей редакции Красной книги применена нормативно-закрепленная на федеральном уровне система категорий статуса. Для каждого вида указаны три категории: редкости, угрозы исчезновения и приоритета охраны.

Был проведен сравнительный анализ изменения доли видов, отнесенных к разным категориям статуса в трех редакциях Красной книги. Категории статуса в двух первых редакциях Красной книги Нижегородской области соответствуют категории статуса редкости в третьей редакции. Категория 3 соответствует подкатегория 3.3. Проанализированы доли видов, отнесенные в третьей редакции Красной книги к разным категориям статуса угрозы исчезновения и приоритета охраны.

Результаты

Число видов живых организмов в трех изданиях Красной книги Нижегородской области представлено в табл. 2. Список охраняемых на региональном уровне видов с каждым десятилетием увеличивался.

Таблица 2. Число видов живых организмов в трех изданиях Красной книги Нижегородской области.

Группа живых организмов	Число видов в Красной книге Нижегородской области		
	издание 1	издание 2	издание 3
Mammalia	30	31	31
Aves	70	75	77
Reptilia	3	2	2
Amphibia	1	2	2
Actinopterygii	15	15	9
Petromyzontida	2	2	1
Insecta	129	146	138
Crustacea	2	2	2
Arachnida	4	5	3
Mollusca	1	1	1
Annelida	0	1	1
Platyhelminthes	1	1	1
Ciliophora	4	4	4
Tracheophyta	177	180	188
Bryophyta	0	28	30
Algae	2	3	4
Lichenes	16	16	17
Fungi	34	50	55
Total	491	564	566

При подготовке второго издания региональной Красной книги было исключено 40 видов живых организмов, при подготовке третьего издания – 57 (табл. 3).

Таблица 3. Число видов живых организмов, исключенных из Красной книги Нижегородской области.

Основания для исключения вида	Число видов, исключенных при подготовке Красной книги Нижегородской области	
	издание 2	издание 3
рост численности	3	9
достоверное и безвозвратное исчезновение в регионе	0	19

изменения законодательства об охоте	2	0
исключение из Красной книги России обычного в регионе вида	2	0
исправление ошибки в систематическом положении таксона	3	3
лучшая изученность, в том числе:	30	26
угрозы существованию вида в регионе отсутствуют	22	23
в регионе нет местных размножающихся группировок	6	0
достоверные данные о находках вида на территории области отсутствуют	2	3
Итого	40	57

При подготовке второго издания региональной Красной книги было внесено 113 видов живых организмов, при подготовке третьего издания – 59 (табл. 4).

Таблица 4. Число видов живых организмов, внесенных в Красную книгу Нижегородской области.

Основания для внесения вида	Число видов, внесенных при подготовке Красной книги Нижегородской области	
	издание 2	издание 3
сокращение численности	7	4
внесение в ККРФ	0	3
появление в регионе нового редкого вида	4	6
выделение систематиками нового редкого вида	0	3
лучшая изученность, в том числе:	102	43
впервые сделана оценка состояния вида	73	24
достоверно найден в регионе	29	19
Итого	113	59

Распределение видов живых организмов в трех изданиях Красной книги Нижегородской области по категориям статуса редкости отражает рис. 1.

Категории статуса угрозы исчезновения и приоритета охраны были введены только при подготовке третьего издания региональной Красной

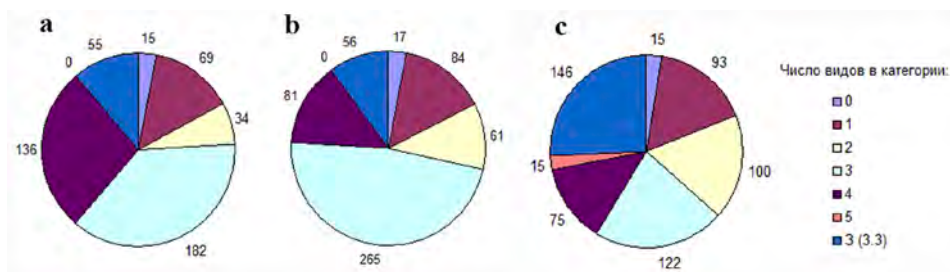


Рисунок 1. Распределение по категориям статуса редкости видов живых организмов в Красной книге Нижегородской области (а – издание 1, б – издание 2, с – издание 3).

книги. Распределение 566 охраняемых в регионе видов по категориям статуса угрозы исчезновения выглядит следующим образом: Regionally Extinct (RE) – 2.65%, Critically Endangered (CR) – 11.13%, Endangered (EN) – 16.96%, Vulnerable (VU) – 34.63%, Near Threatened (NT) – 18.55%, Least Concern (LC) – 2.83%, Data Deficient (DD) – 13.25%. Распределение видов по категориям статуса приоритета охраны следующее: I приоритет – 15 видов (2.65%), II приоритет – 145 видов (25.62%), III приоритет – 406 видов (71.73%).

Обсуждение

Общее число видов живых организмов, включавшихся хотя бы в одно из трех изданий региональной Красной книги, составляет 663. Из этого числа 401 вид (60.5%) присутствовал во всех трех списках. Индекс сходства по Жаккару списков видов, включенных в первое и второе издание составляет 74.7, второго и третьего – 81.7, первого и третьего – 53.8. За время существования региональной Красной книги список существенно изменился. Тем не менее, более половины от общего числа видов, включавшихся в список охраняемых, составляют постоянное «ядро».

На основании данных о росте численности при подготовке второго издания региональной Красной книги исключены 3 вида: *Fulica atra* L., *Hippolais caligata* Licht., *Papilio machaon* L., при подготовке третьего издания – 9 видов, например, *Lanius excubitor* L., *Melanargia russiae* Esp., *Argiope bruennichi* Scop.

При подготовке третьего издания региональной Красной книги исключены 19 видов, достоверно и безвозвратно исчезнувшие в регионе, такие, как *Otis tarda* L., *Acipenser gueldenstaedtii* Brandt, *Aconitum flerovii* Steinb., *Pycnothelia papillaria* (Ehrh.) L.M. Dufour.

В результате изменения законодательства об охоте при подготовке второго издания региональной Красной книги исключены 2 вида: *Felis lynx* L. и *Capreolus capreolus* L.. Для этих животных важнейшим лимитирующим фактором служило незаконное добывание. В изменившемся правовом

поле незаконное добывание видов, внесенных в Красные книги, оказалось вне компетенции органов государственного и ведомственного контроля за состоянием объектов охоты. *Felis lynx* стала видом, охота на который допустима только по лицензии. Выдача лицензии допускается только теми охотничьими хозяйствами, в которых плотность вида превышает установленный государством лимит. Для сохранения и воспроизводства *Capreolus capreolus* на северной границе ареала необходима зимняя подкормка. Подкормку будут организовывать только охотничьи хозяйства, заинтересованные в использовании вида в качестве ресурса. Поэтому исключение этих двух видов из Красной книги оценили как способствующее их сохранению в регионе.

Два обычных в Нижегородской области вида грибов *Gyroporus cyanescens* (Fr.) Quel. и *Leccinum percandidum* (Vass.) Watling были внесены в региональную Красную книгу только на основании их наличия в Красной книге России. Они были лишены регионального природоохранного статуса вслед за утратой федерального.

В результате исправления ошибки в систематическом положении таксона при подготовке второго издания региональной Красной книги исключены 3 вида: *Elatine callitrichoides* (W. Nyl.) Kauffm., *Najas major* L., *Chantansia pygmaea* Kutz., при подготовке третьего издания – также 3 вида: *Bryoria subcana* (Nyl. ex Stizenb.) Brodo et D. Hawksw., *Peltigera membranacea* (Ach.) Nyl., *Usnea diplotypus* Vain. Эти таксоны, ранее считавшиеся самостоятельными, были признаны формами других редких или обычных видов.

На основании лучшей изученности при подготовке второго издания региональной Красной книги исключены 30 видов, при подготовке третьего издания – 26 видов. Для большинства этих видов было установлено отсутствие угроз для их существования в регионе. Численность оказалась выше предполагавшейся, распространение – шире. Во втором издании примерами таких видов могут служить *Otus scops* L., *Oedipoda caerulescens* L., *Antrodia macra* (Somm.) Niern.. Несколько особняком стоит *Acanthis flammea* L., которая на зимовках обычна, а на гнездовании крайне редка. Мы считали, что она гнездится только на участках малонарушенной темнохвойной тайги. Было установлено, что пригодность местообитаний для гнездования *Acanthis flammea* не зависит от степени антропогенной трансформированности природных экосистем. В третьем издании региональной Красной книги к этой группе отнесены: *Carabus coriaceus* L., *Petrophora chlorosata* Scop., *Dolomedes plantarius* Clerck и т.д.

Основанием для исключения 6 видов при подготовке второго издания региональной Красной книги стало отсутствие в регионе местных размножающихся группировок. Присутствие вида объяснилось завозом людьми (*Emys orbicularis* L.) или залетами отдельных особей (например, *Pontia chloridice* Hbn., *Macroglossum stellatarum* L.).

По причине отсутствия достоверных (подтвержденных коллекционными экземплярами) данных о находках на территории региона при подготовке второго издания региональной Красной книги были исключены 2 вида: *Bombus armeniacus* Rad., *Bombus sporadicus* Nyl., при подготовке третьего издания – 3 вида: *Pyrgus cinarae* Rambur, *Lysandra coridon* Poda, *Polyommatus thersites* Cantener.

На основании данных о сокращении численности при подготовке второго издания региональной Красной книги в нее были внесены 7 видов, (например, *Eliotmys quercinus* L., *Strix aluco* L., *Emberiza aureola* Pall., *Bombina bombina* L.), при подготовке третьего издания – 4 вида: *Streptopelia turtur* L., *Acrocephalus arundinaceus* L., *Necydalis major* L., *Anaptychia ciliaris* (L.) Kög.

Внесение в Красную книгу России стало основанием для включения в третье издание региональной Красной книги 3 видов: *Larus fuscus* L., *Ceruchus chrysomelinus* Hochenwarth, *Protaetia fieberi* Kraatz.

Во второе и в третье издания Красной книги Нижегородской области вносили появившиеся в регионе (вселившиеся) новые редкие виды. В 2013 г. были включены – 4 вида: *Himantopus himantopus* L., *Numenius phaeopus* L., *Melanargia galathea* L., *Argiope bruennichi* Scop., в 2024 – 6 видов: *Podiceps ruficollis* Pall., *Egretta alba* L., *Aquila pomarina* C.L. Brehm, *Pluvialis apricaria* L., *Panurus biarmicus* L., *Parus palustris* L.

В третье издание региональной Красной книги были внесены 3 новых редких вида, выделенные систематиками: *Spiraea litwinowii* Dobroc., *Carex hartmanii* Cajander, *Paludicola turfosa* (Bory) M.L.Vis & Necchi.

На основании лучшей изученности в 2013 г. в региональную Красную книгу были внесены 102 вида, в 2024 г. – 43 вида. Для большинства этих видов необходимость присвоения природоохранного статуса была обоснована в результате впервые сделанной оценки состояния (анализа числа и времени находок). В 2013 г. были оценены 73 вида, например, *Nucifraga caryocates* L., *Euchloe ausonia* Hbn., *Prunella grandiflora* (L.) Scholler, *Ischnoderma resinosum* (Schrad.) P. Karst., 28 видов Bryophyta (*Riccia huebeneriana* Lindenb., *Sphagnum obtusum* Warnst., *Anomodon attenuatus* (Hedw.) Hüb. И др.) и 2 вида Charophyta (*Chara tomentosa* L., *Chara strigosa* A. Braun). В 2024 г. получили оценку 24 вида, например, *Oxymirus cursor* L., *Periphanes delphinii* L., *Onobrychis arenaria* (Kit.) DC., *Sphagnum Jensenii* H. Lindb., *Cordyceps militaris* (L.) Fr.

Ряд редких видов живых организмов, по-видимому, в течение прошлых столетий обитавшие в Нижегородской области, были впервые достоверно обнаружены только в XXI веке и внесены в региональную Красную книгу. В 2013 г. таких видов было 29 (например, *Spalax microphthalmus* Guld., *Locustella luscinioides* Savi, *Clossiana freija* Thunberg, *Dactylorhiza baltica* (Klinge) Nevski, *Sarcosoma globosum* (Schmidel) Casp.), а в 2024 г. – 19 (например, *Pungitius pungitius* L., *Cordulegaster boltonii* Donovan, *Najas flexilis*

(Willd.) Rostk. Et W.L.E. Schmidt, *Pterygoneurum subsessile* (Brid.) Jur., *Grifola frondosa* (Fr.) Gray.).

Анализ распределения видов живых организмов в трех изданиях Красной книги Нижегородской области по категориям статуса редкости (**рис. 1**) показывает, что доля исчезнувших видов практически не меняется. Заметно увеличивается доля исчезающих и сокращающих численность видов (категория редкости – 1 и 2), что может служить показателем неблагоприятия для редких видов живых организмов. В то же время заметна противоположная тенденция: в третьем издании появляются восстанавливающиеся виды (категория 5) и растет число видов, нуждающихся в охране только ключевых местообитаний (категории 3 или 3.3). Сокращается число неопределенных (малоизученных) видов (категория 4), что свидетельствует о существенном прогрессе в изучении редких видов в регионе. В третьем издании значительно уменьшилась доля редких видов, не подверженных непосредственной опасности вымирания (категория 3). Для многих видов причиной повышения или снижения категории статуса редкости стало не изменение состояния, а более точная его оценка.

Таким образом, изменения списка охраняемых на региональном уровне видов живых организмов и категорий их статуса отражают реальную динамику состояния видов и необходимости их охраны. Однако чаще основанием для них становится получение большого объема новой информации, которая позволяет уточнить оценки состояния вида в регионе.

Принятая в настоящее время и примененная при подготовке третьего издания Красной книги Нижегородской области тройная система категорий статуса позволяет более полно охарактеризовать состояние редких видов и служит основанием для совершенствования системы их охраны.

Большинство редких в регионе видов живых организмов связано с уязвимыми или исчезающими местообитаниями (высоковозрастными лесами, луговыми степями, болотами и др.). Единственный существующий юридический механизм защиты таких видов – занесение в Красные книги. По мере накопления информации о связях малочисленных видов с уязвимыми и исчезающими местообитаниями, список охраняемых на региональном уровне видов будет неуклонно расширяться. Этот процесс можно было бы предотвратить, создав юридический механизм защиты исчезающих местообитаний.

Заключение

Актуализация списков редких видов живых организмов каждые 10 лет в условиях регионов России представляется целесообразной. За такой период, с одной стороны, происходят реальные изменения состояния отдельных видов, с другой – накапливается значимый массив новой информации, позволяющей пересмотреть оценки состояния видов.

Ведение Красной книги Нижегородской области стало в XXI веке важ-

нейшим катализатором изучения биологического разнообразия в регионе.

Проведенный анализ показал, что изменения списка видов живых организмов и категорий их статуса в региональной Красной книге отражают реальную динамику состояния видов и необходимости их охраны. Однако чаще основанием для таких изменений становится совершенствование оценок состояния видов на основании большого объема новой информации.

Библиографический список

1. Rabaud S., Coreau A., Mermet L. Red lists of threatened species—Indicators with the potential to act as strategic circuit breakers between science and policy // *Environmental Science & Policy*. 2020. Vol. 113. P. 72-79 – <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2018.04.003>
2. Bourlat S.J., Tschan G.F., Martin S., Iqram M., & Leidenberger S. A red listing gap analysis of molluscs and crustaceans in Northern Europe: What has happened in the last 10 years? // *Biological Conservation*. 2023. 286, 110247. – <https://doi.org/10.1016/j.biocon.2023.110247>
3. Мазин Л., Куваев А. Красная книга Российской Федерации: прошлое, настоящее, будущее. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2020. 60 с.
4. Саксонов С.В. Актуальные задачи ведения региональных Красных книг: современные тенденции // *Известия Самарского научного центра РАН*. 2015. Т. 17. № 4 (4). С. 609-613.
5. Шляхтин Г.В., Табачишин В.Г., Ермохин М.В. Методические принципы процедуры занесения и выведения биологических видов в третьем издании Красной книги Саратовской области // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Химия. Биология. Экология*. 2016. Т. 16. Вып. 3. С. 295-299. – DOI: 10.18500/1816-9775-2016-16-3-295-299
6. Ушаков М.В. Теоретические аспекты региональной Красной книги // *Бюллетень Московского общества испытателей природы*. 2016. Отдел биологический, № 121 (6). С. 46-55.
7. Degteva S, Bobretsov A, Bobrov Y, et al. Occurrences of Threatened Species included in the Third Edition of the Red Data Book of the Komi Republic (Russia) // *Biodiversity Data Journal*. 2021. 9: e73763. – <https://doi.org/10.3897/BDJ.9.e73763>
8. Аненхонов О.А. Региональная Красная книга: научные и организационные проблемы (на примере Красной книги Республики Бурятия) // *Известия уфимского научного центра РАН*. 2024. № 4. С. 99-105. – <https://doi.org/10.31040/2222-8349-2024->
9. Халугин А.А., Силаева Т.Б., Варгот Е.В. и др. Оценка таксонов первого тома Красной книги Республики Мордовия (Россия), согласно категориям и критериям Красного списка МСОП // *Nature Conservation Research*. 2017. № 2 (1). С. 164-189. – <https://doi.org/10.24189/ncr.2017.004>
10. Бухарова Н.В., Булах Е.М., Спиринов В.А., Богачева А.В. Нуждающиеся в охране виды грибов Приморского края Дальнего Востока России (к обновлению региональной Красной книги) // *Биота и среда природных территорий*. 2022. Т. 10. № 1. С. 69-83. – DOI 10.37102/2782-1978_2022_1_4.
11. Красуцкий Б.В., Гашек В.А., Поляков В.Е Главные итоги мониторинга охраняемых беспозвоночных животных Челябинской области после выхода второго издания региональной Красной книги // *Трансформация экосистем*. 2024. № 7 (3). С. 13-63. – <https://doi.org/10.23859/estr-230225>
12. Красная книга Нижегородской области. Т.1. Животные. – Нижний Новгород. 2003. 380 с.
13. Красная книга Нижегородской области. Т. 2. Сосудистые растения, водоросли, лишайники, грибы. Нижний Новгород. 2005. 328 с.
14. Красная книга Нижегородской области. Т.1. Животные. 2-е изд., перераб.и доп. – Нижний Новгород: ДЕКОМ. 2014. 448 с.
15. Красная книга Нижегородской области. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 2. Сосудистые растения, водоросли, лишайники, грибы. – Калининград: Издательский Дом «РОСТ-ДОАФК. 2017. 304 с.
16. Постановление правительства Нижегородской области № 212 от 25 апреля 2024, «Об утверждении перечней видов (подвидов, популяций) живых организмов, занесенных в Красную книгу Нижегородской области ив приложения к Красной книге Нижегородской области // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/5200202404270014>
17. Ануфриев Г.А. Свод предложений, дополнений и исправлений к Красной книге Нижегородской области // *Редкие виды живых организмов Нижегородской области: Сборник ра-*

бочих материалов Комиссии по Красной книге Нижегородской области. Нижний Новгород. 2010. Т. 2. С. 9-33.

References

1. Rabaud, S., Coreau, A., Mermet, L. "Red Lists of Threatened Species: Indicators as Strategic Mediators between Science and Policy." *Environmental Science & Policy*, 2020. Vol. 113. P. 72-79. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2018.04.003>
2. Bourlat, S.J., Tschan, G.F., Martin, S., Iqam, M., & Leidenberger, S. "Gap Analysis of Red Lists of Molluscs and Crustaceans in Northern Europe: What Happened in the Last 10 Years?" *Biological Conservation*, vol. 2023, 286, 110247. – <https://doi.org/10.1016/j.biocon.2023.110247>
3. Mazin L., Kuvaev A. The Red Data Book of the Russian Federation: past, present, future. – Moscow: KMK Partnership of Scientific Publications, 2020. 60 p.
4. Saksanov S.V. Current tasks of maintaining regional Red Data Books: modernity // *Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2015. Vol. 17. № 4 (4). P. 609-613.
5. Shlyakhtin G.V., Tabachishin V.G., Ermokhin M.V. Methodological principles of entering and removing biological species in the third edition of the Red Data Book of the Saratov Region // *Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Chemistry. Biology. Ecology*. 2016. Vol. 16. Issue 3. P. 295-299. – DOI: 10.18500/1816-9775-2016-16-3-295-299.
6. Ushakov MV Theoretical aspects of the regional Red Data Book // *Bulletin of the Moscow Society of Naturalists*. 2016. Biological Department, № 121 (6). P. 46-55.
7. Degtyareva S, Bobretsov A, Bobrov Yu et al. Occurrence of endangered species included in the third edition of the Red Data Book of the Komi Republic (Russia) // *Journal of Biodiversity Data*. 2021. 9: e73763. – <https://doi.org/10.3897/BDJ.9.e73763>
8. Anenkhonov O.A. Regional Red Data Book: scientific and organizational problems (on the example of the Red Data Book of the Republic of Buryatia) // *Bulletin of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2024. № 4. P. 99-105. – <https://doi.org/10.31040/2222-8349-2024-9>
9. Khapugin A.A., Silaeva T.B., Vargot E.V. et al. Assessment of taxa from the first volume of the Red Data Book of the Republic of Mordovia (Russia) according to the categories and criteria of the IUCN Red List // *Nature Conservation Research*. 2017. № 2 (1). P. 164-189. – <https://doi.org/10.24189/ncr.2017.004>
10. Bukharova N.V., Bulakh E.M., Spirin V.A., Bogacheva A.V. Fungal species in need of protection in Primorsky Krai of the Russian Far East (to the updated regional Red Book) // *Biota and environment of the territory*. 2022. Vol. 10. № 1. P. 69-83. – DOI 10.37102/2782-1978_2022_1_4.
11. Krasutsky B.V., Gashke V.A., Polyakov V.E. Main results of the Diptychs of protected invertebrates of the Chelyabinsk region after the release of the second edition of the regional Red Book // *Transformation of the ecosystem*. 2024. № 7 (3). P. 13-63. – <https://doi.org/10.23859/estr-230225>
12. The Red Data Book of the Nizhny Novgorod Region. Vol. 1. Animals. – Nizhny Novgorod. 2003. 380 p.
13. The Red Data Book of the Nizhny Novgorod Region. Vol. 2. Vascular plants, crowberries, lichens, fungi. Nizhny Novgorod. 2005. 328 p.
14. The Red Data Book of the Nizhny Novgorod Region. Vol. 1. Animals. 2nd revised and enlarged edition. – Nizhny Novgorod: DEKOM. 2014. 448 p.
15. The Red Data Book of the Nizhny Novgorod Region. 2nd revised and enlarged edition. Vol. 2. Vascular plants, crowberries, lichens, fungi. – Kaliningrad: Publishing House "ROST-DO-AFK". 2017. 304 p.
16. Resolution of the Government of the Nizhny Novgorod Region № 212 of April 25, 2024 "On approval of listed species (subspecies, populations) of living organisms listed in the Red Book of the Nizhny Novgorod Region and in the appendices to the Red Book of the Nizhny Novgorod Region // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/5200202404270014>
17. Anufriev G.A. Collection of proposals, additions and corrections for the Red Book of the Nizhny Novgorod Region // *Rare species of living organisms of the Nizhny Novgorod Region: Collection of working materials on the Red Book of the Nizhny Novgorod Region*. Nizhny Novgorod. 2010. Vol. 2. P. 9-33.

Борлакова М.А.

Старший преподаватель кафедры цифровой инженерии и сетевых технологий. Северо-Кавказская государственная академия.

Байрамуков М.Х.

Обучающийся 3 курса. Северо-Кавказская государственная академия.

Чочуев Э.Р.

Обучающийся 2 курса. Северо-Кавказская государственная академия.

Абдиев И.Р.

Обучающийся 3 курса. Северо-Кавказская государственная академия.

Эбзеев Р.Д.

Обучающийся 2 курса. Северо-Кавказская государственная академия.

Искусственный интеллект в обучении информатике в условиях цифровизации*

Аннотация. В эпоху цифровой трансформации внедрение и совершенствование систем искусственного интеллекта (ИИ) становится существенным фактором прогресса современного социума. Внедрение информационных и когнитивных разработок обуславливает глубокие перемены во всех аспектах существования человека, в том числе в технологической, экономической, общественной и образовательной среде, представляющую особую значимость, где цифровизация и ИИ находят все более широкое применение. ИИ может быть использован для персонализированного подхода к обучению, разработки гибких образовательных программ и методик, оценки успехов обучающихся и прогнозирования их потребностей. Как инструмент ИИ может быть также эффективен при разработке имитационных моделей и виртуальных ассистентов, способствующих усвоению учебных дисциплин студентами.

Ключевые слова: цифровизация, искусственный интеллект, образовательный процесс, когнитивные технологии, моральные аспекты искусственного интеллекта.

Borlakova M.A.

Senior Lecturer at the Department of Digital Engineering and Network Technologies North Caucasus State Academy.

* © Борлакова М.А., Байрамуков М.Х., Чочуев Э.Р., Абдиев И.Р., Эбзеев Р.Д., 2025.

Bayramukov M.H.

3rd year student of the North Caucasus State Academy.

Chochuev E.R.

2nd-year student of the North Caucasus State Academy.

Abdiev I.R.

3rd-year student of the North Caucasus State Academy.

Ebzeev R.D.

2nd year student at the North Caucasus State Academy.

Artificial intelligence in computer science education in the context of digitalization

Abstract. In the era of digital transformation, the introduction and improvement of artificial intelligence (AI) systems is becoming an essential factor in the progress of modern society. The introduction of information and cognitive developments is causing profound changes in all aspects of human existence, including in the technological, economic, social and educational environment, which is of particular importance, where digitalization and AI are increasingly being used. AI can be used for a personalized approach to learning, the development of flexible educational programs and techniques, assessing students' success and predicting their needs. As an AI tool, it can also be effective in developing simulation models and virtual assistants that facilitate students' learning of academic disciplines.

Key words: digitalization, artificial intelligence, educational process, cognitive technologies, moral aspects of artificial intelligence.

Существуют разные представления об искусственном интеллекте, которые демонстрируют его многогранность и широкий спектр применения. Множество программных решений и приложений относятся к области искусственного интеллекта, обладая способностью интерпретировать человеческую речь и функционировать в роли виртуальных ассистентов. Подобные разработки активно используются в различных областях, в том числе в игровых сценариях, где ИИ выступает в роли оппонента в сложных играх. Искусственный интеллект тесно связан с компьютерной робототехникой, в рамках которой роботы оснащаются сенсорами, обеспечивающими восприятие окружающей среды посредством зрения, слуха и реакции на поступающие сенсорные данные. Это создает предпосылки для разработки автономных роботов, способных выполнять разнообразные задачи в реальном мире.

Искусственный интеллект, включает в себя несколько ключевых технологий. К ним относятся машинное обучение, обработка естественного языка, компьютерное зрение, робототехника и автоматизация процессов. Эти технологии являются необходимыми знаниями для современных специалистов. В современных учебных заведениях интеграция когнитивных технологий открывает новые горизонты в сфере образования и позволяет сделать обучение более ориентированным на индивидуальные потребности. Внедрение передовых решений, таких как AR (дополненной реальности) и VR (виртуальной реальности), в образовательную практику, способствует формированию более захватывающей и вовлекающей атмосферы обучения. В России в этой области лидируют компании Fibrum и Nival, которые специализируются на создании шлемов для виртуальной реальности и разработке игр соответственно. Онлайн-курсы по созданию приложений для виртуальной реальности становятся особенно востребованными, а некоторые вузы предлагают специализацию «Виртуальные технологии и дизайн» в рамках программы «Информатика и вычислительная техника». Компании, занимающиеся разработкой этих технологий, также предоставляют свои платформы для обучения, например, платформа EV Toolbox от компании Eligo Vision [1]. Безусловно, применение ИИ и аналитики больших данных может существенно улучшить эффективность учебного процесса и предоставить персонализированные советы для каждого обучающегося. В эпоху цифровой трансформации, искусственный интеллект (ИИ) становится мощным инструментом в сфере обучения информатике, позволяя оптимизировать учебный процесс, разрабатывать вовлекающие материалы и поддерживать дистанционное образование. В числе направлений применения ИИ в преподавании информатики могут присутствовать: индивидуализация обучения (анализируя успеваемость, интересы и особенности восприятия информации, ИИ формирует индивидуальные траектории обучения для каждого ученика); автоматизированная оценка (ИИ обеспечивает быструю и беспристрастную проверку заданий, тестов и экзаменов, что уменьшает рабочую нагрузку преподавателей и минимизирует вероятность субъективных оценок); онлайн-образование (ИИ активно участвует в организации виртуального обучения, разрабатывая интеллектуальные системы для интерактивных платформ, виртуальных помощников и средств совместной работы); анализ данных (ИИ способен обрабатывать большие массивы данных из разных источников, генерируя аналитические отчеты и рекомендации для педагогов и управленческого персонала); формирование компетенций будущего (ИИ предлагает обучающимся задания, симуляции и интерактивные упражнения для развития критического мышления, навыков решения задач, коммуникации и технической грамотности).

В сфере образования находит свое применение генеративный ИИ, ис-

пользуемый в разработке индивидуализированных учебных материалов, автоматизации повторяющихся операций и модификации контента в соответствии с нуждами обучающихся. Его работа базируется на масштабных лингвистических моделях, обладающих способностью генерировать текстовые, графические, звуковые и видеоматериалы по запросу. ИИ находит применение в различных аспектах обучения, от персонализации учебных программ до автоматизации рутинных задач. Одним из ключевых направлений является адаптивное обучение, когда ИИ подстраивает содержание и темп обучения под индивидуальные потребности каждого учащегося. Это позволяет более эффективно усваивать материал и повышать успеваемость. ИИ также используется для создания интерактивных обучающих материалов, таких как виртуальные тренажеры и симуляции, которые позволяют учащимся применять полученные знания на практике в безопасной и контролируемой среде. Автоматизация задач, таких как проверка тестов и выставление оценок, освобождает время преподавателей, позволяя им сосредоточиться на более важных аспектах, таких как индивидуальная работа с учениками и разработка новых учебных материалов. Кроме того, ИИ может использоваться для анализа данных об успеваемости учеников, что позволяет выявлять проблемные области и разрабатывать стратегии для их устранения, повышая общую эффективность образовательного процесса. В целом, использование ИИ в образовании способствует созданию более персонализированной, эффективной и увлекательной среды обучения для всех участников образовательного процесса.

Нейросеть - EdGPT, разработана для решения разнообразных задач в сфере образования. Она использует передовые алгоритмы обработки естественного языка и машинного обучения, чтобы предоставить учащимся и преподавателям персонализированные решения, основная цель – упростить и улучшить процесс обучения, сделав его более доступным и эффективным. Нейросеть может выполнять широкий спектр задач, включая создание учебных материалов, автоматическую проверку заданий и предоставление обратной связи студентам. Она способна генерировать оригинальные и качественные тексты, адаптированные к конкретным потребностям пользователей. EdGPT предоставляет преподавателям инструменты для автоматизации рутинных задач, таких как проверка домашних заданий и выставление оценок. EdGPT представляет собой мощный инструмент, который может значительно улучшить процесс обучения для всех участников. Исследователи отмечают, что в образовательных организациях особую популярность приобретают онлайн-курсы по обучению созданию приложений, реализующих виртуальную реальность [2, с. 15]. Одним из ключевых моментов должна быть их прозрачность. Разработчики должны стремиться к созданию понятных алгоритмов, чтобы пользователи могли понимать, как принимаются решения. Это поможет избежать предвзятости

сти и дискриминации. Другой важный аспект – безопасность. Необходимо защищать данные от несанкционированного доступа и злоупотребления. Это требует разработки надежных систем защиты и постоянного мониторинга. Кроме того, важно обучать людей правильному использованию ИИ. Пользователи должны понимать, как работают алгоритмы и какие ограничения существуют. Это поможет избежать ошибок и неправильных интерпретаций. Наконец, необходимо учитывать социальные последствия внедрения ИИ. Важно разрабатывать решения, которые приносят пользу обществу и не ущемляют права человека. Ответственное и эффективное использование ИИ – это комплексная задача, требующая усилий от всех заинтересованных сторон. Следует отметить, что использование ИИ в образовательном процессе требует соблюдения моральных норм. Крайне важно, чтобы внедрение и применение технологий ИИ в обучении осуществлялось с учетом этических принципов. Это подразумевает ответственное отношение к данным обучающихся, прозрачность алгоритмов и обеспечение равного доступа к образовательным ресурсам, основанным на ИИ. Этичное использование ИИ способствует созданию справедливой и инклюзивной образовательной среды, где технология становится инструментом для развития человеческого потенциала.

Искусственный интеллект трансформирует сферу образования, предлагая персонализированные учебные программы и автоматизированную обратную связь для студентов. Несмотря на все обозначенные выше факторы, применение технологии ИИ вызывает ряд опасений среди представителей академического сообщества. Внедрение ИИ в систему современного образования несет в себе не только положительные аспекты, но и потенциальные угрозы для всех сторон учебно-воспитательного процесса [3, с. 13].

Умные и когнитивные технологии, основанные на искусственном интеллекте, активно проникают в образовательное поле, и поэтому актуально искать новые аспекты развития обучения искусственному интеллекту как в рамках общеобразовательного курса, так и в дополнительной образовательной деятельности. Важно обеспечить ответственное использование искусственного интеллекта, чтобы избежать дискриминации, ущемления прав человека и других негативных последствий. Необходимы четкие правила и стандарты, регулирующие разработку и применение искусственного интеллекта, чтобы обеспечить его пользу в образовательном процессе, где цифровизация и ИИ находят все более широкое применение.

Библиографический список

1. Павленко Б.В., Лужецкая П.А. Искусственный интеллект как актуальный тренд содержания обучения информатике в условиях цифровизации. // URL: <https://moluch.ru/archive/498/109315> (Дата обращения: 15.10.2025)

2. Рыжова Н.И., Трубина И.И., Королева Н.Ю., Филимонова Е.В. Искусственный интеллект как актуальный тренд содержания обучения информатике в условиях цифровизации // Преподаватель XXI век. 2022. № 2. С. 11-22.
3. Гамбеева Ю.Н., Глотова А.В. Искусственный интеллект как часть концепции современного образования: вызовы и перспективы // Известия ВГПУ. 2021. № 10 (163). С. 10-16.
4. Муталимов А.Э. Многоязычный Дагестан: социально-философские размышления о научной версии возникновения языкового многообразия // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 6. № 87. С. 64-70.
5. Лукашенко Д.В. Педагогика высшей школы в эпоху цифровизации: трансформация образовательных практик и роль преподавателя // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 208-212.
6. Аджиева З.И., Чомаева З.М., Батдыева А.М. Административно - правовые механизмы информационной безопасности несовершеннолетних в Российской Федерации и субъектах РФ // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 9 (207). С. 50-61.

References

1. Pavlenko B.V., Luzhetskaya P.A. Artificial Intelligence as a Current Trend in the Content of Computer Science Education in the Context of Digitalization. // URL: <https://moluch.ru/archive/498/109315> (15.10.2025)
2. Ryzhova N.I., Trubina I.I., Koroleva N.Yu., Filimonova E.V. Artificial Intelligence as a Current Trend in the Content of Computer Science Education in the Context of Digitalization // Teacher of the XXI century. 2022. № 2. P. 11-22.
3. Gambaeva Yu.N., Glotova A.V. Artificial Intelligence as Part of the Concept of Modern Education: Challenges and Prospects // Izvestiya VSPU. 2021. № 10 (163). P. 10-16.
4. Mutalimov A.E. Multilingual Dagestan: socio-philosophical reflections on the scientific version of the emergence of linguistic diversity // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 6. № 87. P. 64-70.
5. Lukashenko D.V. Higher school pedagogy in the age of digitalization: the transformation of educational practices and the role of the teacher // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 208-212.
6. Adzhieva Z.I., Chomaeva Z.M., Batdyeva A.M. Administrative and legal mechanisms of information security for minors in the Russian Federation and its subjects // Etnosotium and international culture. 2025. № 9 (207). P. 50-61.

Дашу Ли

Колледж иностранных языков, Синьцзянский педагогический университет, Урумчи, провинция Синьцзян, Китай.

Синьлу Ян

Колледж иностранных языков, Синьцзянский педагогический университет, Урумчи, провинция Синьцзян, Китай.

Текущее состояние, ключевые вопросы и тенденции зарубежных исследований по проблеме поддержки обучающихся со стороны преподавателя (на основе визуального анализа Cite Space)*

Аннотация. К поддержке обучающихся со стороны преподавателя относятся такие аспекты, как понимание, удовлетворение их потребностей в обучении и содействие им в достижении образовательных целей. Целью данного исследования является тематический обзор и визуальный анализ зарубежных академических исследований по вопросу поддержки обучающихся со стороны преподавателя, что обеспечит данные для последующих, более глубоких исследований. Материалом для данного исследования стали источники, проиндексированные в базе данных научной литературы Web of Science с 2004 по 2024 год. С помощью технологии визуализации Cite Space 6. 4. R1 авторами составлена карта научных знаний, изучены состояние, ключевые вопросы и тенденции исследований. Как показывают результаты, в последние 20 лет наблюдается заметный рост количества зарубежных исследований по проблеме поддержки обучающихся со стороны преподавателя. Ключевые исследовательские вопросы по теме включают влияние поддержки со стороны преподавателя на академическую успеваемость, психическое здоровье и социальное поведение обучающихся. Ожидается, что последующие исследования по теме будут сосредоточены на вопросах междисциплинарной интеграции.

Ключевые слова: поддержка со стороны преподавателя, CiteSpace, состояние исследований, ключевые вопросы исследований, тенденции исследований.

Dashu Li

College of Foreign Languages, Xinjiang Normal University, Urumqi, Xinjiang, China.

Xinlu Yang

College of Foreign Languages, Xinjiang Normal University, Urumqi, Xinjiang, China.

* © Дашу Ли, Синьлу Ян, 2025.

Текущее состояние, ключевые вопросы и тенденции зарубежных исследований по проблеме поддержки обучающихся со стороны преподавателя (на основе визуального анализа Cite Space)

Research on the current status, research hotspots and trends of foreign teachers' support based on cite space visual analysis

Abstract. Teacher support refers to teachers' understanding of students, meeting students' learning needs, and helping them achieve educational goals. This study aims to review and conduct a visual analysis of academic achievements in foreign research on teacher support, providing reference for in - depth future research on teacher support. This study uses the literature on teacher support indexed in the Web of Science database from 2004 to 2024 as the data source. With the help of the visualization software Cite Space 6. 4. R1, a scientific knowledge map is drawn, and the research status, research hotspots, and research trends are investigated respectively. The results show that foreign research on teacher support has shown a rapid growth trend in these 20 years. The hotspots focus on how teacher support affects students' academic success, mental health, and social behavior. Future trends will center on multi-field and multi-disciplinary integration.

Key words: teacher support, CiteSpace, research status, research hotspots, research trends.

1. Введение

В современном образовании поддержка обучающихся со стороны преподавателя является ключевым фактором, влияющим на результаты обучения. Преподаватель не просто передает знания, но и обеспечивает разностороннюю поддержку обучающихся в целях их общего развития – академическую, инструментальную и эмоциональную. Академическая поддержка помимо непосредственной передачи знаний, обучающихся подразумевает также оценочные действия преподавателя, основанные на их успеваемости (Liu H, Li X, 2023). Это помогает обучающимся усваивать учебный материал, пробуждает любопытство и исследовательский дух. Инструментальная поддержка включает ресурсы и практическую помощь преподавателя, направленные на развитие академических навыков обучающихся, что в свою очередь делает обучение более эффективным и стимулирует участие в исследовательской работе. Эмоциональная поддержка заключается в проявлении преподавателем заботы и внимания к обучающимся, что обеспечивает их эмоциональное равновесие. (Granziera et al., 2022). Проведенный обзор литературы показывает, что поддержка со стороны преподавателя может прямо или косвенно влиять на мотивацию обучающихся, их творческое мышление, академическую вовлеченность и социальное взаимодействие (Chiu et al., 2023; Zhang et al., 2020; Brock & Curby, 2014; Tao et al., 2022). Более того, поддержка со стороны преподавателя может помочь обучающимся понять свои интересы и раскрыть таланты, задать правильное направление навстречу к полноценной и осмысленной жизни. В целях обеспечения более полного понимания зарубежных исследований по вопросу поддержки обучающихся со

стороны преподавателя, в рамках данного исследования для анализа соответствующей литературы за период с 2004 по 2024 год из научной базы данных Web of Science Core Collection используется технология визуализации CiteSpace. Анализируя и обобщая публикации за последние 20 лет, мы стремимся представить текущее состояние исследований, обозначить актуальные вопросы и тенденции и предложить исследователям и практикам в области образования исчерпывающие данные для совершенствования образовательных практик и развития образовательных теорий.

2. Данные и методы

2.1. Источники

Поиск проводился в базе данных научной литературы Web of Science по следующим критериями: «Тема» – «Поддержка со стороны преподавателя» и «Тип документа» – «Статья». Поиск охватывал период с 2004 по 2024 год. Тематические категории были определены как пять областей, связанных с образованием: научные исследования в области образования, педагогическая психология, междисциплинарные исследования в области психологии, психология развития, образование как научная дисциплина. Всего было получено 1162 источника на иностранных языках, которые после ручной фильтрации и отбора сократились до 290 подходящих источников. Они были загружены в формате «Полная запись и цитируемые ссылки» и сохранены в виде текстовых файлов, которые послужили образцами данных для анализа.

2.2. Методология исследования

Технология CiteSpace – это мощный инструмент визуализации и анализа научной литературы. В данном исследовании для анализа литературы по проблеме поддержки обучающихся со стороны преподавателя CiteSpace был выбран по нескольким причинам. Эта технология является эффективным инструментом для выявления закономерностей и тенденций в сложных массивах научных данных, которые легко упустить из виду при использовании других методов. CiteSpace позволяет анализировать выбранные образцы посредством исследования совместной встречаемости ключевых слов и строить кластерные карты. Интерпретируя созданные технологией CiteSpace карты знаний, данное исследование позволяет определить текущее состояние и обозначить передовые направления в конкретной области поддержки обучающихся со стороны преподавателя (Chen Y et al., 2015). Такой инструмент особенно полезен в анализе исследований в междисциплинарных областях. Сбор и предварительная обработка данных проводились с особым вниманием к деталям. Полученный исходный набор из 1162 статей прошел процесс ручной фильтрации. Дублирующиеся статьи и те, что не имели явного отношения к теме поддержки обучающихся со стороны преподавателя, были исключены на основании проверки их названий и аннотаций. Чтобы убедиться, что оставшиеся

статьи посвящены именно исследуемой теме, был проведен более глубокий анализ их текстов.

3. Результаты и анализ

3.1. Статистика количества ежегодно публикуемых статей

Количество публикаций является важным показателем, отражающим тенденции развития конкретной научной области в конкретный период. График позволяет более наглядно представить хронологическое развитие научной области, что имеет важное значение при анализе тенденций и прогнозировании ее будущего развития (Guo et al., 2022). Таким образом, на основе 290 отобранных публикаций Web of Science в рамках данного ис-

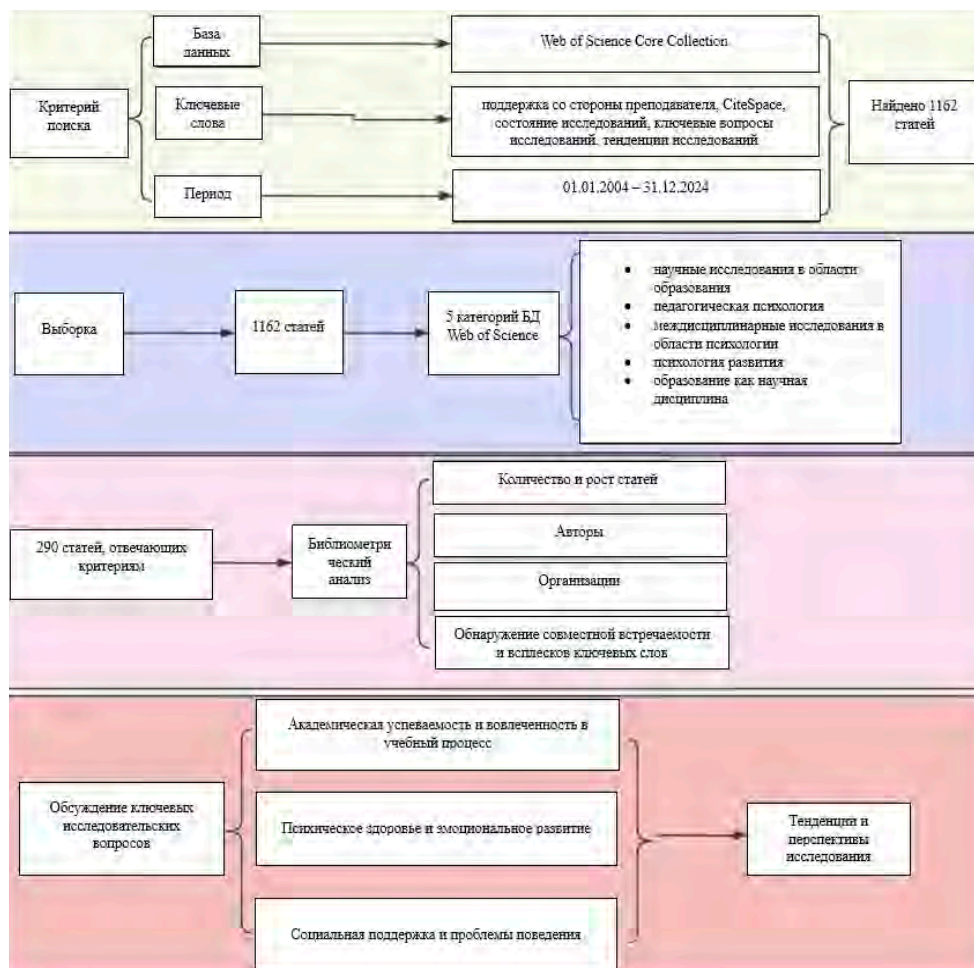


Рис. 1 Схема процесса исследования.

следования была составлена карта ежегодного распределения публикаций по исследуемой проблеме, наглядно отображающая тенденции развития данной области. В целом, с 2004 по 2024 год количество зарубежных публикаций по проблеме поддержки обучающихся со стороны преподавателя в целом демонстрировало тенденцию к росту. На графике наглядно представлено ежегодное распределение публикаций по проблеме поддержки обучающихся со стороны преподавателя с 2004 по 2024 год.

С 2004 по 2008 год закладывалась основа для исследований по проблеме поддержки обучающихся со стороны преподавателя, и лишь небольшое число исследователей изучали роль и значение поддержки обучающихся преподавателем в образовании. В этот период ежегодное количество публикаций увеличилось с 1 в 2004 году до 3 в 2008 году, что свидетельствует о постепенном росте внимания к этой теме.

С 2009 по 2020 год количество публикаций демонстрировало устойчивую тенденцию к росту. В этот период более глубоко рассматривался вопрос поддержки обучающихся со стороны преподавателя, при этом увеличивалось число исследований, посвящённых ее влиянию на успеваемость и психическое здоровье обучающихся. Ежегодное количество публикаций колебалось от 4 до 13, что свидетельствует о постепенном накоплении результатов исследований в этой области, а также о том, что тема постепенно становилась более интересной для исследователей в области образования.

После 2021 года количество публикаций быстро росло и к 2024 году достигло 72. Этот всплеск можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, глобальный акцент на качестве образования привел к повыше-

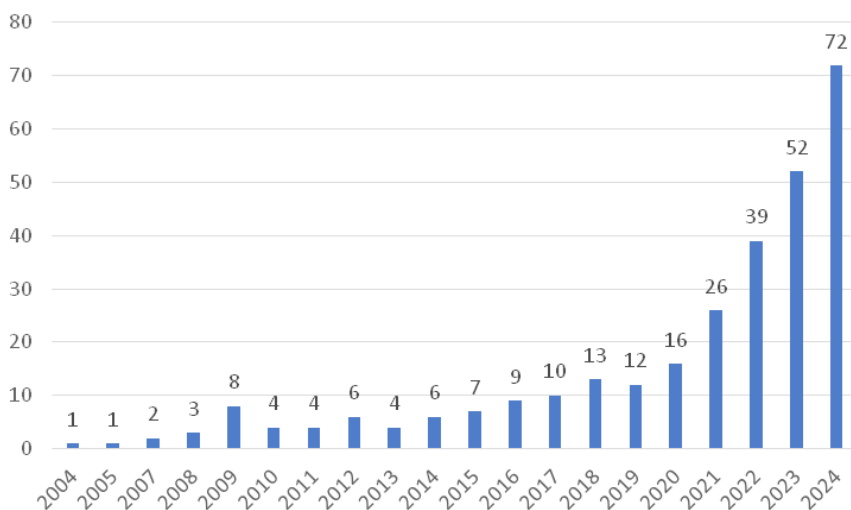


Рис. 2. Количество публикаций.

нию внимания к важнейшей роли поддержки преподавателя в развитии обучающихся. Во-вторых, достижения в методах исследования образования сделали доступными более совершенные инструменты и подходы, привлекая все больше исследователей к рассматриваемой проблеме. В-третьих, распространение результатов исследований стало более эффективным благодаря научным конференциям и публикациям в журналах, что дополнительно стимулирует исследовательский интерес в этой области.

Таким образом, график наглядно показывает рост публикаций, посвященных проблеме поддержки обучающихся со стороны преподавателя с 2004 по 2024 год, что отражает растущее внимание к исследованиям в области поддержки обучающихся в сфере образования. Рост числа публикаций не только демонстрирует непрерывное развитие исследований по теме, но и указывает на их потенциал и ценность для будущей образовательной практики и политики.

3.2. Авторы и межинституциональное сотрудничество

Количество публикаций автора может отражать его вклад в исследования по проблеме поддержки обучающихся со стороны преподавателя. С помощью технологии визуализации Cite Space был проведен визуальный анализ документа, содержащего данные об авторах 290 отобранных публикаций. Результаты представлены на Рис. 2. Визуализация CiteSpace дает ценную информацию о моделях сотрудничества между авторами в области исследуемого вопроса. Сеть сотрудничества авторов, показанная на визуализации, состоит из 268 узлов и 305 связей. Относительно низкая плотность (0,0085) свидетельствует о том, что область исследований поддержки обучающихся со стороны преподавателя несколько фрагментирована и характеризуется ограниченным сотрудничеством между исследователями, поскольку большинство авторов работают изолированно или в составе небольших групп. Тем не менее, в этой сети можно выделить несколько основных исследовательских групп. Эти группы представлены кластерами более плотно связанных узлов, например, кластеры «Liu Honggang» и «Li Xiaohue», демонстрируют более высокий уровень сотрудничества внутри группы. Аналогичным образом, кластеры «Amparo Gomez-artiga» и «Edvin Bru» также указывают на сплоченную исследовательскую команду. Значительное количество узлов изолированы или слабо связаны с основной сетью, что свидетельствует о том, что многие исследователи в данной области работают независимо. Это может способствовать формированию различных точек зрения и инновационных идей, но вместе с этим может привести к избыточности усилий и медленному прогрессу. Некоторые авторы, такие как Liu Honggang и Amparo Gomez-artiga, по-видимому, являются центральными фигурами в своих кластерах, вероятно, играют решающую роль в развитии исследований в своих группах, и могут служить связующим звеном с другими группами исследователей.



Рис. 3. Ключевые авторы.

Развитие исследуемой области требует более тесного сотрудничества между исследователями. Достичь его можно через совместные исследовательские проекты, научные конференции и онлайн-форумы, способствующие обмену идеями и ресурсами. Ключевые исследовательские группы, обозначенные выше, могут стать катализаторами более обширного сотрудничества. Взаимодействие индивидуальных исследователей и групп исследователей может способствовать созданию более сплоченного и динамичного исследовательского сообщества. Следует отметить, что результаты визуализации CiteSpace подчеркивают необходимость расширения сотрудничества между исследователями в области поддержки обучающихся со стороны преподавателя. Укрепляя связи основных исследовательских групп и создавая более широкие сети сотрудничества, в данной области исследования можно достичь более значительного прогресса.

Визуализация CiteSpace дает полное представление о моделях сотрудничества между учреждениями в исследованиях по проблеме поддержки обучающихся со стороны преподавателя. Карта, созданная CiteSpace, показывает, что основное место в исследовательском ландшафте занимают университеты. Такие учреждения, как Педагогический университет Центрального Китая, Университет Калифорнии и Пекинский педагогический университет вносят значительный вклад в исследования в области поддержки обучающихся со стороны преподавателя. Карта также показывает, что исследовательские учреждения не ограничиваются университетами, они также представлены образовательными, научно-исследовательскими и другими связанными с ними организациями.

Карта отображает сеть учреждений с общим количеством узлов и свя-

Последствия для исследуемой области очевидны. Низкая плотность и фрагментарность сети указывают на отсутствие широкого сотрудничества между исследователями по проблеме поддержки обучающихся со стороны преподавателя. Это может препятствовать интеграции, распространению результатов исследований и формированию сплоченного исследовательского сообщества.

зей, что свидетельствует о том, что в исследованиях в области поддержки обучающихся со стороны преподавателя участвует несколько учреждений. Плотность связей вокруг некоторых учреждений, таких как Гонконгский педагогический университет и Шаньдунский педагогический университет, свидетельствует о наличии кластеров активного сотрудничества



Рис. 4. Ведущие организации.

внутри этих групп. Однако общая плотность сети остается относительно низкой (0,0097), что указывает на то, что, несмотря на отдельные очаги совместной деятельности, большинство учреждений занимаются независимыми исследованиями с ограниченным взаимным сотрудничеством. Это говорит о том, что сплоченное и авторитетное академическое сообщество в области изучения вопросов поддержки обучающихся со стороны преподавателя еще не полностью сформировано.

На карте также отмечены некоторые учреждения с небольшим количеством связей или вообще без них, что указывает на то, что они проводят исследования независимо. Это может быть связано с рядом факторов, таких как географическое положение, специализированная исследовательская направленность или политика организации, которые могут ограничивать возможности сотрудничества.

Последствия такого институционального ландшафта имеют важное значение для области исследования. Относительно низкая плотность сетей подразумевает, что рассматриваемая область исследований фрагментирована, что может привести к упущенным возможностям обмена знаниями и ресурсами, которые могли бы повысить качество проводимых исследований. Для развития области исследования крайне важно поощрять более активное сотрудничество между организациями через совместные исследовательские проекты, междисциплинарные конференции и платформы для сотрудничества, объединяющие исследователей из разных организаций.

Ключевые организации, отмеченные на карте, такие как Пекинский педагогический университет и Китайский университет Гонконга, имеют все возможности для того, чтобы выступать катализаторами более широкого сотрудничества. Налаживая связи и расширяя взаимодействие, ключевые

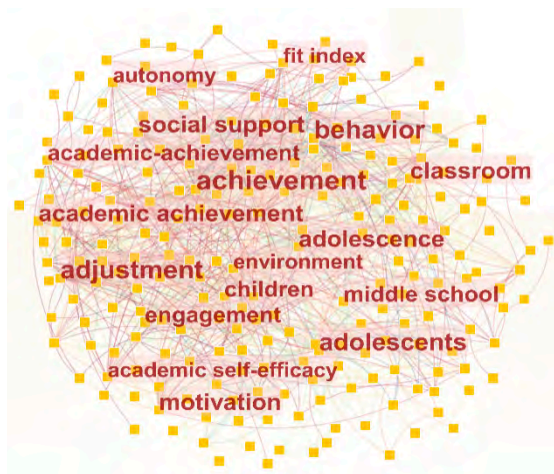


Рис. 5. Карта совместной встречаемости ключевых слов по проблеме поддержки обучающихся со стороны преподавателя.

широкого сотрудничества может способствовать более значительному прогрессу в исследуемой области.

организации могут способствовать созданию более сплоченного и динамичного исследовательского сообщества. Таким образом, визуализация CiteSpace подчеркивает важность укрепления институционального сотрудничества в области исследований по проблеме поддержки обучающихся со стороны преподавателя. Укрепление сплоченности ключевых исследовательских организаций и установление более

Central China Normal University	Педагогический университет Центрального Китая	Dhofar University	Дофарский университет
University of California System	Университет Калифорнии	Beijing Normal University	Пекинский педагогический университет
Pennsylvania Commonwealth System of Higher Education	Система высшего образования Пенсильвании	Chinese University of Hong Kong	Китайский университет Гонконга
Shandong Normal University	Шаньдунский педагогический университет	Nanjing Normal University	Нанкинский педагогический университет
Education University of Hong Kong	Гонконгский педагогический университет		

3.3. Анализ ключевых вопросов

Ключевые слова отражают содержание исследований и представляют собой темы, распространенные в литературе определенной области ис-

следования в конкретный период (Wang et al., 2020). В целях определения актуальных вопросов исследования, представим карту совместной встречаемости ключевых слов по проблеме поддержки обучающихся со стороны преподавателя и кластеризацию по ключевым словам (Рис. 4 и 5). К наиболее часто встречающимся ключевым словам относятся «академическая успеваемость», «настойчивость усилий при изучении второго языка», «академическая вовлеченность», «самоэффективность» и т. д. Это свидетельствует о том, что исследователи, рассматривая поддержку обучающихся со стороны преподавателя, изучали ее влияние на академическую вовлеченность и упорство в изучении второго языка, а также глубоко анализировали влияние поддержки преподавателя на успеваемость обучающихся.

autonomy	автономия	environment	окружающая среда
fit index	индекс приспособленности	children	дети
social support	социальная поддержка	middle school	средняя школа
behavior	поведение	engagement	вовлеченность
academic-achievement	академическая успеваемость	adolescents	подростки
classroom	класс	academic self-efficacy	академическая самоэффективность
academic achievement	академические достижения	motivation	мотивация
adolescence	подростковый возраст		
adjustment	адаптация		

academic performance	академическая успеваемость
L2 Grit	настойчивость усилий при изучении второго языка
academic engagement	академическая вовлеченность
latino youth	латиноамериканская молодежь
creative self-efficacy	творческая самоэффективность
interest	интерес
school misconduct	нарушения школьной дисциплины

Для определения актуальных тем исследований, связанных с поддерж-

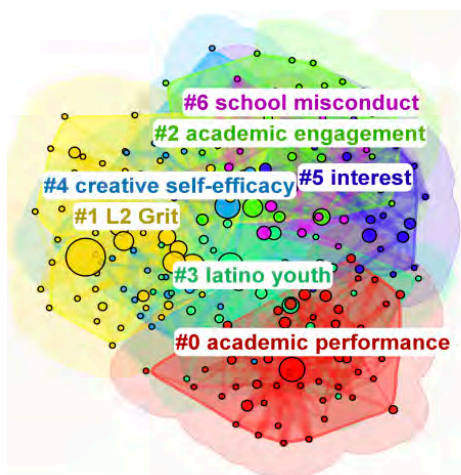


Рис 6. Кластеризация по ключевым словам.

1. Исследование академической успеваемости и вовлеченности в обучение

В данной области основное внимание уделяется влиянию поддержки со стороны преподавателя на академическую успеваемость и академическую вовлеченность обучающихся. В частности, исследования фокусируются на том, как поддержка со стороны преподавателя способствует академической успеваемости, повышает мотивацию, самоэффективность и вовлеченность обучающихся в учебный процесс. В исследованиях рассматривается не только роль поддержки со стороны преподавателя по различным учебным дисциплинам (математика, английский язык и т. д.), но и влияние поддержки со стороны преподавателя на академическую успеваемость обучающихся посредством различных промежуточных переменных (самоэффективность, мотивация к учебе и т. д.). В частности, поддержка со стороны преподавателя помогает обучающимся формировать позитивные установки и модели поведения в учебе, преподаватель оказывает эмоциональную помощь, академическое руководство и создает позитивную учебную среду (Sun et al., 2022; Zhang et al., 2024). Преподаватель также может повышать мотивацию и самоэффективность обучающихся, стимулируя академические достижения, поощряя обучающихся к участию в классных мероприятиях, предоставляя своевременную обратную связь и персонализированные рекомендации (Chia et al., 2024; Ghaleb et al., 2024).

Ключевые узлы:

- № 0 Академическая успеваемость. Это основной узел на графике, указывающий на то, что академическая успеваемость является одним из

кой обучающихся со стороны преподавателя, был проведен кластерный анализ ключевых слов. Было обнаружено, что исследования по рассматриваемой проблеме тесно связаны с такими словами, как «академическая успеваемость», «мотивация к обучению» и «самоэффективность», что свидетельствует о том, что исследователи придают большое значение изучению взаимосвязи между этими факторами и успеваемостью обучающихся. На основании вышеприведенного анализа были обобщены следующие актуальные вопросы исследований:

основных вопросов исследований по проблеме поддержки обучающихся со стороны преподавателя. Например, выявлено влияние поддержки со стороны преподавателя на Шкалу восприятия обучающимися поддержки преподавателя английского языка как иностранного (SPEFLTSS), подчеркиваются три измерения поддержки со стороны преподавателя: академическая поддержка, эмоциональная поддержка и инструментальная поддержка, которые существенно влияют на успеваемость обучающихся (Liu et al.). Многие исследования показали, что поддержка со стороны преподавателя может не только напрямую улучшать успеваемость обучающихся, но и косвенно способствовать её повышению различными способами. Поддержка преподавателя может повысить самооценку обучающихся, мотивацию к обучению, академическую вовлечённость и снизить тревожность, тем самым оказывая положительное влияние на их успеваемость (Peng et al., 2022; Affuso et al., 2023).

- № 2 Академическая вовлеченность. Этот узел подчёркивает, как поддержка преподавателя способствует академическим достижениям, повышая академическую вовлечённость обучающихся. Исследования показали, что поддержка со стороны преподавателя заметно влияет на академическую вовлечённость обучающихся (Weyns, et al., 2011). Поддержка преподавателя и сверстников оказывают долгосрочное влияние на вовлечённость в учёбу и проблемы с поведением. Исследование, в котором приняли участие 586 обучающихся с четвёртого по шестой год обучения, показало также и обратное влияние – через принятие сверстниками на поддержку со стороны преподавателя. Это свидетельствует о том, что поддержка со стороны преподавателя дополнительно способствует повышению академической вовлеченности, улучшая отношения со сверстниками, и тем самым оказывая положительное влияние на академическую успеваемость.

- № 5 Интерес. Поддержка со стороны преподавателя может улучшить результаты обучения, стимулируя интерес обучающихся. Как показывают исследования, хоть поддержка самостоятельности и имеет важное значение, её значимость может различаться в зависимости от культурного контекста в Азии (Maulana, 2016). Это свидетельствует о том, что поддержка со стороны преподавателя, особенно в форме самостоятельности, компетентности и вовлеченности, играет важную роль в повышении интереса и мотивации к обучению, что соответствует принципам позитивного образования.

2. Психическое здоровье и эмоциональное развитие

Этот ключевой вопрос посвящен влиянию поддержки со стороны преподавателя на психическое здоровье и эмоциональное развитие обучающихся. В частности, изучается, как поддержка со стороны преподавателя способствует психическому здоровью обучающихся, снижая негативные эмоции (тревога, депрессия и т.д.) и усиливая позитивные эмоции (чувство эмоционального равновесия, самооценку и т.д.). Исследования

сосредоточены на том, как поддержка со стороны преподавателя помогает обучающимся регулировать свои эмоции, особенно путем обеспечения эмоциональной поддержки и положительной обратной связи. В частности, поддержка преподавателя помогает обучающимся сформировать позитивное самовосприятие и навыки эмоциональной саморегуляции, обеспечивая безопасную и поддерживающую учебную среду. Преподаватель может повысить самоэффективность и чувство эмоционального равновесия обучающихся, уделяя внимание их эмоциональным потребностям, оказывая персонализированную поддержку и поощрение (Song et al., 2024).

Ключевые узлы:

- № 1 Настойчивость усилий при изучении второго языка. Этот узел показывает посредническую роль настойчивости во взаимосвязи между поддержкой со стороны преподавателя и психическим здоровьем обучающихся. Так, исследования выявили, что поддержка преподавателя оказывает прямое влияние на языковую тревожность обучающихся, и это влияние опосредовано настойчивостью и упорством при изучении второго языка (Liu Honggang, Li Xiaohue, 2023). Это указывает на то, что поддержка преподавателя не только напрямую влияет на психическое здоровье обучающихся, но и косвенно, усиливая их упорство. Кроме того, было обнаружено, что упорство регулирует взаимосвязь между поддержкой преподавателя и языковой тревожностью.

- № 3 Латиноамериканская молодёжь. Этот узел подчеркивает роль поддержки со стороны преподавателя в конкретных культурных контекстах, особенно ее влияние на психическое здоровье и эмоциональное развитие молодежи латиноамериканского происхождения. Исследования показывают, что, когда молодые латиноамериканцы ощущают позитивную поддержку и эффективное общение со стороны своих преподавателей, они значительно чаще формируют позитивный образ себя в будущем и разрабатывают более конкретные стратегии для его воплощения в жизнь (Mireles-Rios, Rebeca, and Roshandel, Shadi, 2020). Такой тип поддержки не только способствует успеху в учебе, но и оказывает глубокое положительное влияние на психологическое и эмоциональное благополучие обучающихся, укрепляя их уверенность в себе и мотивацию для достижения своих будущих целей.

- № 4 Творческая самоэффективность: Этот узел показывает посредническую роль творческой самоэффективности в отношениях между поддержкой преподавателя и эмоциональным развитием обучающихся. Отмечается, что поддержка преподавателя способствует развитию творческого мышления обучающихся, повышая их творческую самоэффективность (Sun, Cuicui, et al., 2021). Эта поддержка проявляется не только в академической помощи, но также предполагает эмоциональное поощрение и психологическую поддержку, что позволяет обучающимся стать более уве-

ренными и мотивированными. Кроме того, положительная обратная связь и конструктивное руководство преподавателя помогают стимулировать внутреннюю мотивацию и креативность обучающихся и, таким образом, демонстрировать более высокую вовлеченность и лучшую успеваемость в процессе обучения. Эти результаты свидетельствуют о том, что поддержка со стороны преподавателя играет решающую роль в психологическом и эмоциональном развитии обучающихся и может способствовать их все-

стороннему развитию.

3. Социальная поддержка и проблемы поведения

В рамках данного ключевого вопроса изучается роль поддержки со стороны преподавателя в системе социальной поддержки и, в частности, то, как поддержка со стороны преподавателя может снизить проблемы с поведением (буллинг, нарушение дисциплины в школе) и повысить социальную адаптацию обучающихся. В частности, поддержка со стороны преподавателя помогает обучающимся развивать правильное социальное поведение и адаптироваться, обеспечивая позитивную учебную среду и социальную поддержку. Преподаватель также может снижать поведенческие проблемы обучающихся, выстраивая позитивные отношения, развивая социальные навыки и создавая возможности для совместного обучения.

Ключевые узлы:

- № 6 Нарушение дисциплины. Этот узел указывает на роль поддержки со стороны преподавателя в снижении уровня дисциплинарных нарушений. Например, изучалось долгосрочное влияние поддержки преподавателя и принятия сверстниками на вовлечённость в учебный процесс и проблемы с поведением. Результаты показали, что более высокий уровень воспринимаемой поддержки со стороны преподавателя был связан с повышением академической вовлечённости и снижением проблем с пове-

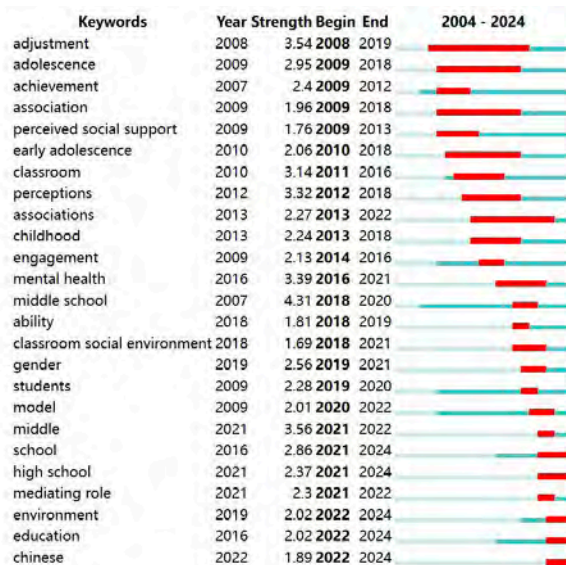


Рис. 7. Ключевые слова с высоким всплеском цитирования.

дением. В частности, поддержка преподавателя оказала положительное влияние на поведенческую вовлечённость в учебный процесс, тем самым снижая количество случаев ненадлежащего поведения. Это подчёркивает важность поддержки со стороны преподавателя как фактора в снижении уровня ненадлежащего поведения и необходимость установления преподавателем поддерживающих отношений с учащимися для поощрения положительного поведения и академических результатов (Leflot et al., 2011). Кроме того, исследование также подчеркнуло роль принятия со стороны сверстников, указав, что сочетание поддержки преподавателя и позитивных отношений со сверстниками может эффективно снижать поведенческие проблемы в школьной среде.

4. Эволюция ключевых вопросов исследования

Top 25 Keywords with the Strongest Citation Bursts	25 ключевых слов с самым высоким всплеском цитирования	adjustment	адаптация	classroom	класс
Keywords	Ключевые слова	adolescence	подростковый возраст	perceptions	восприятие
Year	Год	achievement	достижения	associations	ассоциации
Strength	Сила	association	ассоциация	childhood	детство
Begin	Начало	perceived social support	воспринимаемая социальная поддержка	engagement	вовлечённость
End	Конец	early adolescence	ранний подростковый возраст	mental health	психическое здоровье
middle school	средняя школа	middle	средняя	Chinese	китайский
ability	способности	school	школа		
classroom social environment	социальная среда в классе	high school	старшая школа		
gender	пол	mediating role	посредническая роль		
students	обучающиеся	environment	среда		
model	модель	education	образование		

Ключевые слова с высоким всплеском – это термины, наиболее часто встречающиеся в предметной области в определенный период времени, и чем выше степень внезапности появления нового термина, тем больше

внимание исследователей к ключевому слову, что в свою очередь может отражать наметившуюся тенденцию в области исследования (Zhang et al., 2022). Анализ всплесков ключевых слов, проведенный CiteSpace, дает динамичное представление о тенденциях исследований по проблеме поддержки обучающихся со стороны преподавателя. Основываясь на диаграмме, развитие системы поддержки обучающихся со стороны преподавателя можно разделить на следующие три этапа.

С 2004 по 2012 год основное внимание уделялось вопросам адаптации обучающихся и раннему подростковому возрасту. Это следует из всплеска таких терминов, как «адаптация» (2008-2019) и «ранний подростковый возраст» (2010-2018) и свидетельствует об исследовательском интересе к тому, как поддержка обучающихся со стороны преподавателя помогает им адаптироваться к академическим условиям и справляться с проблемами раннего подросткового возраста. Акцент был сделан на понимании влияния поддержки преподавателя на адаптационные способности обучающихся и ранние этапы их развития. Такие термины, как «класс» (2011-2016), также подчеркивали важность поддержки обучающихся со стороны преподавателя в учебной среде. В 2013-2018 годах исследования начали распространяться на вопросы психического здоровья и социально-эмоционального обучения. Такие ключевые слова, как «психическое здоровье» (2016-2021) и «социальная среда в классе» (2018-2021), указывают на внимание в сторону изучения влияния поддержки обучающихся со стороны преподавателя на их психологическое состояние и атмосферу в классе. Основной акцент был сделан на роли поддержки со стороны преподавателя в укреплении психического здоровья обучающихся и продвижении социально-эмоционального обучения, а такие ключевые слова, как «вовлеченность» (2014-2016), подчеркивают важность поддержки со стороны преподавателя в повышении вовлеченности учащихся и мотивации к обучению. С 2019 по 2024 год исследовательский ландшафт продолжал развиваться, сосредоточившись на вопросах интеграции и равенства в образовании. Такие ключевые слова, как «окружающая среда» (2022-2024) и «образование» (2022-2024), отражают растущий интерес к тому, как поддержка обучающихся со стороны преподавателя может быть интегрирована в систему образования для обеспечения равенства. Исследования определили роль поддержки обучающихся со стороны преподавателя в решении проблем, связанных с изменениями в образовательной среде и удовлетворением разнообразных образовательных потребностей, а также в обеспечении равенства в образовании и культурной значимости.

5. Границы и тенденции развития

Развитие исследовательской области можно определить по изменению часто цитируемых ключевых слов (Diao et al., 2022). Анализ совместной встречаемости ключевых слов в зависимости от часового пояса отобра-

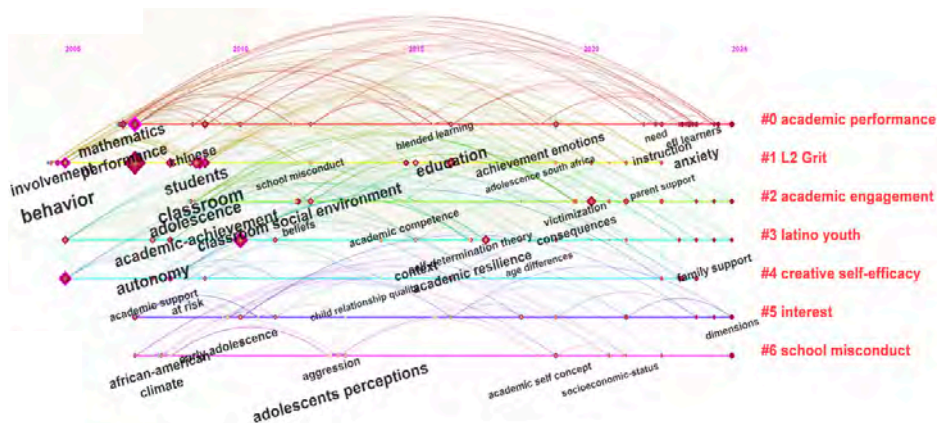


Рис. 8. Временная диаграмма.

жает эволюцию ключевых слов, визуализирует границы и тенденции исследований в определенной области в разные периоды (Jiang et al., 2022). Анализируя частоту встречаемости ключевых слов и их меняющееся соотношение, можно понять эволюцию исследования и возникающие ключевые вопросы.

academic performance	академическая успеваемость	behavior	поведение
L2 Grit	настойчивость усилий при изучении второго языка	classroom	класс
academic engagement	академическая вовлеченность	adolescence	подростковый возраст
latino youth	латиноамериканская молодежь	academic-achievement	академическая успеваемость
creative self-efficacy	творческая самооффективность	autonomy	автономия
interest	интерес	adolescence perceptions	восприятие подросткового возраста
school misconduct	нарушения школьной дисциплины	education	образование
mathematics	математика	students	обучающиеся
involvement	вовлеченность		
performance	успеваемость		

Во-первых, область исследований по проблеме поддержки обучающихся со стороны преподавателя постоянно расширяется. Как показывает диаграмма, помимо традиционной академической поддержки, роль преподавателя в коррекции поведения обучающихся, поддержании их психического здоровья и развитии социальных навыков будет привлекать все больше внимания исследователей. Такие ключевые слова, как «нарушение школьной дисциплины», «тревожность» и «агрессия», подчеркивают важность поддержки со стороны преподавателя в недопущении и корректировании плохого поведения обучающихся. Более того, с развитием онлайн-образования и моделей смешанного обучения такие ключевые слова, как «смешанное обучение» и «инструктирование», указывают на то, что ценность поддержки со стороны преподавателя в цифровых обучающих средах станет предметом будущих научных исследований (Chiu, 2021; Liu et al., 2024). Во-вторых, междисциплинарные исследования станут ключевым направлением в области исследования проблемы поддержки обучающихся со стороны преподавателя. Теории и методы психологии, социологии и других дисциплин будут интегрированы в систему образования, что позволит получить всестороннее представление о механизмах поддержки. Например, исследования в области психологии позволят выяснить, как поддержка преподавателя влияет на самооффективность, мотивацию и убеждения обучающихся. (Chong et al., 2018). Социологические исследования позволят изучить различия и влияние поддержки обучающихся со стороны преподавателя в различных социальных и культурных контекстах (Atlay et al., 2019). Такой междисциплинарный подход обеспечит более широкую теоретическую и практическую базу по исследуемой проблеме. Таким образом, проведение исследований в рамках обозначенных тенденций улучшит понимание важной роли поддержки обучающихся со стороны преподавателя в образовании и обеспечит прочную теоретическую и практическую основу для повышения качества образования и содействия всестороннему развитию обучающихся.

6. Заключение и обсуждение

В данном исследовании с использованием технологии визуализации CiteSpace были рассмотрены зарубежные исследования по проблеме поддержки обучающихся со стороны преподавателя с 2004 по 2024 год, что позволило определить исследуемую проблему как быстро развивающуюся область исследования с наличием ключевых вопросов исследования и тенденций будущих исследований. Исследования по данной проблеме первоначально были сосредоточены на вопросах адаптации обучающихся и раннем подростковом возрасте, затем распространились на вопросы психического здоровья, социально-эмоционального обучения и, наконец, на интеграцию и равенство в образовании. Основные проблемные вопросы включают влияние поддержки со стороны преподавателя на академиче-

скую успеваемость, академическую вовлеченность, психическое здоровье, социальную поддержку и проблемы с поведением. Поддержка преподавателя прямо повышает успеваемость обучающихся и косвенно повышает их самооценку и мотивацию. Она также положительно влияет на психическое здоровье, снижая негативные и стимулируя позитивные эмоции, помогая сократить проблемы с поведением и повышая способность к социальной адаптации.

Однако, исследование выявило некоторые ограничения. Сотрудничество между организациями и исследовательскими группами является недостаточным, поскольку основные команды часто работают независимо, что препятствует интеграции и распространению результатов исследований. Также, несмотря на то, что ключевые исследовательские вопросы весьма разнообразны, существуют возможности для дальнейшего совершенствования теоретических инноваций и методов исследования. По мере появления моделей онлайн-образования и смешанного обучения исследования в области поддержки обучающихся со стороны преподавателя должны лучше учитывать особенности цифровой среды обучения.

Предлагается несколько конкретных направлений для будущих исследований по данной проблеме. Во-первых, необходимо продвигать междисциплинарные исследования. Интеграция теорий и методов психологии, социологии, неврологии и других областей может обеспечить более детальное понимание механизмов поддержки и способствовать разработке новых теорий. Во-вторых, следует изучать новые методы исследования и технологии. Например, анализ больших данных может выявить значимые закономерности во взаимодействии преподавателя и обучающихся, а корпусная технология может анализировать использование языка в образовательной среде. В-третьих, следует уделять внимание конкретным этапам обучения и группам обучающихся. Например, исследования могут быть посвящены вопросам поддержки обучающихся в дошкольном образовании, высшем образовании, поддержки обучающихся с особыми потребностями. Наконец, следует поощрять международные академические обмены и сотрудничество в целях повышения международного влияния и дискурсивной силы исследований в области поддержки обучающихся со стороны преподавателя. Это поможет создать сплоченное исследовательское сообщество, основанное на сотрудничестве и способное решать сложные задачи поддержки обучающихся в глобальном контексте.

Библиографический список

1. Аффусо Г., Занноне А., Эспозито К., Панноне М., Миранда М.К., Де Анджелис Г., Баккини Д. Влияние поддержки со стороны учителя, родительского контроля, мотивации и самоэффективности на академическую успеваемость с течением времени. Европейский журнал психологии образования, 2023. № 38 (1). С. 1-23.
2. Этлей К., Тибен Н., Фаут Б., Хиллмер, С. Роль социально-экономического положения и

- предыдущих достижений в восприятии учащимися поддержки со стороны учителя. Британский журнал социологии образования, 2019. № 40 (7). С. 970-991.
3. Брок Л.Л., Керби Т.В. Постоянство эмоциональной поддержки и отношения между учителем и ребенком прогнозируют социальную компетентность и проблемное поведение в дошкольном и детском саду. Раннее образование и развитие, 2014. № 25 (5). С. 661-680. – <https://doi.org/10.1080/10409289.2014.866020>.
 4. Чен Ю., Чен Ч., Лю З., Ху З., Ван С. Методологические функции графов знаний CiteSpace. Stud. Sci. Sci., 2015. № 33 (2). С. 242-253.
 5. Чиа-Вэй Т., Ли-Чунь В. Влияние воспринимаемой поддержки учителя на вовлеченность учащихся старших классов в академическое портфолио: посредническая роль тревожности и самооэффективности. Журнал исследований в области педагогических наук, 2024. № 69 (3). 97 с.
 6. Чиу Т.К. Цифровая поддержка вовлеченности учащихся в смешанное обучение на основе теории самодетерминации. Компьютеры в поведении человека, 2021. № 124. 106909.
 7. Чиу Т.К., Мурхаус Б.Л., Чай К.С., Исмаилов М. Поддержка учителей и мотивация учащихся к обучению с помощью чат-бота на основе искусственного интеллекта (ИИ). Интерактивные среды обучения, 2024. № 32 (7). С. 3240-3256. – <https://doi.org/10.1080/10494820.2023.2172044>.
 8. Чонг У.Х., Лиём Г.А.Д., Хуан В.С., Кит П.Л., Анг Р.П. Восприятие самооэффективности учащимися и поддержка со стороны учителей в развитии компетенций молодежи: роль аффективного и когнитивного взаимодействия. Журнал подросткового возраста, 2018. № 68. С. 1-11.
 9. Диао Б.К., Аднан Н., Харджи М.Б., Равиндран Л. Эволюция и «горячие точки» обучения сверстниками: визуализированный анализ с использованием CiteSpace. Образование и информационные технологии, 2022. № 28 (2). С. 1-18.
 10. Галеб М.М.С., Сундрам В.П.К. Влияние поддержки учителя, мотивации к обучению и эмоционального интеллекта на академическую прокрастинацию и саморегуляцию: исследование посреднической роли образовательной самооэффективности. Евразийский журнал образовательных исследований (EJER), 2024. № 109.
 11. Го С. Библиометрический анализ детской речи в период 1900–2021 гг. *Frontiers in Psychology*, 2022. № 13. 862042.
 12. Цзян В., Айшань Т., Халик Ю., Вэй З., Вумайер М. Библиометрический и визуализированный анализ хода исследований и тенденций в области гниения и дуплистых деревьев в лесных экосистемах за 20 лет: применение программного обеспечения CiteSpace. *Forests*, 2022. № 13 (9). С. 1437.
 13. Leflot G., van Lier P.A., Verschueren K., Onghena P., Colpin H. (2011). Транзакционные связи между поддержкой учителя, социальными предпочтениями сверстников и экстернализирующим поведением ребенка: четырехволновое лонгитюдное исследование. *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*, 40(1), 87-99.
 14. Liu H., Li X. Анализ восприятия поддержки учителями английского языка как иностранного (EFL). *System*, 2023. № 115. 103048. – <https://doi.org/10.1016/j.system.2023.103048>
 15. Liu H., Li X., Yan Y. Разоблачение прогностической роли воспринимаемой учащимися поддержки преподавателя иностранного языка в отношении тревожности, связанной с иностранным языком: посредничество упорства в изучении второго языка. Журнал многоязычного и многокультурного развития, 2023. С. 1-14.
 16. Лю С., Хансен К.Ю., Вальке М., Де Неве Дж. Десятилетие PISA: воспринимаемое учащимися качество обучения и успеваемость по математике в европейских странах. *ZDM—Mathematics Education*, 2024. № 56 (5). С. 859-891.
 17. Маулана Р., Хелмс-Лоренц М., Ирнидаянти Й. и ван де Грифт, В. Автономная мотивация в индонезийском классе: отношения с поддержкой учителя через призму теории самодетерминации. *Азиатско-Тихоокеанский исследователь образования*, 2016. № 25. С. 441-451.
 18. Мирелес-Риос Р., Саймон О., Нилунд-Гибсон К. Критическая роль эмоциональной поддержки учителя для учащихся латиноамериканского происхождения. *Teachers College Record*, 2020. № 122 (12). С. 1-32.
 19. Пэн Х., Сан Х., Хе З. Механизм влияния поддержки учителя и родителей на академическую успеваемость учащихся средних профессиональных учебных заведений. *Frontiers in Psychology*, 2022. № 13. С. 863-740.
 20. Сонг Й. Устойчивый рост вовлеченности и благополучия учащихся посредством социальной поддержки (учителя и сверстников): посредническая роль самооэффективности. Ев-

ропейский журнал образования, 2024. № 59(4). e12791.

21. Сунь Ч., Чжоу З., Юй Ц., Гун С., И Л., Цао И. Исследование влияния воспринимаемой поддержки учителя на выполнение различных творческих задач: на основе модели «ожидания–ценности» мотивации к достижению результатов. Журнал творческого поведения, 2021. № 55 (1). С. 15–24.
22. Sun Y., Shi W. О роли взаимопонимания между учителем и учеником и поддержки учителя как факторов, влияющих на аффективное обучение китайских студентов, изучающих английский как иностранный. *Frontiers in Psychology*, 2022. № 13. С. 856430.
23. Tao Y., Meng Y., Gao Z., Yang X. Воспринимаемая поддержка учителя, вовлеченность учащихся и академическая успеваемость: метаанализ. *Educational Psychology*, 2022. № 42 (4). С. 401–420. – <https://doi.org/10.1080/01443410.2022.2033168>.
24. Wang Z., Ma D., Pang R., Xie F., Zhang J., Sun D. Прогресс исследований и тенденции развития больших данных социальных сетей (smbd): анализ картирования знаний на основе Citespace. *ISPRS International Journal of Geo-Information*, 2020. № 9 (11). С. 632. – <http://dx.doi.org/10.3390/ijgi9110632>
25. Weyns, T., Colpin, H., De Laet, S., Engels, M. и Verschueren, K. Поддержка учителей, принятие сверстниками и вовлеченность в классе: трехволновое лонгитюдное исследование в позднем детстве. *Journal of youth and adolescence*, 2018. № 47. С. 1139–1150.
26. Zhang W., Jiang L., Ge X др. Анализ горячих точек и перспективы исследований сельских домашних хозяйств: количественный анализ на основе CNKI и CiteSpace. *Arid Resour Environ*, 2022. № 36 (1). С. 16–25.
27. Чжан Х., Сан Ч., Лю С., Гун С., Юй Ц., Чжоу З. Мальчики получают больше пользы от поддержки учителя: влияние воспринимаемой поддержки учителя на творческое мышление учащихся начальной школы. Навыки мышления и креативность, 2020. № 37. 100680. – <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2020.100680>.
28. Чжан Р., Цзоу Д. Самостоятельное изучение второго языка: обзор типов и преимуществ стратегий, способов поддержки учителя и педагогических последствий. *Computer Assisted Language Learning*, 2024. № 37 (4). С. 720–765.
29. Королёва Э.В., Волинчук Я.А. Конструирование имиджа «политического лица» // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 9 (207). С. 62–73.

References

1. Affuso G., Zannone A., Esposito C., Pannone M., Miranda M.C., De Angelis G., Bacchini D. The influence of teacher support, parental monitoring, motivation, and self-efficacy on academic achievement over time. *European Journal of Educational Psychology*, 2023. № 38 (1). P. 1–23.
2. Atley K., Thieben N., Faught B., Hillmer, S. The role of socioeconomic status and previous achievement in students' perceptions of teacher support. *British Journal of Sociology of Education*, 2019. № 40 (7). P. 970–991.
3. Brock L.L., Kirby T.W. Continuity of emotional support and teacher–child relationships predict social competence and problem behavior in preschool and kindergarten. *Early Education and Development*, 2014. № 25 (5). P. 661–680. – <https://doi.org/10.1080/10409289.2014.866020>.
4. Chen Y., Chen C., Liu Z., Hu Z., Wang S. Methodological functions of knowledge graphs CiteSpace. *Stud. Sci. Sci.*, 2015. № 33 (2). P. 242–253.
5. Chia-Wei T., Li-Chun W. The influence of perceived teacher support on high school students' engagement in academic portfolio: The mediating role of anxiety and self-efficacy. *Journal of Research in Educational Sciences*, 2024. № 69 (3). 97 p.
6. Chiu T.K. Digital Support for Student Engagement in Blended Learning Based on Self-Determination Theory. *Computers in Human Behavior*, 2021. № 124. P. 106909.
7. Chiu, T.K., Moorhouse, B.L., Chai, K.S., Ismailov, M. Teacher Support and Student Motivation for Learning Using an Artificial Intelligence (AI)-Based Chatbot. *Interactive Learning Environments*, 2024. № 32 (7). P. 3240–3256. – <https://doi.org/10.1080/10494820.2023.2172044>.
8. Chong, W.H., Liem, G.A.D., Huang, W.S., Keith, P.L., Ang, R.P. Students' Perceived Self-Efficacy and Teacher Support in Youth Competency Development: The Role of Affective and Cognitive Interactions. *Journal of Adolescence*, 2018. № 68. P. 1–11.
9. Diao B.K., Adnan N., Harji M.B., Ravindran L. Evolution and Hotspots of Peer Learning: A Vi-

- sualized Analysis Using CiteSpace. *Education and Information Technology*, 2022. № 28 (2). P. 1-18.
10. Ghaleb M.M.S., Sundram V.P.K. The Effect of Teacher Support, Learning Motivation, and Emotional Intelligence on Academic Procrastination and Self-Regulation: An Investigation of the Mediating Role of Academic Self-Efficacy. *Eurasian Journal of Educational Research (EJER)*, 2024. № 109.
11. Go S. Bibliometric analysis of children's speech in the period 1900–2021. *Frontiers in Psychology*, 2022. № 13. 862042.
12. Jiang W., Aishan T., Khalik Y., Wei Z., Wumaier M. Bibliometric and visualization analysis of research progress and trends on decay and hollow trees in forest ecosystems over 20 years: An application of CiteSpace software. *Forests*, 2022. № 13 (9). P. 1437.
13. Leflot G., van Lier P.A., Verschuere K., Onghena P., Colpin H. (2011). Transactional relations between teacher support, peer social preferences, and child externalizing behavior: A four-wave longitudinal study. *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*, 40(1), 87-99.
14. Liu H., Li X. An analysis of EFL teachers' perceptions of support. *System*, 2023. № 115. 103048. – <https://doi.org/10.1016/j.system.2023.103048>
15. Liu H., Li X., Yan Y. Unraveling the Predictive Role of Students' Perceived Foreign Language Teacher Support on Foreign Language Anxiety: Mediation by Persistence in Second Language Learning. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 2023. P. 1-14.
16. Liu S., Hansen K.J., Valcke M., De Neve J. The PISA Decade: Students' Perceived Teaching Quality and Mathematics Achievement in European Countries. *ZDM—Mathematics Education*, 2024. № 56 (5). P. 859-891.
17. Maulana, R., Helms-Lorenz, M., Irmidayanthi, Y., and van de Grift, W. "Autonomous motivation in the Indonesian classroom: Relationships with teacher support through the lens of self-determination theory." *Asia Pacific Educational Research*, 2016. № 25. P. 441-451.
18. Mireles-Rios, R., Simon, O., and Nylund-Gibson, K. "The critical role of teacher emotional support for Latino/a students." *Teachers College Record*, 2020. № 122 (12). P. 1-32.
19. Peng, H., Sun, H., and He, Z. "The mechanism of influence of teacher and parental support on academic achievement of secondary vocational students." *Frontiers in Psychology*, 2022. № 13. P. 863-740.
20. Song Y. Sustained Improvement of Students' Engagement and Well-Being through Social Support (Teacher and Peers): The Mediating Role of Self-Efficacy. *European Journal of Education*, 2024. № 59(4), e12791.
21. Sun Z., Zhou Z., Yu Q., Gong S., Yi L., Cao Y. Examining the Effects of Perceived Teacher Support on Different Creative Task Performance: Based on the Expectancy-Value Model of Achievement Motivation. *Journal of Creative Behavior*, 2021. № 55(1). P. 15-24.
22. Sun Y., Shi W. On the Roles of Teacher-Student Rapport and Teacher Support as Factors Influencing Affective Learning in Chinese Students Learning English as a Foreign Language. *Frontiers in Psychology*, 2022. № 13. P. 856430.
23. Tao Y., Meng Y., Gao Z., Yang X. Perceived teacher support, student engagement, and academic achievement: A meta-analysis. *Educational Psychology*, 2022. № 42 (4). P. 401-420. – <https://doi.org/10.1080/01443410.2022.2033168>.
24. Wang Z., Ma D., Pang R., Xie F., Zhang J., Sun D. Research progress and development trends of social media big data (smbd): A knowledge mapping analysis based on Citespace. *ISPRS International Journal of Geo-Information*, 2020. № 9 (11). P. 632. – <http://dx.doi.org/10.3390/ijgi9110632>
25. Weyns T., Colpin H., De Laet S., Engels M. and Verschuere K. Teacher support, peer acceptance, and classroom engagement: A three-wave longitudinal study in late childhood. *Journal of youth and adolescence*, 2018. № 47. P. 1139-1150.
26. Zhang W, Jiang L., Ge X et al. Hotspot analysis and prospects for rural household research: A quantitative analysis based on CNKI and CiteSpace. *Arid Resour Environ*, 2022. № 36 (1). P. 16-25.
27. Zhang H., Sun C., Liu S., Gong S., Yu Q., Zhou Z. Boys benefit more from teacher support: The effect of perceived teacher support on primary school students' creative thinking. *Thinking Skills and Creativity*, 2020. № 37. 100680. – <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2020.100680>.
28. Zhang R., Zou D. Self-guided second language learning: A review of the types and benefits of strategies, teacher support modes, and pedagogical implications. *Computer Assisted Language Learning*, 2024. № 37 (4). P. 720-765.
29. Koroleva E.V., Volynchuk Y.A. Constructing the image of a "political person" // *Etnosotsium and international culture*. 2025. № 9 (207). P. 62-73.

Сяожань Дэн

Сианьский университет Шию, Сиань, Шэньси, Китай.

Тин Ван

Сианьский университет Шию, Сиань, Шэньси, Китай.

Исследование путей и механизмов продвижения цифровой трансформации в области высшего образования*

Аннотация. Цифровизация образования - это всесторонняя и систематическая трансформация системы образования с использованием цифровых технологий, таких как большие массивы данных, искусственный интеллект, облачные вычисления данных и Интернет вещей. С помощью цифровых технологий реконструируются модели преподавания в сфере образования, оптимизируются процессы управления образованием и внедряются инновационные формы предоставления образовательных услуг для повышения качества образования. Однако в процессе цифровой трансформации высшего образования по-прежнему существует ряд проблем, таких как неравномерное распределение образовательных ресурсов, недостаточная цифровая грамотность среди преподавателей и студентов и отсутствие системы оценки преподавания, которые влияют на эффективность преподавания и качество обучения.

В статье анализируются движущие силы и существующие проблемы цифровой трансформации в высшем образовании, предлагается путь цифровой трансформации в контексте высококачественного развития посредством таких аспектов, как реструктуризация моделей преподавания, содействие совместному использованию учебных ресурсов и оптимизация систем оценки преподавания.

Также предлагается механизм содействия преобразованию с точки зрения совершенствования дизайна на высшем уровне, углубления социального спроса, продвижения технологических инноваций и повышения грамотности преподавателей и студентов, чтобы обеспечить ориентир для цифровой трансформации университетов и оказать серьезную поддержку в продвижении качественного развития высшего образования.

Ключевые слова: Высшее образование, цифровая трансформация, путь трансформации, механизмы продвижения, цифровые технологии.

Xiaoran Deng

Xi'an Shiyou University, Xi'an, Shaanxi, China.

Ting Wang

Xi'an Shiyou University, Xi'an, Shaanxi, China.

* © Сяожань Дэн, Тин Ван, 2025.

Исследование путей и механизмов продвижения цифровой трансформации в области высшего образования

Research on the path and promotion mechanism of digital transformation in higher education

Abstract. Education digitization refers to the comprehensive and systematic transformation of the education system using digital technologies such as big data, artificial intelligence, cloud computing, and the Internet of Things. Through digital technology, education teaching models are reconstructed, education management processes are optimized, and education service forms are innovated to achieve the improvement of education quality. However, there are still a series of problems in the process of digital transformation of higher education, such as uneven distribution of educational resources, lack of digital literacy among teachers and students, and absence of teaching evaluation system, which affect teaching effectiveness and learning quality. The article analyzes the driving forces and existing problems of digital transformation in higher education, proposes a path for digital transformation in the context of high-quality development through dimensions such as restructuring teaching models, promoting teaching resource sharing, and optimizing teaching evaluation systems. It also proposes a transformation promotion mechanism from the aspects of strengthening top-level design, deepening social demand, promoting technological innovation, and enhancing teacher and student literacy, in order to provide reference for the digital transformation of universities and provide strong support for promoting high-quality development of higher education.

Key words: higher education, digital transformation, transformation path, promotion mechanism, digital technology.

Проект: Молодежный проект «14-го пятилетнего плана» по образованию и науке в провинции Шэньси на 2024 год. Номер утверждения проекта: SGH24Q413.

Project: Youth Project of the “14th Five-Year Plan” for Education Science in Shaanxi Province in 2024. Project Approval Number: SGH24Q413.

1. Introduction

With the arrival of a new round of technological revolution, digital technologies represented by big data, artificial intelligence, 5G, and blockchain are gradually embedded in various industries of society. Especially in the field of higher education, digital transformation has become a key force in promoting teaching innovation and improving educational quality. In May 2023, General Secretary Xi Jinping emphasized that “digitalization of education is an important breakthrough for China to open up a new track for educational development and shape new advantages in educational development”. Digitization of higher education is an important strategy for achieving a strong education country in China. To further promote the digitization of higher education, it is necessary to fully understand the multidimensional challenges faced in the digitization process, deeply grasp the core concerns of digitization, and deeply understand the key role of digital technology in educational concepts, teaching modes, management systems, and other aspects. In this context, how to

promote the digital transformation of higher education and how to construct a path for higher education transformation have become important issues that urgently need to be addressed.

2. The Motivation of Digital Transformation in Higher Education

2.1 National Policy Leadership: Providing Clear Path Guidance for the Transformation Process

National policy driven is a key force in the digital transformation of higher education. With the mandatory and forward-looking nature of institutional design, it provides clear path guidance, resource guarantee, and implementation standards for the transformation process, becoming the core link connecting technological potential, social needs, and educational reform. At the top-level design level, governments of various countries elevate the digitization of higher education to the national will through strategic planning, forming a “top-down” transformation driving force. In the “Action Plan for Education Informatization 2.0”, China clearly proposed to “build a Internet plus sharing mechanism for educational resources”, taking the digitalization of higher education as the core indicator of education modernization; The EU’s “Digital Education Action Plan” requires member states to achieve full coverage of digital infrastructure in universities by 2030 and promote cross-border education cooperation through unified digital skills certification standards. These policies not only set quantitative targets, but also break down barriers between universities, enterprises, and research institutions through departmental collaboration mechanisms. For example, the “Digital Campus Construction Standards” jointly launched by the Ministry of Education and the Ministry of Industry and Information Technology require universities to achieve unified standards in network bandwidth, data security, and other aspects, laying the institutional foundation for digital transformation.

2.2 Digital Technology Driving: Traditional Higher Education Teaching Paradigm Being Reshaped

The breakthrough progress of the digital technology revolution constitutes the underlying driving force for the transformation of higher education. The new generation of information technologies represented by 5G, artificial intelligence, big data, cloud computing, and blockchain not only reshapes the way information is disseminated, but also subverts the traditional path of knowledge production and transmission. Cloud computing enables massive teaching resources to be stored in the “cloud”, allowing students to access the course libraries of many top universities around the world at any time through terminals. Teachers use cloud collaboration tools to carry out joint lesson preparation. Artificial intelligence provides the possibility for personalized teaching in universities, reshaping teaching forms with online learning tools and teaching facilities, and breaking traditional curriculum settings and

teaching paradigms. Intelligent algorithm technology can accurately identify students' knowledge blind spots through real-time analysis of learning data, promoting the transformation of teaching from "mass production" to "customized services".

2.3 Talent Development Needs: Accurately Matching and Cultivating Social Composite Talents

The new demand for talent cultivation in socio-economic development constitutes the external driving force for transformation. With the digital economy becoming the core engine of global economic growth, there is an increasingly urgent demand for composite talents with digital literacy, innovation ability, and cross-border collaboration capability in society. The traditional teaching model that focuses on imparting knowledge is difficult to cultivate students' problem-solving abilities in complex digital scenarios, which requires higher education to digitally reconstruct teaching content, evaluation systems, and training models. At the same time, with the continuous changes in the social employment environment, the deep integration of industry and education has also forced universities to accelerate their digital development. Enterprises promote real-time integration between teaching content and industry practice through linkage with universities to provide real business data and jointly build virtual simulation laboratories. The teaching output mode of industry education integration requires universities to build an open digital ecosystem to achieve precise matching between talent cultivation and social needs.

3. Problems in the Digital Transformation of Higher Education

3.1 Unequal Distribution of Educational Resources Exacerbates the "Digital Divide"

The digital transformation brings both opportunities and challenges to the field of higher education. Due to uneven distribution of educational resources in different regions, the "digital divide" in education has intensified, and the educational resources in economically developed areas are significantly more abundant and concentrated than those in economically underdeveloped areas. The iterative updates of digital technology have made the "Matthew Effect" phenomenon even more unfair in the field of digital education. At the same time, due to the fact that digital technology usually requires strong infrastructure construction as support, some universities lack centralized and unified digital platforms, resulting in deficiencies in platform functionality, compatibility, and user experience. The imperfect network infrastructure greatly limits the acquisition and sharing of teaching resources.

3.2 Lack of Digital Literacy Among Teachers and Significantly Reduced Learning Efficiency

Digital literacy encompasses skills, knowledge reserves, and confidence in

utilizing digital technology. The lack of digital literacy among university teachers and students is mainly reflected in: firstly, some university teachers lack awareness of integrating digital technology into university classrooms, and lack understanding and knowledge of emerging teaching technologies and methods. Secondly, students lack awareness in utilizing digital technology to enhance learning efficiency. Although some students are familiar with social software, they lack mastery of digital tools such as professional database retrieval and academic collaboration platforms, resulting in low efficiency in self-directed learning and difficulty adapting to the requirements of inquiry-based learning in the digital environment. This bidirectional lack of digital literacy has resulted in a significant gap between the investment in digital infrastructure in universities and the effectiveness of teaching practices, delaying the process of digital transformation in education.

3.3 Lack of Teaching Evaluation System and Diminishing Enthusiasm for Teacher Participation

In the process of digital transformation and development in education, lagging institutional mechanisms have become a deep-seated obstacle. The current teacher assessment and evaluation system mainly focuses on traditional indicators such as paper publication and project initiation. The recognition of digital teaching achievements is insufficient, the teaching evaluation system is single, teachers lack in-depth understanding of digital technology applications, and schools lack corresponding guidance, resulting in low enthusiasm for teachers to participate in transformation. At the same time, due to the lack of cross departmental collaboration in the process of digital transformation in universities, the information technology department is disconnected from core business departments such as teaching and research, resulting in the phenomenon of “technology leading but application lagging behind”. These issues are intertwined, making it difficult for the digital transformation of higher education to break through surface level applications and move towards deeper level educational model changes.

4. The Path of Digital Transformation in Higher Education

4.1 Reshaping the Paradigm of Education and Teaching, and Achieving Precise Interactive Teaching

Digitization breaks the limitations of physical space and constructs a blended learning environment that integrates “online + offline” and “virtual + reality”. The traditional classroom’s single teaching mode has been expanded into a composite form of “live teaching + asynchronous on-demand + virtual discussion”. Students can review course videos and access materials at any time through online platforms, and teachers can use VR classroom software to organize cross campus teaching. For example, the “Big Data and Business Analysis” course offered by Fudan University adopts the “offline flipped class-

room + online project collaboration” model. Students complete theoretical knowledge learning and quizzes through online platforms before class, and class time is concentrated on group case studies and program presentations. After class, they continue to promote team projects with the help of cloud collaboration tools, extending learning from the classroom to full-time teaching. The application of digital technology in teaching classrooms has upgraded the traditional teacher-student interaction mode to “precise interaction and collaborative creation”. With the support of intelligent question answering systems, learning analysis tools, and other technologies, teachers can capture students’ learning difficulties in real time. When students have online homework questions, the system automatically pushes warnings to teachers, and teachers can adjust the focus of their explanations accordingly. And students can provide real-time feedback on their learning status through bullet comments, online voting, and other methods. For example, Wuhan University has introduced a classroom interactive platform in the “Introduction to Chinese Culture” course. Real time viewpoints sent by students using their mobile phones will be projected onto the screen, forming a visual spectrum of collective discussions. Teachers can dynamically adjust the teaching pace based on this, making the classroom more in line with students’ thinking dynamics. Digital technology promotes personalized and precise teaching, and the backend automatically generates differentiated learning plans by analyzing students’ knowledge mastery, learning speed, preferred styles, and other data. For example, in the “Computer Programming” course at Harbin Institute of Technology, the system pushes basic grammar reinforcement videos and step-by-step exercises to students with weak foundations based on their entrance test results, and provides algorithm competition cases and open-source project practice opportunities for students with strong abilities, achieving the goal of “same course, different students”. Project-based learning and problem-based learning (PBL) models are able to be deeply implemented with the support of digital tools. For example, the “Intelligent Manufacturing Systems” course at South China University of Technology leverages an industrial internet platform to connect with real production data from companies, uses big data analysis tools to explore data and design solutions, and validates the results through virtual simulation systems. Finally, the outcomes are fed back to the partner companies, directly aligning the learning process with industry needs and strengthening the cultivation of knowledge application skills.

4.2 Promoting the Sharing of Teaching Resources and Meeting Diverse Learning Needs

The promotion of national policies has broken down traditional barriers in resource integration and open sharing, and constructed a cross regional, inter school, and cross-border resource circulation network. The establishment of the National Higher Education Smart Education Platform, supported by

the “Education Informatization 2.0 Action Plan” policy, integrates 27,000 high-quality courses from more than 600 universities across the country, forming a “digital resource supermarket” covering 14 subject categories. Students can select courses across schools through identity authentication, and teachers can directly cite platform cases to enrich lesson plans. This supply model of “national coordination + local supplementation” is particularly prominent in universities in the central and western regions. Through docking platform resources, Xizang University has increased the proportion of high-quality cases from eastern universities in its computer professional courses to 45%, effectively making up for the weakness of local resources. At the same time, the policy explicitly requires that “each university open no less than 5 online courses per year” and includes resource sharing in university assessments. This measure forces universities to break down “resource barriers”, promote resource sharing, and greatly improve resource utilization efficiency. Digital technology has given rise to diverse forms of resource supply, reshaping new forms of “precision push” and “personalized customization”. With the help of big data analysis of students’ learning preferences, knowledge weaknesses, and development needs, intelligent systems can automatically match suitable teaching resources. Based on the overall data of the class, teachers adjust the case selection and exercise difficulty in the lesson plan to achieve the resource supply of “learning determines teaching”. This model has changed the one size fits all approach to resource distribution, making resource supply more in line with the actual needs of teaching and learning. Traditional teaching classrooms mainly rely on forms such as text, images, videos, and audio. With the continuous development of technologies such as artificial intelligence, higher education should actively introduce VR, AR, and other forms of technology to create virtual teaching classrooms, “activate” teaching resources, actively guide students to immerse themselves in learning, rely on digital technology to reconstruct teaching space, interactive logic, and learning experience, and form a new teaching field that integrates immersion, interactivity, and personalization. Through technological empowerment, teaching effectiveness can be improved and scenarios can be expanded. At the same time, building an online platform with a three-dimensional design of functional architecture is the fundamental support for the online teaching platform, which needs to cover the entire teaching chain from “pre class to in class to post class”, achieve efficient circulation of teaching resources, and enrich the supply forms of teaching resources.

4.3 Optimizing the Teaching Evaluation System and Achieving a Three-dimensional Display of Teaching Results

Digital technology facilitates the comprehensive collection and integration of educational evaluation data. Through various intelligent devices on campus, such as classroom attendance systems, online learning platforms, library

borrowing records, etc., accompanying data collection can be carried out on students' learning behavior, participation, knowledge mastery, etc. Taking Xidian University as an example, the university has independently developed and built an education blockchain platform - "Xidian Education Chain". Through the integration of various IoT sensing scenarios and business systems, it promotes the all-round precipitation of data, forming multiple types of data covering students' education, management, services and other aspects on campus, and constructing a "student growth data platform", providing a rich data foundation for comprehensive evaluation of students. In terms of evaluation models and indicator systems, big data analysis and artificial intelligence technology are utilized to construct an evaluation model that comprehensively considers multiple dimensions such as students' knowledge, abilities, qualities, and emotions. By focusing on pain points and difficulties such as precise classroom evaluation, teachers have constructed a multidimensional data evaluation model that includes teacher engagement, student status, and other factors, changing the previous single evaluation model that only focused on academic performance and comprehensively reflecting the teaching process and student development status. At the same time, the evaluation indicators should shift from focusing on knowledge memory to emphasizing the assessment of innovative thinking, practical ability, teamwork and other abilities, in order to meet the demand of society for innovative talents. Digital technology empowers diverse evaluation of educational subjects, including teacher evaluation, student self-evaluation, peer evaluation, as well as external evaluation subjects such as enterprises and society, which can also participate in educational evaluation. The diversified evaluation system has changed the traditional single scoring model. On the one hand, it actively drives teachers to innovate teaching, improve their professional ethics, and promote the application of digital technology. On the other hand, it includes enterprises and students as evaluation subjects, making the evaluation of teaching results more three-dimensional and intuitive.

5. The Promotion Mechanism of Digital Transformation in Higher Education

5.1 Strengthening Top-level Design and Improving Institutional Safeguards

The digital transformation of higher education cannot be achieved without policy guidance and support from the government and relevant departments. Firstly, the government needs to formulate relevant policies and regulations to provide legal protection and policy guidance for the digital transformation of universities. The education management department should strengthen the overall design of digital transformation in universities, establish specialized policies and laws for digital transformation in universities, and ensure the smooth implementation of transformation work. At the same time, it is

necessary to actively encourage people from all walks of life to participate in the standardization and mechanism construction of digital transformation in universities, and enrich and improve the digital infrastructure of universities through various means, promoting the transformation towards the planned direction steadily. Universities have different departments and majors with complex structural relationships. To achieve digital transformation in universities, it is also necessary to establish a sound long-term planning plan and jointly build a favorable environment for digital transformation under the coordination of the leadership. At the same time, education evaluation departments should actively establish evaluation systems and standards, such as digital curriculum quality evaluation standards, online education certification systems, etc., to ensure the quality of educational resources and the effectiveness of the educational process.

5.2 Strengthening the Integration of Industry and Education, and Deepening Social Demand

As the “end users” of talent cultivation in universities and the “important partners” of resource supply, the construction of the participation mechanism of society directly determines the breadth and depth of transformation, forming a “third pole” driving force parallel to administrative and technological promotion. The precise traction mechanism of social demand anchors the direction of digital transformation in universities, and the urgent demand for digital talents in the industry is transmitted back to the education sector through the talent market signal, forcing universities to adjust their digital talent training programs. Universities continuously integrate digital technology and digital awareness into various teaching aspects of education, fully leveraging the advantages of disciplines, teaching resources, scientific research, experiments, etc., and using technologies such as big data and artificial intelligence to establish “school enterprise integration, industry university research integration” internship and training platforms with social enterprises. They also use digital technology to promote educational innovation and resource integration, and promote the alignment between key technologies, talent needs, and school training objectives. Enterprises are deeply involved in the transformation process through technological empowerment, collaborating with universities to conduct in-depth co creation based on demand, forming a cooperation model of “demand co creation resource sharing benefit win-win”.

5.3 Driving the Digital Revolution and Empowering with Innovative Technologies

With the continuous iteration and evolution of digital technology, universities need to maintain long-term “endurance power” to ensure that technological capabilities are upgraded in sync with educational changes. It is necessary to establish a closed-loop system of “technology monitoring demand capture rapid iteration”, continuously track the development trends of cutting-edge

technologies such as 5G-A and metaverse, regularly release digital technology roadmaps for universities, assist in the development of teaching systems, and solve pain points in students' learning processes. It is also necessary to build an intelligent education ecosystem of "perception analysis decision execution" through systematic technological mechanisms. From the construction of a unified base to the deepening of scene integration, from the strengthening of security protection to the evolution of technological capabilities, the mechanism design of each link needs to closely adhere to the core goal of "serving the essence of education", ultimately achieving a leap in education quality empowered by technology.

5.4 Enhancing Digital Literacy and Improving Evaluation System

The primary task of digital transformation in universities should be to enhance the digital literacy of teachers and students. For teachers, it is necessary to enhance their ability to use digital tools for teaching, be brave enough to break through traditional teaching frameworks, and build a teaching system that integrates "consciousness ability ethics"; Establish an evaluation and incentive mechanism for teachers' digital literacy. The Ministry of Education's "Teacher Digital Literacy" standard specifies 33 indicators across 5 dimensions. Universities can include digital teaching achievements in their professional title evaluations and provide special rewards to teachers who have achieved significant results in the construction of smart courses. For students, it is important to value their ability to apply information technology, promote the establishment of digital thinking, and build a three-dimensional integrated system of "curriculum practice application". Students should engage in targeted and personalized learning based on their own learning pain points and problems. At the same time, there is a must to actively develop assessment tools and standards for digital technology literacy abilities, help students identify and improve their shortcomings in a timely manner, and enhance learning efficiency.

6. Conclusion

The significance of digital transformation for higher education is significant. It not only reshapes teaching paradigms, strengthens the supply of educational resources, optimizes the educational evaluation system, promotes innovation in educational models, but also improves the efficiency of educational management and meets diverse and personalized educational needs. In the future, in the process of promoting the digital transformation of higher education, the joint efforts of the state, society, and universities are still needed. By strengthening top-level design, it is necessary for the government to issue relevant policies and regulations for overall guidance. It is also necessary to insight into social demand drives universities to adjust their digital talent training programs, promote digital technology innovation and achieve a qualitative leap in "technology + education", enhance the digital literacy of

teachers and students, and cultivate new talents for the new era. Only by continuously exploring a digital transformation path for higher education that is in line with the national conditions and improving the multi-dimensional collaborative promotion mechanism, can we effectively promote the modernization process of China's higher education development.

Библиографический список / References

1. Liang Henggui, Xiao Ju, Empowering the Construction of an Education Powerhouse Through the Digital Transformation of Higher Education [J]. Guizhou Social Sciences, 2024. № 8.
2. Zeng Lixuan, Xing Hongfei, Internal Challenges and Development Strategies of Digital Technology Empowering Modernization Transformation in Higher Education [J]. Jiangsu Higher Education, 2024. № 8. P. 71-07.
3. Wang Xingyu, Digital Transformation and High Quality Development of Higher Education: Coupling Logic and Implementation Path [J]. Social Science Front, 2023. № 1. P. 236-244.
4. Chen Lin, On the Empowerment of Digital Transformation on the High-quality Development of Higher Education: Value Mechanism and Promotion Strategy [J]. Education Research Monthly, 2023. № 8. P. 95-103.
5. Dong Ligui, Zhang Qiang, The Generative Logic, Conceptual Connotation, and Practical Pathways of Digital Quality Management in Higher Education [J]. Journal of Zhejiang Shuren University [J]. 2025. № 2. P. 75-81.
6. Lu Xiaobing, Chen Yanfei, Qian Xiaolong, The Digital Transformation of Higher Education Empowers the Development of New Quality Productive Forces: Core Factors, Theoretical Logic and Practical Path [J]. Journal of Higher Education Management, 2024. 11 p.
7. Wang Nuosi, Shi Yujie, Digital Transformation of Higher Education towards the Development of New Quality Productive Forces: Internal Logic, Development Opportunities, and Practical Exploration [J]. Jiangsu Higher Education, 2024. 12 p.
8. Zhang Qiang, The Research Framework of Digital Transformation in Higher Education: Literature Review and Prospect Based on Basic Connotations, Influencing Factors, and Implementation Effects Research [J]. Higher Education Development and Evaluation, 2025. № 2. P. 34-36.
9. Ju Huimin, Fang Yuanyuan, Liu Zishan, Liu Yanzhu, Liu Meifeng, Han Xibin, The Analysis of the Impact Path of Technology on Education — From the Perspective of Concepts Differentiation Related to “Education Informatization” to “Educational Digital Transformation” [J]. China Educational Technology, 2025. 4 p.
10. Zhao Junfang, Fan Jiabao, Goal Orientation, Reality Paradox and Optimization Path of Digital Transformation of Higher Education Governance [J]. 2025. № 2. P. 65-73.

Феоктистов С.В.

Кандидат географических наук, доцент кафедры международного бизнеса и туризма. Амурский государственный университет.

Развитие международного этнографического туризма на трансграничной территории «Амурская область – провинция Хэйлунцзян (КНР)» на примере национально-этнографического парка города Хэйхэ*

Аннотация. В статье представлен обзор концепции этнографического туризма, приведено описание российско-китайского национально-этнографического парка города Хэйхэ (КНР) как дестинации этнографического туризма, проанализированы проблемы использования этого туристского объекта российскими туристами, определены рекомендации для популяризации парка в российских СМИ и в русскоязычном Интернете. Также в статье приведены результаты анкетирования по изучению потенциального туристского интереса граждан Российской Федерации к посещению национально-этнографического парка города Хэйхэ и дестинаций этнографического туризма и кинотуризма в КНР в целом.

Ключевые слова: этнографический парк, этнографический туризм, международный туризм, провинция Хэйлунцзян.

Feoktistov S.V.

PhD in Geography, Associate Professor, Department of International Business and Tourism, Amur State University.

Development of international ethnographic tourism in the cross-border area “Amur Region - Heilongjiang Province (PRC)” using the example of the Heihe National Ethnographic Park

Abstract. This article presents an overview of the concept of ethnographic tourism, describes the Russian-Chinese National Ethnographic Park in Heihe (China) as an ethnographic tourism destination, analyzes the challenges of using this tourist attraction by Russian tourists, and identifies recommendations for promoting the park in Russian media and on the Russian-language Internet.

* © Феоктистов С.В., 2025.

Развитие международного этнографического туризма на трансграничной территории «Амурская область – провинция Хэйлунцзян (КНР)» на примере национально-этнографического парка города Хэйхэ

The article also presents the results of a survey to study potential tourist interest among Russian citizens in visiting the National Ethnographic Park in Heihe, and ethnographic and film tourism destinations in China in general.

Key words: ethnographical park, ethnographical tourism, international tourism, Heilongjiang province.

Амурская область и провинция Хэйлунцзян (КНР) имеют 37-летний опыт трансграничного взаимодействия во многом благодаря географическому положению городов Благовещенска и Хэйхэ, расположенных в 800 м друг от друга через реку Амур. Рост числа туристов с обеих сторон в 2025 году отражает не только локальные тенденции улучшения взаимодействия туроператоров и увеличения разнообразия предложений на туристском рынке, но и общие факторы развития туризма между Россией и Китаем.

На фоне отложенного спроса, вызванного пандемией 2020-2022 гг., а также введения безвизового режима пересечения границы для российских граждан, путешествующих в КНР, туристический поток туристов из РФ в КНР динамично возрастает. Так, по данным Минэкономразвития РФ, общий турпоток РФ и КНР в 2024 году составил 2,7 млн. чел. и продолжает расти. Численность российских туристов, совершивших поездки в КНР, составила 1,5 млн. человек, при этом уже в первом квартале 2025 года она превысила прошлогодний показатель за аналогичный период на 20% [1].

Основными видами туризма в рамках туристских предложений для граждан РФ в Китай является пляжный отдых, культурно-познавательный и оздоровительный туризм. На трансграничной территории «Амурская область – провинция Хэйлунцзян» наряду с культурно-познавательным и лечебно-оздоровительным туризмом (экскурсии в городах Хэйхэ, Харбин, Цицикар, лечение и оздоровление в Удаляньчи) значительный потенциал имеют промышленный и этнографический туризм.

Этнографический туризм активно развивается во многих странах мира, включая Россию. Как отмечает Б.М. Суртаев, данный вид туризма «выступает формой познания историко-литературного наследия региона» [12]. Основными формами этнографического туризма в России, по мнению Маматова И.Ю., являются «этнографический музей под открытым небом, этнографический музей-заповедник, археолого-этнографические комплексы, этнографические деревни, театрализованные праздники и обряды, этнические туры, основанные на исторических и народных памятниках» [3]. Также данный вид туризма предусматривает «посещение исторических сельских поселений, сохранивших свой планировочный и архитектурный облик, традиционные виды землепользования, элементы

народной культуры в повседневной жизни и творчестве людей» [9]. Как отмечает Курина В., «особый интерес вызывают этнографические музеи под открытым небом, в которых содержатся образцы традиционной архитектуры, предметы быта и проводятся национальные праздники» [2]. Кроме того, в рамках данных туров «человек получает возможность увидеть традиционные жилищные и хозяйственные постройки, местных жителей в национальной одежде, а также принять участие в традиционных праздниках, попробовать блюда национальной кухни и купить в качестве сувениров предметы традиционного быта» [11]. Положительным моментом развития этнографического туризма является то, что помимо сохранения культурно-исторического наследия и формирования толерантного отношения к народам, их традициям и обычаям, он улучшает социально-экономическое состояние региона [10] и, в отличие от многих других видов туристской деятельности, «может рассматриваться как одно из возможных стратегических направлений сохранения и развития экономики традиционного хозяйства» [11].

В провинции Хэйлунцзян (КНР) основными дестинациями этнографического туризма являются деревня Мохэ, поселения ороочонов на берегах Амура и национально-этнографический парк города Хэйхэ.

Российско-китайский Национально-этнографический парк города Хэйхэ (КНР) расположен на берегу реки Амур в 9 километрах к северо-западу от центра города. К парку ведет дорога с высококачественным бетонным покрытием, боковой подъездной путь покрыт асфальтом. Основная дорога продолжается к озеру Уонюху, где расположена самая крупная в округе Хэйхэ рекреационная зона с закрытым водоемом. Зона отдыха озера Уонюху очень популярна среди жителей города Хэйхэ, что делает Национально-этнографический парк, расположенный в 3 километрах от нее, достаточно доступным, чтобы обеспечить значительный поток туристов.

В состав парка входят следующие объекты: коттеджный поселок, деревня Каменка, Парк ороочонов, лабиринт и перспективная зона. Строительство Национально-этнографического парка началось с деревни Каменка, которая явилась одним из мест съемок китайского 18-серийного телесериала «А зори здесь тихие...», китайской версии одноименного советского сериала. Китайские кинематографисты проработали исторический материал и архитектурные особенности сельских построек начала и середины XX века, воплотив их в облике «русской» деревни. После окончания съемок одна из центральных усадеб деревни была переоборудована под музей сериала, где выставлен реквизит, использованный для фильма, а также представлены фотографии съемок и фотохроника военных лет. Среди выставленного реквизита есть также настоящие бытовые вещи и оружие времен Великой Отечественной войны. Помимо музея, в деревне Каменка есть пункт проката костюмов, среди которых есть военная форма и

русские народные костюмы, а также небольшая выставка военной техники под открытым небом. Туристы могут зайти внутрь большинства домов Каменки, где представлен интерьер русских изб и бытовые вещи тех времен.

В нескольких метрах от деревни Каменка возведен Парк орочонов, состоящий из большого здания в форме символического чума высотой 25 метров, и нескольких чумов, сделанных из природных материалов. В большом здании-чуме, размер которого в семь раз больше реально существовавших, оборудованы музейные витрины и сделаны макеты-инсталляции из жизни орочонов. В малых чумах представлены народные промыслы и бытовые вещи, а также орошонские лодки-долбленки.

В период с 2008 по 2011 гг. в парке был построен коттеджный поселок. В нем воспроизведены различные типы современных загородных домов России. Туристам также разрешено заходить внутрь, где представлены интерьеры и бытовые принадлежности современных российских семей. Необходимо отметить, что не весь внешний облик и интерьер соответствуют русскому традиционному стилю, однако работа по обновлению экспозиции продолжается.

Недалеко от коттеджного поселка, на другом берегу протоки, расположена перспективная зона, которая в настоящее время имеет лишь несколько троп с мостиками. Там планируется построить еще несколько компонентов парка. В самом дальнем краю парка располагается лабиринт, сделанный из деревянных стен. Высота стен около двух метров, и ходы лабиринта выполнены достаточно сложно, поэтому вход детям без родителей запрещен. Многие посетители лабиринта не могут выйти оттуда самостоятельно, при этом отсутствует его схема, и рядом нет проводников, которые могли бы помочь туристам. В этом состоит самая главная трудность посещения лабиринта, учитывая значительный интерес туристов к этому объекту и ограниченность визита в парк по времени.

Российско-китайский Национально-этнографический парк города Хэйхэ своим названием обязан прежде всего сериалу, который снимался на его территории, и деревне орочонов. Необходимо отметить, и это также ясно из описания, что концепция парка комплексная и включает в себя не только посещение музея под открытым небом, посвященного коренным малочисленным народам провинции Хэйлунцзян. Значительная его часть отведена русской культуре и истории XX века.

Парк одинаково доступен для российских туристов, как и для китайских, поскольку расположен в пределах зоны приграничного туризма. Экспозиции парка позволяют взглянуть на наши традиции и исторические события через призму восприятия китайцев, и это необычный опыт, формирующий новые впечатления для российских туристов. Что касается деревни орочонов, их культура и быт имеют многие сходства с эвенкийскими, что представлено в традиционных поселениях эвенков на севере

Амурской области и интересно для сравнения. В связи с этим парк может представлять немалый интерес для посетителей из Российской Федерации.

Однако, в настоящее время на территории Национально-этнографического парка бывают лишь единицы российских туристов. В процессе посещения туристского объекта в 2007, 2013 и 2024 годах были определены следующие проблемы использования парка как дестинации российского туризма:

- Слабый интерес к этнокультурным туристским объектам в целом;
- Невысокий интерес к объектам кинотуризма среди российских туристов. В российской туристской индустрии наблюдаются лишь отдельные прецеденты, когда организованные группы туристов посещают определенный объект главным образом потому, что там проходили съемки какого-либо фильма;

- Низкая информированность об объекте на русском языке в СМИ и в Интернете. Так, по запросу «Национально-этнографический парк Хэйхэ» на первой странице найденных результатов было найдено лишь одно краткое описание парка на русском языке на портале «Азбука. Все о Хэйхэ», и парк был представлен как «Парк национальных традиций» [5]. Большинство сайтов, публикующих информацию о парке, называют его неправильно как «Русская деревня Хэйхэ», что приводит к затруднениям поиска информации. По этому запросу появляется ряд описаний парка, небольших по объему и очень похожих друг на друга. Описания сопровождаются фотографиями [6,7,8,15]. Парк не обозначен на картах Google [4]. Экскурсии в парк уже предлагают 8 турфирм Амурской области и Хабаровского края в рамках шоп-тура в город Хэйхэ, лишь кратко упоминая о деревне Каменке и съемках фильма, к примеру туристические фирмы «Пилигрим-плюс» и «Амуртурист» [13,14].

- Близость перехода газопровода через реку Амур – этот фактор на время строительства может способствовать ухудшению качественных параметров транспортной инфраструктуры.

В целом решение вышеперечисленных проблем - лишь дело времени, и если сравнить нынешнюю ситуацию с таковой в 2006 году, то тогда о парке в российских источниках почти ничего не было известно. В настоящее время можно сказать, что парк – перспективный объект не только как дополнительная опция после экскурсии по городу Хэйхэ, как это предлагается сейчас, но и как одна из достопримечательностей для обязательного посещения в рамках городских обзорных экскурсий. В парк также можно активнее заезжать по пути в рекреационную зону «Озеро Уонюху», которая становится с каждым годом популярнее среди российских туристов. В 2023 году появилось сразу несколько обзорных роликов в социальных сетях, рассказывающих об особенностях отдыха на берегу Озера лежащего быка (Уонюху), и о посещении национально-этнографического парка.

Для исследования интереса российских туристов в 2025 году было проведено анкетирование среди молодых людей в возрасте 18-23 года (105 чел.). В предисловии к опросу была предоставлена краткая информация о Национально-этнографическом парке города Хэйхэ. По итогам анкетирования были сделаны следующие выводы:

1. Лишь 18% респондентов проявили интерес к кинотуризму как направлению культурно-познавательного туризма;
2. Большинство респондентов (86%) на фоне открытия безвизового режима в КНР заинтересованы в поездке в провинцию Хэйлунцзян с возможным посещением национально-этнографического парка города Хэйхэ как одной из дестинаций маршрута;
3. Среди респондентов всего 32% знали до проведения опроса о национально-этнографическом парке города Хэйхэ;
4. Большинство респондентов (71%) были в городе Хэйхэ проездом в течение одного дня на пути в другие города КНР.

По результатам неоднократного посещения объекта, проведенного анкетирования, а также анализа информации, представленной о Национально-этнографическом парке города Хэйхэ в русскоязычном Интернете, федеральных и региональных СМИ, были выработаны следующие рекомендации по развитию объекта для российского туризма и, как следствие, увеличению туристского потока из РФ в КНР и повышению уровня доходов туроператоров и турагентств Амурской области:

– Повышение информативности материалов на русском языке на территории национально-этнографического парка и его музейных экспозиций (и не только в Каменке), включая фотоальбомы, таблички с описанием, экспозиции на стенах в домах, а также формирование путеводителя, рекламных двуязычных полиграфических изделий в виде буклетов, раскладок и открыток;

– Более глубокое изучение таких аспектов русской культуры, как отношение к историческим событиям, внешний облик предметов быта, элементов оформления фасадов домов, архитектуры домов, одежды. Это необходимо для повышения достоверности представленных информационных материалов и элементов оформления парка;

– Размещение сайта парка и его рекламы в русскоязычном Интернете, в частности в Rutube и VK;

– Предоставление расширенного пакета рекламных материалов для российских турагентов, туроператоров и СМИ на федеральном уровне. Особое внимание следует уделить продвижению имиджа парка в приграничных российских регионах Дальнего Востока;

– Дальнейшее продвижение Агентством гостеприимства Амурской области концепции кинотуризма среди российских туристов на фоне выхода нового совместного российско-китайского художественного фильма

«Красный шелк» (2025), действие которого происходит на трансграничной территории «Амурская область – провинция Хэйлунцзян».

Вышеуказанные мероприятия требуют постепенных, но существенных вложений. Однако они будут способствовать не только популяризации еще одного необычного туристского объекта для российских туристов рядом с границей, но и повышению интереса к русской культуре среди китайских туристов, в особенности молодежи. А это, в свою очередь, приведет к дальнейшему увеличению китайского туристского потока в Амурскую область. Поскольку стремление углубиться в культуру другой страны уже выходит за рамки посещения тематических парков, построенных по ее мотивам для киноиндустрии и туризма.

Библиографический список

1. Замминистра экономического развития: граждане Китая совершили 1,2 млн туристических поездок в Россию за прошлый год. Министерство экономического развития РФ // URL: https://economy.gov.ru/material/news/zamministra_ekonomicheskogo_razvitiyagrazhdane_kitaya_sovershili_12 mln_turisticheskikh_poezdok_v_rossiyu_zh_proshlyy_god.html
2. Курина В. Культурно-познавательные возможности этнического туризма. Все о туризме: туристическая библиотека. // URL: http://tourlib.net/statti_tourism/kurina.htm (Дата обращения: 16.09.2025)
3. Маматов И.Ю. Что такое этнотуризм? Как организовать этнотуры? TerraBashkiria. Путеводитель по Республике Башкортостан, 2022. // URL: (Дата обращения: 16.09.2025)
4. Окрестности города Хэйхэ. Страница спутниковых снимков Google Maps. Режим доступа: <https://www.google.ru/maps/@50.2837462,127.3650824,1353m/data=!3m1!1e3?hl=ru>
5. Парк национальных традиций. Азбука: Все о Хэйхэ. // URL: <http://heihe.azbuka.tv/interesnoe-v-heyhe-hei-he-shi-he-ta-zhou-wei-hao-wan-de-di-fang/park-nacionalnyh-tradiciy/>
6. Русская деревня (кинотудия). Азбука: Все о Хэйхэ. // URL: <http://heihe.azbuka.tv/interesnoe-v-heyhe-hei-he-shi-he-ta-zhou-wei-hao-wan-de-di-fang/russkaya-derevnya-kinostudiya/>
7. Русская деревня в Хэйхэ. Портал «В Хэйхэ», 2019. // URL: <http://vheihe.ru/russkaya-derevnya-v-heihe.html>
8. Русская деревня возле города Хэйхэ. Гид города Хэйхэ. // URL: <http://www.heihe-gid.ru/razvlecheniya/russkaya-derevnya-heihe>
9. Святоха Н.Ю., Филимонова И.Ю. Подходы к классификации этнического туризма // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 6 (167). С. 179-183. // URL: https://tourlib.net/statti_tourism/svyatoha.htm (Дата обращения: 16.09.2025)
10. Соболенко В.Е. Этнотуризм в России: современное состояние и ориентиры развития // Актуальные исследования: менеджмент и маркетинг. 2020. № 24 (27). // URL: <https://apni.ru/article/1689-etnoturizm-v-rossii-sovremennoe-sostoyanie> (Дата обращения: 16.09.2025)
11. Сундурев Ч.Б, Хышектеуева Л.В. Этнотуризм как одно из направлений культурно-познавательного туризма // Вестник Бурятского университета. 2009. № 4. С. 53-56. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnoturizm-kak-odno-iz-napraavlennykh-kulturno-poznavatel'nogo-turizma/viewer> (Дата обращения: 05.11.2025)
12. Суртаев Б.М. Этнографический туризм как способ сохранения и возрождения этнокультурного наследия // Вестник угроведения. 2012. № 1 (8). С. 178-182. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnograficheskiy-turizm-kak-sposob-sohraneniya-i-vozzhzhdeniya-etnokulturnogo-naslediya/viewer> (Дата обращения: 05.11.2025)
13. Хэйхэ. Туристическая фирма «Амуртурист», 2019. // URL: <https://www.amurturist.info/tours/shop-tury-cn/1011/>
14. Хэйхэ. Туристическая фирма «Пилигрим плюс», 2019. // URL: <https://piligrim-plus.ru/catalog/hyeihye-yekskursionyi-tur.html>
15. Экскурсии по Хэйхэ. Официальный сайт Государственной больницы китайской медици-

ны города Хэйхэ. // URL: <http://stomzzz.ru/ekskursii-po-hejhe/>

16. Луговская М.Ю. Графический эксперимент: смысловая полифункциональность дефиса при оформлении лексико-синтаксических окказионализмов // Власть истории – История власти. 2025. Том 11. Часть 4. № 62. С. 32-40.

References

1. Deputy Minister of Economic Development: Chinese citizens made 1.2 million tourist trips to Russia last year. Ministry of Economic Development of the Russian Federation // URL: https://economy.gov.ru/material/news/zamministra_ekonomicheskogo_razvitiyagrazhdane_kitaya_sovershili_12 mln_turisticheskikh_poezdok_v_rossiyu_zh_proshlyy_god.html
2. Kurina V. Cultural and educational opportunities of ethnic tourism. All about tourism: tourism library. // URL: http://tourlib.net/statti_tourism/kurina.htm (16.09.2025)
3. Mamatov I.Yu. What is ethnotourism? How to organize ethnotourism? TerraBashkiria. Guide to the Republic of Bashkortostan, 2022. // URL: <https://terrabashkiria.ru/novosti/chto-takoe-jetnoturizm-kak-organizovat-jetnotury/> (September 16, 2025)
4. Heihe Outskirts. Google Maps satellite imagery page. // URL: <https://www.google.ru/maps/@50.2837462,127.3650824,1353m/data=!3m1!1e3?hl=ru>
5. National Traditions Park. ABC: All about Heihe. // URL: <http://heihe.azbuka.tv/interesnoe-v-heyhe-hei-he-shi-he-ta-zhou-wei-hao-wan-de-di-fang/park-nacionalnyh-tradiciy/>
6. Russian Village (Film Studio). Azbuka: All About Heihe. // URL: <http://heihe.azbuka.tv/interesnoe-v-heyhe-hei-he-shi-he-ta-zhou-wei-hao-wan-de-di-fang/russkaya-derevnya-kinostudiya/>
7. Russian Village in Heihe. Portal “In Heihe”, 2019. // URL: <http://vheihe.ru/russkaya-derevnya-v-heyhe.html>
8. Russian Village near Heihe. Heihe City Guide. // URL: <http://www.heyhe-gid.ru/razvlecheniya/russkaya-derevnya-heyhe>
9. Svyatokha N. Yu., Filimonova I. Yu. Approaches to the classification of ethnic tourism // Bulletin of the Orenburg State University. 2014. № 6 (167). P. 179-183. // URL: https://tourlib.net/statti_tourism/svyatoha.htm (16.09.2025)
10. Sobolenko V. E. Ethnotourism in Russia: Current State and Development Guidelines // Current Research: Management and Marketing. 2020. № 24 (27). // URL: <https://apni.ru/article/1689-etnoturizm-v-rossii-sovremennoe-sostoyanie> (16.09.2025)
11. Sunduev Ch.B., Khyshektueva L.V. Ethnotourism as one of the areas of cultural and educational tourism // Bulletin of the Buryat University. 2009. № 4. P. 53-56. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnoturizm-kak-odno-iz-napravleniy-kulturno-poznavatelno-go-turizma/viewer> (05.11.2025)
12. Surtaev B.M. Ethnographic tourism as a way of preserving and reviving ethnocultural heritage // Bulletin of Ugrope Studies. 2012. № 1 (8). P. 178-182. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnograficheskij-turizm-kak-sposob-sohraneniya-i-vozhrozhdeniya-etnokulturnogo-naslediya/viewer> (05.11.2025)
13. Heihe. Travel agency “Amurturist”, 2019. // URL: <https://www.amurturist.info/tours/shop-tury-cn/1011/>
14. Heihe. Travel agency “Pilgrim Plus”, 2019. // URL: <https://pilgrim-plus.ru/catalog/heyhe-ye-ekskursionnyi-tur.html>
15. Excursions in Heihe. Official website of the Heihe National Hospital of Chinese Medicine. // URL: <http://stomzzz.ru/ekskursii-po-hejhe/>
16. Lugovskaya M.Yu. Graphic experiment: semantic polyfunctionality of the hyphen in the design of lexical-syntactic occasionalisms // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 4. № 62. P. 32-40.



Jurisprudence

Юриспруденция

Старых С.М.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права. Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя.

Еремина А.А.

Кандидат юридических наук, курсант 3208 учебного взвода. Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя.

Неправомерное использование компьютерной информации, содержащей персональные данные: толкование признаков и некоторые проблемы квалификации*

Аннотация. Статья посвящена исследованию на тему неправомерного использования компьютерной информации и изучение особенностей данного общественно-опасного деяния. Автором будут рассмотрены основные понятия и признаки неправомерного использования компьютерной информации, проанализирована основные квалификационные факторы, а также рассмотрена судебная практика, касающаяся неправомерного использования компьютерной информации.

Ключевые слова: неправомерное использование компьютерной информации, преступления в сфере компьютерной информации, информационные общественно-опасные деяния.

Starykh S.M.

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Criminal Law, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Eremina A.A.

Candidate of Law, Cadet, 3208th Training Platoon, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Misuse of computer information containing personal data: interpretation of signs and some qualification problems

* © Старых С.М., Еремина А.А., 2025.

Неправомерное использование компьютерной информации, содержащей персональные данные: толкование признаков и некоторые проблемы квалификации

Abstract. The article is devoted to research on the misuse of computer information and the study of the features of this socially dangerous act. The author will consider the basic concepts and signs of misuse of computer information, analyze the main qualification factors, and consider judicial practice regarding the misuse of computer information.

Key words: misuse of computer information, crimes in the field of computer information, informational socially dangerous acts.

Общественно-опасные деяния, совершаемые в сфере компьютерной информации, в настоящее время, представляют собой довольно серьезную проблему, как для правоохранительных органов, так и для простых граждан. Актуальность этой проблематики, подтверждается тем, что как в нашей стране, так и за ее пределами, практически все сферы жизнедеятельности, в той или иной форме, связаны с телекоммуникационной средой. Например, при осуществлении банковской деятельности, проведение межбанковских операций, между физическими и юридическими лицами, или же наоборот в другой последовательности между заинтересованными сторонами. Растет предоставление услуг, в том числе и социально значимых, с помощью информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», это касается и обычных маркетплейсов, а также консультирования в области медицины. Повсеместная установка видеокамер, как наружного, так и внутреннего мониторинга безопасности, с накоплением и обработкой полученной информации. С этим связано и усиление государственного контроля за соблюдением гражданами соответствующих нормативно-правовых актов, например введение электронных штрафов за нарушения правил дорожного движения и т.д. Практически в каждой из перечисленных сфер жизнедеятельности, используются персональные данные конкретного человека. К большому сожалению, эти данные, не имеют должной технической, в том числе и уголовно-правовой защиты, от возможного их использования против интересов конкретной личности, а возможно и в преступных целях, представляющих угрозу в целом общественной безопасности.

Глава 28 Уголовного Кодекса Российской Федерации устанавливает ответственность за деяния, связанные с осуществлением преступных посягательств в информационной сфере. К таким общественно-опасным посягательствам предусмотренными статьями с 272 УК РФ по 274.2 УК РФ относят деяния связанные с неправомерным доступом к компьютерной информации, создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ, нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей, неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации.

С учетом общественной значимости тех вызовов, которые связаны с возможностями использования в преступных целях компьютерной информацией, *содержащей персональные данные, законодатель счел необходимым установить уголовную ответственность за деяния связанные с ее неправомерным использованием, в рамках статьи 272.1 УК РФ (ФЗ №-421 от 30.11.2024).*

Дискуссии как в научном сообществе, так и в среде непосредственных правоприменителей, по вопросам целесообразности и своевременности такой дополнительной уголовно-правовой регламентации, учитывая анализ статистических данных, в особенности за истекший 2024 год, показывающий неуклонный рост такого рода преступных посягательств, перестали быть актуальными¹. Дополнительным весомым аргументом, в пользу обоснованности такого нововведения, выступают факты роста использования персональных данных в преступных целях, против интересов наиболее уязвимой части общества, а именно пожилых людей, инвалидов и несовершеннолетних.

Говоря о своевременности и безусловной необходимости такого законодательного решения, следует рассмотреть состав данного преступления, а именно, посягательств, связанных с *незаконным использованием, хранением и передачей компьютерной информации, содержащей персональные данные*. Проанализировав его элементы и признаки, акцентировать особое внимание на тех особенностях, которые позволяют утверждать о своевременности и актуальности дополнительной правовой регламентации таких преступных посягательств.

Особое место в преступлениях в сфере компьютерной информации занимает понятие предмета такого рода преступлений. Определение «компьютерной информации» с позиции предмета преступного воздействия, дано в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а также в примечании к ст. 272 УК РФ, где указано, что она представляет собой сообщения, представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи.

Рассматривая непосредственно статью 272.1 УК РФ следует отметить, что родовым объектом данного состава преступления выступают общественные отношения, регулирующие общественную безопасность, что указывает на социальную и общественную значимость нормального функционирования этой сферы жизнедеятельности. Видовым объектом являются общественные отношения, складывающиеся по поводу правомерного пользования компьютерной информацией. Основным непосредственным объектом являются общественные отношения, которые обеспечивают

¹ Харламова А.А. «Неправомерный доступ к компьютерной информации: толкование признаков и некоторые проблемы квалификации». 2020. С. 3.

законный доступ, создание, хранение, модификацию и использование компьютерной информации, *содержащей персональные данные*. Дополнительным непосредственным объектом будут выступать конституционные права на гарантии сохранности личной, персональной информации. Факультативным объектом, могут являться отношения, осуществляющие охрану собственности и интересов государственной службы и службы в коммерческих структурах.

Исходя, из положений статьи 3 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ, под персональными данными понимается любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу, то есть субъекту персональных данных, поэтому к предметам, на которые направлено данное общественно-опасное посягательство относится:

1) персональные данные², в том числе несовершеннолетних лиц (сведения, содержащиеся в свидетельстве о рождении; персональная информация, содержащаяся в личном деле обучающегося и в классном журнале и электронном дневнике);

2) биометрические данные пользователя (физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность);

3) специальные категории персональных данных (данные, касающиеся расовой, национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или философских убеждений).

Анализируя в целом деяния, связанные с неправомерным использованием компьютерной информации, необходимо отграничить это определение, от понятия компьютерной техники, то есть разграничить предметы преступных посягательств. Где в качестве последнего определения признаются все устройства, связанные с обработкой компьютерной информации, а именно: персональные компьютеры, смартфоны, персональные компьютерные планшеты, кассовые аппараты, банкоматы, а также иные устройства. Таким образом, если будет дополнительно причинен материальный вред, в виде технической неисправности устройству, связанному с обработкой, передачей компьютерной информации, то необходима дополнительная квалификация по совокупности преступлений, с учетом формы вины и причиненного имущественного ущерба.

Существенным фактором для правильной уголовно-правовой оценки в этих случаях, выступает то, что диспозиция рассматриваемой статьи является бланкетной и необходимо обращаться к иным нормативно-правовым актам. Кроме вышеперечисленных нормативных актов, учитывать необходимо положения ГК РФ, нормативную базу, связанную с трансграничной торговлей т.д.

2 ФЗ-№152 от 27.06.2006 (в ред. 08.08.2024) «О персональных данных».

Рассматривая структуру объективной стороны, ч. 1. ст. 272.1 УК РФ, следует отметить, что состав является формальным, то есть преступление будет считаться оконченным, при выполнении одного или нескольких или же всей совокупности указанных в диспозиции действий. Для квалифицированных частей, предполагается возможность формально-материальной конструкции.

В основном составе рассматриваемой ст. 272.1 УК РФ, объективная сторона выражена новой совокупностью действий, где кроме неправомерного доступа и использования компьютерной информации, содержащей сведения личного характера, могут присутствовать также общественно-опасные деяния, связанные с вмешательством в функционирование средств, хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Вышеуказанные действия представляют собой целенаправленное программное воздействие на персональные компьютеры, серверы, информационно-телекоммуникационные сети, которое нарушает установленный процесс обработки, хранения, передачи компьютерной информации³.

Квалифицированными, рассматриваемые действия будут, если потерпевшим, окажется несовершеннолетнее лицо. Также как квалифицированные, такие действия, будут оцениваться в зависимости от специфики определенной категории персональных данных, то есть данных, отнесенных к специальным и (или) биометрическим персональным данным. Возраст потерпевшего и специфика персональных данных повышает степень общественной опасности содеянного и требует повышенной уголовной ответственности.

Особо квалифицированными, такого рода действия, признаются при установлении корыстного мотива, причинения крупного ущерба или наступления тяжких последствий, использования служебных полномочий. Также, данные общественно-опасные деяния могут совершаться лицами по предварительному сговору или организованной группой. Что в свою очередь влечет еще более суровый подход в установлении вида и размера наказания.

Отдельно следует рассмотреть такие особо квалифицированные части рассматриваемого состава преступления, как деяния сопряженные, с трансграничной передачей личных данных и создание ресурса для незаконной передачи, хранения компьютерной информации, которая содержит персональные данные, добытые незаконным путем, в том числе и биометрические персональные данные.

В ч. 4 ст. 272.1 УК РФ предусмотрена ответственность за преступные деяния, связанные с трансграничной передачей, компьютерной инфор-

³ *Караваев Н.А.* Неправомерный доступ к компьютерной информации: проблемы квалификации / Н.А. Караваев. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2023. С. 339.

мации, в том числе, содержащий персональные данные, данные, отнесенные к специальным, биометрическим персональным данным. Для чего и в каких целях могут быть использованы такие данные за пределами Российской Федерации, можно только предполагать. Например, эти данные, могут быть использованы для шантажа, определенной категории граждан РФ, в виду занимаемой ими должности, служебного, общественного положения. А также, для проведения, в том числе и в сопредельных странах, разнообразных биологических опытов. Естественно, такие утечки, представляют реальную угрозу общественной безопасности в РФ и требуют соответствующей уголовно-правовой оценки.

В ч. 6 ст. 272.1 УК РФ, речь идет о создании ресурса для незаконной передачи, хранения компьютерной информации, которая содержит персональные данные, которые получены незаконным путем. Создание и поддержка дальнейшего функционирования такого ресурса, предполагает привлечение значительных материальных и технических составляющих, позволяющих оперировать большими объемами такого рода информации, полученной преступным путем, для дальнейшего ее использования в преступных целях. Все это позволяет оценивать такие действия, как особо квалифицированные, ставящие под серьезную угрозу общественную безопасность в стране.

О направленности умысла на совершения преступлений в том числе против общественной безопасности, то есть не только в рамках видового объекта, позволяет утверждать значимость рассматриваемого предмета преступного посягательства, степень общественной опасности, а так же способов и методов, применяемых для достижения преступного результата.

1. Персональные данные – такого рода преступлений, связанные с компьютерной информацией, представлены особым предметом, в виду специфики информации, где речь идет об индивидуальных данных конкретного человека. Из-за способа завладения такой информацией, скорости ее обработки и передачи, использовать в преступных целях информацию, содержащую персональные данные, в том числе и биометрические данные можно, в отношении неопределенно широкого круга лиц. Зачастую, эти данные используются в мошеннических схемах. Намного серьезней ситуация, если такого рода данные могут быть использованы для фальсификации голосования электронным способом.

2. Действия, направленные на передачу персональных данных – это совокупность действий, связанных в том числе, с продажей, размещением их на серверах, предназначенных для удаленного обмена файлами, предоставлением персональных данных по запросам, предоставлением возможности обращения к источнику хранения информации с персональными данными конкретным лицам или неопределенному кругу лиц, а также

иных преступных действий.

3. Действия, направленные на сбор персональных данных – это деятельность по систематизации, накоплению, уточнению и извлечению персональных данных.

4. Действия, связанные с хранением персональных данных — это совершение любых действий, связанных с нахождением данных сведений в фактическом пользовании и владении лица.

Важнейшими характеристиками таких действий, направленных на достижения преступного результата, является скорость, как передачи, так и сбора соответствующей информации, возможности хранения и оперативной обработки огромнейшего объема такого рода данных. Все вышеперечисленное самым непосредственным образом влияет на определение, как характера, так и степени общественной опасности таких преступлений, а также позволяет утверждать, о целесообразности и своевременности законодательного реагирования, в отношении такого рода преступных посягательств.

Подтвердить тезис о необходимости и своевременности введения в уголовное законодательство ст. 272.1 УК РФ, позволяет анализ правоприменительной практики в отношении правовой оценки таких преступлений. Исходя из этого анализа судебная и правоприменительная практика, как минимум противоречива, а как максимум не последовательна. Обоснованием этого утверждения послужил анализ судебных решений за 2023 и 2024 года.

В большинстве рассмотренных судебных решениях, специфика такого рода преступлений, заключается в характере выполняемых субъектом профессиональных или служебных обязанностей. Эти обязанности, в основном, связаны с техническим обслуживанием и поддержкой всего, что относится к ИТ составляющей учреждения, организации, предприятия т.д. Как правило в круг этих обязанностей, в том числе исходя из должностной инструкции, входит обслуживание внутренней (локальной) и внешней сети, контроль за работой серверов, поддержка системы видео наблюдения, обеспечение межотраслевой безопасности, установка и контроль за работой программного обеспечения и другие виды работ. В значительном количестве случаев, исходя из служебных обязанностей или имея соответствующий уровень допуска, такие лица обладают доступом к сведениям, отнесенным к категории персональных (№149-ФЗ от 27.07.2006 «Об информации, информационных технологиях защите информации»), а также к информации составляющей коммерческую тайну (№ 98-ФЗ от 29.07.2004 «О коммерческой тайне»). Используя персональные данные, например сотрудников определенной организации, включая руководящий состав, злоумышленники имеют возможность заходить в личный кабинет, копировать определенную информацию, содержащую

не только персональные данные, но и информацию представляющую коммерческую, служебную тайну.

До практического применения статьи 272.1 УК РФ, правоприменительная и судебная практика исходила из общего подхода к понятию компьютерной информации, не выделяя специфику и особый характер персональных данных. Но как уже выше отмечалось, такой подход не учитывал как совокупный характер, так и степень общественной опасности таких посягательств. Ко всему прочему, отсутствовал относительно общий подход при квалификации таких преступлений. В одних случаях квалификация проводилась в рамках ч.1 ст. 272 УК РФ, в других случаях, в схожих обстоятельствах, правовая оценка давалась по совокупности преступлений, предусмотренных статьями ст. 272 УК РФ и ст. 137 УК РФ.

В новой реальности, в рамках примерного набора, условий и обстоятельств совершения такого рода преступлений, возможно давать правовую оценку по соответствующей части ст. 272.1 УК РФ. Например, в случаях, когда субъект имел полномочия по обслуживанию компьютерных систем, в том числе наличие доступа к личным данным сотрудников, но использовал эти данные в личных целях, то возможно рассмотреть квалификацию в соответствии с п. «г», ч.3 статьи 272.1 УК РФ.⁴

В качестве дополнительной иллюстрации, можно рассмотреть конкретный пример из судебной практики, а именно решение одного из судов Московской области в 2023 году. В данном случае суд установил, что менеджером по продажам одного из торговых предприятий в рабочее время, с использованием своего служебного положения, руководствуясь корыстными мотивами, умышленно, находясь на своем рабочем месте в помещении офиса обслуживания и продаж этого предприятия, произведен несанкционированный и непропорциональный доступ к охраняемой законом компьютерной информации. После чего, он произвел модификацию (изменение) информации, содержащейся в информационной системе, принадлежащей организации. Изменения заключались в привязке электронного кошелька, принадлежащего одному из сотрудников, к персональным данным стороннего лица, не осведомленного об использовании его личных данных (серия, номер паспорта, ИНН, СНИЛС). Решением суда по этому делу, злоумышленник был осужден по ч.3 ст. 272 УК РФ. Если бы дело рассматривалось в рамках нововведенной статьи 272.1 УК РФ, то в схожих обстоятельствах, есть основания квалифицировать содеянное по п. «а», ч.3, ст. 272.1 УК РФ. Такая уголовно-правовая оценка в большей степени соответствует тяжести содеянного. Эта оценка нашла свое отражение в возможности применения более сурового наказания по соответствующей статье, в том числе исходя из оценки, такого рода деяний, совер-

⁴ *Мамочка Е.А.* «Уголовно-правовое противодействие непропорциональному использованию инсайдерской информации», учеб.пособ., 2021. С. 2.

шенных субъектом преступления из корыстных побуждений и отнесения этого признака к особо квалифицированным.

Рассмотренные примеры из судебной практики и все вышеприведенные и рассмотренные обстоятельства, позволяют утверждать, что инициатива законодателя, в части уголовно-правовой регламентации преступлений, связанных с неправомерным использованием компьютерной информацией, *которая содержит личные данные граждан*, (ст. 272.1 УК РФ), является, безусловно, правильной и своевременной. Состав преступления, регламентированный статьей 272.1 УК РФ, направлен на привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших неправомерное использование компьютерной информации, представляющей личные данные, в достаточно широком и специфическом диапазоне. Ко всему прочему, наряду со специфическим предметом преступления, повышенную общественную опасность представляют описанные в данной статье действия.

Библиографический список

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. 06.10.2022. // URL: <http://pravo.gov.ru> (Дата обращения: 15.04.2025 г.).
2. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. От 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. В силу с 12.10.2023) // СЗ РФ от 17 июня 1996 г. N 25 ст. 2954. (Дата обращения: 15.04.2025).
3. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ, (Дата обращения: 17.04.2025) // Российская газета – Федеральный выпуск: №4131, 29 июля. 2006.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 N 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // Российская газета – Федеральный выпуск: № 8942. 28 декабря. 2022.
5. Кадников Н.Г. Уголовное право России, // Учебник. Том 1. Общая часть. // Москва. Юриспруденция. 2018. 944 С. (Дата обращения: 17.04.2025).
6. Дмитренко А.П. «Уголовное право». Общая часть (Опорные конспекты лекций). Курс лекций //Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя. Москва. 2022. 176 с. (Дата обращения: 17.04.2025).
7. Бавсун М.В., Векленко С.В. Квалификация преступлений по признакам субъективной стороны. – М.: Юрайт. 2024. 144 с.
8. Белогриц-Котляревский Л.С., Сергеевский Н.Д., Фойницкий И.Я. Краткий курс русского уголовного права. – М.: Ленанд. 2022. 256 с.
9. Боровиков В.Б., Смердов А.А. Уголовное право. Общая часть. – М.: Юрайт. 2023. 269 с.
10. Интернет-сайт «Право.Ру». // Научная электронная библиотека // URL: <https://pravo.ru/news/240437/amp/>. (Дата обращения: 15.04.2025).
11. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2021)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2021), // сайт Верховного суда Российской Федерации // URL: <https://www.consultant.ru>. (Дата обращения: 15.04.2025).
12. Харламова А.А., «Неправомерный доступ к компьютерной информации: толкование признаков и некоторые проблемы квалификации». 2020. Караваев Н. А. Неправомерный доступ к компьютерной информации: проблемы квалификации // Молодой ученый. 2023. № 23. С. 338-340.
13. Мамочка Е.А., «Уголовно-правовое противодействие неправомерному использованию инсайдерской информации». 2021. Пробелы в российском законодательстве. 2014.

№ 4. С. 121-124.

14. Кистенев В.В., Дрожжина Л.И. Специфика формирования народной культуры в Белгородском регионе: исторический аспект // Власть истории – История власти. 2025. Том 11. Часть 4. № 62. С. 212-220.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Official Internet Portal of Legal Information. 06.10.2022. // URL: <http://pravo.gov.ru> (15.04.2025).
2. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (as amended on 04.08.2023) (as amended and supplemented, entered into force on 12.10.2023) // Collected Legislation of the Russian Federation of 17 June 1996 № 25, Art. 2954. (15.04.2025).
3. Federal Law “On Information, Information Technologies and the Protection of Information” dated July 27, 2006 N 149-FZ, (April 17, 2025) // Rossiyskaya Gazeta - Federal Issue: № 4131, July 29, 2006.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.12.2022 N 37 “On Certain Issues of Judicial Practice in Criminal Cases Concerning Crimes in the Sphere of Computer Information, as well as Other Crimes Committed Using Electronic or Information and Telecommunications Networks, Including the Internet” // Rossiyskaya Gazeta - Federal Issue: № 8942, December 28, 2022.
5. Kadnikov N.G. Criminal Law of Russia, // Textbook. Volume 1. General Part. // Moscow. Jurisprudence. 2018. 944 p. (17.04.2025).
6. Dmitrenko A.P. “Criminal Law”. General Part (Supporting Lecture Notes). Lecture Course // V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – Moscow. 2022. 176 p. (17.04.2025).
7. Bavsun, M.V., Veklenko, S.V. Qualification of Crimes Based on the Subjective Aspects. Moscow: Yurait. 2024. 144 p.
8. Belogrits-Kotlyarevsky L.S., Sergeevsky N.D., Foinitsky I.Y. A Brief Course in Russian Criminal Law. – Moscow: Lenand. 2022. 256 p.
9. Borovikov, V.B., Smerdov, A.A. Criminal Law. General Part. – Moscow: Yurait. 2023. 269 p.
10. Pravo.Ru Website. // Scientific Electronic Library // URL: <https://pravo.ru/news/240437/amp/>. (15.04.2025).
11. “Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation № 2 (2021)” (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 30, 2021), // website of the Supreme Court of the Russian Federation // URL: <https://www.consultant.ru>. (April 15, 2025).
12. Kharlamova A.A., “Unauthorized Access to Computer Information: Interpretation of Features and Some Qualification Issues.” 2020. Karavaev N.A. Unauthorized Access to Computer Information: Qualification Issues // Young Scientist. 2023. № 23. P. 338-340.
13. Mamochka E.A., “Criminal Law Counteraction to the Unlawful Use of Insider Information.” 2021. Gaps in Russian Legislation. 2014. № 4. P. 121-124.
14. Kistenev V.V., Drozhzhina L.I. Specificity of the formation of folk culture in the Belgorod region: historical aspect // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 4. № 62. P. 212-220.



*Current issues of science
and innovation*

*Актуальные вопросы науки
и инновации*

Терновая Л.О.

Доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Чапкин Н.С.

Старший преподаватель. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова». Базовая кафедра цифровой экономики института развития информационного общества.

Нулевой километр как геополитический индикатор*

Аннотация. Статья посвящена феномену «нулевого километра» как культурного, исторического, геополитического и символического явления. Рассматриваются различные исторические примеры и интерпретации этого понятия, включая римский *Milliarium Aureum* и его роль в организации пространственного и временного восприятия. Анализируются сакральные и геополитические аспекты, связанные с понятием центра и оси мира (*Axis Mundi*), а также трансформация символики нулевого километра в современности. В работе представлен междисциплинарный подход, объединяющий историю, геополитику, антропологию, философию времени и культурологию, что позволяет понять значение пространственных координат в формировании национальной идентичности и культурных кодов.

Ключевые слова: нулевой километр, *Milliarium Aureum*, *Axis Mundi*, сакральная геометрия, пространственная идентичность, культурные коды, геополитика, историческое пространство, пространственно-временные координаты, символизм, междисциплинарное исследование, национальная идентичность.

Ternovaya L.O.

Doctor of Historical Sciences, Professor. Moscow Automobile and Road Construction State Technical University.

Chapkin N.S.

Senior Lecturer. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian Economic University named after G.V. Plekhanov". Basic Department of Digital Economy of the Institute for the Development of the Information Society.

Kilometer zero as a geopolitical indicator

* © Терновая Л.О., Чапкин Н.С., 2025.

Нулевой километр как геополитический индикатор

Abstract. This article examines the phenomenon of “kilometer zero” as a cultural, historical, geopolitical, and symbolic phenomenon. Various historical examples and interpretations of this concept are examined, including the Roman *Milliarium Aureum* and its role in organizing spatial and temporal perception. The sacred and geopolitical aspects associated with the concept of the center and axis of the world (*Axis Mundi*) are analyzed, as well as the transformation of the symbolism of kilometer zero in modern times. The paper presents an interdisciplinary approach that integrates history, geopolitics, anthropology, the philosophy of time, and cultural studies, allowing us to understand the significance of spatial coordinates in the formation of national identity and cultural codes.

Key words: kilometer zero, *Milliarium Aureum*, *Axis Mundi*, sacred geometry, spatial identity, cultural codes, geopolitics, historical space, spatiotemporal coordinates, symbolism, interdisciplinary research, national identity.

Гармония природы не только восхищает, еще она задает загадки, которые служат своеобразными подсказками для понимания сложности устройства мира. Чтобы эти подсказки не были слишком простыми, они облакаются в разные смыслы и формы, часто сакрального характера. Многие из четких и доступных людям пространственных измерений зашифрованы в образах сакральной геометрии¹. Одно из таких скрытых значений обнаруживается у нулевого километра (англ. *Kilometre Zero*, фр. *point zéro*), под которым понимается начальная точка отсчета дорожных расстояний в разных странах.

Свою историю нулевой километр ведет со знаменитого «Золотого мильного камня» (лат. *Milliarium Aureum*), установленного в Риме в 20 г. до н.э., благодаря которому и родилась поговорка «Все дороги ведут в Рим» (лат. *Tutte le strade partono da Roma*). Однако в латинском варианте она более точна, потому что отмечает, что все дороги в Риме начинаются, значит, идут от того самого нулевого километра². Его установление было не просто технической процедурой, а представляло собой мощный символический акт, в котором переплетались разные смыслы, сохранившиеся до наших дней.

Поэтому можно утверждать, что нулевой километр выступает не только точкой отсчета расстояний, но и некоторой исходной точкой исчисления времени. В ней скрыты начальные философские и геополитические индикаторы, позволяющие конструировать индивидуальную, коллектив-

1 Лолор Р. Сакральная геометрия. Философия и практика. – М.: Варфоломеев А.Д., 2010; Неаполитанский С.М., Матвеев С.А. Сакральная геометрия. – СПб.: Издательство института метафизики, 2004; Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Мир, прочерченный линиями: к онтологии разграничений и связей // Миссия Конфессий. 2025. Том 14. Часть 7 (№ 88). С. 80-88.

2 Терновая Л.О. Геополитический код дороги: от караванного пути до хайвея: монография. – М.: ИНФРА-М, 2021; Терновая Л.О. Камни силы и судьбы в структуре культурных кодов и властных отношений // Власть истории и история власти. 2024. Том 10. Часть 3. (№ 53). С. 22-31.

ную и национальную идентичность и отличающиеся разными типами восприятия времени, но и темпорального интеллекта³. Во многих ситуациях точка нулевого километра играет роль ступки времени мифического⁴. Связь между физической точкой отсчета пространства и метафизической точкой начала времени становится мостом между миром измеряемого и миром сущего. Нулевой километр оказывается спрессованной памятью пространства о начале времени.

По этому мосту, прежде всего, устанавливается архетипическая связь с центром Мира (лат. *Axis Mundi*). Нулевой километр является одновременно реальным географическим и символическим центром. Все дороги расходятся от него, все расстояния измеряются по отношению к нему. Это — точка, из которой структурируется и организуется пространство. Данная концепция восходит к древним космологиям, где храм, дворец или священное дерево считались центром вселенной, связующим звеном между небом, землей и подземным миром. Нулевой километр играет роль современной светской *Axis Mundi*, выступая как символический центр государственного тела, где столица — это политический мозг, а нулевой километр — его сердце, от которого по «артериям»-дорогам растекается жизнь, как писал Николай Гумилев в «Открытии Америки»:

О пути земные, сетью жил,
Розой вен вас Бог расположил!
И струится, и поет по венам
Радостно бушующая кровь;
Нет конца обетам и изменам,
Нет конца веселым переменам,
И отсталых подгоняют вновь
Плетью боли Голод и Любовь⁵.

Начало времени или Момент Творения (лат. *Illud Tempus*) предстает

3 Вознесенский И.С. Пересечение часовых поясов: возможности и издержки деловых коммуникаций // Власть истории и история власти. 2019. Том 5. Часть 1. (№ 15). С. 28-41; Вознесенский И.С. Тайм-менеджмент часовых зон: Уроки Большой Евразии // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 2. Ч. 2. РАН ИНИОН. Отд. науч. Сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М.: ИНИОН РАН, 2019. С. 87-92; Вознесенский И.С. Темпоральная компонента организационной культуры // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 1 (139). С. 20-28; Вознесенский И.С. Темпоральный интеллект: от секрета овладения временем к эффективному управлению // Миссия конфессий. 2022. Т. 11. Часть 3 (№ 60). С. 90-97.

4 Афанасьева В.В., Пилипенко Е.А. Онтология времени // Вестник ВолГУ. Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2014. № 4. (24). С. 6-14; Пилипенко Е.А. Концепт мифологического времени // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 6 (51). С. 162-168.

5 Гумилев Н.С. Открытие Америки // URL: <https://www.culture.ru/poems/39000/otkrytie-ameriki>.

темпоральным центром. Из этой точки исходят вся история, все события, вся причинность. Она есть всего лишь миг, из которого разворачивается и структурируется время. Таким образом, нулевой километр таит в себе нечто большее, чем просто точка на карте. Его можно назвать пространственным эхом того первого мига рождения мира. Наступая на знак нулевого километра, вмонтированный в покрытие площади, человек оказывается не только в центре наделенного определенными смыслами пространства, а непосредственно в точке, претендующей на то, чтобы быть проекцией Изначального Центра на современный мир. Именно в данном месте при любых обстоятельствах пространство напоминает о своем происхождении в момент *Illud Tempus*.

Находится в этой точке бесконечно невозможно. В ней заложен импульс движения, которое напоминает мифический образ расходящихся кругов: рождения собственно времени; рождения рождение пространства; рождения вещества, света, звука. От точки нулевого километра берут начало как лучи-артерии, так и круги-дороги, каждая из которых является выражением не одного физического перемещения, но также порядка, закона, связи, суммарно противостоящих хаосу неосвоенных земель.

Если все же затормозить это движение, отдаляющее от нулевого километра, то есть риск столкнуться с проблемой пустоты. С одной стороны, в восточной философии и мистике ноль (шуньята) есть это не просто «ничто», а состояние бесконечного потенциала, из которого возникает все сущее. Символически он предстает «чистым листом», наделенным потенциалом всех возможных путей. Отсюда можно отправиться куда угодно. Это точка, где все направления еще одинаково возможны и не определены. Она символизирует единство страны в ее разнообразии: все пути сходятся здесь и все пути начинаются. С другой стороны, пустота напоминает бездну. И здесь нельзя не вспомнить предостережение Фридриха Ницше из его работы «По ту сторону добра и зла» (1886): «Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя». (нем. *Wer mit Ungeheuern kämpft, mag zusehn, dass er nicht dabei zum Ungeheuer wird. Und wenn du lange in einen Abgrund blickst, blickt der Abgrund auch in dich hinein*)⁶. Бездна, как пустота, чудовище, хаос способная подавить сопротивление не только индивида, но и социума, втянуть в себя или вселиться в застрявших в нулевой точке в нерешительности.

Нулевой километр, совмещающий точки пространства и времени, расшифровывается как пороговое место, врата возможностей. Человек поставлен перед необходимостью выбора. Но такая его деятельность отличается от символики выбора, выпадающего на долю витязя, стоящего

6 Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего. В переводе Н. Полилова // URL: <https://nietzsche.ru/userfiles/pdf/po-tu-storonu.pdf>.

перед камнем на распустье. Это — мощный архетип, который встречается в культурах, связанных с индоевропейским наследием. В синергетике он иллюстрирует классический пример бифуркации. Связь двух образов заключается в следующем: они указывают на важность момента принятия решения, определяющего дальнейшее развитие события; подчеркивают неопределенность и непредсказуемость последствий каждого варианта выбора. Их общее смысловое поле обусловлено важностью точек перелома, моментов выбора, которые определяют будущее.

Камень на распустье с нулевым километром еще больше сближает не символический образ, а материальный. Различные источники указывают на то, что культура установки крупных камней-указателей или священных камней существовала у многих народов. На территории древней Пруссии существовали так называемые «жертвенные» (нем. *Opferstein*) и «святые» (нем. *Heiligenstein*) камни, служившие важными маркерами в сакральном ландшафте, выступая в роли языческих алтарей⁷. Специалисты считают, что на Крымском полуострове существовали реальные камни-указатели. Топоним урочища Грамата (Язлы Таш) переводится как «камень с надписью»⁸.

Если стоя перед камнем на распустье, требуется принять решение о конкретном маршруте, то находясь в точке нулевого километра, человек понимает, что вся его прошлая жизнь «обнуляется», а ему предстоит начать новый путь.

Смысл нулевого километра базируется на символике нуля, отражающей комплекс представлений от Абсолюта к Центру Мира. Ноль — не просто число, а философская и математическая категория, несущая в себе несколько фундаментальных смыслов, которые проецируются на идею нулевого километра.

Ноль как начало и конец выступает абсолютной точкой отсчета и математически, где он есть это точка, лишенная размерности, из которой рождается вся числовая ось, делящая пространство на «до» и «после», на положительное и отрицательное; и символически, когда нулевой километр становится абсолютным началом всех дорог. Тогда все расстояния в стране «исходят» из этой точки. Это превращает ее в сакральное место, в омфал (др.-греч. *ὀμφαλός* — пуп), «пуп земли» для данного государства⁹. Это не просто «первый» километр, а точка, предшествующая самой системе измерения¹⁰. Она аналогична «Большому Взрыву» в космологии, считающему-

7 Кулаков В.И. Каменные изваяния пруссов // Исторический формат. 2017. № 1-2. С. 151-169.

8 Терновая Л.О. Историческое краеведение Крыма: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2025.

9 Терновая Л.О. Экосемантика геополитического пространства: монография. – М.: ИНФРА-М, 2020.

10 Рабинович Е.Г. «Золотая середина»: к генезису одного из понятий античной культуры [о трактате Юлиана Отступника «К царю Гелиосу»] // Вестник древней истории. 1976.

ся моментом творения пространства. Установление нулевого километра становится актом космоизации пространства. Он превращает произвольную (или намеренно выбранную) точку на карте в сакральный центр, точку отсчета не только расстояний, но и национального мифа.

В геополитической идентификации пространства нулевой километр выступает как инструмент «воображения сообщества» (по Бенедикту Андерсону) и легитимации власти¹¹. Он становится инструментом административного и ментального объединения страны, логичного конструирования национальной территории, так как всякое государство должно не только контролировать территорию, но и символически ее определять. Нулевой километр визуализирует и материализует идею единого, целостного пространства, создавая систему координат, «привязывающую» каждый населенный пункт город к столице. Расстояние до «центра» является универсальным параметром, объединяющим разнородные регионы в одну систему.

С помощью этого инструмента происходит легитимация столичного статуса и власти, поскольку местонахождением нулевого километра почти всегда оказывается столица. Этот жест окончательно закрепляет ее главенствующую роль. Исторически он устанавливался у главного храма (как в России у Иверской часовни) или у главного почтамта (как во многих европейских странах). Это не случайно, потому что: храм символизирует сакральную легитимность власти; а почтамт указывает на административную, коммуникационную легитимность¹².

Таким образом, нулевой километр маркирует не просто географический центр, а центр духовной и светской власти. Установление или перенос нулевого километра всегда становится мощным сильным политическим жестом, о чем можно судить, во-первых, на примере постколониальных стран, где перенос нулевого километра из метрополии в свою столицу был актом деколонизации, утверждения своего суверенного пространства. Во-вторых, этот акт подкреплял позиции национального суверенитета, например, в Казахстане перенос столицы из Алма-Аты в Астану и установление там нового нулевого километра были призваны символизировать поворот к новой, независимой геополитической ориентации. В-третьих, вариантом нулевого километра как геополитического маркера служит его обозначение на спорных участках, где такая символическая заявка на контроль над всей территорией должна утверждать, что все измеряемые от него расстояния до границ представляют собой «наши» законные земли.

№ 3 (137). С. 92-107.

11 Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В.Г. Николаева. – М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001.

12 Терновая Л.О. Эволюция социальной роли почты // Вестник экономических и социологических исследований. 2025. № 2. С. С. 48-57.

Можно увидеть различия имперской и сетевой моделей установления нулевого километра. Имперская модель — модель централизованного государства, отчается моноцентричностью. Классический нулевой километр (как в Москве, Париже, Лондоне) отражает жесткую иерархическую структуру «центр-периферия». Вся страна ориентирована на одну доминирующую точку. Сетевая модель — полицентрическая. В некоторых федеративных или децентрализованных государствах, например, Германии, нет единого, централизованного нулевого километра для всех дорог. Система измерений в них может быть более сложной, что отражает иную, распределенную модель национальной идентичности и управления.

В тех странах, где нулевой километр отмечен, для этого, как правило, выбирается особый знак в центре столицы, реже в других городах, где он важен для дорог, не проходящих через столицу. Нулевой километр отмечается табличкой или изображенным на земле знаком, а иногда статуей или стелой, или даже исторической достопримечательностью: дворцом, башней, мостом, может и просто жилым домом. В силу исторических причин нулевой километр часто попадает на главный почтамт города. В некоторых странах нулевой километр называют «нулевой точкой».

В настоящее время знаки нулевого километра можно увидеть не только в столицах, но и населенных пунктах, в которых происходили события, определявшие начало нового варианта течения истории, которое определялось сделанным в этих местах военным или торговым поворотом.

Такие знаки есть в разных странах, что позволяет говорить о том, что это артефакт стал частью общепринятого кода пространства. Камень нулевого километра в Будапеште представляет собой трехметровый вертикальный знак нуля (венг. „0” kilométerkő) в парке на площади Адама Кларка, перед самым въездом на Цепной мост. Этот знак маркировал разные периоды венгерской истории: когда-то он был в виде камня у замка Буда, фиксируя точку измерений расстояния до императорского и королевского дворца, а после бурных событий внешней середины XIX в. был перенесен к Цепному мосту. Греция сохраняет античную традицию обозначения центра, идущую от дельфийского омпала. И хотя в стране нет специального знака такого отсчета, общепринятой точкой измерения расстояний на материковой части страны выступает центральная площадь городов: район Омония (греч. *Ομόνοια*) в центре Афин, расположенный вокруг площади Омониас, в Салониках — площадь Аристотеля. Что касается островных городов, точкой отсчета считается центральный причал портов, откуда начинается отсчет расстояний в пределах этого островного населенного пункта. В Лондоне эта точка находится на Трафальгарской площади. В Испании, в Мадриде на площади Пуэрта-дель-Соль, рядом со зданием Дома Почты знак нулевого километра отмечает начало шести национальных радиальных автомагистралей, кото-

рые ведут из столицы в Страну Басков, Каталонию, Валенсию, Андалусию, Эстремадуру и Галисию. Знак представляет собой плиту размером 60×80 см из гранита и латуни с изображением силуэта Испании с национальными автомагистралями, гербами Колледжа инженеров-строителей каналов и портов (с мостом через канал, якорем, пересеченным цепью, и двумя ветвями) и Мадрида (старый вариант). Знак также служит для нумерации улиц Мадрида. Здание под номером 1 любой улицы находится ближе остальных к площади Пуэрта-дель-Соль. В столице Словакии, Братиславе, нулевой километр носит историческое название «Братиславский меридиан». Во Франции, в Париже нулевой километр находится перед Нотр-Дам-де-Пари. Есть нулевой километр и в Марселе, где он появился в 1926 г. на углу улиц Канебьер и Бельзюнс. Еще одна отметка нулевого километра «Дороги свободы» находится в городе Сент-Мер-Эглиз в Нормандии, рядом с которым была произведена высадка 82-й воздушно-десантной дивизии США 6 июня 1944 г. во время Второй мировой войны.

Их неевропейских государств у многих тоже появились обозначения нулевого километра. На территории Израиля еще с римских времен на площади в Старом городе Иерусалима стояла впоследствии снесенная колонна, от которой начинался отсчет расстояния до других городов. В XX в. нулевой километр оказался в Иерусалиме возле Яффских ворот. В 1898 г. в стену был установлен знак в честь германского императора Вильгельма II. Во время британского мандата на Палестину его убрали, и сейчас здесь нет никаких отметок о нулевом километре. В Таиланде нулевым километром является Монумент Демократии в Бангкоке. Есть нулевая миля — Zero mile stone — в Вашингтоне.

Практика установления нулевого километра имеется на постсоветском пространстве. В 1998 г. на Октябрьской площади в Минске был установлен памятный знак «Нулевой километр». В Казахстане отсчет расстояний республиканских дорог начинается от здания парламента страны, находящегося в Астане. На Украине нулевой километр, на котором написаны расстояния до всех крупных городов мира, находится в Киеве на площади Независимости (укр. Майдан Незалежності).

В России исторически сложилось так, что официальное расстояние между городами считалось от одного почтового отделения до другого. С 1714 г. верстовое отчисление по дорогам России шло от городского главного почтамта Санкт-Петербурга (Почтамтская улица, дом № 9), где расположен мраморный столб с «Нулевой верстой». Несколько верстовых знаков до сих пор можно встретить на Петергофской дороге и Киевском шоссе Санкт-Петербурга. С 1920-х гг. до 1959 г. официальной точкой отсчета расстояний по дорогам было здание Центрального телеграфа в Москве, а с 1959 г. им считалось здание мавзолея Ленина на Красной площади. В настоящее время бронзовый знак нулевого километра находится в про-

езде Воскресенские ворота, что соединяет Красную и Манежную площади. Он был установлен в 1996 г. по проекту архитектора Игоря Воскресенского, со скульптурным изображением работы скульптора Александра Рукавишников. Знак «Нулевой километр автодорог Российской Федерации» отмечает географические координаты: 55°45'20.82» северной широты и 37°37'03.47» восточной долготы. Место установки выбиралось из предложенных четырнадцати разных точек столицы. Первоначально задумывалось расположить знак на Красной площади на середине линии, соединяющей Мавзолей Ленина и ГУМ. Установленный знак нулевого километра, согласно принятому в 2007 г. Федеральному закону (статья 9. Исчисление протяженности автомобильных дорог), принимается за условную начальную точку отсчета протяженности автомобильных дорог, которые начинаются в столице Российской Федерации¹³. Парадоксально, но центр Москвы находится на километр севернее знака. А расстояние традиционно начинает свой отсчет от главной почты.

Постепенно идея нулевого километра проникает в другие сферы жизни, в том числе в гастрономию, где формируется концепция «Кухня нулевого километра» (*Km 0*), в рамках которой рестораны и кафе делают акцент на использовании местных и сезонных продуктов, произведенных в радиусе около 100 километров от заведения. Это движение, тесно связанное с философией *Slow Food* («медленная еда»), противопоставляется фастфуду и глобализированным цепям поставок. Его приверженцы ставят во главу угла качество, экологичность и поддержку местных производителей¹⁴. Суть концепции *Km 0* и ее преимущества заключаются в создании короткой и прозрачной цепочки от производителя к потребителю. А ее главными принципами и выгодами выступают: свежесть и вкус; поддержка местной экономики; забота об экологии, утверждение региональной идентичности¹⁵.

Нулевой километр — это гораздо больше, чем дорожный знак. Он должен восприниматься как символический «ноль» — точка, где абстрактная идея нации обретает конкретное, осязаемое начало, центр своего мира и источник своего пространства. Также он четко обозначает себя как геополитический «маркер», оказываясь инструментом конструирования, легитимации и визуализации национальной территории, утверждающий

13 Федеральный закон от 08.11.2007 N 257-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72386.

14 Терновая Л.О. Гастрономическая геополитика: монография. – М.: ИНФРА-М, 2025.

15 Багаева А.В., Терновая Л.О. Конструирование региональной идентичности в координатах пространства и времени // Этносоциум и межнациональная культура. 2012. № 10 (52). С. 11-17.

власть столицы и суверенитет государства над всем пространством, которое измеряется от этой точки. Таким образом, устанавливая нулевой километр, государство не просто измеряет расстояния, оно «зануляет» хаос и творит из него собственный, упорядоченный космос со своими правилами, иерархией и смыслами.

Библиографический список

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В.Г. Николаева. – М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001. 286 с.
2. Афанасьева В.В., Пилипенко Е.А. Онтология времени // Вестник ВолГУ. Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2014. № 4. (24). С. 6-14.
3. Багаева А.В., Терновая Л.О. Конструирование региональной идентичности в координатах пространства и времени // Этносоциум и межнациональная культура. 2012. № 10 (52). С. 11-17.
4. Вознесенский И.С. Пересечение часовых поясов: возможности и издержки деловых коммуникаций // Власть истории и история власти. 2019. Том 5. Часть 1. (№ 15). С. 28-41.
5. Вознесенский И.С. Тайм-менеджмент часовых зон: Уроки Большой Евразии // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 2. Ч. 2. РАН ИНИОН. Отд. науч. Сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М.: ИНИОН РАН, 2019. С. 87-92.
6. Вознесенский И.С. Темпоральная компонента организационной культуры // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 1(139). С. 20-28.
7. Вознесенский И.С. Темпоральный интеллект: от секрета овладения временем к эффективному управлению // Миссия конфессий. 2022. Т. 11. Часть 3 (№ 60). С. 90-97.
8. Гумилев Н.С. Открытие Америки // URL: <https://www.culture.ru/poems/39000/otkrytie-ameriki>.
9. Кулаков В.И. Каменные изваяния пруссов // Исторический формат. 2017. № 1-2. С. 151-169.
10. Лолор Р. Сакральная геометрия. Философия и практика. М.: Варфоломеев А.Д., 2010. 112 с.
11. Неаполитанский С.М., Матвеев С.А. Сакральная геометрия. – СПб.: Издательство института метафизики, 2004. 632 с.
12. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего. В переводе Н. Полилова // URL: <https://nietzsche.ru/userfiles/pdf/po-tu-storonu.pdf>.
13. Пилипенко Е.А. Концепт мифологического времени // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 6(51). С. 162-168.
14. Рабинович Е.Г. «Золотая середина»: к генезису одного из понятий античной культуры [о трактате Юлиана Отступника «К царю Гелиосу»] // Вестник древней истории. 1976. № 3 (137). С. 92-107.
15. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Мир, прочерченный линиями: к онтологии разграничений и связей // Миссия Конфессий. 2025. Том 14. Часть 7 (№88). С. 80-88.
16. Терновая Л.О. Гастрономическая геополитика: монография. – М.: ИНФРА-М, 2025. 243 с.
17. Терновая Л.О. Геополитический код дороги: от караванного пути до хайвея: монография. – М.: ИНФРА-М, 2021. 281 с.
18. Терновая Л.О. Историческое краеведение Крыма: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2025. 342 с.
19. Терновая Л.О. Камни силы и судьбы в структуре культурных кодов и властных отношений // Власть истории и история власти. 2024. Том 10. Часть 3. (№ 53). С. 2231.
20. Терновая Л.О. Эволюция социальной роли почты // Вестник экономических и социологических исследований. 2025. № 2. С. С. 48-57.
21. Терновая Л.О. Экосемантика геополитического пространства: монография. – М.: ИНФРА-М, 2020. 312 с.
22. Федеральный закон от 08.11.2007 N 257-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72386.

References

1. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism / Translated from English by V.G. Nikolaeva. – Moscow: Kanon-Press-C: Kuchkovo Pole, 2001. 286 p.
2. Afanasyeva V.V., Pilipenko E.A. Ontology of Time // Vestnik VolGU. Series 7: Philosophy. Sociology and Social Technologies. 2014. № 4. (24). P. 6-14.
3. Bagaeva A.V., Ternovaya L.O. Construction of Regional Identity in the Coordinates of Space and Time // Ethnosocium and Interethnic Culture. 2012. № 10 (52). P. 11-17.
4. Voznesensky I.S. Crossing Time Zones: The Potential and Costs of Business Communications // The Power of History and the History of Power. 2019. Vol. 5. Part 1. (№ 15). P. 28-41.
5. Voznesensky I.S. Time Management of Time Zones: Lessons from Greater Eurasia // Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation. Yearbook. Issue 2. Part 2. RAS INION. Department of Scientific Cooperation; Ed. V.I. Gerasimov. – Moscow: INION RAS, 2019. pp. 87-92.
6. Voznesensky I.S. Temporal Component of Organizational Culture // Ethnosocium and Interethnic Culture. 2020. № 1(139). P. 20-28.
7. Voznesensky I.S. Temporal Intelligence: From the Secret of Mastering Time to Effective Management // Mission of Confessions. 2022. Vol. 11. Part 3 (№ 60). P. 90-97.
8. Gumilyov N.S. Discovery of America // URL: <https://www.culture.ru/poems/39000/otkrytie-ameriki>.
9. Kulakov V.I. Stone Sculptures of the Prussians // Historical Format. 2017. № 1-2. P. 151-169.
10. Lawlor R. Sacred Geometry. Philosophy and Practice. – Moscow: Varfolomeev A.D., 2010. 112 p.
11. Neapolitansky S.M., Matveev S.A. Sacred Geometry. – St. Petersburg: Publishing House of the Institute of Metaphysics, 2004. 632 p.
12. Nietzsche F. Beyond Good and Evil. Prelude to the Philosophy of the Future. Translated by N. Polilov // URL: <https://nietzsche.ru/userfiles/pdf/po-tu-storonu.pdf>.
13. Pilipenko E.A. The Concept of Mythological Time // Bulletin of the Volga Region Institute of Management. 2015. № 6 (51). P. 162-168.
14. Rabinovich E.G. “The Golden Mean”: on the Genesis of One of the Concepts of Ancient Culture [on Julian the Apostate’s Treatise “To King Helios”] // Bulletin of Ancient History. 1976. № 3 (137). P. 92-107.
15. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. A World Drawn by Lines: Towards an Ontology of Demarcations and Connections // Mission of Confessions. 2025. Volume 14. Part 7 (№ 88). P. 80-88.
16. Ternovaya L.O. Gastronomic Geopolitics: Monograph. – Moscow: INFRA-M, 2025. 243 p.
17. Ternovaya L.O. Geopolitical Code of the Road: From Caravan Route to Highway: Monograph. – Moscow: INFRA-M, 2021. 281 p.
18. Ternovaya L.O. Historical Local History of Crimea: Textbook. – Moscow: INFRA-M, 2025. 342 p.
19. Ternovaya L.O. Stones of Power and Destiny in the Structure of Cultural Codes and Power Relations // The Power of History and the History of Power. 2024. Volume 10. Part 3. (№ 53). P. 2231.
20. Ternovaya, L.O. Evolution of the Social Role of the Post // Bulletin of Economic and Sociological Studies. 2025. № 2. P. 48-57.
21. Ternovaya L.O. Ecosemantics of Geopolitical Space: Monograph. – Moscow: INFRA-M, 2020. 312 p.
22. Federal Law of 08.11.2007 N 257-FZ (as amended on 31.07.2025) “On Highways and Road Activities in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72386.

Щупленков О.В.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин, ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», г. Ессентуки,

Щупленков Н.О.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин, ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», г. Ессентуки.

Реализация свободы творчества в образовании посредством работы международных институтов*

Аннотация. В статье авторами проведен детальный анализ факторов, обуславливающих автономию конституционной свободы преподавания и научной деятельности в рамках общей системы прав и свобод человека. Среди выявленных факторов следует выделить конституционную формализацию данных свобод, специфику их реализации, субъектный состав носителей, содержательные особенности, а также вариативность интерпретаций в контексте конституционно-правового регулирования и правоприменительной практики. Опираясь на обобщенный зарубежный опыт, авторы приводят дополнительные аргументы в пользу необходимости максимальной защиты профессиональной деятельности от произвольного и некомпетентного вмешательства со стороны государственных органов. Данный вывод подкрепляется анализом международных стандартов и практик, демонстрирующих значимость обеспечения автономии академической и научной сфер для устойчивого развития общества и поддержания высокого уровня профессионализма.

Ключевые слова: глобализм, концепции, модели, открытое общество, педагогика, цифровая грамотность, цифровые технологии, ЮНЕСКО.

Shchuplenkov O.V.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Law and Social Sciences, Stavropol State Pedagogical Institute, Essentuki.

Shchuplenkov N.O.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Law and Social Sciences, Stavropol State Pedagogical Institute, Essentuki.

Realization of creative freedom in education through the work of international institutions

* © Щупленков О.В., Щупленков Н.О., 2025.

Реализация свободы творчества в образовании посредством работы международных институтов

Abstract. In the article, the authors conducted a detailed analysis of the factors determining the autonomy of the constitutional freedom of teaching and scientific activity within the framework of the general system of human rights and freedoms. Among the identified factors, it is necessary to single out the constitutional formalization of these freedoms, the specifics of their implementation, the subject composition of the carriers, the content features, as well as the variability of interpretations in the context of constitutional and legal regulation and law enforcement practice. Based on generalized foreign experience, the authors provide additional arguments in favor of the need for maximum protection of professional activity from arbitrary and incompetent interference by government agencies. This conclusion is supported by an analysis of international standards and practices demonstrating the importance of ensuring the autonomy of academic and scientific fields for the sustainable development of society and maintaining a high level of professionalism.

Key words: globalism, concepts, models, open society, pedagogy, digital literacy, digital technologies, UNESCO.

Работа в компании на должности наемного работника не является выражением свободы и служит не красоте, а выгоде другого человека; речь идет о выгоде и осуществлении власти. Независимо от того, что наемные работники нанимают в качестве наемных работников – это не творческий подход. Это может снова превратиться в бизнес-модель, с помощью которой креативщики сами что-то делают или (если бизнес – это не их дело) продают идею компании, что снова необходимо компаниям, потому что сотрудники как сотрудники вряд ли могут быть креативными (это объясняет культуру стартапов).

С точки зрения, разработанной до сих пор модели создания учебных программ представляет интерес определения степени креативности создателя. Поскольку учебные программы в России принимаются государственными учреждениями, разработка учебных программ осуществляется в политической сфере. Таким образом, учебные программы – это выражение политической истины, а не выражение научной истины.

В настоящее время в Европе преследуются две политические истины. Концепция медиа и информационной грамотности (медиа и информационная литература, MIL) и концепция цифровых навыков (DigComp). И то, и другое – не научные подходы, а концепции, разработанные в политической сфере. Это необходимо подчеркнуть здесь, поскольку оба подхода часто путают с научными подходами или неосторожно помещают в научный контекст (например, в качестве «теоретической» основы исследований).

В глобальном масштабе концепция цифровой грамотности представлена, прежде всего, Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Тот факт, что ОЭСР в первую очередь касается рынка труда, подтверждает следующее определение: «Обеспечение того, чтобы каждый обладал необходимыми навыками для все более цифрового и глобализированного мира, имеет важное значение для продвижения инклюзивных

рынков труда и стимулирования инноваций, производительности и роста» [16]. С точки зрения людей, работающих в ОЭСР, основное внимание уделяется инновационным и продуктивным действиям в компаниях. При этом учитывается заинтересованность компаний в получении прибыли.

В этом же контексте «Навыки 21-го века» являются актуальным ключевым словом наряду с DigComp [8]. Это означает не только «тяжелые навыки», но и формулировка «мягкие навыки», также отвечающая интересам рынка труда. Дело не только в том, чтобы иметь возможность использовать цифровые технологии, но и в том, чтобы в том числе и о «благополучии», то есть способности при этом чувствовать себя хорошо. Это требует терпимости, сочувствия и настойчивости в духе, сформулированном в «Навыках 21-го века». Привитие этих ценностей позволяет людям чувствовать себя хорошо при использовании цифровых технологий, что приводит к ощутимо более высокому уровню производительности.

Поскольку эти положения также цитируются во многих научных исследованиях в качестве теоретической основы, необходимо еще раз напомнить, что речь идет не о научно обоснованной теоретической основе, а об экономической и политической позиции. «Навыки 21-го века» подразумевают вполне измеримые значения, которые также измеряются от имени ОЭСР, в частности, в рамках исследования Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся PISA (Programme for International Student Assessment) [12]. Исследование PISA используется для определения того, являются ли опрошенные люди конкурентоспособными на рынке труда.

Эта точка зрения представлена в Европе главным образом Объединенным исследовательским центром (JRC) Европейской комиссии от имени Генерального директората по вопросам образования, молодежи, спорта и культуры Европейской комиссии (DG EAC). В 2013 году JRC представил проект под названием «DIGCOMP: основа для развития и понимания цифровой компетенции в Европе, которая была принята во многих европейских странах [13]. Концепция включает в себя множество тем, начиная от поиска информации и заканчивая адекватной коммуникацией с помощью цифровых носителей позволяющих решать технические проблемы. Каталог неоднократно обновлялся и в настоящее время также находится в процессе доработки. При этом принципиальная ориентация не была и не будет изменена. Это неудивительно, поскольку Европейский Союз был основан как экономическое сообщество, а Европейская комиссия рассматривает его как экономическое сообщество (а не как социальное сообщество).

Концепция DigComp была представлена ЮНЕСКО через два года после публикации Концепции медиа- и информационной грамотности (MIL) и может рассматриваться как контрпроект концепции MIL [5]. Даже в слу-

чае с концепцией ЮНЕСКО разъяснение ее намерений требует небольшой работы по интерпретации. В концепции говорится: «В статье 19 Всеобщей декларации прав человека говорится ‘что» Каждый имеет право на свободу мнений и их свободное выражение; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своего мнения и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи посредством средств массовой информации и информационной грамотности (МИ) наделяя граждан компетенциями, необходимыми для поиска и полного использования преимуществ этого фундаментального права человека» [17]. Таким образом, речь идет о правах человека, которые существуют независимо от политических, экономических или религиозных интересов.

Концепция ЮНЕСКО представлена в ЕС национальными контактными центрами ЮНЕСКО и, прежде всего, Советом Европы. Совет Европы, отвечающий за защиту прав человека в Европе, опубликовал несколько заявлений по этому поводу. Особое внимание уделяется праву людей «использовать Интернет для участия в демократической жизни» [1] и праву на свободу выражения мнений. При этом также делается упор на поддержку качественной журналистики посредством обучения медиаграмотности и информационной грамотности без ущерба для прозрачности информации, что называется качественной журналистикой, часто нарушаемой компаниями. Но особое внимание уделяется независимой журналистике. Под этим подразумеваются некоммерчески организованные предприятия и, с участием в демократической жизни, что также вызывает негативное общественное выражение.

Эту точку зрения также поддерживает Группа экспертов по медиаграмотности Европейской комиссии, которая работает в DG CNECT (Генеральный директорат по коммуникационным сетям, контенту и технологиям) [2]. Члены Экспертной группы по медиаграмотности направляются соответствующими министерствами стран-членов (т.е. администрациями, а не правительствами).

При сравнении концепции DigComp с концепцией МИЛ прежде всего следует отметить, что концепция МИЛ была введена в действие решениями Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций вновь подтвердила свою позицию в отношении разъяснения прав детей в цифровом мире. С другой стороны, ни позиция ОЭСР, ни концепция DigComp ни в коей мере не учитывались при выработке демократических норм. Европейская комиссия, как известно, воздержалась от представления концепции DigComp в Европейский парламент, который до сих пор неоднократно позиционировал себя на стороне подхода ЮНЕСКО и отдавал предпочтение концепции МИЛ, что кажется логичным для института, понимаемого как демократический институт [6].

Примером методов, используемых для защиты интересов, связанных с концепцией DigComp, является текущая разработка JRC коммерческого сертификата DigComp (Digital Competence Framework for Citizens) от имени DG EAC; процедура, которая уже была принята и внедрена в различных странах. Метод заключается в предоставлении школам платных сертификатов с аргументом, что учащиеся улучшат свои шансы на рынке труда, если они смогут продемонстрировать сертификацию. Даже если поначалу этого было мало для принятия сертификата образовательными учреждениями, но, все равно приносящая прибыль, которая реинвестируется в маркетинговые усилия, которые могут быть использованы для убеждения большего числа школ пройти сертификацию.

Это метод, который уже используется в области цифровых медиа для создания Европейской лицензии на управление компьютерами (ECDL) был успешно реализован. Консорциум PISA также использует эти метод [11]. Таким образом, экономические интересы обеспечиваются экономическими средствами в педагогической практике. При этом одновременно исключаются педагогические интересы.

Наряду с различием в легитимации понятий существуют содержательные возражения. Примечательно, что концепция MIL, представленная ЮНЕСКО от имени Организации Объединенных Наций, прямо указывает на реализацию критического мышления при участии в процессах формирования демократической воли и творческом самовыражении [3]. Именно эти аспекты отсутствуют в концепции ОЭСР. В концепции DigComp нет ни критической медиа-грамотности (*critical media literacy*), ни участия в политических процессах. В концепции DigComp действительно используется термин креативность. Но под творчеством понимается деятельность, направленная на получение прибыли от бизнеса, а не творчество в интересах красоты и ради самого дела. Также называется участие. В случае с концепцией DigComp это явно означает, что люди участвуют в государственных программах, получая от государства онлайн-услуги при использовании установленных правил, например, для подачи налоговых деклараций [14]. Это не означает участия в публичных дебатах или демократических процессах.

Помимо этих двух политических позиций, существует третья позиция, которая имеет отношение к медиаобразованию. Эта третья позиция обычно обозначается модным словом кибернетика. Существенным в данном контексте является то, что с точки зрения людей, занимающих кибернетическую позицию, во-первых, поведением человека можно управлять точно так же, как машинами, а во-вторых, можно рассчитать, что произойдет в будущем. Для обоих эти обстоятельства не могут быть смоделированы, потому что в моделях используются только известные можно моделировать, ясно показывая, что эта позиция ведет к самопротиворечивости и,

следовательно, не может быть научно обоснована. Поэтому термин «Религия данных» – датаизм (dataism) [15] вполне уместен с позиции разработанности математической модели. Однако тот факт, что будущее научное развитие невозможно предсказать, и это обстоятельство невозможно смоделировать, поскольку в моделях можно смоделировать только известное, ясно показывает, что эта позиция противоречит самой себе и, следовательно, не может быть поддержана с научной точки зрения.

В сфере образования, во-первых, это управление учебными процессами с помощью систем, основанных на искусственном интеллекте или моделях анализа данных, в которых такое отношение становится проблематичным. Проблема заключается не в том, чтобы использовать модели для информирования об образовательных решениях, а в том, чтобы оставить решение на усмотрение людей. Это проблематично, когда образовательные решения принимаются на основе моделей, создаваемых машинами. Потому что в таких моделях не может быть ни самообразования, ни открытости к будущему что должно быть принято во внимание.

Вера в эффективность и результативность использования цифровых технологий типична для людей, придерживающихся религии данных средствами массовой информации в педагогике. Это делается для оценки того, становится ли обучение более эффективным и действенным при использовании цифровых медиа – близость к позиции ОЭСР очевидна. Однако после многих тысяч попыток и многих десятилетий исследований ясно доказано, что это не так [4]. Использование цифровых носителей не приводит к заметному повышению эффективности или результативности преподавания.

Тот факт, что достаточно сфальсифицированный тезис о том, что цифровые медиа могут повысить эффективность и результативность обучения, все еще поддерживается и изучается, показывает, что это религиозное убеждение, а не производное, основанное на научных теориях [7]. Последнее также потерпело бы неудачу уже потому, что не существует педагогической теории, из которой можно было бы вывести этот тезис. Потому что религиозные убеждения нельзя фальсифицировать (Религия – это не наука), также не нужно верить, что тезис неверен, даже если известно, что тезис был достаточно сфальсифицирован [9].

Следует помнить, что цифровые технологии очень хорошо работают в средах, созданных для цифровых технологий. Однако, когда цифровые технологии используются в средах, которые не были созданы для цифровых технологий или которые не были адаптированы к цифровым технологиям, это не так. Это не так уже потому, что не только будущее неизвестно, но и настоящее не полностью известно и понято и не может быть полностью известно и понято. Но, в частности, с помощью алгоритмов можно моделировать только то, что известно.

Теперь, когда цифровые технологии становятся религиозным эталоном, возникает интерес к адаптации к окружающей среде – а в среде цифровых технологий есть люди – адаптирующиеся к цифровым технологиям, а не наоборот. Это верно и в контексте образования: когда ценность цифровых технологий, а не ценность людей, ставится во главу угла, необходимо адаптировать учащихся к цифровым технологиям, чтобы это работало хорошо [10].

Учащиеся теперь вполне способны адаптироваться к цифровым технологиям. Тот факт, что многие люди сами не осознают, что у них все хорошо, но их нужно учить чувствовать себя хорошо, напоминает о том, что люди могут вести себя как машины, и это также может иметь смысл и законно во многих ситуациях. Однако в полном смысле этого слова люди не делают себя людьми.

Здесь напрашивается очевидный ответ: педагоги должны действовать только в соответствии с той максимой, с помощью которой они могут в то же время желать, чтобы она стала всеобщим законом. Если люди видят свою ценность в превращении себя в машины, то делать это всеобщим законом неправдоподобно уже потому, что машины, которые таким образом становятся эталоном, были созданы людьми, которые не придерживались этого принципа (в противном случае людям, вероятно, пришлось бы превратиться в паровые машины). То, что человек не должен превращаться в машину, ни в коем случае не означает этого. Если человек хочет стать человеком-машиной, он может это сделать. Но ясно, что принуждать других делать то же самое недопустимо.

Когда люди видят свою ценность прежде всего в том, чтобы быть полезными для бизнеса, становится ясно, что позиция ОЭСР является предпочтительной. Ситуация здесь аналогична ситуации с машинами: когда люди видят свою ценность в маркетинге, обобщение не обходится без проблем. Если человек хочет стать рыночным человеком, он легко может это сделать. Но ясно, что заставлять других делать то же самое недопустимо.

Экономические ценности как единственная мера также проблематичны, поскольку кризисы недавнего прошлого напомнили, что, хотя предпринимательская позиция, несомненно, актуальна и важна, она не является общим законом для всех людей. При этом интересными уже в рамках экономической дискуссии являются анализы капитала в XXI век, к экономике с нулевыми предельными издержками или экономике с отрицательными процентными ставками. Но еще более важным является тот факт, что рынки без законодательных рамок не работают, и поэтому законы не могут устанавливаться рынками.

Здесь важно то, что использование экономических ценностей в качестве педагогических ценностей не только нарушает право педагогических ценностей, но и придает экономическим ценностям религиозный статус, и

поэтому возникают религиозные конфликты, но не педагогические решения – и при этом подрываются экономические интересы.

Решающая проблема в педагогике называется открытостью к будущему. Открытость к будущему является одним из фундаментальных столпов педагогического теоретического образования и важной основой педагогической деятельности. Проблема в том, что мы не знаем будущего. Это обсуждается в педагогике в двух аспектах: один аспект заключается в том, что будущее не может быть выведено из прошлого. Хотя люди могут согласиться и действовать предсказуемо, а затем сделать это, но это необходимо не. И это было бы неразумно, потому что вести себя так, как в известном прошлом, в будущем, которое было развито таким образом, что привело к непредвиденным событиям, вероятно, не имеет смысла.

Даже с точки зрения статистической теории невозможно предсказать единичный случай на основе вероятностей. Но если случай по-прежнему склонен менять свое мнение и может быть творческим, то любая попытка предсказать будущее по прошлому бесполезна.

Другой аспект заключается в том, что теоретически невозможно обосновать, каким должно быть будущее. Хотя существует множество теоретических обоснований определенного и абсолютно желательного будущего – именно это показывает, что невозможно систематически выбирать между этими обоснованиями, какое из них является правильным.

Здесь снова становится актуальным движение, в данном случае движение между представлениями о будущем, благодаря которому человек может поставить себя в положение, позволяющее ему самому решать, какого будущего он хочет. Когда человек принимает решение о будущем, он может вести переговоры с другими людьми с этой позиции и формировать будущее вместе с другими людьми.

Педагогический ответ на проблему открытости будущему заключается в следующем: общее образование. Учитывая проблему открытости будущему, лучшее, что можно сделать сегодня, – это научить людей максимально полно развивать свои способности таким образом, чтобы можно было надеяться, что люди смогут действовать и формировать различные варианты будущего.

Одним из аспектов общего образования является то, что следует поощрять интерес к самообразованию, поскольку это увеличивает способность справляться с аспектами будущего, на которые вообще нельзя было рассчитывать. Следовательно, общая дидактика всегда связана с обучением методическим навыкам (а не только с применением методов обучения). Разнообразие методов – это не только лучший способ решения проблемы открытости к будущему, но и повод для движения между методами и, следовательно, для самообразования.

Возможность самообразования теперь присутствует в одном из вари-

антов концепции ОЭСР, а затем и в концепции DigComp. Потому что в этих концепциях подчеркивается готовность продолжать учиться и узнавать что-то новое. Это включает в себя готовность участвовать и в новых начинаниях. Уже одно это позволяет выявить общие интересы двух изначально противостоящих здесь позиций. Обучение различным методам обучения служит как поводом для формирования личности, так и основой для участия в конкурентной борьбе на рынке труда. Формирующаяся в этом случае связь, которая может быть мотивирована тем, что в каждом конкретном случае ценность человека находится в центре внимания; дилетантизм заключается в противопоставлении одного другому и, таким образом, принесении в жертву классовой борьбе синергетических эффектов, которые могут возникнуть в результате сотрудничества.

Проблема открытости к будущему по-прежнему стоит на втором плане концепции ОЭСР. Потому что особое внимание уделяется использованию потенциала новых технологий для будущих разработок. В этом случае всегда упоминаются известные области, такие как робототехника или Интернет вещей. Но тот факт, что даже непредвиденные события могут быть актуальными, вполне укладывается в рамки этого рассуждения. Учитывать это таким образом, чтобы создавать новые вещи в игровом, творческом подходе к цифровым технологиям, в любом случае имеет смысл (и, если вы, потому что в экономическом смысле хотите поспорить с международной конкуренцией, возможно, особой сильной стороной западных обществ). Тот факт, что даже творчески разработанные идеи впоследствии могут быть использованы для создания успешных бизнес-моделей, вполне совместим с идеей самообразования. Потому что в творческом акте люди свободны, когда результат не должен быть товарным. Так что самообразование возможно. И если результат окажется впоследствии выигрышным, это не повредит самообразованию.

Тот факт, что творческий подход к цифровым технологиям требует умения обращаться с цифровыми технологиями, указывает на третью линию компромисса. Потому что, например, чтобы творчески разрабатывать технологии или программное обеспечение, сначала необходимо немного узнать о состоянии технологий и разработке программного обеспечения (исключая редкие случаи универсальной гениальности). Результат этого учебного процесса поддается измерению. И содержание, которое занимает центральное место в этом процессе, прямо включено, например, в понятие медиаграмотности в измерениях медиаискусства и использования медиа.

Для этого достаточно наблюдать за уроком или опросить учащихся, например, получили ли они задания, подходящие для стимулирования образовательного движения. Можно также спросить, использовали ли учащиеся это для самообразования, но это можно измерить только по тому, могут ли учащиеся притворяться образованными на языке опроса, а не по

тому, являются ли они образованными или образованы. Но даже с учетом этого ограничения такое измерение может быть подходящим поводом для учителей задуматься над своим учением и, в немалой степени, сформировать себя, особенно если они сами разрабатывают и проводят измерение и им это не предписано.

Для того чтобы использовать потенциал предлагаемых компромиссов, необходимо установить в педагогической практике приоритет педагогических ценностей, который будет положен в основу решения о том, какие из экономических, кибернетических, политических или религиозных ценностей совместимы с педагогическими ценностями и по этой причине должны быть учтены в педагогической практике, принятый в качестве основы для принятия решения о том, какие из экономических, кибернетических, политических или религиозных ценностей совместимы с педагогическими ценностями и по этой причине должны быть приняты в педагогической практике.

Тот факт, что экономические, кибернетические, политические и религиозные ценности не просто совместимы, а представляют собой конкурирующие системы ценностей, показывает, что в любом случае педагогическая практика требует учреждения, которое ответственно выбирает между ценностями и в то же время должно быть оценено с учетом ценностей. В демократических теориях это также называется разделением властей.

То, что эта инстанция не может систематически выступать посредником между системами ценностей и, следовательно, нуждается в суверенной позиции, логично. Требуемая таким образом суверенная позиция снова является суверенной только в том случае, если занимающие ее лица обладают не только правом выбора, но и правом предложения. Однако на практике необходимо учитывать право быть принятым, потому что другие не могут предоставить его по систематическим причинам.

Конечно, если люди придерживаются экономических или кибернетических убеждений, примат педагогических ценностей для педагогической практики является неприемлемой провокацией, поскольку в обоих случаях речь идет о монотеистических религиях, а боги в монотеистических религиях не терпят богов рядом с собой. Так что о разделении властей не может быть и речи. В этом случае полезно помнить, что, во-первых, люди не рождаются с верой, а сами развивают свою веру в течение жизни. Именно это и делают другие люди тогда признание тоже может показаться вполне разумным.

С педагогической точки зрения цель состоит в том, чтобы побудить образованных людей делать именно это, то есть предоставить другим людям право определять и формировать себя, если они того пожелают. При этом речь может и должна идти о послушании, исполнении долга и удовлетворении общественной потребности (Кант назвал это частным использо-

ванием разума). И это может и должно касаться творчества, демократии, свободы слова и самоопределения (это, по мнению Канта общественное использование разума). Свободное выражение своего мнения в демократических дебатах и выполнение своего долга (в том числе вопреки собственному мнению) – это не противоречие, а выражение свободной воли людей, связанных друг с другом в человечестве. Разумные, просвещенные действия всегда подразумевают компромисс между индивидуальными и общественными интересами. Превращение участия в переговорах о компромиссах в эталон педагогической деятельности равносильно ответственному подходу к цифровым технологиям в сфере образования.

Тот факт, что в настоящее время предпочтение отдается концепции МП ЮНЕСКО, учитывающей рынок труда и права человека, по сравнению с концепцией DigComp ОЭСР, направленной на борьбу с классом, является временной проблемой, которую в любом случае легко преодолеть в педагогической практике: достаточно работать с концепцией МП.

Библиографический список

1. Баранова М.В. Канселинг (cancel culture) как инновационный правокультурный феномен // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 123-128.
2. Богданов Д.А. Соотношение российского и международного законодательства в области образования // Молодой ученый. 2018. № 33 (219). С. 87-89.
3. Бородин Д.А. Культурная дипломатия в международных отношениях // Вестник МГИМО. 2010. № 1. С. 52–55.
4. Бурнашева Л.Ю. Зарубежный опыт реализации образовательных программ с использованием дистанционного обучения // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей StudNet. 2020. Т. 3. № 3. С. 407-412.
5. Головина Г.В. Международное культурное сотрудничество: аспекты социально-культурного и правового регулирования // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2014. № 4 (148). С. 122-150.
6. Ефремова Н.Ф., Месхи Б.Ч., Шведова С.В. Обеспечение качества образования в условиях европейской интеграции: монография. – Ростов-на-Дону: ДГТУ. 2018. 174 с.
7. Жигачева А.П. Культурные ценности: система ценностных ориентаций // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2020. № 2. С. 12-22.
8. Кулешко М.Я. Межмуниципальное сотрудничество: зарубежный и отечественный опыт // Альманах «Крым». 2022. № 33. С. 56-66.
9. Ло Порто Дж. Культурная дипломатия: построение сети международного сотрудничества // Государственная служба. 2020. № 1 (123). С. 50-59.
10. Махаматов Т.М. Глобальная цивилизация и эффективность культурной политики как «мягкой силы» // Век глобализации. 2021. № 4. С. 12-23.
11. Ростова М. В. Свобода преподавания и творчества в системе конституционных прав и свобод человека и гражданина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2016. – Нижний Новгород. С. 160-165.
12. Сазонникова Е.В. Границы свободы творчества в культурной сфере // Культура: управление, экономика, право. – М.: Издательская группа «Юрист». 2016. С. 32-35.
13. Фомина М.Г., Агаркова Д.А. Генезис системы образования в странах совета европы: процесс формирования болонской системы // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. –Т. 10. № 3. С. 161-168.
14. Халилова О.Я. Свобода творчества и свобода преподавания: области и точки пересечения // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 4 (359). Вып. 41. С. 26-30.

15. Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. – М.: 2022. 496 с.
16. Шапорева Д.С. Конституционное право человека и гражданина на свободу творчества в России: монография / Д.С. Шапорева; под редакцией В.Т. Кабышева. – 2-е изд. – Саратов: Ай Пи Эр Медиа. 2019. 125 с.
17. Wilson C., Grizzle A., Tuazon R., Akyempong K., Cheung Chi-Kim. Media and Information Literacy. Curriculum for Teachers. Paris, France: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. 2011. 192 p.
18. Чебарев В.В. О некоторых вопросах подготовки офицеров в офицерской артиллерийской школе (ОАШ) в начале XX века // Власть истории – История власти. 2025. Том 11. Часть 5. № 63. С. 147-154.

References

1. Baranova M.V. Cancel culture as an innovative legal-cultural phenomenon // Legal technique. 2021. № 15. P. 123-128.
2. Bogdanov D.A. The relationship between Russian and international legislation in the field of education // Young scientist. 2018. № 33 (219). P. 87-89.
3. Borodin D.A. Cultural diplomacy in international relations // MGIMO Bulletin. 2010. № 1. P. 52-55.
4. Burnasheva L.Yu. Foreign experience in implementing educational programs using distance learning // Scientific and educational journal for students and teachers StudNet. 2020. Vol. 3. № 3. P. 407-412.
5. Golovina G.V. International Cultural Cooperation: Aspects of Socio-Cultural and Legal Regulation // Bulletin of Adyge State University. Series: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies. 2014. № 4 (148). P. 122-150.
6. Efremova N.F., Meskhi B.Ch., Shvedova S.V. Ensuring the Quality of Education in the Context of European Integration: Monograph. Rostov-on-Don: DSTU. 2018. 174 p.
7. Zhigacheva A.P. Cultural Values: A System of Value Orientations // Actual Problems of Aviation and Cosmonautics. 2020. № 2. P. 12-22.
8. Kuleshko M.Ya. Inter-municipal cooperation: foreign and domestic experience // Almanac "Crimea". 2022. № 33. P. 56-66.
9. Lo Porto G. Cultural diplomacy: building a network of international cooperation // Civil service. 2020. № 1 (123). P. 50-59.
10. Makhamatov T.M. Global civilization and the effectiveness of cultural policy as "soft power" // The age of globalization. 2021. № 4. P. 12-23.
11. Rostova M.V. Freedom of teaching and creativity in the system of constitutional rights and freedoms of man and citizen // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. – Nizhny Novgorod. 2016. P. 160-165.
12. Sazonnikova E.V. The Boundaries of Creative Freedom in the Cultural Sphere // Culture: Management, Economics, Law. – Moscow: Izdatelskaya Gruppya "Yurist". 2016. P. 32-35.
13. Fomina M.G., Agarkova D.A. Genesis of the Education System in the Council of Europe Countries: The Formation of the Bologna System // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2015. Vol. 10. № 3. P. 161-168.
14. Khalilova O.Ya. Creative Freedom and Freedom of Teaching: Areas and Points of Intersection // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. № 4 (359). Issue 41. P. 26-30.
15. Harari Yu.N. Homo Deus. A Brief History of the Future. – Moscow: 2022. 496 p.
16. Shaporeva D.S. Constitutional right of man and citizen to freedom of creativity in Russia: monograph / D.S. Shaporeva; edited by V.T. Kabyshev. – 2nd ed. – Saratov: IPR Media. 2019. 125 p.
17. Wilson C., Grizzle A., Tuazon R., Akyempong K., Cheung Chi-Kim. Media and Information Literacy. Curriculum for Teachers. Paris, France: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. 2011. 192 p.
18. Chebarev V.V. On some issues of officers' training at the officers' artillery school (OASH) at the beginning of the 20th century // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 5. № 63. P. 147-154.

Баглиева А.З.

Доктор философских наук. Заведующий кафедрой социогуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет имени Р. Гамзатова».

Проблема личности в исламе и критика ее атеистической интерпретации*

Аннотация. Разнообразные процессы, происходящие в современном мире имеют своим следствием угрозы для свободного развития личности, что, в конечном итоге, неминуемо приводит к дегуманизации. В итоге, не находя ответы на свои вопросы, молодежь обращается к религии и религиозным ценностям. В статье автор акцентирует внимание на том, что гуманистическая сущность религии часто сама по себе испытывает необходимость в своеобразной экспликации, в том числе и в исламе. В мусульманской религии содержится два главных положения, тесно связанные с личностью и ее проблемами. Это, во-первых, Бог обезличенный и второе – незабываемый догмат, не подлежащий никакому сомнению – предопределение. Автор выделяет основные и главные проблемы, содержащиеся в исламе – проблема взаимоотношений между Богом и человеком; взаимоотношения между человеком и обществом.

Ключевые слова: исламская антропология, христианская антропология, гуманизм, божественное предопределение, поклонение, свобода воли.

Baglieva A.Z.

Doctor of Philosophy. Head of the Department of Socio-Humanitarian Disciplines of the Dagestan State Pedagogical University named after R. Gamzatov.

The problem of personality in Islam and criticism of its atheistic interpretation

Abstract. The various processes taking place in the modern world have as a consequence threats to the free development of the individual, which ultimately inevitably leads to dehumanization. As a result, not finding answers to their questions, young people turn to religion and religious values. In the article, the author emphasizes that the humanistic essence of religion often itself has a need for a kind of explication, including in Islam. The Muslim religion contains two main provisions that are closely related to the individual and their problems. This is, firstly, an impersonal God, and secondly, an unshakable dogma that cannot be questioned: predestination. The author highlights the main issues in Islam: the relationship between God and man, and the relationship between man and society.

* © Баглиева А.З., 2025.

Проблема личности в исламе и критика ее атеистической интерпретации

Key words: islamic anthropology, Christian anthropology, humanism, divine predestination, worship, and free will.

Чтобы ответить на главные вопросы, содержащиеся в исламе - проблема взаимоотношений между Богом и человеком; взаимоотношения между человеком и обществом, ученые должны определиться с магистральной фундаментальной мировоззренческой и методологической траекторией по отношению к рассматриваемым вопросам. Мы считаем, что атеистический подход, претендующий на научную объективность при решении данных проблем, не является состоятельным, он не вникает в глубину, а только лишь касается поверхностных аспектов. Атеистический подход с самого начала пронизан попытками доказать антинаучность какой-либо религии, включая и ислам, он осуждает религиозный гуманизм, ссылаясь на его ограниченность. Эти ученые применяют сомнительный методологический прием и бессистемно и произвольно подбирают отдельные, нужные им отрывки цитат из Корана, они искусственно делают большой акцент на формальных противоречиях, которые неизбежно возникают между ними с целью обоснования главных положений своей атеистической теории. Подобное софистическое и механистическое применение эклектического подбора информации в качестве аргументов имеет неизбежным следствием искажение истинной сущности и содержания мусульманского исламского гуманизма, также становится невозможным транслировать его своеобразную социокультурную основу.

Главный тезис атеистической интерпретации исламского гуманизма заключается в том, чтобы подвести его под универсальное и безликое понятие узкого, примитивного и нерационального религиозного гуманизма, всегда беспредельно превозносящего Бога и принижающего роль и значение человека, который понимается исключительно как беспомощный раб Божий. К примеру Ю. Петраш считал, что «распространение исламским религиозным духовенством “высоких” идеалов гуманизма, якобы характерных исключительно для ислама, является тенденциозным. Не существует такой религии, которая бы возвышала человека, все религии считают человека богозависимым существом, и в конечном итоге, его рабом”. Так происходит и в исламе, где людям отказывается в праве быть свободным и независимым создателем собственного общественного и индивидуального существования» [2]. 148 Человек является творением Аллаха – вседержителя и создателя мира. Главным смыслом жизни человека является покорение воле Аллаха и исполнение его предписаний. Петраш писал, что Коран насквозь пронизан тезисами величия Аллаха и принижением людей. «В Коране нет ни одного аята, возвеличивавшего

человека. Наоборот, человек понимается “колеблющимся, торопливым, малодушным и слабым” (4, 32), и малодушным (70, 19–20)» - пишет Петраш. Таким образом, Аллах превращается в абсолютный и великий, в то время как человек - - ничтожный, маленький, несовершенный и слабый» [2]. Однако, мы не согласны с мнением автора по причине того, что возвеличивание Бога нельзя механически сводить к принижению роли и значения людей. Критика атеистами исламского гуманизма также предполагает понимание Бога, как отчужденной сущности человека. Петраш отмечал, что, в исламе содержится большое количество утверждений антропоморфизации Аллаха. Так, в Коране часто упоминается, что «вполне закономерно, что составление “лика Аллаха” происходило при помощи придания ему человеческих черт, или антропоморфизации, т.е. без придания ему человеческих черт. Он считает, что в Коране Аллах подобно людям «слышит и видит, повелевает, наказывает и гневается». Одновременно превознесение кумира требовало и соответствующего представления о его качествах. Все это приводит к отчуждению от человека его лучших качеств в пользу образа Аллаха» [2]. При этом Петраш неуклюже пытается осуществить неправомерную интерпретацию фундаментального положения ислама, заключающуюся в незыблемости тезиса о неантропоморфности Бога и его принципиальном отличии от человека. Одновременно Петраш отмечает и некоторую степень общечеловеческого гуманизма исламской идеологии. Он считает, что в исламе гуманизм отождествляется с такими моральными качествами, как формирование стремления к свободе и ответственность перед окружающим обществом, чувство собственного достоинства. Так называемый научный атеизм акцентирует внимание на том, содержащиеся в Коране определенные морально-этические нормы являются отражением специфики и своеобразия раннеарабского социума, напрямую намекая на их временную неактуальность и необходимость модернизации, забывая о том, что эти нормы в течении почти тысячелетней истории наглядно демонстрировали свою эффективность и актуальность. Подобное толкование нравственной сущности мусульманской религии грубо искажают истинное содержание гуманистического характера ислама. Атеисты механически сводят ислам к универсальным общечеловеческим нормам и ценностям, таким образом п они пытаются увести нас от доминирующего содержания ислама, установить который возможно только лишь путем выведения из внутренней сущности мусульманской теологии и антропологии, то есть из сущности Аллаха и человека, и их взаимоотношений, которые ни в коем случае не сводятся к примитивному: господин – раб, как утверждают атеистически настроенные исследователи. Таким образом, атеистический подход к пониманию исламского гуманизма и антропологии является абсолютно не состоятельным по причине того, что характери-

зуются изначальной мировоззренческой предвзятостью и он, очевидно, далек от науки.

Сравнительный анализ христианской и мусульманской антропологии

Другим направлением изучения проблемы сущности исламского гуманизма является сравнение исламского и христианского гуманизма. Поначалу такой путь представляется более продуктивным, так как изначально не содержит антирелигиозной установки. Однако, не так все просто, так как здесь скрывается внутреннее межконфессиональное противоречие, другими словами - различие между исламской религиозной культурой и христианской. По нашему мнению, основная методологическая ошибка здесь заключается в попытке с позиций христианской культуры переосмыслить такие фундаментальные понятия, как - Бог, свобода, раб и т.д. Рассмотрим основные моменты этого сравнительного анализа. Во-первых, это прежде всего понимание природы и сущности Бога. В христианской религии Бог понимается как совершенная сверхличность или персонифицированный дух. В постулате о богочеловеческом содержании Христа и триединстве Бога подчеркивается, что Бог есть антропоморфное существо и предстает перед человеком в прямом диалоге как личность. В мусульманской же религии Бог категорически не антропоморфен. Более того, он вообще неопишуем в терминах какого-либо внешнего облика. В исламе Бог есть духовная реальность самого высокого уровня, к которой невозможно применить критерии, используемые при описании людей, или вообще какого-либо природного или материального объекта. Таким образом, для человека внутренняя сущность Бога абсолютна непознаваема. «Аллах один, и нет для Него сотоварищей, для Него нет пары; Аллах вечен, для Него нет ни начала, ни конца, Аллах всегда существовал и будет существовать вечно, Аллах всегда управлял и будет управлять в идеальном порядке всем, что было создано Им. Аллах не умирает, Он всегда живой. Аллах все видит и слышит. Правоверные увидят Аллаха на том свете. Все хорошее и плохое происходит только по воле Аллаха, при этом Аллах недоволен, когда Его рабы совершают злые поступки. Аллах всемогущий и всезнающий, всевидящий и всеслышащий. Аллах пречист от всего материального, он не имеет ни формы, ни величины, Он не состоит из частей, и не занимает места в пространстве. Таким образом, Аллах не похож ни на одно из Своих творений Аллах имеет власть над всей Вселенной, Он является создателем всего сущего» [10]. Из главного отличия в осмыслении природы Бога между исламом и христианством закономерно следует и коренное отличие в осмыслении природы человека и в формировании взаимоотношений между Богом и человеком. В христианстве люди носят внутри себя образ Божий. Человек подобен

Богу телесно и духовно, в этом и заключается отличительная особенность христианского гуманизма. Человек наделяется телесными и духовными свойствами Бога, такими как разум, бессмертие души, свобода выбора, тем самым происходит укрепление в божественной сущности. В результате в христианстве под категорию личности подводится божественная онтологическая основа. «Христианская антропология акцентируется на том, что личностью человек становится по причине исключительно собственной богообразности» [9]. Сложившиеся различия в осознании природы человека имеет закономерным следствием существенные отличия в осознании главного – отношения между Богом и людьми в исламской и христианской антропологии. В христианской религии человек понимается как сын Божий, как его имеющая погрешности копия, поэтому здесь человек и подвергается греховности. Именно в силу этой причины здесь перед людьми открываются возможности и перспективы нравственного совершенствования, искупления грехов и приближение к идеалу – Богу, слияние с Богом в богочеловечестве - пике и конце всемирной истории. Христианская религия ориентируется на постоянное внутреннее духовное самосовершенствование людей посредством веры и при наличии прямой поддержки Бога. В исламе же существует неизблемое положение, что человек есть раб Аллаха, выполняющий по воле Аллаха определенную миссию. Внутри людей Бога нет и Аллах наделяет их некоторыми отдельными и схожими с собственными, качествами. «В соответствии с тем в какой мере и степени Всевышний Аллах наделил людей, они имеют слух, волю, знания, зрение, разум, речь. Однако, все перечисленное истинно исключительно только во Всевышнем Аллахе. Люди же - Его творения, изменчивы, непостоянны, временны и относительно, одним словом, не являются вечными» [10]. Именно в силу этого в человеке изначально заложена и присутствует греховность. Поэтому в исламе отсутствует упор на тезисе внутреннего духовного и нравственного совершенствования и росте личности. Миссия человека состоит в том, чтобы быть заместителями Бога на Земле и в обязательном порядке он должен строго следовать на пути исполнения Его воли, всем своим существованием и поступками люди должны поддерживать, реализовывать и воплощать в жизнь установленные Аллахом порядки и законы. Именно в силу этого исламская антропология нацелена на реализацию человеком установленной для него роли на земле, в отличие от христианской антропологии отсутствует корректировка и постижение божественной сущности человека. «Исламская антропология реализуется в трех направлениях: во-первых, каким образом люди должны организовывать свои отношения с Богом, во-вторых, каким образом люди должны отличать добро и зло, в-третьих, каким образом люди должны найти спасение» [1]. Мораль и нравственность христианской антропологии направлена на внутреннее

совершенствование личности и ее духовный рост, в исламской антропологии мораль и нравственность направлены вне человека, она концентрируется на воплощение и реализацию людьми в своей земной жизни определённых Аллахом миссии и заповедей. Идеал человека в исламской религии представляется как простая характеристика системы внешних черт идеального мусульманина, при этом отсутствует углубление и детализация его самосознания и внутреннего духовного мира. «В Коране указывается на то, чтобы быть истинным мусульманином человек должен неукоснительно соблюдать все основные столпы ислама и полностью исполнять предписания шариата» [9].

Другой круг вопросов, решение которого в корне различается в исламской и христианской антропологии касается проблемы нравственной и моральной ответственности людей и свободы воли. В христианской антропологии свобода воли и свобода выбора, персональная ответственность людей представляют собой первоначальный божий дар, внутреннее содержание богоподобных людей. Напротив, в исламской антропологии морально-нравственный аспект изначально не содержится внутри человека и личности, он находится вовне в виде порядка, установленного Аллахом. Люди свободны от того, что им предстоит сделать самостоятельный сложный выбор, люди не должны решать вопросы различения добра и зла. Ответственность людей перед Аллахом заключается в том, чтобы строго и неукоснительно следовать установленным нормам Аллаха. 154 В исламе нравственность, этика и мораль рассматриваются в зависимости от уровня того, насколько люди соблюдают и придерживаются установленных Аллахом норм. В исламской и христианской антропологии интерпретация и понимание природы греха также коренным образом различаются между собой. Так, в исламе большим грехом считается несоблюдение божьих законов и веры в Аллаха, а также неисполнение его основных, незбылемых и необходимых заповедей. Исламская теология делит грехи мусульман на большие и малые. Самым тяжелым и большим грехом является отступничество от веры Аллаха и от мусульманской общины. Все остальные грехи считаются не принципиальными, малыми грехами, и эти малые грехи автоматически не исключают человека из числа правоверных. В исламской антропологии также отсутствует такая категория, как «общечеловеческий грех», в отличие от христианства, где присутствует первородный грех, которым обременены люди и его искупление невозможно без искупительной жертвы Христа. В исламе грех каждого человека это только его грех и «души людей не являются полем битвы добра со злом», мораль и этика людей не реализуются в преодолении изначально присущего всем людям собственного злого начала» [8, с. 62].

Проведенный нами сравнительно-исторический анализ исламской и христианской антропологии дает возможность более глубокого и деталь-

ного осмысления своеобразия и особенностей исламской антропологии. Такой анализ расширяет возможности для определения характерных социокультурных отличий исламской и христианской антропологии, однако выявление таких отличий является начальным этапом закрепления выше означенных особенностей. Более продуктивная реконструкция сущности исламского гуманизма может быть реализована посредством реконструкции своеобразия исламской антропологии из самих глубин мусульманской культуры, а не привнесенными извне методами. Такой путь заключается прежде всего в выявлении характерного исламского социокультурного пласта фундаментальных понятий, таких как - Бог, свобода, раб Бога, человек. В этом случае особенности мусульманского решения основных вопросов – свобода и божественное предопределение, смысл жизни человека, Бог и человек, личность и общество – может быть разрешена по сути адекватно. Причем для уяснения сущности исламского гуманизма необходимо начинать с анализа ключевого отношения – Бог – человек. Другими словами, отталкиваясь от этого базового отношения, следует последовательно реконструировать позицию исламского гуманизма, выражающуюся в специфической постановке проблемы природы человека и смысла его жизни и вытекающих отсюда специфических решений. Понятие человека в исламской антропологии определяет категория «раб Бога». При этом, в мусульманской культуре термин «раб» имеет совершенно другое значение, по сравнению с европейской. В мусульманстве рабы не являлись примитивным и униженным слоем общества, не имеющие никаких прав, они не были объектом беспредельной власти господина, так как это было в европейской культуре. Рабы обладали правами, установленными мусульманским законом. Ислам требовал гуманного отношения к рабам и одобрял освобождение рабов. В силу этого в исламской антропологии слово «раб» не означало личную несвободу и тотальную зависимость от господина. Слово «раб» в исламе означает необходимость «почитания и поклонения». Вследствие этого понятие «раб» несет позитивный смысл. В мусульманской религии быть рабом Аллаха тождественно активному осознанному поклонению Аллаху, раб – это не угнетенное, бесправное и безвольное создание. Слово «свобода» в исламской антропологии не есть положительное противоположное понятие слову «раб», наоборот, содержание слова «свобода» имеет негативное значение и расценивается как уклонение от поклонения Аллаху, то есть оно рассматривается, как свобода от закономерного, правильного, истинного, закономерного и отклонение от подлинного пути, то есть свобода сама по себе не содержит истину» [8, с. 65]. Пояснив социокультурное значение понятий «раб Аллаха» и «свобода», мы логически закономерно приблизились к характерному содержанию исламского антропологического гуманизма, который считает назначением человека - поклонение

Аллаху, заключающееся в созидательном, позитивном, активном, вполне осознанном поведении человека по следованию установленному Аллахом порядку. Таким образом, фундаментальной морально-этической ценностью в исламе является активная творческая деятельность людей, ежедневно реализующих служение и поклонению Аллаху. Наряду с тем, что человек постоянно осуществляет поклонение Аллаху, он также ответственен перед ним за все свои поступки перед Аллахом. «Настоящее служение Аллаху заключается в предназначении и ответственности человека» [8, с. 69]. Таким образом, в исламской антропологии мораль, нравственность и гуманизм не представляют собой формальные и поверхностные проявления, просто они отличаются от существующих в европейской и христианской культуре и носят своеобразный, специфический характер. На первом плане находится «рабское» (особенное, характерное для арабской культуры понимание) в отличие от морального совершенствования, как единственного пути, позволяющего вернуться к Богу на основе Богоподобия, присущее христианской антропологии. В центре исламского гуманизма находится по сути добровольное, свободное поклонение наивысшему божественному порядку посредством мирской активной и творческой деятельности. «Человек несет большую ответственность, реализуя свое предназначение в качестве наместника Бога на Земле. Для того, чтобы люди имели возможность правильно и достойно выполнять свою такую высокую миссию, Аллах создал человека как высшее существо среди всего живого... Аллах сотворил людей для того, чтобы они для почитали Господа и поклонялись ему постоянно, Аллах создал людей, чтобы они жили праведной и благочестивой жизнью, Аллах оказал людям высокое доверие предоставив ему право быть Его посланником и наместником на Земле. От Всевышнего Аллаха люди получили необыкновенный подарок – это возможность выбирать свои поступки и свободу воли...» [5, с. 18, 20].

Для того, чтобы определить особенность и специфику исламского гуманизма мы должны внимательно вникнуть в сущность положения Божественном предопределении всего сущего, включая и поведение людей. Необходимо правильно пояснить этот тезис, не искажая его содержание и истинный смысл, исключить поверхностные не глубокие комментарии типа того, что если существует предопределение всего Аллахом, то автоматически нивелируется свобода воли и выбора как фундаментальные основы морали и нравственности. Предопределение в исламе, конечно, не тождественно расслабленности намерений, поступков и действий людей, люди в исламской антропологии не являются инертным инструментом Аллаха. Смысл предопределения заключается совсем в другом. Всевышний Аллах предопределил мировой порядок природную сущность людей и миссию человека на земле – это сохранение и поддержание

этого порядка, который выражается в поклонении Аллаху. Этим самым Аллах predetermined также потребность самостоятельной активной жизнедеятельности людей, их морально-нравственной и этической ответственности за этот выбор. личная ответственность, сопряженная с этим служением или уклонением от него, – это все в область самостоятельной моральной активности истинного мусульманина входит морально=этическая деятельность человека и поклонение Аллаху. Реализуя свою миссию, то есть служение Аллаху, люди могут выбирать и несут ответственность за свой выбор. Исламская антропология предоставляет человеку право выбора даже в таких вопросах, как выбор веры и религии, так, в одном из аятов Корана говорится, что нет принуждения в религии. «Всевышний Аллах создал такой мир, что люди всегда имеют свободный выбор между Аллахом и шайтаном, имеется ввиду, выбор между добром и злом. В философской науке жизнь людей представляет собой перманентный выбор между рациональным, разумным и глупостью, необразованностью, между трудолюбием и ленью, между жадностью и щедростью» [11, с. 167]. Таким образом, мы приходим к выводу, что исламская антропология заключается в активном, деятельном гуманизме – главном методе поклонения и служения Аллаху.

Исламский антропологический гуманизм вовсе не отрицает необходимости нравственного совершенствования личности, он придает четкие ориентиры морально-этическому и нравственному самосовершенствованию человека. Вместе с тем, он также акцентирует свое внимание на необходимость совершенствования земного мира, непрестанной борьбы добра со злом, которое представляет собой итог искушений людей несовершенством земного мира и врожденной слабостью. Ислам дарит людям в этой борьбе незыблемую нравственную основу и фундамент – веру в Аллаха и поклонение ему. Исламский гуманизм в культуре ислама представляет собой сильное духовное средство противостояния антигуманным явлениям современной эпохи.

Библиографический список

1. Журавский А.В. Представления о человеке в Коране и в Новом Завете // URL: <http://mission-center.com/islams/zhur.htm>
2. Петраш Ю. Человек в исламе // URL: <http://libelli.ru/works/petrash.htm>
3. Поломошнов А.Ф., Поломошнов П.А. Творчество и гуманизм: альтернативные концепции // Вестник Донского государственного аграрного университета. 2014. № 3 (13). С. 124-136.
4. Поломошнов А.Ф. Проблема творчества и постмодернистский кризис культуры // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 695.
5. Равиль Гайнутдин. Ислам. Вера. Милосердие. Терпимость. – М.: 1997. 157 с.
6. Равиль Гайнутдин // Ислам минбаре (Трибуна ислама). 2000. № 4.
7. Равиль Гайнутдин. Ислам есть смирение собственной воли перед волей Алла ха // Ислам минбаре (Трибуна ислама). 2014. № 13 (231).
8. Смирнов А.В. Нравственная природа человека: Арабо-мусульманская традиция // Этическая мысль: Ежегодник. – М.: Институт философии РАН, 2000. С. 46-70.

9. Фарапонова М.А. Компаративистский анализ понимания личности в православии и исламе // URL: http://teoria practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnalna /2014/19/philosophy/faraponova.pdf
10. Фахрудин М. Всевышний Аллах – что мы обязаны знать о нем? // URL: www.islam.ru/content/veroeshenie/43436
11. Якупов М.Т. Социально-философский анализ проблемы предопределенности в исламе в контексте экстремизма // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2009. № 1. С. 164-169.
12. Березовская А.А., Сабурова Н.А. Митигация в речи адвоката как средство воздействия (на материале избранных речей Федора Никифоровича Плевако) // Власть истории – История власти. 2025. Том 11. Часть 4. № 62. С. 12-19.
13. Байханов И.Б. Корпоративное образование: смыслы и отличия от общего или дополнительного образования // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 298-306.
14. Попов С.И. Магия чисел как важная ступень перехода от мифа к логосу в ранней античности // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 6. № 87. С. 107-112.

References

1. Zhuravsky A.V. Concepts of Man in the Koran and the New Testament // URL: <http://mission-center.com/islams/zhur.htm>
2. Petrash Yu. Man in Islam // URL: <http://libelli.ru/works/petrash.htm>
3. Polomoshnov A.F., Polomoshnov P.A. Creativity and Humanism: Alternative Concepts // Bulletin of the Don State Agrarian University. 2014. № 3 (13). P. 124-136.
4. Polomoshnov A.F. The Problem of Creativity and the Postmodern Crisis of Culture // Modern Problems of Science and Education. 2014. № 5. P. 695.
5. Ravil Gainutdin. Islam. Faith. Mercy. Tolerance. – Moscow: 1997. 157 p.
6. Ravil Gainutdin // Islam minbare (Tribune of Islam). 2000. № 4.
7. Ravil Gainutdin. Islam is the humility of one's own will before the will of Allah ha // Islam minbare (Tribune of Islam). 2014. № 13 (231).
8. Smirnov A.V. Moral nature of man: Arab-Muslim tradition // Ethical thought: Yearbook. – М.: Institute of Philosophy RAS, 2000. P. 46-70.
9. Faraponova M.A. A Comparative Analysis of the Understanding of Personality in Orthodoxy and Islam // URL: http://teoria practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnalna /2014/19/philosophy/faraponova.pdf
10. Fakhrudin M. Allah Almighty – What Are We Obligated to Know About Him? // URL: www.islam.ru/content/veroeshenie/43436
11. Yakubov M.T. A Social and Philosophical Analysis of the Problem of Predestination in Islam in the Context of Extremism // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2009. № 1. P. 164-169.
12. Berezovskaya A.A., Saburova N.A. Mitigation in a lawyer's speech as a means of action (based on selected speeches of Fyodor Nikiforovich Plevako) // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 4. № 62. P. 12-19.
13. Bayhanov I.B. Corporate education: meanings and differences from general or additional education // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 298-306.
14. Popov S.I. The magic of numbers as an important step in the transition from myth to logos in early antiquity // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 6. № 87. P. 107-112.

Абазалиева М.М.

Кандидат политических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин. Северо-Кавказская государственная академия.

Эволюция взаимодействия государства и религиозных организаций в России*

Аннотация. Одной из важнейших составляющих российской истории являются государственно - церковные (позже государственно-конфессиональные) отношения, предопределившие основные этапы развития не только российской государственности, но и правовой системы. В государственно-конфессиональных отношениях в России очень много традиционного, сознательно воспроизводимого, причем это отражается и в деятельности государственных органов, и в общественном сознании. Религиозная многоконфессиональность народа является неоспоримым духовным и политическим богатством России. Складывавшаяся веками в России традиция взаимодействия государства и религиозных организаций не только сохраняется, но и развивается. Данные отношения регулируются различными правовыми нормами, которые устанавливают государственный режим Российской Федерации и правовой статус религиозных организаций.

Ключевые слова: религиозные организации, государство, государственно-конфессиональные отношения, Конституция Российской Федерации.

Abazalievа M.M.

Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities. North Caucasus State Academy.

Evolution of interaction between the state and religious organizations in Russia

Abstract. One of the most important components of Russian history is the state-church (later state-confessional) relations, which predetermined the main stages of development not only of Russian statehood, but also of the legal system. There is a lot of traditional and consciously reproduced content in Russia's state-religion relations, which is reflected both in the activities of government agencies and in public consciousness. The religious diversity of the Russian people is an undeniable spiritual and political asset of Russia. The centuries-old tradition of cooperation between the state and religious organizations in Russia is not only preserved but also developed. This relationship is regulated by various legal norms that establish the state regime of the Russian Federation and the legal status of religious organizations.

* © Абазалиева М.М., 2025.

Эволюция взаимодействия государства и религиозных организаций в России

Key words: religious organizations, state, state-religious relations, Constitution of the Russian Federation.

Осуществление гражданами конституционных прав, обеспечивающих свободу мировоззрения и вероисповедания, подразумевает наличие и функционирование разнообразных религиозных организаций. Они представляют собой стабильные групповые образования, обладающие собственными целями, задачами и функциями, а также инструментами для их достижения. И.А. Куницын предлагает трактовать государственно-конфессиональные отношения как комплекс исторически формирующихся и эволюционирующих моделей взаимодействия между государственными органами власти и местного самоуправления Российской Федерации, с одной стороны, и религиозными конфессиями или отдельными религиозными объединениями, действующими в пределах страны, с другой [1, с. 132]. Взаимодействие государства и религиозных организаций основывается как на законодательстве страны, так и на внутренних религиозных правилах. Тем не менее, в правовом поле светского государства применяются исключительно государственные законы, так как внутренним религиозным установлениям государство не присваивает юридическую силу. В российской истории взаимодействия государства с религиозными объединениями М.Л. Воронкова предлагает выделить три периода, связанные с историей православия и других конфессий в России, с особенностями их правового статуса: первый период связан с государственным статусом Русской православной церкви, второй – атеистический, третий период, когда в России был установлен режим светского государства. [2, с. 77]. О влиянии православия на формирование конкретных особенностей правовой традиции в России, становлении в XIX в. различных институтов права под влиянием фактора многоконфессиональности, формировании церковного права, представляющего собой совокупность правовых норм, определяющих статус церквей, а также права и обязанности духовного сословия, подданных (граждан) в зависимости от отношения к ним, с включением канонического права и государственных установлений в отношении религиозных организаций пишет А.А. Дорская, выделяя в системе церковного права: внешнее право Церкви, содержащее вопросы правового регулирования взаимоотношений с государством и другими церквями и религиозными союзами; внутреннее право Церкви, включающее проблемы устройства Церкви (вступление в Церковь, личный состав церковного общества, органы церковной власти) и церковного управления (церковно-процессуальные вопросы, освящающие власть Церкви, церковно - имущественное право) [3, с. 17]. Веками складывавшаяся в России традиция взаимодей-

ствия государства и религиозных организаций не только сохраняется, но и развивается. Как и раньше, в современном законодательстве есть прямые ссылки на церковные каноны религиозных организаций, которые в свою очередь включают в свои уставные и программные документы положения о сотрудничестве с государством. Российский опыт показывает, что государственно-конфессиональные отношения могут быть построены только на началах равноправия, поскольку опасны как подчинение религиозных организаций государству (в случае системного кризиса происходит разрушение и государственных, и религиозных структур), так и обратная ситуация, которая может нарушить согласие в многонациональной и многоконфессиональной стране. Рассматривая государственно-церковные отношения в современной России следует отметить, что они возникают по ряду различных направлений и вопросов: социальная помощь, образование, сохранение культурных ценностей и т. д. Данные отношения регулируются различными правовыми нормами, которые устанавливают государственный режим Российской Федерации и правовой статус Русской православной церкви как религиозной организации, порядок их взаимодействия, правовой режим церковного имущества, сферы деятельности церковных организаций и т. д. Н.В. Михайлова обращает внимание на то, что область государственно-церковных отношений регулируется широким кругом как законных, так и подзаконных нормативных правовых актов, при этом государство также, уважая внутренние установления РПЦ, требует, чтобы такие установления соответствовали закону, но анализ рассмотренных подзаконных актов и актов регионального уровня позволяет определить проблему скрытого несоответствия ряда норм Конституции РФ в силу неоднозначности понимания принципов свободы совести и светскости государства [4, с. 104]. Анализируя современное состояние, А.А. Тимофеева подчеркивает, что возрождение религии в России активизировало вовлеченность и проникновение религиозных организаций, видных представителей РПЦ в сферу политики, образования, международных отношений и культуры. Главная задача в этих условиях – принятие концепции, определяющей взаимодействие Российского государства и церкви, в основе которой – взаимная помощь, поддержка и партнерство. Данные элементы могут стать основой современных государственных отношений только при условии дальнейшей их проработки и нормативного обеспечения на основе исторического опыта [4, с. 364]. В современной России основные направления взаимодействия государства и церкви определяются Конституцией Российской Федерации и сложившимися традициями, в соответствии с которыми можно выделить несколько ключевых принципов государственно - религиозных отношений: светский характер и нейтральность государства; равное и уважительное отношение государства к традиционным конфессиям; обеспечение взаимного уважения и

веротерпимости. Как отмечал В.В. Путин, «государство с уважением относится ко всем традиционным и иным религиям, являющимся для многих наших граждан духовной опорой. И потому крайне важно, чтобы в обществе сохранялись межрелигиозный мир и согласие» [6, с. 91].

Российская Федерация – одно из крупнейших государств мира, отличающееся многообразием национальностей и религиозных верований, где религиозные организации занимают важное место в жизни общества и опираются на богатую историю. Историческое прошлое России, включающее православие, ислам, буддизм и другие религии, оказало существенное влияние на формирование культурной и духовной самобытности нации, а также на эволюцию государственной политики и правовых норм. В условиях обострения проблем экстремизма и радикализма, зачастую спекулирующих на религиозных чувствах, государство должно предпринимать шаги для недопущения вовлечения религиозных организаций в противоправную деятельность, одновременно гарантируя соблюдение прав и свобод законопослушных граждан, исповедующих религию. Нахождение равновесия между необходимостью обеспечения безопасности и уважением к правам человека является важнейшей задачей современного правового регулирования, направленного на дальнейшее развитие взаимодействия государства и религиозных организаций.

Библиографический список

1. Куницын И.А. Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы / И.А. Куницын. – Москва: Православ. дело: Отчий дом, 2000. 460 с.
2. Воронкова М.Л. История взаимодействия государства и религиозных объединений в России // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 3. С. 77-85.
3. Дорская А.А. Государственно-конфессиональные отношения в контексте российской правовой традиции // Юридическая наука. 2016. № 1. С. 16-22.
4. Михайлова Н.В. Правовое регулирование государственно-церковных отношений в России // Юридическая наука. 2017. № 3. С. 101-104.
5. Тимофеева А.А. Взаимоотношения российского государства и церкви: история и современность // Baltic Humanitarian Journal. 2020. Т. 9. № 4 (33). С. 364-367.
6. Камалова А.А. Основные направления и особенности государственно-религиозных отношений в современной России // Вест. Моск. Ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2018. № 6. С. 90-97.

References

1. Kunitsyn I.A. Legal Status of Religious Associations in Russia: Historical Experience, Features, and Current Issues / I.A. Kunitsyn. – Moscow: Pravoslav. delo: Otchiy dom, 2000. 460 p.
2. Voronkova M.L. History of Interaction between the State and Religious Associations in Russia // Leningrad Law Journal. 2012. № 3. P. 77-85.
3. Dorskaya A.A. State-Conфессионаl Relations in the Context of the Russian Legal Tradition // Legal Science. 2016. № 1. P. 16-22.
4. Mikhailova N.V. Legal Regulation of State-Church Relations in Russia // Legal Science. 2017. № 3. P. 101-104.
5. Timofeeva A.A. Relations between the Russian state and the church: history and modernity // Baltic Humanitarian Journal. 2020. Vol. 9. № 4 (33). P. 364-367.
6. Kamalova A.A. Main directions and features of state-religious relations in modern Russia // Vest. Moscow University. Series 12. Political sciences. 2018. № 6. P. 90-97.

Аджиева З.И.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры государственных и административно-правовых дисциплин. Юридический институт Северо-Кавказской государственной академии.

Эльдарова А.А.

Ассистент кафедры информатики и вычислительной математики. Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева.

Токова С.И.

Старший преподаватель кафедры экономики и прикладной информатики. Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева.

Проблемы правового обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних в условиях цифровой трансформации общества*

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы правового обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних в цифровой среде. Выделяются ключевые вызовы, связанные с ростом цифровых угроз, отсутствием единой и актуальной нормативной базы, а также необходимостью формирования у детей информационной культуры и ответственности в использовании информационно-коммуникационных технологий. Автор анализирует пробелы в законодательстве, указывает на важность внедрения новой Концепции информационной безопасности детей, правового закрепления категории «цифровой представитель» и цифровой зрелости ребенка. Особое внимание уделяется вопросам дистанционного обучения, роли семьи, школы и государства в защите детей от деструктивного воздействия информационного пространства. В заключение подчеркивается необходимость комплексного и межведомственного подхода для формирования правовой среды, способствующей безопасному и гармоничному развитию детей в цифровом обществе.

Ключевые слова: информационная безопасность, несовершеннолетние, цифровая среда, правовое регулирование, цифровая культура, цифровая зрелость, цифровой представитель, кибербезопасность, защита детей, дистанционное обучение, цифровые технологии, информационная культура, цифровые угрозы, кибербуллинг, персональные данные, правовая культура, нормативно-правовая база.

Adjieva Z.I.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of State and Administrative Legal Disciplines. Law Institute of the North Caucasus State Academy.

* © Аджиева З.И., Эльдарова А.А., Токова С.И., 2025.

Проблемы правового обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних в условиях цифровой трансформации общества

Eldarova A.A.

Assistant of the Department of Informatics and Computational Mathematics. Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliev.

Tokova S.I.

Senior Lecturer of the Department of Economics and Applied Informatics. Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliev.

Problems of legal support for information security of minors in the context of the digital transformation of society

Abstract. This article addresses the problems of legal support for the information security of minors in the digital environment. Key challenges are highlighted, related to the growth of digital threats, the absence of a unified and up-to-date regulatory framework, and the need to develop information culture and responsibility in children when using information and communication technologies. The authors analyze gaps in legislation, emphasizing the importance of adopting a new Concept for the Information Security of Children, the legal consolidation of the category “digital representative,” and the digital maturity of the child. Special attention is paid to issues of distance learning, the roles of family, school, and government in protecting children from destructive influences in the information space. In conclusion, the necessity of a comprehensive and interdepartmental approach to creating a legal environment conducive to the safe and harmonious development of children in a digital society is stressed.

Key words: information security, minors, digital environment, legal regulation, digital culture, digital maturity, digital representative, cybersecurity, child protection, distance learning, digital technologies, information culture, digital threats, cyberbullying, personal data, legal culture, regulatory framework.

В эпоху цифровой трансформации все сферы жизни, включая отношения с несовершеннолетними, активно меняются под воздействием ИКТ и цифровых технологий. Цифровая трансформация – это глобальный переход всей деятельности в цифровое пространство, включающий внедрение технологий в экономику, образование и другие сферы. Цифровизация – это лишь технологический этап, подготовительный к более качественным изменениям. Важной задачей является формирование у детей правовой культуры и навыков безопасного использования ИКТ, а также развитие системы информационных прав для защиты интересов несовершеннолетних в цифровом пространстве.

Правовая культура в современном информационном пространстве должна выходить за рамки простого разделения на допустимое и недопустимое. Она включает формирование у несовершеннолетних ответствен-

ного поведения, знание своих обязанностей при использовании ИКТ и цифровых технологий, а также развитие навыков информационной безопасности и цифровой гигиены. Важной задачей является создание правил и стандартов, которые формируются не только законодательно, но и через образовательные, информационно-просветительские и психолого-педагогические меры [4].

Государство, образовательные учреждения и другие организации должны совместно работать над повышением уровня цифровой зрелости детей, чтобы снизить их уязвимость к угрозам в сети, сформировать у них правильное восприятие виртуального мира и обеспечить их безопасность. Особое внимание уделяется развитию культуры информационной безопасности как корпоративной, так и личной, а также профилактике ложного ощущения полной безопасности у несовершеннолетних в интернете. В целом, цель – воспитание у детей осознанного и безопасного использования цифровых технологий в соответствии с возрастом и индивидуальными особенностями.

С.Н. Дорофеева, А.М. Вуйцик считают, что «формирование информационной культуры у младших школьников базируется на двух ключевых компонентах: развитие системно-информационной картины мира и информационно-технологической компетентности. Первый компонент предполагает наличие целостных теоретических знаний, умение обобщать и абстрагировать информацию. Второй – овладение навыками самостоятельной обработки, организации и моделирования информации с помощью информационных технологий, включая работу с компьютером» [6].

В контексте правовой культуры и формирования цифровой зрелости важную роль играет развитие компетенций, связанных с пониманием пользовательских соглашений, соблюдением условий использования сайтов и приложений, знанием прав и обязанностей в сфере персональных данных, а также осознанием рисков и угроз при распространении личной информации. Формирование таких компетенций считается одним из важнейших направлений воспитания культуры информационной безопасности у несовершеннолетних.

Особое значение имеет мотивация детей к обучению этим навыкам, а также взаимодействие между детьми, родителями, педагогами и государством. В условиях быстрого развития цифрового пространства модели поведения подростков меняются, поэтому необходимо создавать универсальные и гибкие модели поведения. Д.А. Бистяйкина отмечает, что перемещение общения подростков в интернет-среду и изменение роли родителей влияют на систему отношений, что требует адаптации подходов к воспитанию и формированию правовой культуры в цифровой сфере [3].

Для формирования у современных детей цифровой зрелости необходимо изменить подход к их информационному развитию, переходя от не-

ограниченного и бесконтрольного потребления контента к осознанному взаимодействию с информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ). Важным аспектом является развитие у несовершеннолетних понимания себя как активных участников информационного пространства, обладающих правами и обязанностями, а не просто потребителей информации. Также необходимо внедрение механизмов фильтрации контента, чтобы обеспечить безопасность и предотвратить негативное влияние чрезмерного потребления информации.

Процесс формирования правовой культуры в этой сфере является сложным и длительным, на него влияют множество факторов, среди которых риск развития правового нигилизма. В рамках совершенствования системы правового обеспечения информационной безопасности детей предлагается улучшать понятия в области информационного права, разрабатывать новые нормативные акты и механизмы ответственности за нарушения, а также создавать стратегические документы и межгосударственные модели законодательства.

По мнению Т.И. Сустиной, в целом, предложенные меры на развитие у несовершеннолетних компетенций для ответственного поведения в цифровом пространстве, что повышает их осознанность, безопасность и цифровую зрелость. В правовом обеспечении информационной безопасности детей важны три аспекта:

1. реализация их конституционного права на развитие (ст. 67.1 Конституции РФ) для полноценного роста в цифровой среде;
2. устранение задержек в утверждении новой Концепции информационной безопасности детей, необходимой для согласованной стратегии и взаимодействия между ведомствами;
3. укрепление статуса и юридической силы нормативных актов, определяющих «информационные права несовершеннолетних» – совокупность норм для создания, использования и защиты информации, реализуемых с учётом цифровой зрелости ребёнка и помощи «цифрового представителя» [11].

В стратегическом документе предлагается определить цели и задачи, проанализировать состояние правового регулирования, разработать базовые понятия (например, «информационная безопасность», «деструктивное воздействие», «информационная уязвимость»), а также виды угроз и принципы правового регулирования в этой сфере. Необходимо также рассмотреть уровни деструктивного воздействия, основы дистанционного образования в условиях пандемии COVID-19, а также систему полномочий органов власти по обеспечению безопасной цифровой среды. Важной частью является разработка механизмов профилактики деструктивных воздействий и минимизации их влияния на развитие несовершеннолетних.

Для поддержки стратегии предлагается внести изменения в нормативные акты: дополнить подпункт «б» пункта 21 Основ государственной политики [5] в сфере стратегического планирования и расширить полномочия «цифрового представителя» по мониторингу информации, доступной детям. Важным аспектом является развитие системы информационных прав несовершеннолетних, балансирующих между правом на информацию и необходимостью защиты. Необходимо сформировать систему информационно-правовых норм, закрепляющих права детей в цифровой среде, а также принять стратегию информационной безопасности несовершеннолетних. Важна роль образовательных программ для формирования навыков анализа и фильтрации информации. Также предлагается закрепить в законе о персональных данных, что обработка данных несовершеннолетних возможна с 14 лет.

Обработка персональных данных несовершеннолетних должна считаться законной при наличии согласия «цифрового представителя», при этом операторы обязаны принять меры для подтверждения его получения. В закон также предлагается дополнить статью о необходимости мониторинга информационного оборота и доступа детей к информации через «цифрового представителя».

В рамках правового обеспечения важную роль играет взаимодействие семьи, педагогов и государства в процессе социализации детей в информационно-цифровом пространстве. Особое внимание уделяется развитию информационной культуры, навыков анализа и фильтрации информации у несовершеннолетних, а также профилактике негативных последствий киберсоциализации через системную работу с детьми, родителями и педагогами.

В.А. Типунова, В.П. Хомякова, Д.С. Казарова исследуют роль интернета как важного социокультурного феномена и социального института, оказывающего значительное влияние на социализацию старших школьников. Он подчеркивает, что для эффективного использования потенциала интернета в воспитании необходимо системное применение знаний о киберонтологии личности, феноменологии киберсоциализации и киберпедагогике. Важной задачей является создание условий для позитивной социализации подростков в сети, а также профилактика негативных последствий киберсоциализации через психолого-педагогическую работу с детьми, их родителями и педагогами [12].

Они отмечают, что взаимодействие между этими субъектами в настоящее время недостаточно отражено в нормативных документах. Основные правовые основы регулируют использование информационных технологий в образовании, такие как Гражданский кодекс РФ, Семейный кодекс РФ и Федеральный закон «Об образовании». В частности, часть 1 статьи 16 Закона об образовании определяет понятие электронного обучения –

организации образовательной деятельности с применением информационных технологий и телекоммуникационных сетей.

Особое внимание уделяется развитию дистанционного обучения, которое активно внедрялось во время пандемии COVID-19. В этот период возникли организационно-правовые и технические проблемы, связанные с переходом на онлайн-форматы обучения. В. С. Кружилин подчеркивает необходимость правового регулирования этого процесса для обеспечения его эффективности и безопасности. Таким образом, развитие системы взаимодействия педагогов, родителей и детей в условиях цифровой среды требует дальнейшего совершенствования нормативной базы и системных подходов к воспитанию и образованию подростков в интернете [8].

Часть 1 статьи 16 закона регулирует взаимодействие между двумя субъектами – обучающимся (в данном случае – несовершеннолетним) и педагогом – в рамках электронного обучения. Однако в нормативных документах не раскрыты особенности такого взаимодействия, что создает определенные пробелы в регулировании процесса. Порядок применения электронных образовательных технологий, утвержденный Министерством образования РФ, допускает возможность проведения занятий без очного присутствия и непосредственного взаимодействия между участниками.

При этом наблюдаются проблемы в правовом обеспечении взаимодействия в цифровой среде. По мнению экспертов, в России отсутствует единая система нормативных актов, которая бы обеспечивала надежную правовую защиту несовершеннолетних от рисков, таких как кибербуллинг, кибергруминг, манипуляции сознанием, игровые зависимости и вовлечение в антиобщественную деятельность. В последние годы законодательство пытается регулировать информационные отношения через усиление контроля и запреты, однако эти меры считаются недостаточно эффективными для защиты прав и интересов детей в цифровой среде [10].

Проблема взаимодействия детей с современной цифровой средой обусловлена быстрым развитием информационных технологий и их активным внедрением в повседневную жизнь несовершеннолетних. Это создает новые вызовы, связанные с обеспечением информационной и психологической безопасности детей в интернете. А.Н. Рахматулина, подчеркивает, что электронное взаимодействие включает обмен информацией, предоставление услуг и обеспечение электронных сервисов, что требует развития технологий и повышения навыков участников. В то же время В.Б. Наумов отмечает, что развитие интернета привело к росту проблем кибербуллинга и кибертравли, особенно среди подростков, что негативно влияет на их психоэмоциональное состояние [9].

Р.Н. Ключко, Е.Г. Гуцко указывают на то, что в интернете присутствует значительное количество деструктивной информации, которая может негативно влиять на формирование ценностных ориентиров у детей, осо-

бенно уязвимых из-за отсутствия жизненного опыта. Он выделяет три основные категории интернет-рисков для детей: содержание опасных материалов (порнография, кибергруминг, кибербуллинг), риски потребительского характера (мошенничество и онлайн-мошеннические схемы) и угрозы конфиденциальности и информационной безопасности при использовании социальных сетей [7].

Современные вызовы связаны с многогранностью угроз в цифровой среде и системными проблемами в сфере образования. Ускорение развития общественных отношений и научно-технический прогресс требуют усиления правового регулирования и создания эффективных мер защиты несовершеннолетних от негативных последствий цифровой среды.

Проблема кибербуллинга и информационной безопасности несовершеннолетних является актуальной и требует особого внимания, поскольку воздействие в интернете обладает рядом уникальных характеристик: оно часто неуязвимо для субъекта воздействия, трансгранично и анонимно, что усложняет разработку правовых мер защиты. В связи с этим возникает необходимость определить виды угроз для детей, чтобы эффективно реализовать профилактические меры и обеспечить их информационную безопасность.

Научные исследования, такие как работы П.В. Сорокуна и А.А. Смирнова, подчеркивают важность понимания деструктивных информационно-психологических воздействий на несовершеннолетних. Смирнов выделяет угрозы, связанные с вредным информационным воздействием, которое может причинить вред здоровью и развитию ребенка. Особое значение имеет учет их особого информационно-правового статуса, обусловленного психологической незрелостью [16].

Для определения интересов ребенка в информационно-правовых отношениях важно исходить из его прав, закрепленных в Семейном кодексе РФ. К ним относятся право на общение с родителями и родственниками (в том числе через интернет), право на имя и его изменение (персональные данные), право на защиту от злоупотреблений и выражение собственного мнения. Также важным является право на получение полезной информации и защиту от вредной пропаганды.

Таким образом, защита несовершеннолетних в цифровой среде должна учитывать их особые потребности и права, обеспечивая безопасность их информации и психологического здоровья.

Н.М. Савельева рассматривает интересы ребенка как элемент его правового положения. Анализ показывает, что суды часто используют термин «интересы ребенка», не уточняя, что именно в них подразумевается – права, мнения или потребности самого ребенка. В научной литературе выделяются разные подходы: от определения интересов как минимальных потребностей для существования до более широкого понимания, включа-

ющего условия для развития и самоопределения [1].

В контексте информационной сферы интересы ребенка можно определить как состояние его физической, психологической и духовной целостности, обеспечиваемое мерами по защите от угроз и рисков в ИКТ-среде. Важно находить баланс между защитой и правом ребенка на выражение мнения и самоопределение, а также повышать культуру информационной безопасности несовершеннолетних.

Эффективная система правовых мер по обеспечению информационной безопасности несовершеннолетних должна сочетать не только запреты, но и баланс между вредом и пользой информации. Важна разработка концепции формирования культуры информационной безопасности, включающей обучение навыкам и повышение грамотности через игровые методы и просветительские программы. Взаимодействие родителей, педагогов и детей должно строиться на стимулировании правильных моделей поведения, ограничивая доступ по возрасту и уровню цифровой зрелости, а не на тотальных запретах. Вопрос о степени контроля за потреблением информации остается актуальным: нужен ли полный контроль или свобода действий для развития самостоятельности ребенка [2].

В современном информационном обществе важно развивать методики информационного воспитания несовершеннолетних, сочетая обучение цифровой, правовой и финансовой грамотности. Родители и педагоги должны играть активную роль в формировании цифровой зрелости детей, а не ограничиваться лишь проверкой успеваемости. Для этого необходимо совершенствовать законодательство, вводя понятия «цифровой представитель несовершеннолетнего» и регулируя права и обязанности в сфере защиты персональных данных. Взаимодействие между детьми, взрослыми и информационной средой должно быть сбалансированным: обеспечивать защиту личности и одновременно способствовать развитию самостоятельности и ответственности несовершеннолетних в цифровом пространстве.

В современную эпоху цифровых технологий и информационной революции вопросы защиты персональных данных несовершеннолетних приобретают особую актуальность и значимость. Анализ правовых аспектов, представленных в исследовании, позволяет сделать ряд ключевых выводов, которые подчеркивают необходимость совершенствования законодательства и формирования эффективных механизмов обеспечения прав несовершеннолетних в цифровой среде.

Во-первых, установлено, что существующие нормативные акты, такие как Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных», закрепляют общие принципы защиты персональных данных, однако не содержат специальных положений, учитывающих особенности несовершеннолетних как уязвимой категории субъектов информационных отношений. Отсутствие системы правовых норм, регулирующих обработку ПД несовер-

шеннолетних с учетом их возрастных и психологических особенностей, создает пробелы в обеспечении их прав и безопасности. В связи с этим возникает необходимость закрепления в законодательстве специальных правил и требований к обработке данных детей и подростков, а также к условиям получения согласия на их обработку [14].

Во-вторых, выявлены проблемы практического характера, связанные с организацией обработки персональных данных в учреждениях социальной сферы – школах, детских садах, медицинских учреждениях. Нарушения законодательства о защите ПД несовершеннолетних свидетельствуют о необходимости усиления контроля со стороны государственных органов и внедрения стандартов по обеспечению информационной безопасности в этих организациях. Важным аспектом является также вопрос распространения персональных данных детей в сети Интернет без должной защиты и фильтрации информации [15].

В-третьих, проанализированы международные подходы к регулированию защиты ПД несовершеннолетних, особенно нормы Европейского Союза. ЕС выделяет особый статус детей как субъектов информационных отношений, предусматривает требования к ясности и простоте формулировок информации для детей, а также устанавливает право на удаление своих данных после достижения совершеннолетия. Эти нормы служат примером для разработки национальных механизмов защиты и могут стать основой для формирования более дифференцированного правового режима.

В-четвертых, подчеркнута важность разработки специальных механизмов идентификации и аутентификации несовершеннолетних в цифровой среде. Отсутствие четких правовых правил и технических стандартов создает риски неправомерного доступа к личной информации детей и усложняет контроль за использованием их данных. В связи с этим необходимо создавать безопасные системы идентификации с учетом возрастных особенностей и уровня цифровой грамотности несовершеннолетних.

На основе проведенного анализа предлагается ряд мер по совершенствованию законодательства и практики защиты ПД несовершеннолетних:

1. закрепление в федеральном законодательстве специальных норм о порядке обработки персональных данных детей с учетом их уязвимости;
2. установление требований к обработке ПД в различных сферах – образовательной, медицинской, социальной – с учетом специфики каждой из них;
3. разработка стандартных процедур идентификации и аутентификации несовершеннолетних с использованием современных технологий безопасности;
4. создание системы мониторинга за соблюдением законодательства о защите ПД детей на всех уровнях организации обработки информации;

5. внедрение междисциплинарных исследований для определения правовой природы ПД несовершеннолетних как самостоятельной категории [13].

В целом можно констатировать необходимость формирования комплексной системы правовых норм и технических решений, которая обеспечит баланс между защитой прав несовершеннолетних и развитием цифровых технологий. Только при условии системного подхода – объединения усилий законодателей, правоохранительных органов, образовательных учреждений и технологических компаний – возможно создать безопасную цифровую среду для молодых пользователей интернета. Это позволит не только защитить права детей на конфиденциальность и безопасность их персональных данных, но и сформировать у них навыки ответственного поведения в цифровом пространстве, что является важнейшей задачей современного информационного общества.

Библиографический список

1. Баранников Д.Н., Русецкая И.А. Современные подходы к обеспечению информационной безопасности детей // Вестник РГГУ. Серия: Информатика. Информационная безопасность. Математика. 2024. № 1. С. 65-79.
2. Беспечанская Ю.О. Государственный надзор в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию // Цифровизация и кибербезопасность: современная теория и практика: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, Омск, 30 сентября – 01 октября 2021 года. – Омск: Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ), 2021. С. 7-11.
3. Бистяйкина Д.А. Нормативно-правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних // Социальная безопасность и защита человека в условиях новой общественной реальности в период распространения COVID-19: Сборник материалов XIII межрегиональной научно-практической конференции учёных, преподавателей, специалистов, аспирантов и студентов, Пермь, 14 декабря 2021 года. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. С. 235-239.
4. Горбунов М.А., Снеговский С.И. Ответственность в сфере нарушений прав несовершеннолетних, связанные с использованием информационной среды // Защити меня. 2023. № 1. С. 21-28.
5. Динисламова А.З. О систематизации правового регулирования административной деятельности полиции по защите несовершеннолетних от вредоносной информации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. № 3 (61). С. 105-111.
6. Дорофеева С.Н., Вуйцик А.М. Правовые аспекты защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию // Актуальные проблемы защиты прав детей и молодежи в России и зарубежных странах: правовые, социальные, психолого-педагогические, духовно-нравственные аспекты: Материалы X ежегодного научно-практического семинара с международным участием, Тула, 27 мая 2020 года / Ответственный редактор А. А. Макасева. – Тула: Тульский государственный университет, 2020. С. 3-9.
7. Ключко Р.Н., Гуцко Е.Г. Правовые механизмы противодействия деструктивному информационному воздействию на несовершеннолетних // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. 2022. Т. 12. № 3. С. 98-106.
8. Кружилин В.С. Теоретико-правовые аспекты обеспечения информационной безопасности детей в сети Интернет // Проблемы обеспечения безопасности детей и подростков в сети Интернет: Сборник материалов межведомственного научно-практического круглого стола, Липецк, 19 ноября 2021 года. – Воронеж: Автономная некоммерческая организация по оказанию издательских и полиграфических услуг «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2022. С. 80-86.

9. Кузнецов А.А., Перевозчикова К.Ю. Защита информации как приоритетная задачи обеспечения информационной безопасности России // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 108-5. С. 150-153.
10. Рахматулина А.Н. Проблемы защиты несовершеннолетних от информации, приносящей им вред // Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право: сборник научных трудов, Москва, 21–26 ноября 2022 года. – Москва: Московский психолого-социальный университет, 2022. С. 1027-1033.
11. Сустина Т.И. Развитие законодательства в сфере защиты информационных прав несовершеннолетних // Цифровой суверенитет и кибербезопасность: Материалы Четвертого международного транспортно-правового форума, Москва, 09–10 февраля 2022 года / Под редакцией А. А. Чеботаревой, В. Е. Чеботарева. – Москва: Российский университет транспорта, 2022. С. 222-226.
12. Типунова В.А., Хомякова В.П., Казарова Д.С. Информационная безопасность несовершеннолетних // Развитие общества и науки России в эпоху кризиса: теория, методология, практика: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х частях, Ростов-на-Дону, 13–14 апреля 2022 года. Том Часть 1. – Ростов-на-Дону: Профпресслит - Издательство «Манускрипт», 2022. С. 286-288.
13. Черноножкина Н.В. Административно-правовое регулирование информационной безопасности детей и подростков в Российской Федерации // Горизонты образования: материалы III Международной научно-практической конференции, Омск, 21 апреля 2022 года. – Омск: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Омский государственный педагогический университет», 2022. С. 477-480.
14. Шварц Л.В. Правовые вопросы обеспечения информационной безопасности детей в России // Информационное право. 2021. № 4. С. 35-40.
15. Чингизов Б.Ф., Коршунова М.П. Защита детей от вредоносной информации // Конституционализм, его принципы и их роль в развитии и защите прав человека: Материалы научно-практической конференции, Уфа, 01 июня 2024 года. – Уфа: Научно-исследовательский институт проблем правового государства, 2024. С. 128-133.
16. Юсубова С.Д., Мулюхина В.С. Проблемы обеспечения права ребенка на защиту от информации, причиняющей вред его здоровью // Социосфера. 2022. № 1. С. 86-88.
17. Таюкин А.Г., Востриков К.В. Профилактика антитеррористической деятельности в Томской области: региональные особенности и перспективы развития // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 9 (207). С. 74-81.

References

1. Barannikov D.N., Rusetskaya I.A. Modern approaches to ensuring information security for children // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Computer Science. Information Security. Mathematics. 2024. № 1. P. 65-79.
2. Bespechanskaya Yu.O. State supervision in the field of protecting children from information harmful to their health and development // Digitalization and cybersecurity: modern theory and practice: collection of scientific papers based on the materials of the International scientific and practical conference, Omsk, September 30 – October 1, 2021. – Omsk: Siberian State Automobile and Highway University (SibADI), 2021. P. 7-11.
3. Bistyaykina D.A. Regulatory framework for information security of minors // Social security and human protection in the context of the new social reality during the spread of COVID-19: Collection of materials from the XIII interregional scientific and practical conference of scientists, teachers, specialists, graduate students and students, Perm, December 14, 2021. - Perm: Perm State National Research University, 2021. P. 235-239.
4. Gorbunov M.A., Snegovsky S.I. Liability for violations of the rights of minors associated with the use of the information environment // Protect me. 2023. № 1. P. 21-28.
5. Dinislamova A.Z. On the systematization of legal regulation of administrative activities of the police to protect minors from harmful information // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 3 (61). P. 105-111.
6. Dorofeeva S.N., Vuytsik A.M. Legal aspects of protecting children from information harmful to

- their health and development // Current issues of protecting the rights of children and youth in Russia and foreign countries: legal, social, psychological, pedagogical, spiritual and moral aspects: Proceedings of the 10th annual scientific and practical seminar with international participation, Tula, May 27, 2020 / Editor-in-chief A.A. Makaseeva. – Tula: Tula State University, 2020. P. 3-9.
7. Klyuchko R.N., Gutsko E.G. Legal mechanisms for countering destructive information influence on minors // Bulletin of the Yanka Kupala State University of Grodno. Series 4. Jurisprudence. 2022. Vol. 12. № 3. P. 98-106.
8. Kruzhilin V.S. Theoretical and legal aspects of ensuring the information security of children on the Internet // Problems of ensuring the safety of children and adolescents on the Internet: Collection of materials of the interdepartmental scientific and practical round table, Lipetsk, November 19, 2021. – Voronezh: Autonomous non-profit organization for the provision of publishing and printing services “NAUKA-UNIPRESS”, 2022. P. 80-86.
9. Kuznetsov A.A., Perevozchikova K.Yu. Information protection as a priority task of ensuring information security in Russia // Trends in the development of science and education. 2024. № 108-5. P. 150-153.
10. Rakhmatulina A.N. Problems of Protecting Minors from Harmful Information // Actual Problems of Contemporary Russia: Psychology, Pedagogy, Economics, Management, and Law: Collection of Scientific Papers, Moscow, November 21–26, 2022. Moscow: Moscow University of Psychology and Social Sciences, 2022. P. 1027–1033.
11. Sustina T.I. Development of Legislation in the Sphere of Protecting the Information Rights of Minors // Digital Sovereignty and Cybersecurity: Proceedings of the Fourth International Transport Law Forum, Moscow, February 9–10, 2022 / Edited by A.A. Chebotareva, V.E. Chebotarev. – Moscow: Russian University of Transport, 2022. P. 222-226.
12. Tipunova V.A., Khomyakova V.P., Kazarova D.S. Information Security of Minors // Development of Society and Science in Russia in the Era of Crisis: Theory, Methodology, Practice: Proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference. In 2 parts, Rostov-on-Don, April 13–14, 2022. Volume Part 1. – Rostov-on-Don: Profpresslit – Manuscript Publishing House, 2022. P. 286-288.
13. Chernozhkina N.V. Administrative and Legal Regulation of Information Security of Children and Adolescents in the Russian Federation // Horizons of Education: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference, Omsk, April 21, 2022. – Omsk: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education “Omsk State Pedagogical University”, 2022. P. 477-480.
14. Schwartz L.V. Legal issues of ensuring the information security of children in Russia // Information law. 2021. № 4. P. 35-40.
15. Chingizov B.F., Korshunova M.P. Protecting children from harmful information // Constitutionalism, its principles and their role in the development and protection of human rights: Proceedings of the scientific and practical conference, Ufa, June 1, 2024. – Ufa: Research Institute for Problems of the Rule of Law, 2024. P. 128-133.
16. Yusubova S.D., Mulyukhina V.S. Problems of ensuring the child’s right to protection from information harmful to his health // Sociosphere. 2022. № 1. P. 86-88.
17. Tayukin A.G., Vostrikov K.V. Features of anti-terrorist activities in the Tomsk region: Regional context and possibilities of development strategies // Etnosotsium and international culture. 2025. № 9 (207). P. 74-81.

Бобрович-Волкова П.В.

НИ Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского. Аспирант кафедры политических наук.

Прошлое, настоящее и будущее волонтерского движения в России*

Аннотация. В исследовании рассматривается феномен волонтерского движения в современной России как важнейший элемент гражданского общества и индикатор уровня социальной консолидации. Целью работы является комплексный анализ исторических, институциональных и социокультурных аспектов развития добровольчества в России, выявление факторов, определяющих его динамику, и определение перспектив дальнейшего развития. В задачи исследования входило изучение этапов становления волонтерского движения, анализ его правовых и организационных основ, а также рассмотрение мотивационных и ценностных характеристик участия граждан в добровольческой деятельности. Методологическую основу составили историко-сравнительный, институциональный и социокультурный подходы, а также методы анализа, синтеза и прогноза, позволившие охватить многоуровневую природу волонтерства. Результаты исследования показали, что волонтерское движение в России прошло путь от религиозно-нравственной благотворительности и идеологически обусловленного советского добровольчества до современной институционализированной формы гражданской активности. Практическая значимость работы заключается в возможности использования её выводов для совершенствования государственной политики в сфере поддержки добровольчества, разработки образовательных программ, стимулирующих вовлечение молодежи, и укрепления механизмов взаимодействия государства, общества и бизнеса. Исследование подчёркивает роль волонтерства как инструмента социальной устойчивости, развития гражданской ответственности и консолидации российского общества.

Ключевые слова: волонтерство, гражданское общество, социальная активность, добровольчество, институционализация, социальная консолидация.

Bobrovich-Volkova P.V.

Postgraduate Student, Department of Political Science. Researcher, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky.

The past, present, and future of the volunteer movement in Russia

Abstract. The study examines the phenomenon of the volunteer movement in modern Rus-

* © Бобрович-Волкова П.В., 2025.

Прошлое, настоящее и будущее волонтерского движения в России

sia as a key element of civil society and an indicator of the level of social consolidation. The purpose of the work is to conduct a comprehensive analysis of the historical, institutional, and sociocultural aspects of the development of volunteering in Russia, to identify the factors that determine its dynamics, and to outline the prospects for its further development. The research objectives included studying the stages of formation of the volunteer movement, analyzing its legal and organizational foundations, and exploring the motivational and value-based characteristics of citizens' participation in volunteer activities. The methodological framework is based on historical-comparative, institutional, and sociocultural approaches, as well as methods of analysis, synthesis, and forecasting, which made it possible to capture the multilayered nature of volunteering. The results of the study show that the volunteer movement in Russia has evolved from religious and moral charity and ideologically driven Soviet voluntarism to a modern, institutionalized form of civic engagement. The practical significance of the work lies in the potential application of its conclusions to improve state policies supporting volunteerism, to develop educational programs that encourage youth involvement, and to strengthen mechanisms of cooperation between the state, society, and business. The study emphasizes the role of volunteering as an instrument of social stability, the development of civic responsibility, and the consolidation of Russian society.

Key words: volunteering, civil society, social activity, voluntarism, institutionalization, social consolidation.

Введение

Волонтерское движение в современной России представляет собой значимый социальный и культурный феномен, отражающий степень гражданской активности и зрелость институтов гражданского общества. Добровольческая деятельность, является в российских условиях не только инструментом консолидации общества и решения социально значимых задач, но и формой самореализации личности, способом развития социальной ответственности и солидарности. В условиях трансформации общественных ценностей, изменения характера взаимоотношений между государством и обществом, волонтерство приобретает особую актуальность как индикатор уровня социальной консолидации и доверия в обществе. Именно поэтому, критически важно исследовать прошлое и настоящее и прогнозировать будущее волонтерства в стране.

Материалы и методы исследования

Исследование основано на применении комплекса общенаучных и специальных методов, обеспечивающих целостное рассмотрение феномена волонтерства в России. В работе использовались историко-сравнительный и институциональный подходы, позволившие проследить этапы становления добровольчества и проанализировать развитие его организационно-правовых основ. Применение анализа и синтеза научных источников обеспечило обобщение теоретических концепций и выявление ключевых направлений изучения волонтерской деятельности в отечественной

науке. Социокультурный анализ способствовал раскрытию ценностных, мотивационных и идентификационных аспектов участия граждан в волонтерстве. Прогностический метод позволил определить основные факторы и перспективы дальнейшего развития добровольческого движения в России. В совокупности это позволило решить задачу, связанную с определением значения факторов, определяющих развитие волонтерства в контексте социально-политического развития страны.

Результаты и обсуждения

Волонтерское движение в России представляет собой важный социальный феномен, отражающий степень гражданской активности и уровень развития институтов гражданского общества. Его становление, развитие и перспективы тесно связаны с социально-экономическими и политическими процессами, происходившими в стране на протяжении последних десятилетий. Рассмотрение прошлого, настоящего и будущего волонтерства позволяет проследить динамику изменения общественных ценностей, мотиваций и форм участия граждан в жизни общества. И в этой связи можно обратить внимание, что и прошлое, и настоящее и будущее волонтерского движения изучается учеными. Обратим внимание на исследования волонтерского движения.

В целом, можно обратить внимание, что значительную группу составляют исследования, посвященные историческим этапам становления волонтерства в России. К ним относятся труды А.Э. Зимина [1], П.С. Неделько [2], Н.И. Горловой [3], А.С. Панкратовой, А.И. Полишко [4] и И.Х. Шонуса [5]. Исследователи данной группы рассматривают добровольчество как социально-культурное явление, коренящееся в традициях взаимопомощи и благотворительности, и прослеживают его эволюцию от дореволюционных форм общественного служения до советских коллективистских практик и современной модели гражданской активности. Исследователями отмечается, что советская система организации добровольчества, несмотря на идеологическую обусловленность, способствовала формированию массовых практик добровольного труда и чувства социальной солидарности, тогда как постсоветский этап характеризуется переосмыслением ценностных и институциональных основ волонтерства.

В данном случае, мы не можем не отметить, что истоки волонтерства в России восходят к дореволюционному периоду, когда благотворительность имела преимущественно религиозно-нравственную основу. Значительную роль играли церковная система, и представители высших слоев общества, занимавшиеся поддержкой малоимущих и сирот. Многие из элементов добровольчества из досоветской системы перешли в советскую систему организации добровольчества. Однако, в советское время добровольческая деятельность приобрела иную форму — она стала частью

государственной идеологии и реализовывалась через комсомольские и пионерские организации, трудовые коллективы, и различные институционализированные практики добровольчества, которые формировали у граждан чувство коллективной ответственности и готовность к безвозмездному труду во благо общества.

Очевидно, что современный этап развития волонтерского движения в России начался в 1990-е годы, когда возникли первые негосударственные организации, ориентированные на решение социальных, экологических и гуманитарных проблем. Период становления характеризовался слабой институциональной базой и ограниченным участием государства. Однако с середины 2000-х годов волонтерство стало получать все большее признание и поддержку на государственном уровне. Особую роль сыграли крупные международные мероприятия, такие как Олимпийские игры в Сочи 2014 года и чемпионат мира по футболу 2018 года, в рамках которых было подготовлено и задействовано десятки тысяч добровольцев. Данные проекты способствовали популяризации волонтерской деятельности, развитию инфраструктуры и формированию положительного общественного имиджа волонтера.

В текущих условиях волонтерское движение в России охватывает широкий спектр направлений: социальное и медицинское волонтерство, помощь пожилым людям и инвалидам, экологические инициативы, культурные и спортивные проекты, а также волонтерство в чрезвычайных ситуациях. Государство активно поддерживает добровольческую активность через грантовые конкурсы, образовательные программы и создание платформ для взаимодействия некоммерческих организаций и граждан. При этом сохраняется высокая роль инициатив «снизу», основанных на самоорганизации граждан и цифровых технологиях, которые способствуют быстрому объединению людей вокруг конкретных проблем и событий.

Стоит обратить внимание, что в некоторых исследованиях акцент делается на правовых и организационных аспектах добровольческой деятельности. В этом направлении пишут такие исследователи как А.Л. Гусева [6], В.В. Грушина [7] и М.Ю. Краснова, Д.А. Петренко, Ю.В. Сорокопуд [8]. Исследователи данной группы анализируют процессы институционализации волонтерства, развитие нормативно-правовой базы, а также механизмы взаимодействия государства, некоммерческих организаций и гражданского общества. В данном контексте, волонтерство рассматривается как важный инструмент реализации государственной социальной политики, способствующий укреплению гражданской ответственности и общественного участия. Можно выделить и исследования, выполненные в рамках социологического и культурологического направления (Л.А. Беляева, И.А. Зеленов, В.А. Прохода [9] и М.А. Бочанов [10]). Как замечают

исследователи исследователи, добровольчество способствует формированию новых моделей гражданской идентичности и развитию культуры взаимопомощи, что особенно важно в условиях социокультурных трансформаций. Все это позволяет рассматривать волонтерство как фактор социальной устойчивости и развития государства и общества, решения социально значимых проблем и задач.

Обратим внимание на специфику потенциальных путей развития волонтерства как значимого социально-политического института. Важными факторами развития волонтерства является развитие правовой базы, которая регулирует работу волонтерских организаций, в том числе поддержку со стороны государства. Важным фактором развития волонтерства является и экономическая ситуация в стране, так, в целом, в периоды стабильности больше людей готовы тратить время на безвозмездную помощь. Катализаторами развития волонтерской деятельности являются и социальные кризисы и чрезвычайные ситуации, которые катализируют активность волонтеров и формируют привычку к гражданской активности. Попробуем представить данные факторы, и их влияние на перспективы развития волонтерства в таблице 1 «Факторы развития и их влияние на перспективы волонтерства» далее.

Несмотря на то, что будущее волонтерского движения в России во многом зависит от успешного сочетания государственной поддержки и инициатив гражданского общества, мы можем констатировать, что сегодня волонтерство становится значимым элементом гражданского общества, отражающим уровень социальной ответственности и солидарности граждан. Его развитие поддерживается государством, образовательными учреждениями и бизнесом, однако сохраняются вызовы, связанные с неравномерностью регионального развития, недостаточной вовлечённостью населения и ограниченными международными возможностями. Следовательно, мы можем говорить о том, что в перспективе волонтерство в России будет укрепляться как инструмент социальной устойчивости, самореализации граждан и консолидации общества опираясь на значительное количество социальных и политико-административных институтов.

Выводы

Волонтерское движение в России прошло сложный и многогранный путь от религиозно-нравственных традиций благотворительности и идеологически обусловленного добровольчества досоветского периода до современного многоуровневого института гражданской активности. Волонтерство в текущих условиях является важнейшим механизмом социальной интеграции, инструментом решения общественно значимых задач и фактором укрепления доверия в обществе. Как мы считаем, в будущем

волонтерство, сохраняя гуманистическую основу, будет продолжать развиваться как пространство для самореализации, творчества и солидарности граждан, играя все более значимую роль в формировании устойчивого и ответственного гражданского общества в России.

Таблица 1. Факторы развития и их влияние на перспективы волонтерства.

Фактор развития волонтерства	Содержание фактора	Потенциальное влияние на развитие волонтерства
Высокая вероятность		
Государственная поддержка и инфраструктура	Развитие программ, системы грантов, координационных центров, развитие региональных (в том числе информационных) платформ.	Государство рассматривает волонтерство как инструмент общественной консолидации; тенденция к институционализации сохранится.
Развитие цифровых платформ и технологий	Использование онлайн-сервисов для координации, обучения и продвижения волонтерских проектов.	Цифровизация усиливается, формируются государственные и частные платформы для добровольцев.
Средняя вероятность		
Развитие правовой базы	Совершенствование законодательства, регулирующего статус, права и поддержку волонтеров.	Имеется базовая нормативная основа, возможны точечные улучшения, но без радикальных реформ.
Общественное восприятие и доверие	Отношение граждан к волонтерству, уровень общественного признания и готовность участвовать.	Общее отношение положительное, но вовлечённость населения остаётся ограниченной, особенно вне крупных городов.
Экономическая стабильность	Влияние экономической ситуации на возможность граждан тратить время на безвозмездную помощь.	При умеренной стабильности сохраняется потенциал роста, но риски инфляции и занятости ограничивают участие.

Социальные кризисы и чрезвычайные ситуации	Стимулирование волонтерской активности в ответ на катастрофы, эпидемии, миграционные или гуманитарные вызовы.	Кризисы остаются значимым катализатором гражданской активности и формируют привычку к взаимопомощи.
Образование и просвещение в сфере волонтерства	Включение волонтерства в программы школ и вузов, повышение информированности молодёжи.	Волонтерство активно внедряется в образовательную среду, но охват пока неравномерен.
Поддержка со стороны бизнеса (корпоративное волонтерство)	Участие компаний в добровольческих и благотворительных инициативах.	Бизнес проявляет интерес, но участие ограничено крупными корпорациями; малый и средний бизнес вовлечён слабо.
Низкая вероятность		
Международное сотрудничество	Участие в международных добровольческих проектах и обмен опытом.	Геополитическая ситуация несколько ограничивает международные контакты, усиливая ориентацию на внутренние формы волонтерства.

Библиографический список

1. Зимин А.Э. Этапы становления волонтерства в России: историко-культурный аспект // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Т. 15. № 1. С. 134-140.
2. Неделько П.С. Генезис российского волонтерства: социально-исторические предпосылки // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2021. № 1 (84). С. 102-117.
3. Горлова Н.И. Страницы истории волонтерства в сфере сохранения материального культурного наследия в советской России (по материалам Государственного архива Российской Федерации) // Вестник архивиста. 2021. № 1. С. 193-204.
4. Панкратова А.С., Полишко А.И. История развития волонтерского движения в России // Интернаука. 2022. № 16-4 (239). С. 44-45.
5. Шонус И.Х. Исторический опыт скаутизма в Российской Империи и тимуровского движения в СССР: сравнительный анализ // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 4. С. 11-20.
6. Гусева А.Л. История и конституционные аспекты развития волонтерской деятельности Российской Федерации и Республики Беларусь // Право и государство: теория и практика. 2024. № 11 (239). С. 185-187.
7. Грушина В.В. Общая характеристика государственной политики по содействию развития волонтерства // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 4-1 (110). С. 153-156.
8. Краснова М.Ю., Петренко Д.А., Сорокопуд Ю.В. Реализация волонтерских программ в отечественной и зарубежной практиках // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 1 (98). С. 254-256.

9. Беляева Л.А., Зеленев И.А., Прохода В.А. Добровольчество в России: история развития и современные установки молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 4. С. 825-838.
10. Бочанов М.А. Добровольчество в России: особенности становления и современные установки молодёжи // Вестник государственного и муниципального управления. 2024. Т. 13. № 1. С. 124-136.
11. Аджигова А.М. Ингушское общество в период революции и гражданской войны (1917-1920 гг.) // Власть истории – История власти. 2025. Том 11. Часть 4. № 62. С. 167-175.

References

1. Zimin A.E. Stages of the Development of Volunteering in Russia: Historical and Cultural Aspect // Bulletin of the Maikop State Technological University. 2023. Vol. 15. № 1. P. 134-140.
2. Nedelko P.S. Genesis of Russian Volunteering: Socio-Historical Prerequisites // SEARCH: Politics. Social Science. Art. Sociology. Culture. 2021. № 1 (84). P. 102-117.
3. Gorlova N.I. Pages of the History of Volunteering in the Sphere of Preservation of Material Cultural Heritage in Soviet Russia (Based on Materials of the State Archives of the Russian Federation) // Bulletin of the Archivist. 2021. № 1. P. 193-204.
4. Pankratova A.S., Polishko A.I. History of the Development of the Volunteer Movement in Russia // Internauka. 2022. № 16-4 (239). P. 44-45.
5. Shonus I.Kh. Historical Experience of Scouting in the Russian Empire and the Timurov Movement in the USSR: A Comparative Analysis // Locus: People, Society, Cultures, Meanings. 2021. Vol. 12. № 4. P. 11-20.
6. Guseva A.L. History and Constitutional Aspects of the Development of Volunteer Activities in the Russian Federation and the Republic of Belarus // Law and State: Theory and Practice. 2024. № 11 (239). P. 185-187.
7. Grushina V.V. General Characteristics of State Policy to Promote the Development of Volunteering // Economy and Business: Theory and Practice. 2024. № 4-1 (110). S. 153-156.
8. Krasnova M.Yu., Petrenko D.A., Sorokopud Yu.V. Implementation of volunteer programs in domestic and foreign practices // The world of science, culture, education. 2023. № 1 (98). P. 254-256.
9. Belyaeva L.A., Zelenev I.A., Prokhoda V.A. Volunteerism in Russia: History of development and modern attitudes of young people // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2021. Vol. 21. № 4. P. 825-838.
10. Bochanov M.A. Volunteerism in Russia: Features of formation and modern attitudes of young people // Bulletin of public and municipal administration. 2024. Vol. 13. № 1. P. 124-136.
11. Ajigova A.M. Ingush society during the revolution and the Civil War (1917-1920) // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 4. № 62. P. 167-175.

Гукова Т.А.

Кандидат педагогических наук. Заведующая МКДОУ (Муниципальное казенное дошкольное образовательное учреждение) 26 «Ивушка».

Озова А.М.

Методист МКДОУ (Муниципальное казенное дошкольное образовательное учреждение) 26 «Ивушка».

Шорова Л.К.

Заместитель заведующей МКДОУ (Муниципальное казенное дошкольное образовательное учреждение) 26 «Ивушка».

Инклюзивное образование в дошкольном образовательном учреждении*

Аннотация. Обсуждение преимуществ и трудностей, возникающих при реализации инклюзивных образовательных подходов в дошкольных учреждениях, является крайне актуальным на современном этапе развития образования. Нормативно-правовая база, регулирующая инклюзивное образование в ДОУ, принципы создания доступной образовательной среды для детей с ОВЗ, а также реальные проблемы, возникающие при внедрении инклюзии в современных детских садах, стимулируют трансформацию образовательной системы, позволяют разрабатывать инновационные модели организации образовательного процесса. Инклюзивное обучение представляет собой модель образовательного процесса, где все дети, вне зависимости от их индивидуальных характеристик интегрированы в единую образовательную среду. Дошкольные образовательные учреждения адаптируют свои методики и программы, принимая во внимание особые образовательные нужды каждого ученика и предоставляя необходимую специализированную помощь. Такой подход обеспечивает равные возможности для всех детей, способствуя их полноценному развитию и социализации.

Ключевые слова: инклюзивные образовательные подходы, инклюзивное обучение, образовательный процесс, дошкольные образовательные учреждения.

Gukova T.A.

PhD in Pedagogical Sciences. Head of Municipal Preschool Educational Institution No. 26 "Ivushka".

Ozova A.M.

Methodologist of Municipal Preschool Educational Institution No. 26 "Ivushka".

* © Гукова Т.А., Озова А.М., Шорова Л.К., 2025.

Shorova L.K.*Deputy Head of Municipal Preschool Educational Institution No. 26 "Ivushka".*

Inclusive education in preschool educational institutions

Abstract. Discussing the advantages and challenges of implementing inclusive educational approaches in preschools is extremely relevant at the current stage of educational development. The legal framework governing inclusive education in preschools, the principles of creating an accessible educational environment for children with disabilities, and the real challenges arising from implementing inclusion in modern kindergartens stimulate the transformation of the educational system and enable the development of innovative models for organizing the educational process. Inclusive education is a model of the educational process in which all children, regardless of their individual characteristics, are integrated into a unified educational environment. Preschool educational institutions adapt their methods and programs to take into account the specific educational needs of each student and provide the necessary specialized support. This approach ensures equal opportunities for all children, promoting their full development and socialization.

Key words: inclusive educational approaches, inclusive education, educational process, preschool educational institutions.

Обеспечение инклюзии для детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) реализуется путем формирования специализированной среды, учитывающей их индивидуальные психофизиологические характеристики. Интеграция окружения означает не адаптацию ребенка с особыми потребностями к существующей среде, а разработку гибкой, многообразной среды, где каждый ребенок может взаимодействовать на комфортном для него уровне. Педагоги и специалисты способствуют коммуникации между детьми, опираясь на их актуальные возможности. Уникальность и индивидуальные различия каждого ребенка поддерживаются взрослыми. Адаптация детей с ОВЗ осуществляется через вовлечение в общественные связи и использование скрытых ресурсов этих связей. В детской группе это проявляется в концепции использования творческого потенциала коллектива, где ценится индивидуальность каждого и умение сотрудничать с непохожими людьми. Именно в этом заключается основная ценность инклюзии. Создание системы инклюзивного образования в дошкольных учреждениях требует решения на всех уровнях и в первую очередь на муниципальном и региональном. Именно инклюзия обеспечивает детям с ОВЗ равные условия развития, необходимые для максимальной адаптации и полноценной интеграции в обществе. Обеспечение инклюзии в образовании подразумевает активное участие каждого учени-

ка посредством создания и реализации скорректированной учебной программы, разрабатываемой с учетом возможностей и перспектив развития ребенка с ограниченными возможностями здоровья, направленной на удовлетворение его уникальных образовательных запросов. Формирование инклюзивной образовательной среды базируется на принципах комплексного, персонализированного подхода, социального взаимодействия, подразумевающего вовлечение всех участников образовательного процесса в коррекционно-развивающую деятельность. Важными элементами являются также вариативность предлагаемых образовательных траекторий, модульная структура учебных планов и принцип сопровождения, ориентированного на семью.

Н.П.Кушнерева и Т.И. Поличенко отмечают, что на сегодняшний день состояние социально-педагогической помощи детям с ОВЗ в дошкольных образовательных учреждениях представлено в разных вариантах и находится на разных стадиях развития. Социально-педагогическая помощь основана на предоставлении вариативных форм обучения детей с ограниченными возможностями. Для детей, которые по каким-либо причинам не могут посещать дошкольную группу в режиме полного дня, может быть создана система структурных подразделений, таких как центр игровой поддержки развития, консультативный пункт, лекотека, служба ранней помощи, группа кратковременного пребывания, деятельность которых направлена на оказание социально-педагогической помощи семьям детей от 0 до 7 лет [1, с. 166]. Общение играет особенно важную роль для таких детей, выступая мощным инструментом для коррекции и компенсации имеющихся отклонений. Они развиваются в соответствии с общими закономерностями, живут в том же социальном окружении, что и их ровесники, но процесс формирования определенных навыков и качеств у них занимает больше времени и требует персонализированного педагогического подхода. Ряд исследователей обращают внимание на проблему поиска эффективных механизмов организации адаптационного процесса для детей с ОВЗ в комбинированной группе ДОУ, выделяя особую роль квалифицированной помощи детям с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) при освоении программ дошкольного развития и образования в сферах социального, коммуникативного, интеллектуального, речевого, художественного, эстетического и двигательного развития с учетом возрастных и индивидуальных особенностей и особых образовательных потребностей, социальной адаптации в окружающем мире. Е.Г. Самарцева рекомендует в начале работы над адаптацией детей с ОВЗ использовать игры и задания, при выполнении которых детям требуется согласовать свои действия с действиями других, это могут быть такие упражнения как совместное шагание, бег, хлопки в ладоши или по предмету. Важно включение упражнений, требующих выполнения движений при соблюдении определенно-

го ритма и темпа, согласовав движение со словами стихотворения. Такие упражнения доступны, имеют положительное влияние на эмоциональный фон в группе, развивают речевую и двигательную активность детей, формируют первые навыки совместной групповой работы. Основная часть занятия, как правило, представлена играми и упражнениями, требующими выполнения простых движений, проявления эмоционального отреагирования (удивление, радость), часть упражнений формирует умение контактировать с другими участниками. При этом, в завершающей фазе занятий рекомендовано проведение спокойных, средне и малоподвижных игр, упражнений на релаксацию. Исходя из возраста и интеллектуальных возможностей детей, не всегда обоснованной является частая смена сюжетных линий игр, поэтому желательно, чтобы занятие имело одну объединяющую сюжетную линию [2, с. 263].

О существовании двух основных моделях организации инклюзии в ДОУ: полной и частичной пишет Ю.В. Кожакару. Полная инклюзия предполагает, что ребенок с ОВЗ обучается в общей группе наравне с другими детьми, без изоляции или разделения. Этот подход требует создания специальных условий, таких как адаптированные программы, доступная среда и дополнительная поддержка со стороны специалистов (логопедов, дефектологов, психологов). Частичная инклюзия используется в случаях, когда ребенок с ОВЗ не готов проводить весь день в общей группе. В таких случаях часть времени ребенок может обучаться в специализированных условиях (например, индивидуальные занятия), а остальное время проводить в общей группе. Этот подход позволяет постепенно адаптировать ребенка к коллективу, учитывая его индивидуальные особенности [3, с. 721]. Ключевая задача в работе с детьми дошкольного возраста, имеющими ограниченные возможности здоровья, – это их успешная интеграция в общество и предоставление им равных возможностей для старта.

О роли в инклюзивном образовании воспитателя и воспитанника, вступающих в акмеологическое взаимодействие, под которым с педагогических позиций подразумевают такую организацию педагогического взаимодействия, при которой его участники испытывают состояние комфорта, каждому из которых создаются условия для коммуникативной самореализации, успешно координируются совместные усилия для достижения заданных или ожидаемых результатов пишут специалисты в области проблемы внедрения инклюзивного образования в дошкольное образовательное учреждение, подчеркивая важность процесса когнитивного духовно-нравственного взаимообогащения всех участников этого процесса независимо от их индивидуальных особенностей [4, с. 154].

В работе по организации и выстраиванию процесса инклюзивного образования главную задачу выполняют такие принципы, как: индивидуаль-

ный подход, предполагающий выбор форм, средств и методов обучения, исходя из индивидуальных особенностей каждого ребенка; поддержка самостоятельной активности ребенка; включение в работу всех участников образовательного процесса; разработка методов и приемов воспитания и обучения, с совместным обсуждением и разработкой плана действий, направлений работы; вариативность в организации процесса обучения и воспитания; партнерского взаимодействия с семьей [5, с. 116].

Чтобы обеспечить полноценную жизнь в будущем, необходимо создать благоприятные условия для успешной интеграции детей с ОВЗ в среду здоровых сверстников уже в период дошкольного детства. Создание таких условий – это сложная задача, требующая всестороннего подхода и полной вовлеченности всех участников образовательного процесса.

Библиографический список

1. Кушнерева Н.П., Полиниченко Т.И. Инклюзивное образование в России в дошкольных образовательных организациях в условиях ФГОС ДО: практика и перспективы // *Инновационная наука*. 2021. № 4. С. 165-168.
2. Самарцева Е.Г. Организация периода адаптации детей дошкольного возраста в инклюзивной образовательной среде // *Ученые записки Орловского государственного университета*. 2020. № 3 (88). С. 260-264.
3. Кожакару Ю.В. Особенности инклюзивного образования на дошкольном уровне // *Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ»*. 2024. № 12 (81). Том 1. С. 718-726.
4. Ахмерова Н.М., Зиятдинова Ф.Н., Мухамадеев И.Г. Профессионально-педагогические качества воспитателя дошкольного образовательного учреждения: структурно-динамический подход // *Педагогическое образование в России*. 2016. № 6. С. 152-159.
5. Муканова А.А., Красильникова О.В. Создание специальных условий инклюзивного образования ребенка с ограниченными возможностями здоровья в дошкольной образовательной организации // *Пермский педагогический журнал*. 2029. № 10. С. 115-118.

References

1. Kushnerova N.P., Polinichenko T.I. Inclusive Education in Russia in Preschool Educational Organizations under the Federal State Educational Standard for Preschool Education: Practice and Prospects // *Innovative Science*. 2021. № 4. P. 165-168.
2. Samartseva E.G. Organization of the Adaptation Period of Preschool Children in an Inclusive Educational Environment // *Scientific Notes of Oryol State University*. 2020. № 3 (88). P. 260-264.
3. Kozhakar Yu.V. Features of Inclusive Education at the Preschool Level // *International Scientific Journal "BULLETIN OF SCIENCE"*. 2024. № 12 (81). Vol. 1. P. 718-726.
4. Akhmerova N.M., Ziatdinova F.N., Mukhamadeev I.G. Professional and pedagogical qualities of a preschool teacher: a structural and dynamic approach // *Pedagogical education in Russia*. 2016. № 6. P. 152-159.
5. Mukanova A.A., Krasilnikova O.V. Creation of special conditions for inclusive education of a child with disabilities in a preschool educational organization // *Perm pedagogical journal*. 2029. № 10. P. 115-118.

Ещенко Т.В.

Старший преподаватель кафедры естественнонаучных дисциплин, информационных технологий и управления, Каменский технологический институт (филиал) Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова.

Исследование огнезащитных материалов. Технология обработки древесных плит*

Аннотация. В статье рассматриваются современные подходы к повышению огнестойкости древесных плит, широко используемых в строительстве в качестве отделочных и напольных материалов. Обоснована необходимость применения огнезащитной обработки ввиду высокой горючести древесных композитов и их способности к интенсивному выделению тепла при возгорании. Проведён анализ механизмов действия антипиренов — по теории изоляции и разбавления газов, а также рассмотрены неорганические и органические огнезащитные составы, включая фосфор-, азот- и борсодержащие соединения. Подробно описаны технологические методы обработки: погружной, поверхностного нанесения и интеграция в процессе производства плит. Особое внимание уделено комбинированным решениям, обеспечивающим долговременную и устойчивую огнезащиту. Работа ориентирована на специалистов в области строительных материалов, пожарной безопасности и промышленной технологии деревообработки.

Ключевые слова: огнезащита, древесные плиты, антипирены, огнестойкость, химическая обработка, технологии пропитки, строительные материалы, пожарная безопасность.

Eshchenko T. V.

Senior Lecturer at the Department of Natural Sciences, Information Technology and Management, Kamensk Institute of Technology (branch) of the South-Russian State Polytechnical University named after M.I. Platov.

Research of flame-retardant materials. Wood slab processing technology

Abstract. The article examines modern approaches to enhancing the fire resistance of wood-based panels widely used in construction as finishing and flooring materials. The necessity of flame-retardant treatment is substantiated due to the high flammability of wood composites and their tendency to release large amounts of heat during combustion. The mechanisms of flame retardants' action are analyzed, including barrier formation and gas dilution theories. Inorganic and organic flame-retardant compounds are reviewed, with a focus on phosphorus-, nitrogen-, and bo-

* © Ещенко Т.В., 2025.

Исследование огнезащитных материалов. Технология обработки древесных плит

ron-containing substances. Key processing technologies are described in detail: immersion, surface coating, and integration during panel manufacturing. Special attention is given to combined solutions that ensure durable and reliable fire protection. The study is aimed at professionals in the fields of building materials, fire safety, and industrial wood processing.

Key words: fire protection, wood-based panels, flame retardants, fire resistance, chemical treatment, impregnation technologies, building materials, fire safety.

Введение.

Как правило, древесные плиты являются горючими материалами и имеют свойство становиться пожароопасными при определенных температурах. В настоящее время в зданиях в больших количествах используются фанера, ДСП и ДВП. Когда в здании возникает пожар, древесные плиты горят и выделяют большое количество тепла, что приводит к быстрому распространению пламени. Согласно положениям Федерального закона о противопожарной службе, при использовании древесных плит в зданиях должна применяться противопожарная обработка. Огнеупорные плиты производятся с использованием древесины в качестве основного сырья. Благодаря рациональности их структуры и тонкой обработке в процессе производства, улучшаются физико-механические свойства древесины [1].

Механизм действия огнезащитного средства

Механизм действия антипирена и предотвращения горения можно свести к следующей теории: согласно теории изоляции, антипирены могут образовывать физический барьер на поверхности древесной плиты для предотвращения выхода летучих газов и в то же время препятствовать контакту кислорода с древесиной, изолируя горючую древесину от высоких температур.

Согласно теории разбавления газов, антипирены подвергаются химическому разложению при высоких температурах, выделяя негорючие газы, тем самым разбавляя горючие газы, образующиеся при пиролизе древесины, и создавая среду, в которой присутствует негорючая газовая смесь.

Для обеспечения огнестойкости вышеперечисленные механизмы огнестойкости должны дополнять друг друга. Одно огнезащитное средство часто обладает несколькими огнезащитными эффектами, и поэтому могут действовать одновременно. Следовательно наилучший огнезащитный эффект может быть достигнут при выборе двух или более компонентов композита [2].

Распространенные антипирены для древесных плит

1) Неорганические антипирены для древесины относятся к различ-

ным традиционным антипиренам, в основном фосфорным, галогенным, борным и азотным. Существуют так же неорганические галогенсодержащие антипирены.

Хлор используется в антипиренах чаще, чем бром, из-за более высокой цены и токсичности брома. Обычно используемые фосфорно-азотные антипирены включают гидрофосфат аммония, полифосфат аммония и сульфат аммония. Фосфорно-азотные антипирены считаются наиболее подходящими антипиренами для древесины, так как синергетический эффект фосфора и азота в антипиренах улучшает огнезащитный эффект древесины, среди которых диаммония гидрогенфосфат является лучшим. Галогенсодержащие антипирены при горении выделяют галоген-водород - высокотоксичный газ, при котором, концентрация дыма относительно высока, что приводит к постепенному сокращению его использования в последние годы, в то время как антипирены, содержащие элементы азота, фосфора и бора, составляют большинство антипиренов для древесины.

Неорганические антипирены широко используются при огнезащитной обработке древесины и составляют более половины общего спроса на антипирены. Однако его нельзя использовать во влажной среде или в контакте с водой из-за его высокой гигроскопичности и плохой водостойкости. Он склонен вызывать обледенение и обесцвечивание поверхности продукта, что затрудняет его окраску. Корродирует (окисляет) металлы и негативно влияет на древесные материалы и их прочность.

Оксиды металлов, такие как оксид алюминия, оксид магния и оксид сурьмы, в основном используются в огнестойких покрытиях, а также могут быть смешаны непосредственно с волокнами и частицами для производства огнестойких древесных плит. Глинозем широко используется в качестве неорганического антипирена, который может замедлять скорость горения полимеров, уменьшать количество дыма, образующегося при горении, и задерживать вредные газы. Оксид алюминия не образует коррозионных продуктов горения, не испаряется и не подвержен воздействию воды и некоторых водных растворов. Кроме того, он цветной, нетоксичный, экологически чистый и недорогой, и в настоящее время является антипиреном номер один по количеству огнезащитных веществ [3].

2) Органические антипирены. В последние годы быстро развиваются органические антипирены содержащие фосфор, азот и бор. Например, борная кислота и борат цинка не только обладают хорошими огнезащитными свойствами, но и не снижают значительно прочность плит, даже при использовании в больших количествах, а также могут снижать поглощение влаги в плитах. Тетраборат натрия обладает хорошим эффектом, но имеет низкую растворимость. Он может препятствовать распространению поверхностного пламени, но обычно используется только в качестве до-

бавки в антипирены, так как способствует образованию дыма и горение. Борная кислота замедляет дым и горение, но благоприятствует распространению пламени. Поэтому можно использовать комбинацию этих химических веществ.

Органические антипирены с огнезащитным эффектом в настоящее время являются важной частью исследования в области огнезащиты. Механизм действия заключается в том, что фосфор и галогены участвуют в реакциях полимеризации и поликонденсации и связываются с основными и боковыми цепями полимера, тем самым закрепляя огнезащитные компоненты в древесине, затрудняя их потерю даже в условиях высокой влажности и при наружном применении, а также увеличивая долговечность огнезащитного эффекта в древесине. К недостаткам относятся нестабильная огнезащитная эффективность, высокая стоимость и высокий уровень дыма и токсичных газов при сгорании. Органические антипирены могут быть получены путем выбора правильных растворителей и эмульгаторов при смешивании нерастворимых антипиренов с соевыми растворами для обработки древесины. Например, борат цинка обладает хорошими огнезащитными свойствами и может быть приготовлен в виде водного раствора с добавлением аммиака. После обработки древесины аммиак улетучивается в процессе сушки, и борат цинка оседает на древесине [4].

3) Огнезащитное средство на смоляной основе – это новый тип огнестойких составов для дерева. Средство производят из аминоксмолы. При производстве смешивают с фосфорной кислотой либо с азотно-фосфорными соединениями, которые при взаимодействии со смолой обеспечивают огнестойкость. Соли фосфористой кислоты (фосфиты) улучшают взаимодействие с азотно-фосфорными соединениями. Эти средства берегут от огненного пламя и влажности, немного оказывая влияние на твердость древесного материала.

Обработка древесных материалов

Огнестойкость лесоматериалов зависит не только от действенности огнезащитного состава, количества, но и от его способа обработки. Воздействие огнестойкой обработки на древесный материал зависит от вида применяемого средства, его свойств и различных условий. Поэтому важным моментом в технологическом процессе защиты древесины это подбор соответствующего огнезащитного средства [5].

1) Погружной метод. В данном методе древесину пропитывают под атмосферным давлением при комнатной температуре, также пропитывают под высокими и низкими температурами, но это уже называется вымачиванием древесины. Применяют еще и другой метод пропитки, т.е. попеременно пропитывают двумя разными средствами. Оба химических вещества вступают в реакцию между собой, образуя третье химическое

вещество, которое не растворяется в пресной воде, накапливаясь в порах древесного материала. Пропитывают под высоким давлением в закрытом резервуаре под прессом.

2) Метод нанесения. При обработке наносится клеевая масса, чтобы в дальнейшем сформировался огнезащитный слой на такие материалы, как гипсовые листы (гипсокартон), фольга металлическая, листы стальные или материалы из древесины. Это довольно обычный способ обработки, который не меняет производственную технологию древесины, чтобы в дальнейшем ее использовать в строительной сфере. Но, к сожалению, этот метод ограничивается только нанесением клея на поверхность древесины, маскируя её настоящую фактуру. Размеры и вид древесного материала незначительны, и нужно выполнять правила осторожности, когда выбираем и соотносим огнезащитное средство, в противном случае пострадают прочностные характеристики материала.

3) Метод производства древесных плит. Методика такова: в первую очередь сыпучее сырьё огнезащитного средства аккуратно распределяют на поверхность древесной плиты (ДВП, ДСП, ОСП) и вплавляют в сырьё с помощью горячего пресса, и после выполненного процесса дают материалу высохнуть. При следующем методе, наносится кисточкой или распыляют жидкое огнезащитное средство на поверхность ДВП, ДСП или ОСП, позволяя проникнуть в материал так же с помощью горячего пресса, но это возможно приведет к возникновению пузырей сверху материала [6].

Заключение

В заключении, можно сделать вывод о том, что проведенные исследования по антипиренам, позволили познать принципы взаимодействия огнезащитных средств и обеспечить надёжный информационный фундамент для исследования новых огнестойких материалов. Следовательно, подробно изучили технологию (методы) обработки древесных плит: погружной метод, метод нанесения и метод производства. В кратчайшие сроки планируется продолжать изучать огнестойкие средства для дальнейшего их улучшения, чтобы достигнуть массового производства. И наконец, исследовать каким же образом огнезащитные средства влияют на окружающую среду, ведь это тоже очень важный вопрос.

Библиографический список

1. Федеральный закон «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 23.05.2016 N 141-ФЗ.
2. Исследование пожарной опасности деревянных строительных конструкций и материалов при применении эффективных огнезащитных средств / А.М. Газизов, А.А. Шарафутдинов, С.А. Имамутдинов [и др.] // Электронный научный журнал «Нефтегазовое дело». 2020. № 6. С. 90-114.

3. Глебов И. Т. Технология и оборудование для производства и обработки древесных плит: учебное пособие / И.Т. Глебов. - 2-е изд., стер. – Санкт-Петербург: Лань, 2022. 240 с.
4. Шакиров Н.Р. Двухкомпонентные огнезащитные лакокрасочные материалы интумесцентного типа на основе эпоксидных связующих / Н.Р. Шакиров, Л.Ф. Абросимова, О.Г. Шакирова // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2017. № 1. С. 101-106.
5. Плотникова Р.Н. Непредельные фталаты из отходов производства как основа для синтеза пластификатора-антипирена // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2022. № 1. С. 202-207.
6. Лукаш А.А. Технология и оборудование для производства древесных плит и композиционных материалов. Строительные материалы из древесины мягких лиственных пород: учебное пособие / А.А. Лукаш, Н.П. Лукутцова. – Санкт-Петербург: Лань, 2020. 132 с.
6. Цзэн Сьюань Музыкальная драматургия в хореографии: обзор концепций и подходов // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 60-67.
7. Лукьянова А.А., Гаврикова О.Ю. Педагогические условия формирования здоровьесберегающей деятельности в образовании студентов колледжа // Альманах Казачество. 2025. № 86 (5). С. 38-45.

References

1. Federal Law “On Service in the Federal Fire Service of the State Fire Service and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” dated May 23, 2016 N 141-FZ.
2. Study of the Fire Hazard of Wooden Building Structures and Materials with the Use of Effective Fire Protection Equipment / A.M. Gazizov, A.A. Sharafutdinov, S.A. Imamutdinov [et al.] // Electronic Scientific Journal “Oil and Gas Business”. 2020. № 6. P. 90-114.
3. Glebov I.T. Technology and Equipment for the Production and Processing of Wood Boards: A Study Guide / I.T. Glebov. - 2nd ed., reprinted. – St. Petersburg: Lan, 2022. 240 p.
4. Shakirov N.R. Two-component fire-retardant paints and varnishes of intumescent type based on epoxy binders / N.R. Shakirov, L.F. Abrosimova, O.G. Shakirova // Bulletin of Kuzbass State Technical University. 2017. № 1. P. 101-106.
5. Plotnikova R.N. Unsaturated phthalates from production waste as a basis for the synthesis of a plasticizer-flame retardant // Bulletin of the Voronezh State University of Engineering Technologies. 2022. № 1. P. 202-207.
6. Lukash A.A. Technology and equipment for the production of wood boards and composite materials. Building materials from softwood: a tutorial / A.A. Lukash, N.P. Lukutsova. – St. Petersburg: Lan, 2020. 132 p.
6. Jiang Siyuan Musical drama in choreography: overview of concepts and approaches // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 60-67.
7. Lukyanova A.A., Gavrikova O.Yu. Pedagogical conditions for the formation of health-saving activities in the education of college students // Almanac Cossacks. 2016. № 86 (5). P. 38-45.

Зотова А.А.

Старший преподаватель кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна. ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова».

Акимова М.П.

Лаборант-исследователь высшей школы креативных индустрий. ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова».

Событийные практики как инструмент модернизации музейной коммуникации с молодежью*

Аннотация. С каждым годом в России набирает популярность такой инструмент как special events, проводимые организациями с целью формирования позитивного имиджа. Все больше компаний внедряют данный инструмент в свои коммуникационные практики. В связи с растущей конкуренцией музею тоже крайне важно адаптироваться к среде и применять современные коммуникационные технологии, а именно специальные мероприятия. Многие музеи не задействуют их в полной мере, недооценивая результативность такого приема. Подобные события помогают достичь многих, важных для организации, коммуникационных целей: привлечь внимание новой аудитории к учреждению, повысить лояльность существующих потребителей, улучшить репутацию и обеспечить присутствие в поле зрения СМИ, что способствует повышению осведомленности об организации. Благодаря задействованию данного инструмента аудитория получает уникальных опыт и запоминающиеся впечатления. В совокупности все названные факторы делают special events неотъемлемой частью коммуникационной кампании организаций в современном мире, вследствие чему подтверждается актуальность исследования.

Ключевые слова: специальные мероприятия, музеи Москвы и России, популяризация культурного наследия страны, формирование имиджа музеев, коммуникационные технологии.

Zotova A.A.

Senior Lecturer at the Department of Advertising, Public Relations and Design, G.V. Plekhanov Russian University of Economics.

Pavlovna A.M.

Research Assistant at the Higher School of Creative Industries, G.V. Plekhanov Russian University of Economics.

* © Зотова А.А., Акимова М.П., 2025.

Событийные практики как инструмент модернизации музейной коммуникации с молодежью

Event practices as a tool for modernizing museum communication with young people

Abstract. Every year, special events organized by organizations in order to create a positive image become more popular in Russia. More and more companies are incorporating this tool into their communication practices. With increasing competition, it is crucial for museums to adapt to their environment and use modern communication technologies, such as special events. However, many museums do not fully utilize this approach, underestimating its effectiveness. Such events help to achieve many important communication goals for the organization: to attract the attention of a new audience to the institution, to increase the loyalty of existing consumers, to improve the reputation and to ensure a presence in the media, which contributes to increasing awareness of the organization. By using this tool, the audience receives a unique experience and memorable impressions. Taken together, these factors make special events an integral part of an organization's communication campaign in today's world, which highlights the relevance of this research.

Key words: special events, museums in Moscow and Russia, promotion of the country's cultural heritage, shaping the image of museums, and communication technologies.

В современном мире государственные музеи выступают социально-культурными субъектами общества. Они не только являются хранилищами исторического и культурного наследия, но и активно взаимодействуют с различными группами общественности. Совокупность коммуникаций и связей музея представляет собой различные социальные взаимодействия. Всякая музейная деятельность протекает по законам общества, в общественной среде, в контакте с другими социальными элементами и в форме межличностных отношений. В музее форма реализации публичных коммуникаций зависит от определенных направлений выбранных программ.

Структура музейной коммуникации включает два фактора, определяющих удовлетворенность посетителя. Этими факторами считаются: психологическая атмосфера музея и эмоциональная вовлеченность в тематику экспозиций. Более того, существуют внутренние и внешние музейные коммуникации. Внутренними коммуникациями являются взаимоотношения по принципу «управляющий – управляемый», внутренние информационные. Такиесвязи в основном административные. Данные коммуникации являются связующим между организацией и персоналом [1].

В качестве внешних связей музея традиционно выступают продолжительные устойчивые отношения, формирующиеся по запланированным действиям музея или под влиянием обстоятельств.

Цели коммуникации государственных музеев с общественностью охватывают несколько ключевых аспектов. В первую очередь музеи стремятся донести до аудитории общечеловеческие ценности, которые нашли вопло-

щение в представленных экспонатах.

Одна из важных целей заключается в том, чтобы пробудить интерес у посетителей, стимулировать их к исследовать и узнавать подробнее о различных экспонатах, представленных в музее. Так вдохновлять их на продолжение образования на протяжении всей жизни.

Кроме того, государственные музеи стремятся создать значимый и запоминающийся опыт для своей аудитории. Использование интерактивных экспонатов и инновационных технологий, позволяет улучшить понимание сообщения, преподнося информацию по-новому.

Отдельно стоит выделить маркетинговую цель музея. По версии «отца современного маркетинга» Филипа Котлера и его соавторов, – таковой целью является создание музея, ориентированного на потребителя. По Котлеру, секрет успеха в музейном мире – это способность музея продвинуть свои уникальные ценности в конкурентной рыночной ситуации. Музей, утверждает Котлер, должен найти, создать и удержать потребителя, превращая посетителей в друзей, а друзей в волонтеров и доноров [2].

Посещаемость российских музеев растет из года в год. Согласно опросу Всероссийского центра изучения общественного мнения за 2024 год, 43% россиян ходят в музей хотя бы раз в год, а среди жителей Москвы и Петербурга этот показатель выше – 71%. Также было проведено социологическое исследование, направленное на выяснения, как часто ходят в музей жители Москвы и Подмосковья ходя в музей: Самые частые посетители музеев-женщины старше 50 лет с высшим образованием, а самые редкие-мужчины до 40 лет.

Как субъекты коммуникационной деятельности, музеи играют важнейшую роль в передаче культурных и исторических ценностей, а также образовании широкой аудитории. Коммуникационная деятельность музеев направлена на достижение следующих целей: информационная, образовательная, социальная, коммерческая, эстетическая и развлекательная. Для достижения этих целей музеям необходимо четко понимать типологию своей аудитории. Феоктистова Софья Эдуардовна, специалист отдела маркетинга и связей с общественностью ГМИИ имени А.С. Пушкина выделяет следующие виды аудиторий музеев: виртуальная аудитория музеев (подписчики музеев в социальных сетях, посетители сайтов музеев), реальная аудитория музеев, потенциальная аудитория музеев, лояльная аудитория, иностранная аудитория, реальная музейная аудитория.

Посетителей музеев можно сегментировать по частоте их посещения музеев на: регулярный посетителей, которые посещают музеи ежемесячно и чаще; периферийные посетители, которые посещают музеи несколько раз в год и эпизодические посетители, которые посещают музеи реже 1 раза в год. В 2016 году волонтеры опрашивали посетителей Третьяков-

ской галереи, ГМИИ им.А.С.Пушкина и Еврейского музея. На основе результатов опроса была проведена сегментация посетителей музеев: 28% посетителей составили русскоговорящие туристы, 16% посетителей, которых назвали «познающими» приходят в музеи из-за рекомендаций друзей и знакомых, они внимательно читают таблички и пользуются услугами гидов, 12% составила аудитория от 55 лет, которым важна передача традиций младшим поколениям, 10% составили семьи, 10% составили «модники» (люди, которые ходят преимущественно на популярные выставки за возможностью сделать фотографии в красивых нарядах), 8% «социализаторы», которые любят посещать музеи с друзьями и обсуждать увиденное, 8% посетители, которые приходят в музеи одни, 4% составили «ВИП-гости» которые предпочитают платить за эксклюзивные выставки и закрытые мероприятия, 4%- специалисты, которые ищут в музеях нужные материалы.

Государственные музеи взаимодействуют с разными государственными учреждениями. Они могут получать финансирование или поддержку от них, сотрудничать в исследовательских проектах или прикладывать усилия по сохранению культурного наследия.

Таким образом, можно сказать, что государственные музеи в России выступают центром общественной и коммуникационной деятельности. Их цели включают сохранение, образование и культурное обогащение, ориентированное на различные общественные группы.

На сегодняшний день музеи не могут игнорировать цифровую среду из-за её растущего влияния. В мировой и российской индустрии развлечений возникает тенденция внедрения цифровых носителей, которые помогают сначала привлечь потребителя, предоставляя ему возможность знакомства с культурным продуктом заранее дистанционно, а в будущем рассчитывать на очный диалог. Вследствие чего всё больше культурных институтов подключают разные цифровые платформы для интеракции с людьми до и после посещения. Так, например, онлайн пользователи сайта музея могут стать настоящими посетителями, ведь некоторые люди делают свой выбор, обращая внимание на сайт и социальные сети, презентующие музей. Благодаря социальным сетям у музеев есть возможность выстроить такую коммуникацию, где любой исторический или фактический контекст может получить каждый человек, имеющий доступ к поисковой системе [3].

Концепция музея как эксклюзивного места перестает быть актуальной, музеям необходимо становиться более инклюзивными. Посетители хотят получать понятные интерпретации произведений искусства, удовлетворяющие аудиторию с разным уровнем предварительных знаний. Создавая гостеприимную и инклюзивную среду возможно охватить и вовлечь более широкий круг посетителей.

Доступность стала важным элементом плодотворной музейной коммуникации. Это включает такие параметры как цены, рабочие часы, комфортное местоположение, язык, на котором представлена информация.

Для того чтобы музей не утратил актуальность для современных посетителей, он должен не только анализировать желания и нужды этих людей, но и отслеживать кто приходит, а кто нет. Поэтому нужно исследовать конкурентов, нынешних и потенциальных посетителей, для которых формируются информационные сообщения. После изучения лояльной аудитории, музей может заняться мотивацией неохваченных групп людей посетить музей. Важно поддерживать диалог с посетителями непрерывно, создавая желание вернуться в музей снова.

Кроме того, необходимо отметить, что структура музейной коммуникации состоит из двух факторов, влияющих на удовлетворенность посетителей. Это эмоциональная вовлеченность в тематику выставок и психологическая атмосфера музея.

Таким образом, вследствие продуктивной работы музея с аудиторией они будут возвращаться, приводить своих близких и советовать музей друзьям.

В настоящее время наблюдается тенденция снижения посещаемости музеев, особенно со стороны молодежи. Поэтому, чтобы привлечь внимание общественности и мотивировать к посещению, культурными институтами используется такой инструмент, как специальные мероприятия.

Говоря в целом о музеях России, можно отметить акцию «Ночь музеев», в которой участвует большое количество культурных учреждений страны [4]. Это международное ежегодное массовое мероприятие, примечательное тем, что многие музеи открыты к посещению вне их привычного графика работы – поздно вечером и ночью. Кроме экскурсий по обычной экспозиции, многие музеи разрабатывают развлекательно-познавательные программы. В событии традиционно принимают участие крупные известные музеи России, например Эрмитаж, Третьяковская галерея, ГМИИ им. А.С. Пушкина и многие другие.

С помощью «Ночи музеев» учреждения могут привлечь больше посетителей, особенно молодежи, а также показать свои ресурсы, возможности и потенциал. Обычная экскурсия уже не так актуальна, а вот интерактивный контент, необычная подача информации, взаимодействие с аудиторией – позволяют заинтересовать широкую общественность. Многие музеи в рамках акции предлагают посетить их бесплатно, что позволяет людям ознакомиться с музеем, а при грамотной разработке развлекательной программы и экспозиции, вызвать желание вернуться.

Основными целями данной акции являлись: популяризация музеев и культурного наследия, привлечение посетителей разных возрастных и

социальных групп, демонстрация потенциала и продвижение российских музеев.

Данное событие получает широкое информационное освещение. Многие музеи были неоднократно упомянуты в тематических и массовых СМИ, что способствует продвижению. Проанализировав итоги 2025 год, было выявлено, что в Москве в акции приняли участие более 550 тысяч человек, что в полтора раза больше, чем в 2024 году [5]. Почти 400 тыс. человек бесплатно посетили учреждения музейно-выставочного типа, в том числе в том числе 51 тыс. человек – музеи на территории ВДНХ и более 120 тыс. человек – федеральные музеи. Онлайн-трансляции музейных комплексов посмотрели более 700 тыс. человек.

В Санкт-Петербурге организаторы акции поделились, что число посетителей культурных учреждений превысило отметку в 60 тысяч. По заранее купленным билетам пришло более 20 тысяч человек. Участие в событии приняли 142 культурных института. Также велась онлайн-трансляция экскурсий, зрителями которой стали более 3 800 000 человек [6].

В столице Урала - Екатеринбурга приняли участие 134 площадки. Им удалось привлечь внимание 85 тысяч человек.

Рассматривая мероприятие для более узкой аудитории, разберем чайную церемонию, проводимую музеем Востока Москвы. Государственный музей Востока – крупнейший федеральный музей в России, посвященный искусству Востока. После просмотра экспозиции, посвященной искусству Китая, гостей знакомят с традиционной китайской чайной церемонией, в рамках которой мастер рассказывает о чае и заваривает несколько сортов. Погружению в азиатскую культуру также способствует лекция о свойствах чая и трав, а вместе с тем показ китайских иллюстраций. С 2022 года мероприятие сделали еженедельным. Событие получило не сильное освещение в СМИ, в основном в тематических изданиях, затрагивающих тему досуга и культуры.

Исходя из вышесказанного, специальные события представляют собой неотъемлемую часть коммуникационной деятельности культурных институтов, а также важный инструмент позиционирования и создания имиджа учреждения. Также, благодаря внедрению событийных коммуникаций, музеям удается привлечь и удержать внимание средств массовой информации, что выводит музеи на более высокий уровень присутствия на информационном поле.

Библиографический список

1. Гуриева С.Д., Харитоновна Т.Ю. Особенности музейной коммуникации: оправданность ожидания и удовлетворение и статической потребности // Психологические науки. 2018. № 8. С. 41.
2. Philip Kotler, Neil Kotler G., Wendy Kotler I. Museum Marketing and Strategy. John Wiley & Sons Limited, 2008. С. 30.

3. Болдырева Е.В. Сервисное развитие услуг музея: внешние сервисы современных музеев // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2022. С. 57.
4. Информационное агентство «Регнум» // URL: <https://regnum.ru/news/3599238> (Дата обращения: 22.10.2025)
5. Мэр Москвы рассказал о количестве посетителей «Ночи в музее» // URL: https://www.gazeta.ru/culture/news/2025/05/18/25814774.shtml?ysclid=mh613fkp92901879035&utm_auth=false (Дата обращения: 22.10.2025)
6. В Петербурге «Ночь музеев» собрала свыше 60 тысяч посетителей // URL: <https://gazeta.spb.ru/2617714-v-peterburge-noch-muzeev-sobrala-svyshe-60-tysyach-posetitelej> (Дата обращения: 22.10.2025)
7. Субботина Н.С., Ачаева М.С., Пospelова Н.В., Саламатова Е.П. Аллюзивные имена собственные с общей семантикой «маленький размер» в художественном тексте // Власть истории – История власти. 2025. Том 11. Часть 5. № 63. С. 12-16.
8. Горина Л.В., Талинский И.Д., Захарова М.С. Негосударственный сектор дошкольного образования: частные детские сады // Альманах Казачество. 2025. № 86 (5). С. 52-62.

References

1. Gurieva S.D., Kharitonova T.Yu. Features of museum communication: justification of expectations and satisfaction of static needs // Psychological sciences. 2018. № 8. P. 41.
2. Philip Kotler, Neil Kotler G., Wendy Kotler I. Museum Marketing and Strategy. John Wiley & Sons Limited, 2008. P. 30.
3. Boldyreva E.V. Service development of museum services: external services of modern museums // Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts. 2022. P. 57.
4. Regnum News Agency // URL: <https://regnum.ru/news/3599238> (22.10.2025)
5. Moscow Mayor Reports on the Number of Visitors to Museum Night // URL: https://www.gazeta.ru/culture/news/2025/05/18/25814774.shtml?ysclid=mh613fkp92901879035&utm_auth=false (22.10.2025)
6. Museum Night in St. Petersburg Attracted Over 60,000 Visitors // URL: <https://gazeta.spb.ru/2617714-v-peterburge-noch-muzeev-sobrala-svyshe-60-tysyach-posetitelej> (22.10.2025)
7. Subbotina N.S., Achaeva M.S., Pospelova N.V., Salamatova E.P. Allusive proper nouns with the general semantics of “a small size” in a literary text // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 5. № 63. P. 12-16.
8. Gorina L.V., Talinskij I.D., Zakharova M.S. Non-governmental preschool education sector: private kindergartens // Almanac Cossacks. 2016. № 86 (5). P. 52-62.

Мэн Чжан

Магистр философии. Университет Хэйхэ, Хэйхэ, Китай.

Цзин Ли

Доцент. Университет Хэйхэ, Хэйхэ, Китай.

Механизм интеграции и практическое исследование обучения волонтерскому служению в системе идеологического и политического воспитания в школах*

Аннотация. Основываясь на важном выступлении Генерального секретаря Си Цзиньпина о социальной работе, эта статья подробно исследует механизм и практический путь интеграции обучения волонтерской работе в систему идеологического и политического образования в школах как с теоретической, так и с практической точек зрения.

В данной работе анализируется внутренняя связь между обучением волонтерской деятельности и идеологическим и политическим воспитанием в школах. Кроме того, разъясняется важность и целесообразность интеграции обучения волонтерской деятельности в школьную систему идеологического и политического образования.

В статье приводятся теоретические и практические рекомендации для дальнейшего содействия эффективному внедрению обучения волонтерской работе в рамках идеологического и политического образования в школах, с тем чтобы повысить идеологическую и политическую грамотность учащихся и подготовить всесторонне развитые таланты для новой эры.

Ключевые слова: обучение волонтерскому служению, идеологическое и политическое воспитание в школе, практическое изучение, механизм интеграции, рассуждения об общественной работе.

Meng Zhang

Master of Philosophy. Heihe University, Heihe, China.

Jing Li

Associate Professor. Heihe University, Heihe, China.

* © Мэн Чжан, Цзин Ли, 2025.

Механизм интеграции и практическое исследование обучения волонтерскому служению в системе идеологического и политического воспитания в школах

The integration mechanism and practical exploration of volunteer service education in the ideological and political education system of schools

Abstract. Based on General Secretary Xi Jinping's important discourse on social work, this article explores in depth the mechanism and practical path of integrating volunteer service education into the ideological and political education system of schools from both theoretical and practical perspectives. By analyzing the intrinsic connection between volunteer service education and ideological and political education in schools, this paper elucidates the significance and feasibility of integrating volunteer service education into the school's ideological and political education system, providing theoretical and practical references for further promoting the effective implementation of volunteer service education in ideological and political education in schools, so as to enhance students' ideological and political literacy and cultivate well-rounded talents for the new era.

Key words: volunteer service education, school ideological and political education, integration mechanism, practical exploration, social work discourse.

Настоящая статья является результатом исследования Общего проекта 2020 года по изучению преподавателей идеологической и политической теории в высших учебных заведениях: «Исследование реформы идеологического и политического образования в университетах приграничных регионов на фоне мультикультурализма» (номер проекта: 20JDSZK146).

This article is the research result of the 2020 General Project for the Study of Ideological and Political Theory Teachers in Higher Education Institutions: "Research on the Reform of Ideological and Political Education in Border Region Universities Against the Background of Multiculturalism" (Project Number: 20JDSZK146).

1. Introduction

In today's society, ideological and political education in schools bears the important task of cultivating students' correct worldview, outlook on life, and values, and its importance is self-evident. As an important way of practical education, volunteer service education is increasingly receiving widespread attention. Since the 18th National Congress of the Communist Party of China, the Party Central Committee with Comrade Xi Jinping at its core has placed social work in an important position, and has made a series of important statements on why and how to strengthen social work. General Secretary Xi Jinping has put forward a series of new ideas, new perspectives, and new judgments, providing important theoretical guidance and direction for the integration of volunteer service education into the school's ideological and political education system. In-depth research on the integration mechanism and practical exploration of the two can not only enrich the form and content of ideological and political education, but also stimulate students' enthusiasm and initiative

to participate in ideological and political education, enhance the effectiveness of ideological and political education, and have important practical significance and theoretical value.

2. The Significant Importance of General Secretary Xi Jinping's Important Discourse on Social Work

On November 5-6, 2024, the Central Conference on Social Work was held in Beijing, conveying General Secretary Xi Jinping's important instructions on doing a good job in social work in the new era, emphasizing the unwavering commitment to the path of socialist social governance with Chinese characteristics and promoting high-quality development of social work in the new era. General Secretary Xi Jinping pointed out that "social work is an important component of the work of the Party and the state, which is related to the long-term governance of the Party and the long-term stability of the country, as well as social harmony and stability, and the happiness and well-being of the people [1] General Secretary Xi Jinping's important discourse on social work is an important component of Xi Jinping's Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era, which provides a clear direction for the development of social work in China. The key role of social work in social governance was emphasized, and the important value of social work in solving social problems, promoting social harmony, and ensuring people's well-being was clarified. This laid a solid theoretical foundation for the integration of volunteer service education into the school's ideological and political education system, making the development of volunteer service education more targeted and mission oriented.

Integrating volunteer service education into ideological and political education in schools is a vivid practice of deeply practicing General Secretary Xi Jinping's important discourse on social work. By participating in volunteer services, students can delve into society, understand people's livelihoods, cultivate a sense of social responsibility and dedication in practice, and grow into active participants in social governance. Taking Heihe University as an example, the school's Youth League Committee, student affairs departments, and party organizations at all levels actively played a leading role, formed multiple volunteer service teams, and deeply participated in community service projects in Heihe City. In the field of environmental protection, the school organizes student volunteers to participate in cleaning actions in urban parks, rivers, and lakes. Volunteers hold garbage bags and garbage clips to clean up various types of garbage, promote environmental protection knowledge and garbage classification to citizens, advocate the concept of green living, and contribute to the protection of the city's green mountains and rivers. In terms of cultural heritage, the school collaborates with various historical and cultural venues in Heihe City, arranging student volunteers to serve as tour guides, telling local historical stories and folk customs to tourists, and assisting in the

inheritance and promotion of traditional culture. These diverse volunteer service activities greatly broaden students' horizons, enabling them to comprehensively enhance their comprehensive qualities and sense of social responsibility in different practical scenarios.

3. The Relationship Between Volunteer Service Education and Ideological and Political Education in Schools

3.1 Connotation and Characteristics of Volunteer Service Education

Volunteer service education, as a specialized educational activity with the core goal of cultivating volunteer spirit and enhancing volunteer service capabilities, occupies a unique and critical position in the contemporary education system and social development process. Its connotation is rich and profound, not limited to simply imparting service skills, but also focusing on shaping individual values, social responsibility, and civic awareness.

Volunteer service education has the characteristics of practicality, sociality, voluntariness, and inheritance. What is learned on paper is shallow, but one must put it into practice. Volunteer service education has distinct practicality, and it differs from traditional theoretical knowledge indoctrination by emphasizing the acquisition of knowledge and experience through practical actions, enabling students to transform abstract moral concepts and social cognition into concrete behavioral practices through their personal participation in social services, thereby achieving the unity of knowledge and action. Sociality is also an important characteristic of volunteer service education. Volunteer service activities naturally connect individuals closely with society. In the process of serving society, students gain in-depth exposure to various levels of society, understand the needs of different groups, and understand the actual situation of social operation. This social interaction not only helps students adapt to society, but also cultivates their sensitivity to social issues and problem-solving abilities, becoming a positive force for promoting social progress. Voluntarily, on the other hand, is the intrinsic driving force behind volunteer service education. Unlike mandatory educational activities, volunteer service is built on the basis of individual voluntariness, reflecting an individual's proactive commitment to social responsibility and active pursuit of public interests. This kind of participation based on inner will can stimulate individuals' enthusiasm and creativity, making volunteer service more dynamic and sustainable. In addition, volunteer service education also has inheritability. Volunteer service education has a long history, deeply rooted in the traditional virtues of mutual assistance and helping the needy of the Chinese nation. The ancient granaries and schools, as well as modern charitable relief activities, all demonstrate the value pursuit of the Chinese nation in caring for others and contributing to society. In the context of the new era, volunteer service education is highly in line with General Secretary Xi Jinping's requirements for social work practice.

Its core concept of focusing on people's livelihood and serving the masses coincides with the spiritual core of volunteer service education. By participating in volunteer services, students can effectively pay attention to and solve social problems, whether it is caring for vulnerable groups, assisting in environmental protection, or promoting cultural inheritance, all of which can contribute to the harmonious development of society and become a vivid embodiment of practicing socialist core values.

3.2 Objectives and Content of Ideological and Political Education in Schools

General Secretary Xi Jinping pointed out at the National Education Conference: "China is a socialist country led by the Communist Party of China, which determines that our education must take the cultivation of socialist builders and successors as the fundamental task, and cultivate generation after generation of useful talents who support the leadership of the Communist Party of China and the socialist system of China, and are committed to lifelong struggle for the cause of socialism with Chinese characteristics [2] School ideological and political education aims to comprehensively cultivate students' ideological and political qualities, covering key elements such as firm ideals and beliefs, correct political direction, and good moral qualities. A firm ideal and belief can help students maintain the right direction throughout their life journey, not swayed by external interference and temptation. The correct political direction ensures that students deeply understand and identify with the country's political system and development path, and maintain a high degree of consistency with the Party and the state in their thoughts and actions, becoming firm supporters and active builders of the cause of socialism with Chinese characteristics. Good moral qualities, such as honesty and trustworthiness, respect for the elderly and love for the young, and solidarity and mutual assistance, are indispensable cornerstones for students in social interaction and personal growth. They help to build harmonious interpersonal relationships and create a positive social atmosphere.

The content of ideological and political education in schools is rich, diverse, and has a profound theoretical foundation, including education on Marxist theory, patriotism, socialist core values, and other aspects. As the core content of ideological and political education, Marxist theory education provides students with a scientific worldview and methodology, enabling them to analyze and solve problems from the perspectives of dialectical materialism and historical materialism, and grasp the essence and development laws of things through phenomena. Patriotic education inspires students to have a deep love for their motherland, allowing them to understand the country's history and culture, magnificent mountains and rivers, and heroic deeds of fighting for national independence and liberation, thereby enhancing their sense of national pride and responsibility, and closely linking their personal destiny with

the destiny of the country. The education of socialist core values covers three levels of values: national, social, and individual citizens. It advocates for the development goals of prosperity, democracy, civilization, and harmony, pursues social values such as freedom, equality, justice, and the rule of law, and practices personal moral norms such as patriotism, dedication, integrity, and friendliness. It comprehensively guides students to establish correct values and regulate their own behavior.

3.3 The Intrinsic Connection Between Volunteer Service Education and Ideological and Political Education in Schools

Volunteer service education and ideological and political education in schools are highly consistent in their educational goals, both committed to cultivating socialist builders and successors with comprehensive development in morality, intelligence, physical fitness, aesthetics, and labor skills. On the one hand, from the essence of education, volunteer service education, with its practical nature, provides a practical platform for ideological and political education. When students participate in volunteer service, they can transform abstract ideological and political content into practical actions, integrating ideological and political education into their daily lives. For example, in volunteer activities that care for elderly people living alone, students can better understand the socialist core values by practicing the moral code of respecting the elderly and loving the young. On the other hand, ideological and political education also provides theoretical support and ideological guidance for volunteer service education. By studying Marxist theory, patriotic education, and socialist core values, students can gain a higher level of understanding of the value of volunteer service, comprehend the sense of social responsibility and dedication it embodies, and achieve a shift in their thinking from passive to active participation. This close connection is highly in line with General Secretary Xi Jinping's important discourse on social work, which requires the combination of practice and theory. It reflects the fundamental principle of social work in the new era, which is to adhere to the people-centered approach and cultivate more talents who serve and contribute to society through the integration of volunteer service education and ideological and political education.

4. The Importance of Integrating Volunteer Service Education into the School's Ideological and Political Education System

4.1 Enriching the Forms and Contents of Ideological and Political Education

Traditional ideological and political education is mainly based on classroom teaching, with relatively single forms. The integration of volunteer service education has added new forms of ideological and political education, such as community service, public welfare activities, etc. These practical activities greatly enrich the content of ideological and political education, enabling students to

receive education in real social contexts. In participating in the “Three Down to the Countryside” poverty alleviation volunteer service activity, students from Heihe University go deep into impoverished rural areas to understand the living conditions of poor families and China’s poverty alleviation policies. They personally experienced the significant effectiveness of the socialist system in solving poverty problems, thereby enhancing their understanding of the superiority of the socialist system. This is in line with the unique advantage of China’s social work in focusing on solving practical social problems. Through volunteer service activities, students can experience the importance of social governance in practice, deepen their understanding of ideological and political education content, and conform to General Secretary Xi Jinping’s concept of focusing on solving practical problems and promoting social development in social work practice requirements.

4.2 Improving Students’ Enthusiasm for Participating in Ideological and Political Education

Volunteer service activities have fun and autonomy, which can fully stimulate students’ enthusiasm for participation. Compared with traditional ideological and political education classrooms, students are more able to fully exert their subjective initiative in volunteer service. Students can choose to participate in volunteer service projects that interest them based on their own interests and hobbies, such as cultural inheritance, caring for vulnerable groups, etc. During the participation process, they can actively receive ideological and political education, improve their learning enthusiasm and initiative. This approach fully embodies the value orientation of social work in the new era, respects individual choices and development, encourages students to actively participate in social affairs, and achieves the unity of self-worth and social value in practice.

4.3 Enhancing the Effectiveness of Ideological and Political Education

Volunteer service education emphasizes practical experience, and students internalize the theoretical knowledge of ideological and political education into their own moral qualities and behavioral habits through personal experience. After participating in the environmental volunteer service activities in Heihe City, students deeply realized the importance of environmental protection and consciously practiced the concept of environmental protection in their daily lives, such as reducing the use of disposable items and sorting garbage, truly realizing the integration of knowledge and action in ideological and political education and enhancing the effectiveness of education. This is in line with General Secretary Xi Jinping’s important discourse on social work, which emphasizes the importance of practical education. Through volunteer service practice, students’ sense of social responsibility and practical ability can be cultivated, and the achievements of ideological and political education can truly take root.

5. Feasibility of Integrating Volunteer Service Education into the Ideological and Political Education System of Schools

5.1 Policy Guarantee Support

China has always attached great importance to volunteer service education and ideological and political education in schools, and has issued a series of targeted and guiding policy documents at the top-level design level, demonstrating strategic considerations and long-term layout for these two tasks. The “Opinions on Promoting the Institutionalization of Volunteer Service” clearly states that it is necessary to deeply integrate volunteer service education into the school education and teaching system, and ensure the systematic and sustainable nature of volunteer service education in school education from the perspective of the education system. [3] “The Regulations on Volunteer Service” clearly require schools, families, and society to cultivate the volunteer service awareness and ability of young people. Higher education institutions and secondary vocational schools can include students’ participation in volunteer service activities in the management of practical credits. [4] The “Opinions of the General Office of the CPC Central Committee and the General Office of the State Council on Improving the Volunteer Service System in the New Era”, issued on April 12, 2024, sets forth the overall requirements for improving the volunteer service system in the new era from a macro perspective and clarifies the primary objectives for 2035. From the perspective of modernizing social governance, these Opinions provide comprehensive policy safeguards and clear directional guidance for integrating volunteer service education into the school ideological and political education system. [5] General Secretary Xi Jinping’s important discourse on social work provides robust policy support for the implementation of volunteer service education in schools, profoundly reflecting the state’s high priority on cultivating well-rounded talents with moral, intellectual, physical, aesthetic, and labor education, as well as advancing innovation in social governance. These remarks not only lay a solid theoretical foundation for integrating volunteer service education with school ideological and political education but also provide clear practical guidance for their organic combination. This promotes their coordinated development in educational practice, jointly serving the national talent cultivation strategy and societal development needs.

5.2 Advantages of School Resources

In promoting the integration of volunteer service education and ideological and political education, schools rely on their advantages in manpower, material resources, and organizational resources to provide solid support for the development of volunteer service education. The teaching staff is an important human resource for schools. They can provide scientific guidance for volunteer service activities based on their professional knowledge and teaching experience. In the planning stage, teachers apply knowledge of education and sociology to help students clarify activity goals, design reasonable plans, and ensure that

activities comply with educational laws and social needs. During the execution of activities, teachers utilize knowledge of psychology and management to pay attention to students' states, address psychological issues, and manage the activity process. At the same time, teachers should guide students to reflect and summarize, promote the transformation of practical experience, and enhance their comprehensive quality. The organizational resource advantages of the school are also very significant. Relying on a sound organizational structure and management system, the school has incorporated volunteer service into its teaching plan and comprehensive quality evaluation system, ensuring the enthusiasm and sustainability of student participation at the institutional level. By participating in community service, environmental protection and public welfare activities, students can apply their knowledge to practice, enhance their sense of social responsibility and teamwork ability. The cooperation between schools, communities, and social organizations has expanded the fields and channels of volunteer service. Taking the cooperation between relevant majors at Heihe University and local communities as an example, students majoring in primary education provide academic tutoring and other services to children in the community, enhancing their teaching abilities and helping children grow; Students majoring in art education participate in the creation of cultural walls, combining art with community beautification to spread art and culture. This cooperation model is based on the principles of resource sharing and complementary advantages, in line with the theory of resource integration, to achieve optimized allocation of resources, improve the efficiency and quality of volunteer services, promote the professionalization and standardized development of volunteer service education, and provide strong support for its deep integration with ideological and political education. [6]

5.3 Students' Development Needs

In the current rapidly developing society, young students in the new era exhibit a strong sense of social responsibility and participation. They are no longer satisfied with simple knowledge learning, but aspire to exercise their abilities and achieve the unity of personal value and social value through participating in social practice. Volunteer service education perfectly meets the intrinsic needs of students, becoming a high-quality platform for them to showcase themselves and give back to society. Volunteer service activities provide students with multidimensional opportunities for skill development. During the participation process, students need to use communication skills to communicate and collaborate with different groups, which helps to enhance their interpersonal communication skills; Faced with complex and ever-changing service scenarios, students need to learn to adapt flexibly, develop solutions, and thus exercise their problem-solving skills and innovative thinking. From a societal perspective, students' active participation in volunteer service is a manifestation of the younger generation's proactive integration into society and assumption of social respon-

sibility. This is highly consistent with the concept of “people-oriented, helping others to help themselves” advocated by social work in the new era. Social work focuses on the growth and development of the younger generation, encouraging them to learn from experience and cultivate a sense of responsibility in social services. [7] Through volunteer service, students gain a deeper understanding of social issues, stimulate their awareness of social care, and gradually grow into responsible and accountable citizens. This not only meets the demand for talent in social development, but also injects a continuous stream of vitality into the sustainable development of society.

6. The Mechanism of Integrating Volunteer Service Education into the Ideological and Political Education System of Schools

6.1 Curriculum Setting Mechanism

The first is to integrate volunteer service education into the teaching of ideological and political theory courses. It is necessary to combine volunteer service education with ideological and political theory teaching, and carry out “practical teaching of ideological and political theory courses - volunteer service activities”. The ideological and political education teacher designs corresponding volunteer service projects based on the course content. For example, in the course of “Ideological and Moral Education and Rule of Law”, teachers can explain the connotation and value of morality by combining moral exemplary deeds in volunteer service activities; In the course of “Introduction to Mao Zedong Thought and the Theory of Socialism with Chinese Characteristics”, teachers can organize students to carry out volunteer service activities for “Red Culture Inheritance” to spread red culture to the public; In the course “Introduction to Xi Jinping Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era”, teachers can organize students to participate in rural revitalization volunteer services. They apply the rural revitalization strategy theory from the new ideology to devise strategies for rural industrial development, cultural construction, and other areas. This integration model breaks the dilemma of the disconnect between theory and practice, using volunteer service as a carrier to stimulate students’ interest in learning, promote the internalization of theoretical knowledge, enhance ideological and political literacy, make students more firm in their ideals and beliefs, and enhance their confidence in the path, theory, system, and culture of socialism with Chinese characteristics.

The second is to integrate volunteer service education into the ideological and political education of various courses. In the teaching of various professional courses, teachers can naturally introduce the concept and practical cases of volunteer service based on the course content. For example, in humanities and social science courses, teachers and students can discuss the history and development of volunteer service, and analyze the connotation of volunteer spirit; in practical courses, teachers can incorporate the key points of planning

and organizing volunteer service projects. Through this approach, students can unconsciously understand volunteer service in their daily course learning. Taking Heihe University as an example, teachers will use various methods such as classroom lectures, case analysis, and group discussions in different courses to guide students to deeply reflect on the relationship between volunteer service and course knowledge. At the same time, in the ideological and political education of the curriculum, General Secretary Xi Jinping's important discourse on social work is organically integrated, allowing students to understand the significance and social responsibility of volunteer service from a theoretical perspective, accurately grasp the close connection between volunteer service and social development, and cultivate students' sense of social responsibility and accountability. [8]

6.2 Organizational Mechanism for Practical Activities

The first is to establish a database of volunteer service projects. Schools can establish a comprehensive library of volunteer service projects, integrate various volunteer service resources, and provide students with diverse choices of volunteer service projects. The project library covers projects in multiple fields such as community service, environmental protection and public welfare, cultural education, and caring for vulnerable groups. In the field of community service, students can participate in activities such as community building and mutual assistance among neighbors to enhance their sense of social integration; Environmental public welfare projects can cultivate students' ecological awareness and sustainable development concepts; Cultural and educational projects help inherit and promote excellent culture, enhance students' cultural literacy; The project of caring for vulnerable groups can stimulate students' humanistic care spirit. Students can freely choose to participate according to their interests and strengths, enabling them to exercise their comprehensive abilities and enhance their sense of social responsibility through rich practice, laying a solid foundation for their all-round development, and providing strong support for the deep integration of volunteer service education and ideological and political education. [9]

The second is to improve the organizational process of volunteer service activities. The school needs to improve the organizational process of volunteer service activities, including key links such as project planning, recruitment of volunteers, training, implementation of activities, and summary and evaluation. In the project planning stage, it is necessary to fully consider the needs of students and the actual social situation, and develop practical and feasible project plans; When recruiting volunteers, it is important to clarify the recruitment criteria and process to ensure that suitable volunteers are recruited; In the training process, volunteers should receive professional knowledge and skills training to improve their service level; During the implementation of the activity, it is also necessary to strengthen the management and guidance of volunteers to ensure

the smooth progress of the activity; In the summary and evaluation stage, it is a must to comprehensively summarize and evaluate volunteer service activities, promptly identify problems, and make improvements. This process reflects the rigor of practice, ensuring the smooth implementation of volunteer service activities and achieving the goals of volunteer service education through scientific organizational management.

6.3 Evaluation System Construction Mechanism

The first is to establish scientific evaluation indicators. Schools should develop scientific evaluation indicators for volunteer service education, which not only fully reflect General Secretary Xi Jinping's important discourse on social work, but also focus on enhancing students' ideological awareness and cultivating their sense of social responsibility in volunteer service. From the perspective of combining theory and practice, the effectiveness of volunteer service education should be comprehensively and scientifically evaluated. Specifically, it can include multiple aspects such as participation in volunteer service, service quality, and improvement of ideological awareness. Participation can be measured by indicators such as the time and frequency of student participation in volunteer services; Service quality can be evaluated through indicators such as customer satisfaction and activity effectiveness; The improvement of ideological awareness can be examined through students' experiences, reflections, and summaries.

The second is to establish a sound system of multiple evaluation subjects. The evaluation subjects should include schools, teachers, students, and service recipients. As a macro level evaluation subject, schools comprehensively evaluate the overall effectiveness of volunteer service education based on overall educational goals and educational strategic planning. By analyzing the role of volunteer service activities in improving students' comprehensive quality, campus culture construction, and social influence, we can strategically control the development direction of volunteer service education. Teachers, with their professional educational knowledge and in-depth understanding of students, are able to provide detailed evaluations of their performance in volunteer service activities. Feedback can be provided from multiple dimensions, including students' application of professional knowledge, improvement of practical skills, teamwork ability, and ideological and moral cultivation, to provide targeted guidance and suggestions for students. Students engage in self-evaluation and peer evaluation based on constructivist learning theory, promoting the internalization and reconstruction of knowledge and experience through self reflection and peer communication. [10] During the evaluation process, students summarize their own experiences and lessons, learn from the strengths of others, and achieve common progress. The service recipients evaluate the quality, attitude, and abilities of volunteers based on their actual service experience. Their evaluation directly reflects the social value and actual effectiveness of volunteer service, providing

genuine feedback from the service audience for the improvement of volunteer service. This diversified subject evaluation method is also in line with the concept of multi-party participation and democratic decision-making in China's social work, reflecting the fairness and objectivity of evaluation and meeting the requirements of practice.

7. The Problems and Countermeasures of Integrating Volunteer Service Education into the School's Ideological and Political Education System

7.1 Existing Problems

The first is the systemic inadequacy of volunteer service education. There is a lack of systematic planning for volunteer service education, scattered volunteer service activities, and a lack of coherence and systematicity. The integration of volunteer service education and ideological and political education is not close enough, and there is a phenomenon of "two skins", which has not truly played the role of volunteer service education in ideological and political education. The second is that the quality of volunteer service activities needs to be improved. Some volunteer service activities lack professional guidance, and the service abilities and levels of volunteers vary greatly, resulting in low service quality. At the same time, some volunteer service activities have a formalistic tendency in practice, focusing too much on the quantity and scale of activities, while neglecting the actual effects of activities. The third is that the evaluation system is not perfect enough. The evaluation system is not scientific and reasonable enough, with a single evaluation index, mainly based on the duration and frequency of volunteer service, neglecting the improvement of students' ideological awareness and comprehensive quality cultivation in volunteer service activities.

7.2 Solutions

Firstly, it is to strengthen top-level design and build a scientific system. Schools should place volunteer service education at the forefront of their ideological and political education systems. Guided by General Secretary Xi Jinping's important discourse on social work, they must develop scientifically sound and well-structured volunteer service education plans that integrate theoretical foundations, practical applications, and historical logic. On the one hand, it is necessary to fully integrate volunteer service education into the overall education and teaching plan of the school, promote its deep integration with ideological and political education and professional education, and form a collaborative education pattern; On the other hand, it is also necessary to establish a sound management system and working mechanism for volunteer service education, cover organizational structure, activity processes, resource allocation, and other aspects, and provide a solid guarantee for the orderly development of volunteer service education.

Secondly, it is to enhance professional guidance and optimize the quality of

activities. Building a professional team of volunteer service guidance teachers is the key to improving the quality of activities. Teachers should provide volunteers with systematic training covering service concepts, professional skills, communication skills, and other aspects. In the event planning stage, there is a must to conduct in-depth research on social needs, and design targeted and effective volunteer service projects based on students' knowledge reserves, interests, strengths, and practical abilities. During the event, there is also a must to strengthen process management and supervise and assess the service attitude and behaviour of volunteers through regular inspections, real-time feedback, and other methods to ensure that each volunteer service can achieve the expected results.

Thirdly, it is to improve the evaluation system and promote comprehensive development. Building a scientific and reasonable evaluation system for volunteer service education is an important lever for promoting the deep integration of volunteer service education and ideological and political education in schools. In terms of evaluation indicators, in addition to the traditional volunteer service duration, frequency, satisfaction of service recipients, and activity effectiveness, emphasis is placed on considering students' innovation ability, such as whether innovative service plans have been proposed, as well as team collaboration performance, including team communication, task division, etc., to comprehensively evaluate the improvement of students' comprehensive quality. In terms of evaluation subjects, schools, teachers, students, service recipients, third-party professional evaluation agencies, and parents should be involved together. Third-party agencies provide objective evaluations based on professional experience, while parents provide feedback on students' growth and changes from a family perspective. At the same time, a combination of process evaluation and summative evaluation is adopted, and regular communication and sharing meetings are organized during the activity to conduct phased evaluations. After the activity is completed, a comprehensive summative evaluation is conducted, and the evaluation results are closely linked to students' comprehensive quality evaluation, scholarship evaluation, and excellence evaluation, fully mobilizing students' enthusiasm for participating in volunteer services and promoting the comprehensive improvement of their ideological and political literacy and practical abilities [11].

8. Conclusion

The integration of volunteer service education into the ideological and political education system of schools is not only an important measure of current education reform, but also an inevitable requirement for cultivating well-rounded talents in the new era. Through scientific top-level design, professional guidance, and a comprehensive evaluation system, volunteer service education provides students with a platform that combines theory and practice, effectively

promoting the improvement of students' ideological and political literacy and comprehensive abilities. For schools, this integration enriches the connotation of education and improves the quality of education. Looking ahead to the future, schools should continue to deepen the exploration and practice of volunteer service education, innovate forms and contents, closely integrate with the needs of social development, and enable volunteer service education to play a more critical role in cultivating new talents who can shoulder the great responsibility of national rejuvenation, and provide more outstanding talents with both morality and talent for society.

Библиографический список / References

1. Xinhua News Agency. Xi Jinping Issues Important Instructions on Social Work, Emphasizing the Resolute Pursuit of the Path of Social Governance with Chinese Characteristics and the Promotion of High-Quality Development of Social Work in the New Era [EB/OL]. (2024-11-06). // URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202411/content_6985137.htm
2. Xi Jinping. Adhering to the Path of Socialist Education with Chinese Characteristics to Cultivate Well-Rounded Socialist Builders and Successors with Moral, Intellectual, Physical, Aesthetic, and Labor Education [J]. Seeking Truth, 2019(08):4-13.
3. Publicity Department of the CPC Central Committee, Central Office for Spiritual Civilization Construction. Opinions on Promoting the Institutionalization of Volunteer Services [Z]. 2014.
4. Regulations on Volunteer Services [EB/OL]. (2017-08-22). // URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2017/content_5225860.htm.
5. General Office of the CPC Central Committee, General Office of the State Council. Opinions on Improving the Volunteer Service System in the New Era [N]. People's Daily, 2024-04-13(01).
6. Li Ying, Research on the Integration Path of Volunteer Service Education and Ideological and Political Education in Universities from the Perspective of Resource Integration Theory [J]. The Party Building and Ideological Education in Schools, 2023. № 12. P. 68-70.
7. Wang Chen, Research on the Educational Value of Youth Volunteer Service under the New Era Social Work Concept [J]. Youth & Children Research and Practice, 2024. № 39 (1). P. 45-51.
8. Compiled by the Book Editorial Group. An Introduction to Xi Jinping Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era [M]. Beijing: Higher Education Press, 2023. 189-192.
9. Zhang Li, Exploration of the Construction of College Volunteer Service Project Library and the Integration of Ideological and Political Education Practice [J]. Leading Journal of Ideological & Theoretical Education, 2022. № 7: P. 142-145.
10. Chen Qi, Liu Rude, Educational Psychology [M]. Beijing: Higher Education Press, 2021. P. 234-236.
11. Zhao Yang, Research on the Construction of Evaluation System for Volunteer Service Education in Colleges and Universities: Based on the Perspective of Collaborative Education [J]. Heilongjiang Higher Education Research, 2023. № 5. P. 132-136.

Пятицкая А.В.

Кандидат социологических наук, доцент кафедры техники и технологии. Каменский технологический институт (филиал) Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова.

Формирование профессиональной культуры безопасности в техническом ВУЗе*

Аннотация. Формирование культуры безопасности в вузе – стратегическая необходимость, обусловленная многообразием современных угроз: физических, техногенных, цифровых, психологических и социальных. Высшая школа выступает инкубатором профессионального сознания, где закладываются ценности будущих инженеров, программистов, управленцев. Безопасность должна стать частью инженерного мышления и повседневной практики. В статье обосновывается комплексный подход к развитию культуры безопасности через обучение, инфраструктурные меры, поддержку психологического климата и интеграцию обеспечения безопасности в техническую дисциплину. Цель – подготовка не просто компетентных, а ответственных специалистов, для которых «безопасность по умолчанию» является профессиональным императивом.

Ключевые слова: культура безопасности, вуз, риски, образовательные программы, дисциплины.

Pyatskaya A. V.

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Engineering and Technology, Kamensk Institute of Technology (branch) of the South-Russian State Polytechnical University named after M.I. Platov.

Formation of a professional safety culture in a Technical University

Abstract. The formation of a safety culture at the university is a strategic necessity due to the variety of modern threats: physical, man-made, digital, psychological and social. The Higher School acts as an incubator of professional consciousness, where the values of future engineers, programmers, and managers are laid. Safety should become a part of engineering thinking and daily practice. The article substantiates an integrated approach to the development of a safety culture through training, infrastructural measures, psychological climate support and the integration of safety into a technical discipline. The goal is to train not just competent, but responsible professionals for whom “default safety” is a professional imperative.

Key words: safety culture, university, risks, educational programs, disciplines.

* © Пятицкая А.В., 2025.

Формирование профессиональной культуры безопасности в техническом ВУЗе

Формирование культуры безопасности – это не просто мера предосторожности, фундаментальная основа развития личности, организации и общества в целом. Особенно важно закладывать ее в вузе, поскольку именно здесь собираются будущие профессионалы, лидеры и граждане.

Почему важно формировать культуру безопасности в принципе?

1. Снижение рисков и предотвращение катастроф.

Культурная безопасность помогает предвидеть, распознавать и минимизировать угрозу – от техногенных аварий до кибератак и психологических кризисов.

2. Защита жизни, здоровья и достоинства человека.

Безопасность – базовая человеческая потребность (по Маслоу). Культурная безопасность создает условия, в которых люди могут испытывать страх.

3. Устойчивость систем и институтов.

Организации с высокой культурой безопасности быстрее восстанавливаются после кризисов, лучше адаптируются к изменениям и реже допускают фатальные ошибки.

4. Этическая и социальная ответственность.

Безопасное поведение – уважение к другим, к окружающей среде и к будущим поколениям.

5. Экономическая эффективность.

Инвестиции в профилактику и культуру безопасности дешевле, чем ликвидация аварийных ситуаций (утечек данных, травм, репутационных скандалов и т.п.).

Почему особенно важно формировать культуру безопасности в вузе?

1. Вуз – «инкубатор» профессионального сознания;

Будущие инженеры, врачи, программисты, учителя, менеджеры развивают здесь не только знания, но и профессиональные ценности. Если безопасность не станет частью их мировоззрения, она не станет частью их практики.

Пример: инженер, не думающий о последствиях своих расчётов, может спроектировать ненадёжный мост. Программист, отключающий код безопасности, – открыть брешь для хакеров.

2. Вуз – сложная социально-техническая система.

Современный университет решает:

физическую инфраструктуру (лаборатории, общежития),

цифровую среду (LMS, базы данных, Wi-Fi),

психологическая атмосфера (стресс, конкуренция, изоляция),

информационное поле (соцсети, дезинформация).

Все это касается сферы комплексной культуры безопасности, чтобы из-

бежать как техногенных, так и социальных рисков.

3. Студенты – уязвимая и активная группа.

Молодые люди часто недооценивают риски (особенно цифровые и психологические).

Они активно используют технологии, но не всегда обладают цифровой грамотностью.

В период обучения высокий риск психологических кризисов, буллинга, манипуляций, радикализации.

Культура безопасности в вузе помогает им стать устойчивыми, осознанными и ответственными.

4. Вуз – модель общества будущего.

То, как в университете решаются вопросы безопасности, задает стандарты для будущих рабочих мест, госструктур и бизнеса.

Выпускники переносят нормы и практики, обучающие в вузе, в профессиональной среде.

5. Юридическая и репутационная ответственность вуза.

Современное законодательство РФ обязывает образовательные организации обеспечивать:

- антитеррористическая защищенность,
- защита медицинских данных,
- психологическая безопасность,
- охрану труда и технику безопасности.

Отсутствие культуры безопасности ведет к административной ответственности, корпоративным искам и потере доверия.

Для формирования культуры безопасности в вузах среди студентов и сотрудников можно выделить несколько ключевых компонентов, основанных как на международных, так и на отечественных подходах:

Когнитивный (информационно-познавательный) компонент.

Включает знания о правилах безопасности, угрозах, рисках и способах их предотвращения. Это может касаться как информационной безопасности, так и физической (пожарная, техническая, биологическая и др.). Например, при изучении профильных дисциплин у студентов формируется информационная составляющая культуры безопасности.

2. Мотивационный компонент.

Отражает внутреннюю уверенность и заинтересованность личности в соблюдении норм безопасности. Без мотивации даже наличие знаний не ведет к безопасному поведению.

3. Деятельностный компонент.

Проявляется в практических навыках и действиях: участие в учениях, соблюдение инструкций, применение защиты, правильное реагирование на установках. Регулярные тренировки и учения – важная часть культуры безопасности.

4. Рефлексивный и креативный компоненты.

Рефлексия позволяет анализировать собственные действия и ошибки, а креативность – находить нестандартные решения в нестандартных установленных. Эти компоненты способствуют развитию устойчивой и адаптивной культуры безопасности.

5. Коммуникативные и обучающие компоненты.

Открытое общение, обмен правилами и опытом между студентами, сотрудниками и содействие формированию «обучающейся» (обучения) культуры безопасности.

Это включает обсуждение аварий без страховки, совместное решение проблем и постоянное обучение.

6. Организационно-институциональная составляющая.

Вуз как организация должна интегрировать вопросы безопасности во всех аспектах своей деятельности: от экономического процесса до научных исследований и процедур подготовки.

Таким образом, культура безопасности в вузе – это многокомпонентная система, сочетающая личностные, образовательные и организационные аспекты.

Каковы основные риски для студентов и сотрудников, находящихся в помещении с точки зрения безопасности?

Основные риски для студентов и сотрудников в сфере безопасности можно разделить на несколько категорий:

1. Физическая и техногенная безопасность.

Пожары, техногенные аварии, травмы – частые риски в образовательной среде, особенно при недостаточном уровне подготовки или неисправном оборудовании.

Недостаточное материально-техническое обеспечение также может создавать риски для здоровья и безопасности.

2. Информационная безопасность.

Утечка финансовых данных, кибератаки, несанкционированный доступ к корпоративным и учебным системам.

Сотрудники и студенты могут оказаться уязвимыми из-за недостаточной компьютерной грамотности или наличия обучения по ИБ.

3. Психологическая и социальная безопасность.

Конфликты с преподавателями стрессы, выгорание – особенно у студентов старших курсов.

Насилие на рабочем месте (в том числе вербальное, психологическое) становится все более серьезной проблемой для преподавателей и персонала.

4. Здоровье и эпидемиологические угрозы.

Распространение инфекционных заболеваний (в том числе в условиях пандемии) представляет собой основной риск в зонах массового скопления людей.

5. Профессиональные риски для сотрудников.

Преподаватели сталкиваются с трудностями, связанными с профессиональными рисками, изменениями в образовательной среде и поведении студентов.

Таким образом, безопасность в вузе соответствует широкому спектру угроз – от физических и технических до психологических и цифровых. Эффективное управление опасными рисками требует комплексного подхода, включая обучение, инфраструктурные меры и поддержку благоприятного психологического климата.

Цель: производить не просто компетентных специалистов, а ответственных профессионалов, для «безопасности по умолчанию» – профессиональный императив.

Для комплексного устранения опасности по всему спектру угроз – от физических, технических до психологических и цифровых – звуковые сигналы могут реализовывать следующие действия, объединенные в несколько ключевых моментов:

1. Физическая и антитеррористическая безопасность.

Установка систем видеонаблюдения, контроля доступа и охранной сигнализации.

Обеспечивает круглосуточную охрану территории и зданий.

Проведение регулярных учений по эвакуации при восстаниях и террористических угрозах.

Организация работы по антитеррористической защищенности в соответствии с требованиями законодательства.

2. Техническая и информационная (кибер)безопасность.

Введение обязательного обучения сотрудников и студентов основам кибербезопасности

Регулярная оценка риска утечки информации и проведения аудитов ИТ-инфраструктуры.

Разработка и внедрение Политики информационной безопасности, охватывающей все выявленные виды угроз.

Создание плана реагирования на инциденты информационной безопасности.

Защита персональных данных обучающихся и сотрудников в соответствии с законодательством.

3. Психологическая и информационно-психологическая безопасность.

Диагностика психологического климата в студенческой и преподавательской среде

Организация воспитательной работы, включая профилактику, буллинг, суицидального поведения.

Проведение тренингов по эмоциональному интеллекту, стрессоустой-

чивости и цифровой гигиене.

Формирование устойчивой образовательной среды, способной противостоять деструктивным информационно-психологическим воздействиям.

4. Организационные и образовательные меры.

Разработка и внедрение комплексной системы управления рисками, охватывающей все типичные угрозы.

Интеграция темы безопасности (в том числе цифровой грамотности и психологической устойчивости) в технические программы.

Создание межведомственной группы (службы безопасности вуза), координирующей действия по всем направлениям.

Проведение регулярных инструктажей по охране труда и технике безопасности.

Такой многоуровневый и междисциплинарный подход позволяет не только реагировать на угрозы, но и предотвращать их взаимоотношения, формируя в вузе устойчивую и безопасную образовательную среду.

Для повышения осведомленности студентов о различных типах угроз – физических, цифровых, психологических и социальных – можно внедрить следующие отдельные образовательные программы и курсы:

1. Обязательные дисциплины в учебном плане.

«Безопасность жизнедеятельности» – отражает современные угрозы цивилизации, медико-биологические и психологические аспекты безопасности, действия в условиях кризиса, включая социальные конфликты.

«Психология безопасности» – формирует у студентов целостное понимание безопасности как интегративного качества личности, включая защиту от информационно-психологических угроз.

2. Программы социально-психологического образования.

Программа активного социально-психологического обучения (по А.Г. Макеевой) – направлена на повышение уровня психологической безопасности образовательной среды через развитие эмпатии, навыков разрешения наблюдений и устойчивости к манипуляциям.

Тренинги по эмоциональному интеллекту, стрессоустойчивости, проявлению буллинга и суицидального поведения.

3. Курсы цифровой и информационной безопасности.

Краткосрочные занятия (3–4 часа) по основным направлениям: обнаружение киберугроз, защита финансовых данных, безопасное поведение в соцсетях.

Интерактивные модули и сюжетно-игровые пакеты, помогающие студентам распознавать небезопасные ситуации в онлайн-среде и обращаться за помощью.

4. Практико-ориентированные мероприятия.

Регулярные симуляции ЧС (пожар, теракт, кибератака, психологический кризис).

Квесты и ролевые игры по темам: «Как вести себя при угрозе», «Цифровой след», «Психологическая самозащита».

Кампании информирования (недели безопасности, плакаты, подкасты, сторис в соцсетях вуза).

Такие программы, особенно при их руководстве в сфере образования и внеучебной деятельности, позволяют не только передавать знания, но и обеспечивать устойчивые навыки безопасного поведения в разных сферах жизни.

Формирование культуры безопасности в технических дисциплинах – это системный процесс, направленный на развитие студентов и будущих инженеров, программистов, технологов и других специалистов, включающий в себя сознание, ценности и поведенческие нормы, обеспечение их безопасности на всех уровнях: личном, профессиональном, технологическом и общественном.

Ниже приводятся основные принципы, обсуждение основ формирования такой культуры:

1. Интеграция безопасности в содержание технических дисциплин.

Безопасность не должна быть включена «внешним» модулем, встроенным в каждую техническую дисциплину: от проектирования и программирования до эксплуатации оборудования.

Примеры:

В курсе «Программная инженерия» – принципы безопасного кодирования и тестирования на уязвимости.

В «Механике» или «Электротехнике» – нормы промышленной и пожарной безопасности.

В «Искусственном интеллекте» – этика, прозрачность и предотвращение дискриминационных алгоритмов.

2. Профессионально-ориентированный подход.

Обучение строится с учетом профессиональных специалистов и соответствующих отраслей (ISO, ГОСТ, ИЕС и др.).

Студенты должны понимать:

Как их решения влияют на безопасность людей, труда и данных.

Даже «мелкая» ошибка в расчёте или коде может привести к катастрофическим последствиям.

3. Системность и междисциплинарность.

Культура безопасности формируется на основе технических, гуманитарных, правовых и этических знаний.

Например:

Инженер должен не только уметь спроектировать систему, но и оценить ее социальные последствия.

Программист – юридические аспекты обработки цифровых данных (ФЗ-152, GDPR).

4. Формирование индивидуально-ответственного и этического сознания.

Подчеркивается, что безопасность – это не только техническая, но и моральная ответственность специалиста.

Введены нормы профессиональной этики (аналогично кодексам IEEE, АСМ, инженерных ассоциаций).

Обсуждаются дилеммы: «Что делать, если заказчик требует обойти стандарты безопасности?»

5. Непрерывность и сквозной характер.

Культурная безопасность применяется на всех этапах обучения – от первого курса до дипломного проектирования.

Включается в:

Вступительные и выпускные требования,

Промежуточная аттестация,

Научно-исследовательскую и проектную деятельность.

7. Поддержка со стороны преподавательского состава и администрации.

Преподаватели технических дисциплин должны быть компетентны в вопросах безопасности и предоставлять пример безопасного поведения.

Вуз создает нормативную и организационную базу: политическую безопасность, комитеты, каналы связи об инцидентах.

Заключение

Формирование культуры безопасности – это вклад в капитал человечества и устойчивое будущее.

В этом вопросе уделяется особое внимание, потому что:

Сегодняшние студенты – завтрашние создатели технологий, энергетики, занятости и социальных норм. Их отношение к безопасности определяется, мягко говоря, будет нашим обществом.

Поэтому культура безопасности в высшем образовании – не «опция», а стратегическая необходимость.

А культура безопасности в технических дисциплинах – это не набор правил, а профессиональная установка, при которой безопасность становится частью инженерного мышления. Ее усилия требуют согласованного прогресса на уровне высшего образования, педагогики, трудоустройства и корпоративной культуры.

Библиографический список

1. Таланцев Н.М. Формирование безопасности среды в образовательной организации. Международный научный журнал «Вестник науки». 2025. № 7 (88). Том 2.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ // URL: <http://www.internet.garant.ru> (дата обращения: 21 сентября 2025).
3. Приказ Минтруда России от 28 декабря 2021 г. № 796 «Об утверждении Рекомендаций по

выбору методов оценки уровней профессиональных рисков и по снижению уровней таких рисков» // URL: <http://www.internet.garant.ru> (Дата обращения: 29 сентября 2025).

4. Пятицкая А.В. Становление корпоративной культуры в университетском округе: ... канд. соц. наук. – М.: 2007. 128 с.

5. Замышляев О.И. Настольная книга перемен. Как изменить и улучшить компанию, корпоративную культуру и даже свою собственную жизнь. – «Альпина Паблишер», 2024.

6. Постникова А.А. Применение инновационных образовательных технологий при достижении метапредметных результатов в процессе обучения младших школьников с ЗПП // Альманах Казачество. 2025. № 86 (5). С. 114-121.

7. Дегтярева А.А. Динамика культурного взаимодействия РФ и КНР в конце XX – начале XXI вв. (на примере Амурской области) // Власть истории – История власти. 2025. Том 11. Часть 5. № 63. С. 121-130.

8. Белов И.А. Сбалансированность развития регионов России факторы и перспективы развития // Альманах «Крым». 2025. № 48. С. 125-132.

References

1. Talantsev N.M. Formation of an Organization of Environmental Safety in Education. International Scientific Journal "Bulletin of Science". 2025. № 7 (88). Volume 2.

2. Federal Law of July 27, 2006 N 152-FZ // URL: <http://www.internet.garant.ru> (September 21, 2025).

3. Order of the Ministry of Labor of Russia dated December 28, 2021 No. 796 "On Approval of Recommendations for the Selection of Methods for Assessing Occupational Risk Levels and Reducing the Levels of Such Risks" // URL: <http://www.internet.garant.ru> (September 29, 2025).

4. Pyatitskaya A.V. Formation of Corporate Culture in the University District: ... Cand. Soc. Sci. – Moscow: 2007. 128 p.

5. Zamyshlyayev, O.I. "A Handbook of Change: How to Change and Improve Your Company, Corporate Culture, and Even Your Own Life." – Alpina Publisher, 2024.

6. Postnikova A.A. Application of innovative educational technologies in achieving meta-subject results in the process of teaching primary school children with mental restriction // Almanac Cosacks. 2016. № 86 (5). P. 114-121.

7. Degtyareva A.A. Dynamics of cultural interaction between the Russian Federation and the People's Republic of China in the late 20th – early 21st centuries (the case of the Amur region) // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 5. № 63. P. 121-130.

8. Belov I.A. Balanced development of Russian regions: factors and development prospects // Almanac "Crimea". 2025. № 48. P. 125-132.

Хван Д.А.

Независимый исследователь.

Стратегия деконструкции политических мифов в условиях цифровой симуляции*

Аннотация. В цифровом пространстве политический миф утрачивает черты устойчивой идеологической конструкции и приобретает форму фрагментарных символов, мгновенно воспроизводимых алгоритмами и визуальными кодами. Их появление связано с изменением характера политической коммуникации – цифровые платформы переводят политический миф из сферы идеологических смыслов в сферу знаковых образов, в которой ключевую роль играют повторяемость, эмоциональная окрашенность и механизмы рекомендаций. В условиях массовой цифровой симуляции политический миф становится важным ресурсом цифровой легитимации, требующим отдельного исследовательского анализа. Цель исследования – разработать стратегию деконструкции политических мифов в условиях цифровой симуляции. Методы исследования: обобщение, синтез, сравнительный анализ, теоретическое моделирование. Результаты: а) рассмотрены теоретические основания анализа мифа в цифровой среде (Ж. Бодрийяр, К. Манхейм, М. Фуко); б) предложена типология цифровых политических мифов (миф о нейтральности алгоритмов, символически «свёрнутые» образы, эмоционально-мобилизующие лозунги, постфактуальные мифы); в) предложена модель стратегии деконструкции, включающая три основных этапа (выявление повторов, разбор смысла, анализ каналов распространения); г) разработана авторская концептуальная модель цифрового производства и воспроизводства политического мифа; д) выделены четыре функции цифрового мифа – легитимация, стабилизация, отвлечение, управление эмоциями. В исследовании получены следующие значимые выводы: во-первых, показано, что цифровой политический миф является ключевым элементом политической цифровой симуляции; во-вторых, выявлено, что его воспроизводство поддерживается алгоритмическими механизмами и ритуализированными практиками; в-третьих, обосновано, что стратегия деконструкции позволяет выявить несоответствие между символической формой и институциональной практикой; в-четвёртых, сделан вывод о том, что деконструкция выступает как исследовательским приёмом, так и формой политической ответственности, возвращающей субъекту способность к критической интерпретации в условиях цифровой среды.

Ключевые слова: политические мифы, цифровая симуляция, деконструкция, разбор смысла, интерпретация носителя, цифровая легитимация.

Khvan D.A.

Independent researcher.

* © Хван Д.А., 2025.

Стратегия деконструкции политических мифов в условиях цифровой симуляции

The strategy of deconstruction of political myths in the context of digital simulation

Abstract. In the digital space, a political myth loses the features of a stable ideological construct and takes the form of fragmentary symbols that are instantly reproduced by algorithms and visual codes. Their appearance is associated with a change in the nature of political communication – digital platforms are transferring political myth from the sphere of ideological meanings to the sphere of iconic images, in which repetition, emotional coloring and recommendation mechanisms play a key role. In the context of mass digital simulation, political myth is becoming an important resource of digital legitimation, requiring a separate research analysis. The purpose of the study is to develop a strategy for deconstructing political myths in a digital simulation environment. Research methods: generalization, synthesis, comparative analysis, theoretical modeling. Results: a) the theoretical foundations of myth analysis in the digital environment are considered (J. Baudrillard, K. Manheim, M. Foucault); b) a typology of digital political myths is proposed (the myth of the neutrality of algorithms, symbolically “collapsed” images, emotionally mobilizing slogans, postfactual myths); c) a model of deconstruction strategy is proposed, which includes three main stages (identification of repetitions, analysis of meaning, analysis of distribution channels); d) an author’s conceptual model of digital production and reproduction of a political myth; e) four functions of the digital myth are highlighted – legitimization, stabilization, distraction, and emotion management. The study draws the following significant conclusions: firstly, it shows that the digital political myth is a key element of political digital simulation; secondly, it reveals that its reproduction is supported by algorithmic mechanisms and ritualized practices; thirdly, it is proved that the deconstruction strategy allows to identify the discrepancy between symbolic form and institutional practice; Fourthly, it is concluded that deconstruction is both a research technique and a form of political responsibility that restores the subject’s ability to critically interpret in a digital environment.

Key words: political myths, digital simulation, deconstruction, analysis of meaning, interpretation of media, digital legitimation.

Цифровая коммуникация в современной политике усилила производство мифов как средства легитимации и управления восприятием. В отечественных работах политический миф описывается как форма символической презентации власти и порядка, что объясняет его устойчивость в политико-культурной среде и зависимость от практик массовой коммуникации¹. В исследованиях конструирования социально-политической реальности установлен манипулятивный потенциал мифов и их пригодность для информационных войн, что напрямую связано с цифровыми каналами распространения информации².

1 *Городнина О.С., Губаненкова С.М.* Политический миф в системе политико-культурных представлений (часть 1) // *Abyss* (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2024. № 1 (27). С. 166-176.

2 *Шевченко О.М., Штофер Л.Л.* Политический миф: специфика конструирования социально-политической реальности // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ)*. Серия: Социально-экономические науки. 2020. Т. 13. № 5. С. 275-283.

В цифровой среде противоречие усиливается – идеологический смысл подменяется алгоритмическим ранжированием и визуальными шаблонами, которые задают, по сути, готовые реакции и сужают пространство самого содержания. Так, на материале цифрового государства показано, что ожидания и страхи граждан образуют почву для мифологизации повседневности и изменения доверия по отношению к политическим институтам³. В исследованиях эстетизации политического мифа отражается приоритет яркого образа над анализом и роль шоковых визуальных сообщений как инструмента внушения⁴.

Проблема здесь заключается в том, что в цифровой политике повестку задаёт алгоритмическое ранжирование публикаций, новостей и комментариев в лентах и блоках рекомендаций задают повестку, на первый план выходят не аргументы, а шаблонные образы и короткие фразы, а участие сводится к нажатию и пересылке сообщений, тогда как разбор мнений исчезает. В такой среде политический миф усиливается, потому что повтор и яркая картинка подменяют проверку фактов и связь с институтами⁵. Как точно сказано: «В сложных системах управления, где решаются политически спорные вопросы, а также потенциально рискованные или прибыльные, существуют сильные стимулы к привычкам или стратегиям симуляции»⁶. Эту картину дополняет ожидание от цифрового государства, когда надежды и страхи образуют почву для быстрых нарративов повседневного опыта пользователей⁷. Отсюда возникает потребность деконструкции политических мифов в условиях цифровой симуляции.

Цель исследования – разработать стратегию деконструкции политических мифов в условиях цифровой симуляции с фиксацией противоречия между идеологическим смыслом и подменой содержания алгоритмическими и визуальными механизмами, с определением предметных границ и условий проверяемости. Для решения этой задачи предполагается использование философско-методологических представлений о политическом мифе и его функциях, представленных в отечественной литературе⁸,

3 Будко Д.А. Гражданин в цифровом государстве: инновация vs политический миф // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 3 (76). С. 138-145.

4 Петев Н.И. Конструкция и специфика политического мифа как инструмента диалога и влияния // Studia Humanitatis Borealis. Северные гуманитарные исследования. 2021. № 3 (20). С. 15-29.

5 Городнина О.С., Губаненкова С.М. Политический миф в системе политико-культурных представлений (часть 1) // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2024. № 1 (27). С. 166-176.

6 Roth S. et al. Expressions of untruth, suppressions of truth. A 21st century reintroduction to «Simulation and Dissimulation» // Futures. 2024. Vol. 155. P. 5.

7 Будко Д.А. Гражданин в цифровом государстве: инновация vs политический миф // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 3 (76). С. 138-145.

8 Кузьменко Г.Н. «Политический миф»: историко-философский анализ политологического понятия // Социальная политика и социология. 2020. Т. 19. № 1 (134). С. 152-159.

а также учёт описанных технологий манипулирования в массовой коммуникации⁹.

Теоретическая рамка деконструкции политических мифов в условиях цифровой симуляции задаётся тремя линиями. В социологии знания К. Манхейма идеология и утопия описывают связь идей с социальной позицией; политический миф в этой теоретической рамке выступает средством упрощения сложных конфликтов и придания им приемлемого смысла, что закрепляет порядок и поддерживает признание власти.

Дискурсивная перспектива в трудах М. Фуко также связывает знания и власть – нормы возникают в результате практик высказывания, а миф выполняет функцию дисциплины и нормализации посредством повторяемых формул и политических фигур. В отечественной литературе такой взгляд зафиксирован в анализе парадигм понимания мифа от традиции к постмодерну и в трактовке мифа как элемента политического сознания¹⁰, а также в описании мифа как способа конструирования социально-политической реальности и источника эффекта мобилизации¹¹.

В интерпретации Ж. Бодрийера ключевым является режим симуляции, когда знаки и образы перестают отсылать к устойчивому содержанию и начинают заменять его. Для современной цифровой политики это означает рост роли образа, эмоциональной подачи и сценариев узнавания. Российские авторы подчёркивают, что мифологизация в публичной сфере опирается на приёмы упрощения, повторения и стереотипизации, что формирует готовые реакции аудитории¹². Эстетизация образов и «буквальность» визуальных шоковых сообщений усиливают внушение и, в отличие от анализа, выводят на первый план форму¹³, что согласуется с конструктивистским описанием мифа как инструмента легитимации и управления представлениями о политике¹⁴.

9 Торгованова О.Н., Гончар Н.Н., Гневичева А.В. Миф как вариант манипуляции в области социальных отношений (теоретический обзор) // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2017. № 2. С. 18-26.

10 Кузьменко Г.Н. «Политический миф»: историко-философский анализ политологического понятия // Социальная политика и социология. 2020. Т. 19. № 1 (134). С. 152-159.

11 Шевченко О.М., Штофер Л.Л. Политический миф: специфика конструирования социально-политической реальности // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2020. Т. 13. № 5. С. 275-283.

12 Торгованова О.Н., Гончар Н.Н., Гневичева А.В. Миф как вариант манипуляции в области социальных отношений (теоретический обзор) // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2017. № 2. С. 18-26.

13 Петев Н.И. Конструкция и специфика политического мифа как инструмента диалога и влияния // Studia Humanitatis Borealis. Северные гуманитарные исследования. 2021. № 3 (20). С. 15-29.

14 Шевченко О.М., Штофер Л.Л. Политический миф: специфика конструирования

Поэтому политический миф выступает формой символической легитимации, когда утверждение правильности порядка связывается с образом носителя власти и поддерживается ритуалами признания¹⁵. Кроме того, в современной цифровой среде к культурным кодам добавляется повседневный опыт пользователей, что усиливает готовность принимать короткие объяснения и переводить спор в сферу образов¹⁶. Российские исследования показывают, что миф выполняет задачи упрощения решений, переноса спора из аргументации в символическую плоскость и передаче эмоций к целевым действиям, что подтверждает переход от идеологии к мифологизации политики в цифровой среде¹⁷.

Современная цифровая среда складывается как совокупность платформенных сервисов, в которых алгоритмы ранжируют публикации, новости и комментарии, а интерфейсы задают ожидаемые формы реакции. Дискурс смещается из аргументации в короткие сигналы и узнаваемые образы, участие сводится к реакциям и действию типа «поделиться», что формирует иллюзию присутствия при минимуме содержания. Описанное состояние «подпитывается» повседневными ожиданиями удобства и страхами контроля, уже зафиксированными в обсуждении «цифрового государства» как пространства надежд и опасений у пользователей¹⁸. При этом в контексте массовой коммуникации к этому добавляются приёмы упрощения и стереотипизации, за счёт которых образ закрепляется быстрее, чем его смысл¹⁹. Описание современного политического мифа как средства конструирования социальной реальности объясняет, почему в таком формате взаимодействия поддерживаются шаблонные схемы восприятия и спор переводится в плоскость символов²⁰.

социально-политической реальности // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2020. Т. 13. № 5. С. 275-283.

15 Штофер Л.Л., Шевченко О.М. Типология политических мифов: социокультурные детерминанты генезиса и распада // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. № 4. С. 206-213.

16 Будко Д.А. Гражданин в цифровом государстве: инновация vs политический миф // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 3 (76). С. 138-145.

17 Горднина О.С., Губаненкова С.М. Политический миф в системе политико-культурных представлений (часть 2) // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2025. № 1 (31). С. 216-225.

18 Будко Д.А. Гражданин в цифровом государстве: инновация vs политический миф // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 3 (76). С. 138-145.

19 Торгованова О.Н., Гончар Н.Н., Гневыхшева А.В. Миф как вариант манипуляции в области социальных отношений (теоретический обзор) // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2017. № 2. С. 18-26.

20 Шевченко О.М., Штофер Л.Л. Политический миф: специфика конструирования социально-политической реальности // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2020. Т. 13. № 5. С. 275-283.

В цифровой политике целесообразно различать виды политических мифов по содержанию и способу действия. Здесь можно выделить следующие типы: миф о нейтральности алгоритмов, который подменяет выбор правил представлением о «чистой технике»; символически «свёрнутые» образы, которые сводят сложный сюжет к одному знаку; эмоционально-мобилизующие лозунги, которые переводят спор в форму короткой команды; постфактуальные мифы, которые переосмысливают события после их свершения и закрепляют удобную трактовку. Данная классификация согласуется с типологическим подходом к политическим мифам по критериям содержания и стойкости к внешнему воздействию, а цифровая среда придаёт каждому виду инерцию за счёт распространения в лентах и рекомендациях²¹.

Миф о нейтральности алгоритмов держится на представлении о том, что алгоритмическое ранжирование и модерация имеют сугубо технический характер, поэтому спор снимается как «лишний», в результате чего аудитория принимает эффект отбора как естественный порядок показа, а не как следствие правил и интересов. Данный режим поддерживает конструирование социально-политической реальности силами коммуникации и усиливает манипулятивный потенциал мифов, что подробно показано в описании механизмов влияния и мобилизации. Символически «свёрнутый» образ действует иначе – один знак (фотография, эмблема, жест) заменяет объяснение и работает как готовый ответ, что повышает долговечность сообщения при минимуме текста. Эмоционально-мобилизующий лозунг задаёт простую схему действия и переводит внимание с аргументов на оценку, после чего пересказ и повтор начинают выполнять роль подтверждения. Постфактуальный миф закрепляет уже прошедшее событие в выгодной форме и при последующем воспроизведении подменяет разбор фактов памятью об образе. Оба вида используют описанные каналы массовой коммуникации и работают на легитимацию выбранной линии поведения, поскольку эмоция и узнавание оказываются важнее проверки содержания²².

Таким образом, можно обобщить указанные типы цифровых политических мифов (табл. 1).

Разделение цифровых политических мифов по видам позволяет сказать, что каждый из них удерживается как содержанием, так и специфическими механизмами повторения и передачи информации. Цифровые ал-

21 Штофер Л.Л., Шевченко О.М. Типология политических мифов: социокультурные детерминанты генезиса и распада // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. № 4. С. 206-213.

22 Штофер Л.Л., Шевченко О.М. Типология политических мифов: социокультурные детерминанты генезиса и распада // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. № 4. С. 206-213.

горитмы закрепляют эффект «нейтральности», образы распространяются как узнаваемые шаблоны, лозунги живут в эмоциональных всплесках, а постфактуальные версии событий воспроизводятся в новостях и цепочках комментариев.

Таблица 1. Типология цифровых политических мифов.

Вид мифа	Основание построения	Носитель в цифровой среде	Основной эффект	Устойчивость воспроизведения
Миф о нейтральности алгоритмов	Представление о «чистой технике»	Алгоритмы ранжирования и модерации	Снятие спора, признание отбора как естественного порядка	Высокая, за счёт автоматизации
Символически «свёрнутые» образы	Сведение сложного сюжета к одному знаку	Фото, эмблема, жест, мем	Замена объяснения готовым символом	Средняя, поддерживается узнаваемостью
Эмоционально-мобилизующие лозунги	Перевод дискуссии в форму команды	Хэштег, лозунг, слоган	Мобилизация аудитории, закрепление схемы действия	Высокая, за счёт вирусного распространения
Постфактуальные (постправда) мифы	Переосмысление событий «задним числом»	Новостные сюжеты, комментарии, ретро-спективные мемы	Подмена разбора фактов выгодной трактовкой	Средняя, повторение в медиа

Для того чтобы разбирать подобные конструкции, требуется стратегия деконструкции, которая может начинаться с выявления повторяющихся элементов, продолжаться анализом их смысла и завершаться определением каналов распространения и агентов распространения информации.

Первым шагом в разборе цифрового мифа выступает фиксация повторяющихся элементов, которые создают иллюзию очевидности. Повторы могут быть заложены в алгоритмах ранжирования и модерации, что превращает один и тот же лозунг или образ в устойчивый маркер повестки²³. Подобный процесс объясняет, почему отдельные сообщения, лишённые фактической опоры, остаются в центре внимания – они воспроизводятся

23 Аблеев С.Р., Кузьминская С.И. Манипуляции массовым сознанием: политическая мифология и стратегия демонизации // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 5. С. 172-176.

за счёт регулярного появления в новостных лентах, а не за счёт содержания.

Следует учитывать, что визуальные повторы формируют готовые шаблоны восприятия. Мемы, эмблемы и кадры новостных видеороликов приобретают статус символа и начинают восприниматься как подтверждение уже знакомой схемы, что соответствует свойствам политического мифа, описанного как сокращение сложных событий до простых и наглядных образов²⁴.

Лексические повторы проявляются в лозунгах и устойчивых формулировках, которые тиражируются в сетевых комментариях и медиапубликациях. Их задача – закрепить эмоционально окрашенные формулы в повседневной речи. По мере распространения такие выражения начинают восприниматься как общее место, что усиливает функцию политического мифа по замещению анализа «готовой формулой»²⁵.

Второй шаг направлен на соотнесение мифологического содержания с фактическими институтами и практиками. В цифровой среде политический миф может придавать статус «естественного» тому, что в действительности является результатом политических решений. Так, сравнение образа и реальной институциональной архитектуры позволяет выявить разрыв между обещанием и действием²⁶.

Разбор смысла требует выделения элементов, которые выполняют роль подмены. Например, лозунг о прозрачности способен закреплять доверие, хотя сама система принимает решения в условиях закрытости. Таким образом, мифологема опосредует ожидания аудитории, однако не описывает реальные механизмы²⁷, что и создаёт объект для деконструкции.

Ключевым приёмом здесь становится проверка соответствия символической формы институциональной практике. Если обещанный порядок не находит подтверждения в политическом устройстве, политический миф перестаёт быть лишь культурным феноменом и превращается в инструмент легитимации, требующий аналитического разбора²⁸.

Третий шаг связан с выявлением цифровых платформ, агентов и ка-

24 Штофер Л.Л., Шевченко О.М. Типология политических мифов: социокультурные детерминанты генезиса и распада // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. № 4. С. 206-213.

25 Торгованова О.Н., Гончар Н.Н., Гневшицева А.В. Миф как вариант манипуляции в области социальных отношений (теоретический обзор) // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2017. № 2. С. 18-26.

26 Городнина О.С., Губанenkova С.М. Политический миф в системе политико-культурных представлений (часть 2) // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2025. № 1 (31). С. 216-225.

27 Мишин Д.А., Куровский С.В., Смолин П.В. Проблемы и перспективы развития отечественного конституционализма // Современное общество и право. 2024. № 4 (71). С. 45-50.

28 Абрамян А.Л. Миф как один из компонентов конструирования политической культуры // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. 2021. № 3 (39). С. 7-20.

налов, которые обеспечили закрепление политического мифа. Одни конструкции становятся массовыми благодаря алгоритмам рекомендаций, другие же получают распространение через сетевые сообщества и цифровые медиа. В обоих случаях важна роль посредников, задающих темп и тональность повторов²⁹.

Каналы распространения определяют как скорость, так и характер закрепления политических мифов. На одних платформах доминируют визуальные элементы, на других – короткие слоганы и комментарии. Анализ носителя позволяет понять, какие формы коммуникации придали мифу устойчивость и вывели его за рамки локального эпизода.

Наконец, целесообразно учитывать участие институциональных акторов, ведь официальные медиа и публичные представители власти закрепляют отдельные мифологемы в качестве признанных интерпретаций.

В таком случае политический миф становится не спонтанным продуктом цифровой сетевой среды, а скорее частью целенаправленной стратегии, встроенной в систему политической коммуникации³⁰.

В конечном итоге можно сформировать концептуальную модель цифрового производства и воспроизводства политического мифа (рис. 1).

Предложенная модель показывает, что цифровое производство и воспроизводство политического мифа начинается с исходного сообщения (события, лозунга или визуального образа), которое алгоритмы и медиапрактики превращают в элемент платформенной среды.

Алгоритмическая фильтрация и визуально-лексические повторы усиливают его узнаваемость, а символическое закрепление и эмоциональная мобилизация придают форму и воздействие, превращая сообщение в «свёрнутый» знак. На следующем уровне миф воспроизводится ритуально – в лайках, комментариях, репостах и официальных интерпретациях, что связывает его с институциональной поддержкой.

Цикл воспроизводства политического мифа завершается закреплением его функций мифа – легитимация и стабилизация политического порядка сочетаются с отвлечением и управлением эмоциями аудитории (табл. 2). Важно подчеркнуть, что авторская модель устанавливает замкнутость процесса, т.е. успешные мифы возвращаются в цифровые алгоритмы и определяют первичное сообщение, что обеспечивает, по сути, непрерывный оборот цифровой симуляции.

Применение стратегии деконструкции можно показать на разборе конкретных случаев, описанных в научной литературе.

29 Дождиков А.В. Фальсификаторский миф как оружие геополитического противостояния // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 5. С. 210-224.

30 Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровые стигматы как инструмент манипуляции массовым сознанием в условиях современного государства и общества // Социологические исследования. 2018. № 11 (415). С. 117-123.

Рисунок 1. Концептуальная модель цифрового производства и воспроизводства политического мифа.



Источник: авторская разработка.

Таблица 2. Функции цифрового политического мифа в цифровой среде.

Функция	Содержание	Механизм реализации	Основной результат
Легитимация	Придание политическому порядку статуса естественного и оправданного	Повторение символов и образов в официальных и неофициальных каналах	Восприятие установленного порядка как «само собой разумеющегося»
Стабилизация	Удержание текущего состояния и снижение рисков его пересмотра	Алгоритмическое закрепление сюжетов и их ритуализированное воспроизводство	Поддержка чувства предсказуемости и уверенности
Отвлечение	Сведение внимания к второстепенным или эмоционально насыщенным сюжетам	Массовое тиражирование мемов, лозунгов, скандалов	Снижение интереса к институциональным проблемам
Управление эмоциями	Канализация тревоги, энтузиазма или агрессии в нужном направлении	Вирусные лозунги, визуальные клише, эмоциональные всплески в сетевых коммуникациях	Формирование управляемых реакций и заданного поведения

Источник: авторская разработка.

Так, в работе А.В. Дождикова представлен пример «фальсификаторского» мифа в международном контексте, когда апелляции к историческим образам были встроены в политическую риторику и закрепились в публичной сфере. Анализ повторяющихся символов и лексических конструкций позволил выявить, что они не содержали новых аргументов, а лишь воспроизводили эмоционально нагруженные клише, что придавало им видимость объективного факта³¹. Данный пример демонстрирует, что обнаружение визуальных и словесных повторов помогает вскрыть механизмы подмены смысла, что, в частности, показана и на примере стран Персидского залива³².

31 Дождиков А.В. Фальсификаторский миф как оружие геополитического противостояния // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 5. С. 210-224.

32 Куровский С.В., Зинчук М.Г., Мишин Д.А. Детерминанты российской политики в прибрежных странах Персидского залива // Казачество. 2025. № 82 (1). С. 156-165.

В работе С.Р. Аблеева и С.И. Кузьминской акцентируется внимание на приёмах демонизации и героизации в медиадискурсе. Так, авторы показывают, как с помощью мифологических сюжетов формировался образ врага и создавалась мобилизационная рамка для общественного мнения³³. Сопоставление подобных сюжетов с фактическими обстоятельствами предоставляет возможность увидеть разрыв между реальными политическими практиками и созданной символической картиной, что отражает эффективность второго этапа стратегии – выявления несоответствия между мифом и институциональной архитектурой.

Показательным является и пример, приведённый в работе Д.А. Будко, в которой анализируется восприятие цифрового государства. Для одних оно предстает как пространство удобства и возможностей, для других – как символ «тотального контроля». Здесь стратегия деконструкции позволяет прояснить роль медиаплатформ и каналов распространения, поскольку одни акторы продвигают позитивный миф, другие – негативный, однако при этом оба воспроизводятся в цифровой среде за счёт алгоритмического распространения³⁴. Анализ носителей таким образом показывает, что устойчивость мифа определяется способами распространения и включённостью в массовое воспроизводство.

Вместе с тем, нельзя не отметить и ограничения стратегии.

Ограничения стратегии деконструкции проявляются прежде всего в том, что цифровой политический миф способен захватывать весь дискурс и вытеснять альтернативные точки входа для анализа. Если символическая конструкция становится частью повседневного обращения в сетевых сервисах, любая попытка её разобрать воспринимается как вторичная и не имеет доступа к исходному смыслу. Так, в работе А.А. Целыковского показано, что мифологизация политического содержания может охватывать как отдельные сюжеты, так и всю систему коммуникации, что лишает исследователя возможности отделить факт от интерпретации³⁵.

Другим ограничением выступает «эффект самоцензуры», в рамках которого пользователи избегают сомнений в массово поддерживаемом образе для того, чтобы не оказаться за пределами символического единства. Как следствие, анализ становится затруднённым и с институциональной точки зрения, и на уровне аудитории, включая молодёжь³⁶. Данное свой-

33 Аблеев С.Р., Кузьминская С.И. Манипуляции массовым сознанием: политическая мифология и стратегия демонизации // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 5. С. 172-176.

34 Будко Д.А. Гражданин в цифровом государстве: инновация vs политический миф // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 3 (76). С. 138-145.

35 Целыковский А.А. Структура, свойства и функции политического мифа // Logos et Praxis. 2019. Т. 18. № 3. С. 18-24.

36 Куровский С.В., Мишин Д.А., Посельская А.Н., Бурдик В., Куровская М.А. Совершенствование психолого-педагогической системы профилактики экстремизма в молодеж-

ство политического мифа связано с его коллективной функцией, т.е. закреплением эмоционально приемлемого образа, который воспринимается как единственно возможный³⁷. Например, в исследовании Г.Н. Кузьменко установлено, что именно коллективное признание делает политический миф устойчивым и превращает его в форму культурной нормы³⁸.

Также усложнение формирует работа алгоритмов рекомендаций, усиливающих повтор и закрепляющих знакомые образы. В исследованиях отмечается, что цифровые платформы повышают шансы на тиражирование именно тех сообщений, которые вызывают сильную эмоциональную реакцию³⁹. В такой ситуации деконструкция сталкивается с ограниченной наблюдаемостью, когда исследователь видит лишь результат отбора, однако доступа к механизму его работы фактически не имеет. В совокупности это делает стратегию заведомо фрагментарной, так как сам процесс производства политического мифа скрыт в технической среде.

Учитывая эти ограничения, нельзя не соотнести стратегию деконструкции политических мифов в условиях цифровой симуляции с политическим действием как таковым.

Стратегия деконструкции соотносится с политическим действием через разграничение критики и разоблачения политического мифа. Критика в цифровой среде устанавливает несоответствия, однако оставляет пространство для дальнейшей интерпретации, что позволяет аудитории самостоятельно сопоставить символическую форму с реальной практикой. Разоблачение же направлено на снятие символической оболочки, которая замещает содержание. Так, в научной литературе показано, что разоблачение мифологемы, основанной на демонизации противника, выявляет приёмы воздействия и обнажает ограниченность самой конструкции⁴⁰. Таким образом, критика удерживает внимание на деталях, тогда как разоблачение действует на уровне всей системы образов.

Соотношение этих процедур особенно значимо в отношении субъектности. Критика возвращает субъекту возможность задавать вопросы и за-

ной среде // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 5-1. С. 55-67.

37 Букин Д.Н., Волохова Н.В., Медникова Ю.И. Современный политический миф: социально-онтологический анализ // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2024. Т. 14. № 5. С. 265-276.

38 Кузьменко Г.Н. «Политический миф»: историко-философский анализ политологического понятия // Социальная политика и социология. 2020. Т. 19. № 1 (134). С. 152-159.

39 Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровые стигматы как инструмент манипуляции массовым сознанием в условиях современного государства и общества // Социологические исследования. 2018. № 11 (415). С. 117-123

40 Аблеев С.Р., Кузьминская С.И. Манипуляции массовым сознанием: политическая мифология и стратегия демонизации // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 5. С. 172-176.

мечать несоответствия, тогда как разоблачение формирует новую область участия, в которой аудитория перестаёт воспринимать политический миф как нейтральный фон и начинает рассматривать его как инструмент воздействия. В частности, в работе А.В. Яркеева подчёркивается, что политический миф мобилизует и формирует коллективную рамку и, следовательно, его разоблачение неизбежно связано с переосмыслением границ субъектности⁴¹.

Последствия для политического действия заключаются в том, что разоблачение мифа не сводится к чисто академическому приёму, так как оно меняет условия участия в цифровом пространстве и открывает возможность для иных форм публичности. Подобный эффект отмечается в исследованиях мифологизации дискурса, в которых указывается, что снятие символического ореола разрушает иллюзию естественности и возвращает аудитории способность к самостоятельному суждению⁴². В этом смысле стратегия деконструкции является аналитическим инструментом и, вместе с тем, восстанавливает субъектность в цифровой симуляции.

Таким образом, политической миф в условиях цифровой симуляции не сводится к простому отражению политических событий, он представляет собой центр легитимации и способ организации восприятия. Его сила заключается в способности закреплять символические конструкции, превращать их в очевидные и неоспоримые элементы политического опыта. Массовое воспроизводство политического мифа в алгоритмических потоках информации придаёт ему черты повседневности, в то время как критическое сознание аудитории оказывается втянутым в заранее заданные рамки.

Деконструкция в этих условиях выступает как форма политической ответственности. Она направлена на выявление повторов, на вскрытие механизмов, скрытых за привлекательными образами, на распознавание имитационной вовлечённости. Важно подчеркнуть, что разоблачение политического мифа не разрушает политическое действие как таковое, оно позволяет вернуть субъекту способность к самостоятельной интерпретации происходящего, что особенно значимо в условиях цифровой симуляции.

Стратегия деконструкции открывает возможность различать в потоке знаков то, что подменяет реальность, и то, что связано с действительными институциональными практиками. Политический миф продолжает оставаться ядром современной цифровой политики, однако его разбор и кри-

41 Яркеев А.В. Политический миф в учении Карла Шмитта // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 2. С. 10-23.

42 Петев Н.И. Конструкция и специфика политического мифа как инструмента диалога и влияния // Studia Humanitatis Borealis. Северные гуманитарные исследования. 2021. № 3 (20). С. 15-29.

тическая оценка позволяют сохранить пространство для ответственности субъекта в политической коммуникации. В этом проявляется скорее не «борьба» с политическим мифом, а попытка встроить его в более широкий контекст политического действия, в котором субъектность укрепляется за счёт осознания пределов цифровой симуляции.

Библиографический список

1. Аблеев С.Р., Кузьминская С.И. Манипуляции массовым сознанием: политическая мифология и стратегия демонизации // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 5. С. 172-176.
2. Абрамян А.Л. Миф как один из компонентов конструирования политической культуры // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. 2021. № 3 (39). С. 7-20.
3. Будко Д.А. Гражданин в цифровом государстве: инновация vs политический миф // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 3 (76). С. 138-145.
4. Букин Д.Н., Волохова Н.В., Медникова Ю.И. Современный политический миф: социально-онтологический анализ // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2024. Т. 14. № 5. С. 265-276.
5. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровые стигматы как инструмент манипуляции массовым сознанием в условиях современного государства и общества // Социологические исследования. 2018. № 11 (415). С. 117-123.
6. Городнина О.С., Губаненкова С.М. Политический миф в системе политико-культурных представлений (часть 1) // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2024. № 1 (27). С. 166-176.
7. Городнина О.С., Губаненкова С.М. Политический миф в системе политико-культурных представлений (часть 2) // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2025. № 1 (31). С. 216-225.
8. Дождиков А.В. Фальсификаторский миф как оружие геополитического противостояния // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 5. С. 210-224.
9. Кузьменко Г.Н. «Политический миф»: историко-философский анализ политологического понятия // Социальная политика и социология. 2020. Т. 19. № 1 (134). С. 152-159.
10. Куровский С.В., Зинчук М.Г., Мишин Д.А. Детерминанты российской политики в прибрежных странах Персидского залива // Казачество. 2025. № 82 (1). С. 156-165.
11. Куровский С.В., Мишин Д.А., Посельская А.Н., Бурдик В., Куровская М.А. Совершенствование психолого-педагогической системы профилактики экстремизма в молодежной среде // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 5-1. С. 55-67.
12. Мишин Д.А., Куровский С.В., Смолин П.В. Проблемы и перспективы развития ответственного конституционализма // Современное общество и право. 2024. № 4 (71). С. 45-50.
13. Петев Н.И. Конструкция и специфика политического мифа как инструмента диалога и влияния // Studia Humanitatis Borealis. Северные гуманитарные исследования. 2021. № 3 (20). С. 15-29.
14. Торгованова О.Н., Гончар Н.Н., Гневыхева А.В. Миф как вариант манипуляции в области социальных отношений (теоретический обзор) // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2017. № 2. С. 18-26.
15. Цельковский А.А. Структура, свойства и функции политического мифа // Logos et Praxis. 2019. Т. 18. № 3. С. 18-24.
16. Шевченко О.М., Штофер Л.Л. Политический миф: специфика конструирования социально-политической реальности // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2020. Т. 13. № 5. С. 275-283.
17. Штофер Л.Л., Шевченко О.М. Типология политических мифов: социокультурные детерминанты генезиса и распада // Вестник Южно-Российского государственного технического

- университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. № 4. С. 206-213.
18. Яркеев А.В. Политический миф в учении Карла Шмитта // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 2. С. 10-23.
19. Roth S. et al. Expressions of untruth, suppressions of truth. A 21st century reintroduction to «Simulation and Dissimulation» // Futures. 2024. Vol. 155. P. 1-7.

References

1. Ableev S.R., Kuzminskaya S.I. Manipulation of Mass Consciousness: Political Mythology and Strategy of Demonization // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 5. P. 172-176.
2. Abramyan A.L. Myth as One of the Components of Political Culture Construction // Bulletin of the Russian-Armenian (Slavic) University: Humanities and Social Sciences. 2021. № 3 (39). P. 7-20.
3. Budko D.A. Citizen in a Digital State: Innovation vs. Political Myth // Caspian Region: Politics, Economics, Culture. 2023. № 3 (76). P. 138-145.
4. Bukin D.N., Volokhova N.V., Mednikova Yu.I. The Modern Political Myth: A Socio-Ontological Analysis // Bulletin of the South-West State University. Series: Economics. Sociology. Management. 2024. Vol. 14. № 5. P. 265-276.
5. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. Digital Stigmata as a Tool for Manipulating Mass Consciousness in the Context of the Modern State and Society // Sociological Research. 2018. № 11 (415). P. 117-123.
6. Gorodnina O.S., Gubanenkova S.M. Political Myth in the System of Political and Cultural Representations (Part 1) // Abyss (Questions of Philosophy, Political Science, and Social Anthropology). 2024. № 1 (27). P. 166-176.
7. Gorodnina O.S., Gubanenkova S.M. Political myth in the system of political and cultural representations (part 2) // Abyss (Problems of Philosophy, Political Science, and Social Anthropology). 2025. № 1 (31). P. 216-225.
8. Dozhdikov A.V. Falsification myth as a weapon of geopolitical confrontation // Social and humanitarian knowledge. 2013. № 5. P. 210-224.
9. Kuzmenko G.N. "Political myth": a historical and philosophical analysis of the political science concept // Social policy and sociology. 2020. Vol. 19. № 1 (134). P. 152-159.
10. Kurovsky S.V., Zinchuk M.G., Mishin D.A. Determinants of Russian Policy in the Coastal Countries of the Persian Gulf // Cossacks. 2025. № 82 (1). P. 156-165.
11. Kurovsky S.V., Mishin D.A., Poselskaya A.N., Burdik V., Kurovskaya M.A. Improving the Psychological and Pedagogical System of Extremism Prevention Among the Youth // Psychology. Historical and Critical Reviews and Modern Research. 2024. Vol. 13. № 5-1. P. 55-67.
12. Mishin D.A., Kurovsky S.V., Smolin P.V. Problems and Prospects for the Development of Domestic Constitutionalism // Modern Society and Law. 2024. № 4 (71). P. 45-50.
13. Petev N.I. The Construction and Specificity of Political Myth as a Tool of Dialogue and Influence // Studia Humanitatis Borealis. Northern Humanitarian Studies. 2021. № 3 (20). P. 15-29.
14. Torgonova O.N., Gonchar N.N., Gnevysheva A.V. Myth as a Manipulation Option in Social Relations (Theoretical Review) // Bulletin of Tver State Technical University. Series: Social Sciences and Humanities. 2017. № 2. P. 18-26.
15. Tselykovsky A.A. Structure, Properties, and Functions of Political Myth // Logos et Praxis. 2019. Vol. 18. № 3. P. 18-24.
16. Shevchenko O.M., Shtofer L.L. Political Myth: Specifics of Constructing Socio-Political Reality // Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Social and Economic Sciences. 2020. Vol. 13. № 5. P. 275-283.
17. Shtofer L.L., Shevchenko O.M. Typology of Political Myths: Sociocultural Determinants of Genesis and Decay // Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Social and Economic Sciences. 2021. Vol. 14. № 4. P. 206-213.
18. Yarkeev A.V. Political Myth in the Teachings of Carl Schmitt // Discourse-Pi. 2022. Vol. 19. № 2. P. 10-23.
19. Roth S. et al. Expressions of untruth, suppressions of truth. A 21st century reintroduction to "Simulation and Dissimulation" // Futures. 2024. Vol. 155. P. 1-7.

Щербань А.В.

Ассистент кафедры естественнонаучных дисциплин, информационных технологий и управления, Каменский технологический институт (филиал) Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова.

Аэрогель - новый теплоизоляционный строительный материал*

Аннотация. В статье рассматриваются современные аэрогелевые материалы как перспективные теплоизоляционные строительные компоненты. Приведены основные методы получения аэрогелей, включая золь-гель процесс и различные способы сушки. Проведена классификация аэрогелей по химическому составу: оксидные, органические, углеродные и карбидные, охарактеризованы их физико-механические и теплоизоляционные свойства. Особое внимание уделено применению аэрогелей в строительной отрасли, включая их использование в качестве добавок к традиционным материалам для повышения энергоэффективности зданий. Показаны перспективы дальнейшего развития аэрогелевых технологий в условиях растущих требований к устойчивому строительству.

Ключевые слова: аэрогель, теплоизоляция, золь-гель, наноструктура, пористость, теплопроводность, строительные материалы.

Shcherban A.V.

Assistant at the Department of Natural Sciences, Information Technology and Management, Kamensk Institute of Technology (branch) of the South-Russian State Polytechnical University named after M.I. Platov.

Aerogel is a new thermal insulation building material

Abstract. The article examines modern aerogel materials as promising thermal insulation components in construction. The main methods of aerogel production are presented, including the sol-gel process and various drying techniques. Aerogels are classified by chemical composition — oxide, organic, carbon, and carbide types — with their physical, mechanical, and thermal insulation properties described. Special attention is given to the application of aerogels in the construction industry, particularly as additives to conventional materials to enhance building energy efficiency. The prospects for further development of aerogel technologies under increasing demands for sustainable construction are outlined.

Key words: aerogel, thermal insulation, sol-gel, nanostructure, porosity, thermal conductivity, building materials.

* © Щербань А.В., 2025.

Аэрогель - новый теплоизоляционный строительный материал

Введение

Аэрогель – представляет собой новый материал с трехмерной сетевой структурой. Аэрогелевые материалы имеют очень низкую плотность - всего $3,55 \text{ кг/м}^3$, самую низкую плотность среди всех твердых материалов. По этой причине аэрогель также известен как «твердый дым». Этот материал не только обладает свойствами расширения и плазменного разделения, но также имеет большую удельную поверхность и высокие теплоизоляционные свойства. Аэрогель может быть использован в качестве отличного теплоизоляционного материала и поэтому может широко применяться в строительной отрасли [1].

Существует два основных этапа подготовки гелевых материалов: первый этап - это подготовка влажных гелей и второй этап - сушка влажных гелей. В двух процессах подготовки аэрогелей первым этапом является подготовка влажных гелей. Для синтеза мокрого геля используется метод золь-гель (гидролитическая поликонденсация - метод получения материалов, в том числе наноматериалов, при котором получают золь и затем превращают его в гель, т.е. коллоидную систему, состоящую из жидкой дисперсионной среды, окруженной пространственной сеткой взаимосвязанных частиц в дисперсной фазе). Процесс мокрого приготовления геля является первым шагом в синтезе аэрогеля. Весь процесс приготовления геля очень важен. В ходе этого процесса определяется структура сети, пористость и другие параметры аэрогеля. Второй этап - это сушка влажного геля. При сушке геля, приготовленного на первом этапе, жидкая дисперсионная среда в гидрогеле переходит в газообразное состояние, и аэрогель окончательно готов к определенным процессам. Для сушки используется ряд методов. В данном исследовании наиболее часто используются сверхкритическая сушка, сублимационная сушка и сушка при атмосферном давлении [2].

Цель исследования.

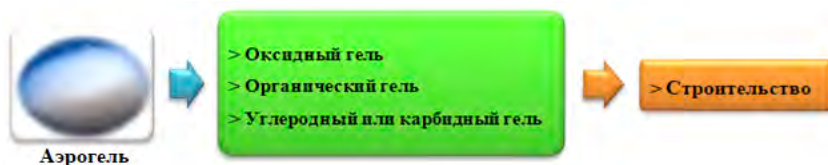
Основная цель данной работы заключается в исследовании аэрогеля, как теплоизоляционного материала, а также подробно изучить его технологию изготовления.

Задачи исследования.

1. Описать виды аэрогеля и его технологию изготовления.
2. Описать методы изготовления аэрогелевых материалов.
3. Спрогнозировать будущие тенденции в области строительства и дальнейшем применении аэрогелей.

Прогресс исследования нового материала аэрогеля. Сегодня активно исследуются и разрабатываются все новые и новые типы аэрогелей. По своему составу они классифицируются как оксидные гели, органические гели, углеродные гели и карбидные гели (смотри рисунок 1).

Оксидный аэрогель. Оксидные аэрогелевые изоляционные материалы обладают такими свойствами, как высокая термостойкость и низкая те-

Рисунок 1. Материалы и применение аэрогеля.

Источник: Составлено автором.

плопроводность. Оксидные аэрогелевые материалы устойчивы к высоким температурам и обладают лучшими эксплуатационными характеристиками. Приготовленные композитные материалы обладают высокой прочностью и хорошей технологичностью.

Аэрогели кремнезема (SiO_2) постепенно разрабатывались учеными в течение последнего столетия. Его структура является нанопористой и представляет собой теплоизоляционный материал с отличными теплоизоляционными свойствами. Этот аэрогель был разработан благодаря своим структурным характеристикам, таким как большая удельная площадь поверхности, большая пористость и низкая плотность. В последние годы исследования по изоляции аэрогелем SiO_2 за рубежом в основном были направлены на механическую прочность, подавление теплопередачи высокотемпературного излучения и сушку материала [3].

Аэрогели SiO_2 из стекловолокна были успешно получены методом золь-гель. Теплопроводность полученных аэрогелей достигает $26 \text{ Вт}/(\text{м}\cdot\text{К})$. В то же время модуль упругости при изгибе этого аэрогеля увеличивается и достигает 1200 МПа . При изготовлении аэрогеля SiO_2 , используется стекло как недорогой источник кремния. В этом исследовании было продемонстрировано влияние различных условий приготовления на время реакции гелей. Средний размер пор и удельная площадь поверхности образцов, приготовленных в данном исследовании, были лучше. Промышленное стекло является традиционным источником кремния для аэрогелей SiO_2 . Помимо этого источника кремния, различные промышленные отходы и отходы производства также могут быть переработаны в стекло. Использование этих материалов также увеличивает количество способов получения источников кремния для аэрогелей. Приготовили аэрогели на основе SiO_2 методом золь-гель с помощью вакуумной сублимационной сушки с пористостью около 90%, хорошим объемом пор и удельной поверхностью. Аэрогели SiO_2 с нановолокнами были успешно получены комбинацией методов золь-гель и сверхкритической сушки. Добавление нановолокон эффективно увеличило прочность аэрогеля, в результате чего прочность модифицированного аэрогеля SiO_2 превысила 6 МПа . В то же время максимально допустимая температура геля достигла 1200°C . Также были по-

лучены аэрогели SiO_2 , с применением тетраэтоксилановых волокон путем гелеобразования, силилирования и сушки при атмосферном давлении, что эффективно улучшило гидрофобность аэрогелей [3,4].

Органический аэрогель

По сравнению с неорганическими аэрогелями, органические аэрогели основаны на полимерных молекулярных цепях. С точки зрения эксплуатационных характеристик органические аэрогели не только сохраняют преимущества неорганических аэрогелей, такие как низкая плотность, высокая пористость и низкая теплопроводность, но и определяют эксплуатационные характеристики геля. Поэтому органические аэрогели имеют гибкую молекулярную структуру.

Фенольные смолы характеризуются высокой остаточной концентрацией углерода, отличной термостойкостью и т.д. Они имеют компактную и стабильную структуру после карбонизации. Они часто используются в качестве прекурсора для получения углеродных аэрогелей. При пиролизе образуются два вещества: пиролизный газ и пиролизный углерод. Газы рассеиваются в пограничном слое. Тепло рассеивается за счет эффектов теплового сдвига и массоотдачи. Теплопроводность фенольного аэрогеля и геля пиролизного углерода низкая, изоляционный эффект длительный, время приготовления фенольного и пиролизного гелей короткое, процесс простой, сырье широко доступно, а стоимость низкая. Поэтому фенольные аэрогели имеют большой потенциал применения во многих областях высокотемпературной изоляции и теплозащиты. В последнее десятилетие исследования изоляции на основе фенольных аэрогелей в основном были направлены на улучшение эксплуатационных, теплоизоляционных и механических свойств при высоких температурах в аэробных средах. С точки зрения улучшения изоляционных свойств фенольных аэрогелей, микроструктура может быть изменена для эффективного увеличения их проводимости при комнатной температуре. Фенольные аэрогели также могут быть объединены с неорганическими аэрогелями (например, аэрогелями SiO_2) для улучшения теплоизоляционных характеристик материала за счет использования нанопористой структуры и присущей неорганическим аэрогелям низкой теплопроводности.

Полиимиды являются разновидностью высокоэффективных смол. Благодаря своей гетероциклической структуре он обладает хорошей термической стабильностью и механическими свойствами и может выдерживать высокие температуры и коррозию. Полиимидные аэрогели имеют низкую плотность и низкую теплопроводность. Аэрогели полиимида могут использоваться при высоких температурах, но их устойчивость к высоким температурам все еще нуждается в улучшении при использовании в качестве органогелей. Для получения полиимидных гелевых аэрогелевых волокон с высокой удельной поверхностью ($364 \text{ м}^2/\text{г}$), отличными меха-

ническими свойствами и супергидрофобной структурой был предложен метод ограниченного золь-гель преобразования [4,5].

Углеродный или карбидный аэрогель

Углерод и карбиды относятся к материалам с очень стабильными химическими свойствами и высокими температурами плавления. Эти свойства используются для получения сверхвысокотемпературных аэрогелей для теплоизоляции. Помимо преимуществ углеродных аэрогелей, их мезопористая структура, высокий инфракрасный коэффициент и устойчивость к кислотам и щелочам позволяют им выдерживать высокие температуры до 2800°C в инертной среде.

Исследования показали, что благоприятными свойствами аэрогелей являются увеличенный размер частиц, макропористая структура и низкое поверхностное натяжение, которые важны для уменьшения разрушений структуры пор и усадки при сушке. Карбидные аэрогели обладают многими превосходными свойствами, такими как коррозионная стойкость, высокая твердость, высокая температура плавления и стабильные механические свойства. Углеродные аэрогели и органические изоляционные материалы на их основе частично окисляются при высоких температурах. По сравнению с другими аэрогелями, устойчивость карбидных аэрогелей к окислению при высокой температуре более заметна. Карбиды обладают высокой собственной теплопроводностью, а их высокая пористость и трехмерная сетевая структура могут значительно снизить теплопроводность. Высокоэффективные теплоизоляционные аэрогели обладают стабильными химическими свойствами и будут использоваться в качестве высокотемпературных изоляционных материалов. Они не только обладают низким коэффициентом теплового расширения и высоким коэффициентом удельного теплового расширения, но и могут выдерживать высокие температуры свыше 1000°C. Он также хорошо работает в высококоррозионных средах. Поэтому он подходит для различных жестких условий эксплуатации [5].

Применение новых аэрогелевых материалов в строительстве

Очень низкая теплопроводность аэрогеля делает материалы из него очень подходящими для теплоизоляции. На этапе строительства расходуется много ресурсов. При таком высоком энергопотреблении преимущества аэрогелей очевидны. Устойчивые к высоким температурам аэрогели обладают превосходными свойствами: у них не только низкая теплопроводность, но и низкая плотность. Они имеют большой потенциал для применения в качестве изоляции в строительной отрасли. Частицы аэрогеля часто используются в качестве добавок в строительстве и обычно имеют диаметр 0,5-5,0 мм и низкую плотность. Частицы аэрогеля можно смешивать с традиционными неорганическими материалами, используемыми в строительстве. Строительные материалы, образованные путем смешивания

вания аэрогеля, обладают лучшими теплоизоляционными свойствами. Как важный материал в строительной отрасли, изоляционные материалы должны обладать лучшими свойствами. Благодаря превосходным характеристикам аэрогеля значительно снижаются потери тепла в зданиях.

Заключение

В данной статье представлена современная разработка новых аэрогелевых материалов, особенно с точки зрения микроструктуры, методов получения, классификации и основных свойств различных аэрогелевых материалов. Уникальная структура и превосходные свойства аэрогелевых материалов широко используется в области строительства. Среди многих аэрогелевых материалов оксидные аэрогели существуют уже давно, а технология их исследования является относительно новой. В будущем будут проведены углубленные исследования, а также значительно продвинуты технологии приготовления сушки углеродных и карбидных аэрогелей.

Библиографический список

1. Исанова А.В., Кретова Е.Д., Драпалюк Д.А., Драпалюк Н.А. Анализ использования современной теплоизоляции на основе аэрогеля при проектировании энергоэффективных зданий // Инженерно-строительный вестник Прикаспия: научно-технический журнал / Астраханский государственный архитектурно-строительный университет. – Астрахань: ГАОУ АО ВО «АГАСУ», 2022. № 4 (42). С. 15-22.
2. Антонова Е.И. Аэрогели на основе хитозана как гемостатические средства / Е.И. Антонова, Е.А. Головина // Ползуновский Альманах. 2023. № 2-2. С. 46-49.
3. Получение гидрофобных аэрогелей / С.И. Иванов, П.Ю. Цыганков, И.И. Худеев, Н.В. Меншутина // Успехи в химии и химической технологии. 2015. № 4 (163). Том 29. С. 112-114.
4. Моделирование нанопористых структур кремний-резорцинол-формальдегидных аэрогелей / И.В. Лебедев, А.Ю. Тыртышников, С.И. Иванов, Н.В. Меншутина // Программные продукты и системы. 2018. № 3. С. 626-631.
5. Композиционные аэрогели на основе восстановленного оксида графена, декорированного наночастицами оксидов железа, для сорбции тяжёлых и редкоземельных металлов из растворов сложного состава / А.В. Бабкин, Е.А. Захарченко, Е.А. Нескоромная, М.А. Рыженкова // Сорбционные и хроматографические процессы. 2022. № 5. С. 650-658.

References

1. Isanova A.V., Kretova E.D., Drapalyuk D.A., Drapalyuk N.A. Analysis of the use of modern aerogel-based thermal insulation in the design of energy-efficient buildings // Civil Engineering Bulletin of the Caspian Region: scientific and technical journal / Astrakhan State University of Architecture and Civil Engineering. - Astrakhan: GAOU AO VO "AGASU", 2022. № 4 (42). P. 15-22.
2. Antonova E.I. Chitosan-based aerogels as hemostatic agents / E.I. Antonova, E.A. Golovina // Polzunovsky Almanac. 2023. № 2-2. P. 46-49.
3. Production of hydrophobic aerogels / S.I. Ivanov, P.Yu. Tsygankov, I.I. Khudeev, N.V. Men'shutina // Advances in Chemistry and Chemical Technology. 2015. № 4 (163). Vol. 29. P. 112-114.
4. Modeling of nanoporous structures of silica-resorcinol-formaldehyde aerogels / I.V. Lebedev, A.Yu. Tyrtshnikov, S.I. Ivanov, N.V. Men'shutina // Software products and systems. 2018. № 3. P. 626-631.
5. Composite aerogels based on reduced graphene oxide decorated with iron oxide nanoparticles for the sorption of heavy and rare earth metals from solutions of complex composition / A.V. Babkin, E.A. Zakharchenko, E.A. Neskoromnaya, M.A. Ryzhenkova // Sorption and chromatographic processes. 2022. № 5. P. 650-658.

Аннотации

Мальцева Л.В.

Полонникова А.А.

Сохраняем этнохудожественные традиции казачества (станция Атамань)

Меняются времена, эпохи, люди, но вечным всегда остается культура, традиции, обычаи. С момента рождения инстинктивно, естественно и незаметно привыкают к окружающей их среде, природе и культуре своей страны, к быту своего народа. Необходимо возрождать народные традиции, культуру, что позволит сохранить это для потомков. Традиционная культуры кубанских казаков в развитии и воспитании молодежи высоки и неоднозначны.

Культура Кубани является уникальной. Есть места в силу своей эмоциональности воздействия, благоприятности притягивали, концентрировали народы и государства. История, искусство, традиции всегда являются новым открытием для нынешнего поколения. Она несет в себе объем знаний и опыта, проверенного веками, культуру и уклад этноса. Культура кубанских казаков существуют в системе целостной культуры человечества, но это глобальные внутренне диалектически противоречива. Все взаимодействия между отдельными элементами демонстрирует как всеобщую связь явлений, поколений.

Ключевые слова: традиции, культура, обычаи, искусство, казачество, этнос, костюмы.

Варин Э.А.

Интеграция конкурсного бального танца в Сибири: партнерство вузов с творческими организациями ближнего зарубежья

В данной статье рассматривается важность развития международного сотрудничества в области обучения хореографии, связанной с конкурсными бальными танцами, как неотъемлемую часть теоретической и практической сторон образовательного процесса. Обучение в данном контексте представляет собой инновационный подход в сфере образования, который опирается на современные информационные технологии и материально-техническое обеспечение для развития хореографических дисциплин в рамках программы высшего учебного заведения.

В статье подчеркивается, что такое сотрудничество способствует обмену передовыми методиками преподавания, унификации критериев оценки танцевального мастерства на международном уровне и обогащению педагогического репертуара. Особое внимание уделяется роли совместных образовательных проектов, мастер-классов с участием зарубежных экспертов и студенческих обменов в формировании у будущих хореографов и педагогов глобального профессионального кругозора, кросс-культурной компетентности и адаптивности к различным танцевальным школам.

Исследование также анализирует, как интеграция современных цифровых платформ (онлайн-курсы, виртуальные мастер-классы, специализированные базы данных по хореографии) и ресурсной базы (специализированные танцевальные залы, мультимедийное оборудование) в процесс международного взаимодействия преодолевает географические барьеры, повышает доступность знаний и создает инновационную образовательную среду.

В заключении обосновывается тезис о том, что развитие международного сотрудничества в обучении конкурсной бальной хореографии является ключевым фактором повышения качества высшего хореографического образования, подготовки конкурентоспособных специалистов мирового уровня и обновления содержания образовательных программ в соответствии с глобальными тенденциями развития танцевального искусства.

Ключевые слова: хореографическое образование, международное сотрудничество, информационные технологии, качество обучения, хореографическое искусство, конкурсный бальный танец, вуз, специалист.

Бай Дуншэн

Алексеева Г.В.

Сохранение и инновационное развитие традиционной хайнаньской парчи Лицзинь

Лицзинь (парча Ли), традиционная ткань ручной выделки народа Ли на Хайнани, имеет более чем 3000-летнюю историю и считается «живой окаменелостью» китайской текстильной культуры. В данной статье излагается история происхождения, развития и проблемы наследования Лицзинь Хайнана, а также обсуждается практика правительства, организаций

и общества в области охраны культурного наследия и инноваций. Исследование показывает, что Лицзинь, как важный носитель культуры народа Ли, сталкивается с такими вызовами, как отсутствие наследников традиционных ремесел и сокращение рынка. Благодаря многосторонним усилиям, таким как политическая поддержка, обеспечение цифровой охраны и разработка креативных культурных продуктов, Лицзинь в наше время превратился из предмета повседневного обихода в товар. Перспектива предполагает ещё большее укрепление интеграции наследования ремесел и инновационного дизайна и содействие устойчивому развитию культуры Лицзинь.

Ключевые слова: парча Ли, Лицзинь Хайнаня, нематериальное культурное наследие, инновационное развитие, культура Китая.

Ло Дэся

Уснова А.Л.

Инновационные стратегии «красного туризма» интеграция культурного наследия и индустрии туризма в Цзуньи

Статья рассматривает инновационные стратегии «красного туризма» в Цзуньи, направленные на интеграцию культурного наследия и туристической индустрии. Отмечаются достижения (5,56 млрд посещений, доход 623,18 млрд юаней) и проблемы (низкая цифровизация, слабый маркетинг). Предлагаются решения: внедрение «Интернет+», VR/AR, развитие маршрутов, соцсетевой маркетинг и обучение с использованием ИИ. В 2025 г. акцент делается на сочетании «красного» и «зелёного» туризма.

Ключевые слова: красный туризм, Цзуньи, культурное наследие, туристическая индустрия

Тропольский Д.К.

Продюсер как со-автор: изменение концепции авторства в музыке

В статье исследуется изменение роли музыкального продюсера в условиях цифровой культуры. Показано, что продюсер становится не только техническим специалистом, но и полноправным соавтором музыкального произведения. Рассматриваются культурные, правовые и экономические аспекты данного процесса, а также феномен «невидимости» продюсера в массовой культуре.

Ключевые слова: музыкальный продюсер, соавторство, авторское право, музыкальная индустрия, цифровые технологии, культурология, звуковой дизайн.

Бянь Мэнлэй

Как Бетховен сочинял сложную музыку после потери слуха: анализ поздних сонат

Цель работы – понять, как полная потеря слуха повлияла на творчество Людвиг ван Бетховена, особенно на его поздние фортепианные сонаты. В работе рассматривается, как композитор продолжал писать музыку, используя внутренний слух и воображение, а также какие новые формы и гармонии он при этом создавал.

Актуальность темы заключается в том, что Бетховен – уникальный пример того, как человек может продолжать творить даже после потери важнейшего чувства – слуха. Это важно не только для музыковедения, но и для понимания возможностей человеческого мозга и творческого мышления. Кроме того, многие идеи, появившиеся в поздних сонатах Бетховена, повлияли на музыку XX века – например, на атональность и минимализм. Поэтому изучение этих произведений помогает лучше понять, как развивалась музыка после Бетховена и почему его творчество остаётся актуальным сегодня.

Ключевые слова: Бетховен, музыка, музыкальное произведение, слух, соната, анализ, сравнение, XX век, изучение.

Васильченко А.В.

Средства и приемы языкового манипулирования в рекламных текстах

Целью работы являлось исследование основных средств и приемов языкового манипулирования в рекламных текстах, их специфики и влияния на целевую аудиторию. Было проанализировано психологическое воздействие рекламы на чувственно-эмоциональную сферу, установки и стереотипы личности, а также на формирование картины мира потребителей.

В работе также рассматривались средства выразительности (тропы и стилистические фигуры), оказывающие манипулятивное воздействие на сознание потенциальных покупателей. Выявлено, что изучение средств и приёмов языкового манипулирования в рекламе позволяет повышать эффективность рекламных инструментов и маркетинговых коммуникаций, разрабатывать новые стратегии по продвижению товаров и услуг, а также адаптировать их к изменениям, происходящим на современном рынке.

Ключевые слова: языковое манипулирование, текст, слоган, реклама, средства выразительности, троп, стилистическая фигура.

Захарова В.А.

Креативная трансформация: традиционные образы в современной визуальной культуре Филиппин

Статья посвящена креативной трансформации в современной визуальной культуре Филиппин – процессу, в котором традиционные образы, фольклор и ремесла получают новое значение в искусстве, кино и моде. Цель работы – показать, как культурное наследие используется в новых формах творчества и становится не только частью культуры, но и источником экономического роста.

Результаты показывают, что обращение к традиции в современной филиппинской культуре – это осознанное стремление сохранить и лучше понять национальную идентичность. Художники, режиссеры и дизайнеры используют мифологических персонажей, народный промысел и традиционные костюмы, создавая новые формы самовыражения. Государственная поддержка помогает развивать творческие профессии и сохранять культурное наследие.

По данным статистического управления Филиппин, креативная экономика обеспечивает около 7% ВВП страны и создает рабочие места более чем для семи миллионам человек. Это доказывает, что творчество и традиция становятся важными факторами развития. Креативная трансформация помогает не только сохранить культуру, но и создавать новые рабочие места, поддерживать региональные сообщества и укреплять имидж страны в мире.

В заключение отмечается, что современная визуальная культура Филиппин соединяет прошлое и настоящее, традицию и инновации. Фольклор становится живым источником вдохновения, способом самопознания и важной частью устойчивого развития общества.

Ключевые слова: Филиппины, визуальная культура, фольклор, постколониальная идентичность, креативная экономика, культурное наследие, искусство, кино, мода, ремесла.

Зенина Л.В.

Герасименко Т.Л.

Стрижова Е.В.

Конструирование идентичности как социокультурный аспект виртуального обучения

В статье рассматривается социокультурный аспект виртуального обучения как элемент сложного социального феномена, охватывающего процессы конструирования идентичности, формирования онлайн-сообществ и преодоления цифрового неравенства. Авторами анализируются ключевые термины и концепции, подчеркивается важность учета социокультурного контекста при разработке и реализации программ виртуального обучения для обеспечения его эффективности и доступности для всех категорий обучающихся.

Ключевые слова: виртуальное обучение, социокультурный аспект, цифровая идентичность, онлайн-сообщество, цифровое неравенство, социальная инклюзия, педагогический дизайн.

Зыкова Т.В.

Национальный центр В.П. Астафьева как модель интерпретации литературного мира в музейной экспозиции

Статья посвящена исследованию способов представления литературного мира Виктора Астафьева в экспозиции Национального центра в селе Овсянка Красноярского края. Рассматриваются концептуальные принципы построения экспозиции, включая историко-тематическую логику, автобиографичность, роль голоса писателя, мультимедиа и лейтмотив Овсянки. Анализируются тематические блоки, посвящённые ключевым произведениям («Последний поклон», «Царь-рыба», «Печальный детектив», «Затеси»), а также приёмы трансформации литературного текста в музейный объект через визуальные, звуковые и интерактивные фор-

мы. Особое внимание уделено природной и этнографической составляющей, подчёркивающей экологическую философию Астафьева. Статья подчёркивает уникальность Центра как пространства диалога, где литература обретает новую жизнь.

Ключевые слова: Виктор Астафьев, национальный центр, литературный музей, экспозиция, автобиографичность, мультимедиа, Овсянка, интерпретация текста, экология.

Кириченко Н.С.

Графическое искусство Карачаево-Черкесии: искусствоведческий анализ и интерпретация

В статье рассматриваются основные методологические подходы к искусствоведческому анализу произведений изобразительного искусства и их практическое применение при исследовании творчества художников. Проводится детальный анализ произведений художников Карачаево-Черкесской Республики Магомеда Бостанова, Ираиды Орловой, Юрия Карасова и Хусея Гогуева с точки зрения их художественных особенностей, технических приемов и способов воплощения национальных образов, символов и традиций региона. Исследование выявляет специфические черты регионального художественного языка, характеризующегося органичным синтезом этнокультурных мотивов с современными изобразительными средствами. Особое внимание уделяется анализу композиционных решений, колористических особенностей и символического содержания произведений, отражающих культурную идентичность народов Северного Кавказа. Работа демонстрирует, как современные художники региона творчески переосмысливают традиционные мотивы, создавая произведения, которые служат связующим звеном между историческим наследием и современной художественной культурой.

Ключевые слова: искусствоведческий анализ, изобразительное искусство, Карачаево-Черкесская Республика, национальные традиции, этнокультурные мотивы, региональная художественная школа, художественные техники, культурная идентичность.

Ши Юйцин

Картографический анализ исследований Льва Толстого в Китае

В статье на основе 833 публикаций из ключевых рецензируемых журналов CNKI (1992–2024) с помощью CiteSpace построены карты знаний, позволяющие проанализировать развитие, ключевые темы и тенденции толстоведения в Китае. Исследование выявляет региональную специфику и многообразие форм производства знаний. Кластерный анализ ключевых слов определил три направления: 1) интерпретация классических произведений («Анна Каренина», «Воскресение») с позиций нарратива, этики и религиозной философии; 2) междисциплинарное расширение, обновляющее образовательные идеи, семиотику и биографические исследования; 3) исторический резонанс идей Толстого с мыслями древних китайских философов и литературой революционной эпохи нового времени.

Ключевые слова: Лев Толстой, карты знаний, «Анна Каренина», «Воскресение», религиозные идеи, библиометрический анализ.

Барсуков Р.Р.

Матвеева Е.А.

Шиндель В.В.

Репрезентация субкультуры СВО (на материале культурных практик участников боевых подразделений)

В статье рассматриваются особенности субкультуры СВО, репрезентированные в интернет-дискурсе представителями боевых подразделений. Поскольку в зоне проведения специальной военной операции участвуют военнослужащие регулярной армии Министерства обороны Российской Федерации, добровольческие отряды, мобилизованные граждане, а также представители специального контингента (лица из мест лишения свободы), то, соответственно, формируется особая подсистема военной культуры (далее: субкультура СВО). В статье исследованы технологии репрезентации субкультуры СВО на примерах песни штурмового подразделения «Шторм-423» и контента Telegram-канала «Доброволец Z#art». Литературоведческий анализ текста песни «Это братья мои...» позволяет отнестись произведение «Шторма-423» к жанру армейского шансона. Семиотический метод, использованный для исследования текстов «новелл» в сочетании с графическими изображениями автора канала

«Доброволец Z#art» с позывным Учитель дает основание определить данный эго-текст как жанр военного дневника. Рассмотренные в статье примеры свидетельствуют о специфике субкультуры СВО, которая по своей структуре латентна, фрагментарна, отличается гибридным характером. Выводы, полученные в результате проведенного анализа, могут найти свое подтверждение и при рассмотрении аналогичных примеров, которые, в свою очередь, могут существенно расширить эмпирическую базу по заявленной теме, что свидетельствует о ее актуальности и открывает перспективы для дальнейшего исследования феномена субкультуры СВО.

Ключевые слова: специальная военная операция, субкультура СВО, штурмовое подразделение «Шторм-423», добровольцы, Telegram-канал «Доброволец Z#art», технологии репрезентации, новелла, военный дневник.

Шудунова Е.К.

Театр как элемент кода взаимодействия традиций русского и китайского театрального искусства (вторая половина 20 века - начало 21 века)

Статья рассматривает историю, современное состояние культурного взаимодействия российского и китайского театров, которое охватывает вторую половину 20 и начало 21 веков. Основное содержание делится на несколько этапов: активизация сотрудничества в театральной сфере в 50-е годы, перерыв и возрождение связей (1960–1980-е годы), новый подъём российско-китайского театрального сотрудничества на современном этапе (XXI век). Исторический опыт демонстрирует глубокую интеграцию и влияние театральных традиций двух стран. Текущие тенденции отражают перспективность дальнейшего развития театрального сотрудничества и потенциал позитивного воздействия на мировую культуру такой совместной деятельности.

Ключевые слова: история театральных контактов, русская драма, советский театр, китайский театр, Россия, Китай, переосмысление, взаимодействие.

Троепольский Д.К.

Роль музыкального продюсера как культурного посредника в цифровую эпоху: трансформация функций и стратегий

В статье анализируется трансформация роли музыкального продюсера в условиях цифровой эпохи. Продюсер рассматривается как культурный посредник, соединяющий творческие, технологические и маркетинговые аспекты музыкального производства. Особое внимание уделено влиянию цифровых платформ, рекомендательных алгоритмов и социальных сетей на стратегию релизов, взаимодействие с аудиторией и вопросы авторства.

Ключевые слова: музыкальный продюсер, цифровая музыка, культурный посредник, стриминг, рекомендательные алгоритмы, социальные сети, UGC, религиозная стратегия, авторское право, музыкальная индустрия.

Рябова Е.Л.

Терновая Л.О.

Ренессанс с цифровым лицом: переизобретение гуманитарного знания в эпоху технологий

В статье рассматривается переосмысление гуманитарного знания в эпоху цифровых технологий, характеризуемое как «Ренессанс с цифровым лицом». Анализируются три ключевых проблемы: технологический вызов и этический вакуум, кризис идентичности в цифровую эпоху и методологическая революция в гуманитарных науках с использованием цифровых инструментов. Особое внимание уделяется государственному запросу на развитие гуманитарных наук как инструмента мягкой силы и национальной безопасности, а также появлению новых междисциплинарных и межотраслевых направлений, таких как нейрогуманитарные науки, экологические гуманитарные науки, гуманитарные науки данных и др. Подчеркивается опасность «научного огораживания», мешающего интеграции знаний и решению сложнейших проблем современности. В статье исторически обоснована необходимость постоянного обновления гуманитарного знания.

Ключевые слова: гуманитарные науки, цифровизация, междисциплинарность, методологическая революция, этика технологий, кризис идентичности, новые науки, интеграция знаний, мягкая сила.

Аишкова Л.М.

Павельева Т.Ю.

Влияние молодежной субкультуры на менталитет

В статье анализируются молодежные субкультуры, причины их появления и распространения, последствия их воздействия на менталитет молодежи. Наряду с более устойчивым менталитетом большинства современной российской молодежи, существует и ментальность, в большей степени подверженная культурным условиям формирования, характерным для данного исторического периода. Поскольку усвоение культурных ценностей у молодежных групп происходит неодинаково, можно говорить о ментальностях, обусловленных различной культурой, сосуществующих с более устойчивым менталитетом.

Ключевые слова: менталитет, ментальность, кризис системы ценностных ориентаций, молодежная субкультура, противоречивая трансформация ментальности молодежи.

Аджиева З.И.

Ногайлиева М.Х.

Тохчукоев М.О.

Хубиев И.Х.

Сравнительный анализ правового обеспечения защиты персональных данных в Российской Федерации и зарубежных странах

В статье рассматриваются особенности правового регулирования защиты персональных данных в различных юрисдикциях, с акцентом на сравнительный анализ законодательств Европейского союза, России и Китая. Особое внимание уделяется принципам, механизмам ответственности и требованиям к обработке и хранению данных. Проанализированы различия в подходах к приоритетам защиты прав личности, национальной безопасности и публичных интересов. Описаны эволюция нормативных актов, а также проблемы трансграничной передачи и обеспечения безопасности персональных данных в условиях международной цифровой среды. Сделан вывод, что российское законодательство стремится соответствовать международным стандартам, сочетая контроль и защиту прав граждан в современных условиях.

Ключевые слова: персональные данные, защита данных, Россия, Китай, законодательство, конфиденциальность, национальная безопасность, кибербезопасность, трансграничная передача данных, ответственность, правовая регламентация, цифровые технологии.

Бакка С.В.

Киселева Н.Ю.

Галустьян О.Р.

Шестакова А.А.

Жук К.М.

Динамика списка видов в региональной Красной книге: анализ изменений

В работе проанализирована динамика изменения видовых списков в трех изданиях Красной книги Нижегородской области. Рассчитан индекс сходства видовых списков трех изданий региональной Красной книги по Жаккару. Исследованы и систематизированы причины внесения видов в региональную Красную книгу и исключения из нее. Изучены изменения категорий природоохранного статуса редких видов живых организмов.

Ключевые слова: Красная книга, охрана природы, живые организмы, охраняемые виды.

Борлакова М.А.

Байрамуков М.Х.

Чочуев Э.Р.

Абдиев И.Р.

Эбзеев Р.Д.

Искусственный интеллект в обучении информатике в условиях цифровизации

В эпоху цифровой трансформации внедрение и совершенствование систем искусственного интеллекта (ИИ) становится существенным фактором прогресса современного социума. Внедрение информационных и когнитивных разработок обуславливает глубокие перемены во всех аспектах существования человека, в том числе в технологической, экономической, общественной и образовательной среде, представляющую особую значимость, где цифрови-

зация и ИИ находят все более широкое применение. ИИ может быть использован для персонализированного подхода к обучению, разработки гибких образовательных программ и методик, оценки успехов обучающихся и прогнозирования их потребностей. Как инструмент ИИ может быть также эффективен при разработке имитационных моделей и виртуальных ассистентов, способствующих усвоению учебных дисциплин студентами.

Ключевые слова: цифровизация, искусственный интеллект, образовательный процесс, когнитивные технологии, моральные аспекты искусственного интеллекта.

Дашу Ли

Синьлу Ян

Текущее состояние, ключевые вопросы и тенденции зарубежных исследований по проблеме поддержки обучающихся со стороны преподавателя (на основе визуального анализа Cite Space)

К поддержке обучающихся со стороны преподавателя относятся такие аспекты, как понимание, удовлетворение их потребностей в обучении и содействие им в достижении образовательных целей. Целью данного исследования является тематический обзор и визуальный анализ зарубежных академических исследований по вопросу поддержки обучающихся со стороны преподавателя, что обеспечит данные для последующих, более глубоких исследований. Материалом для данного исследования стали источники, проиндексированные в базе данных научной литературы Web of Science с 2004 по 2024 год. С помощью технологии визуализации Cite Space б. 4. R1 авторами составлена карта научных знаний, изучены состояние, ключевые вопросы и тенденции исследований. Как показывают результаты, в последние 20 лет наблюдается заметный рост количества зарубежных исследований по проблеме поддержки обучающихся со стороны преподавателя. Ключевые исследовательские вопросы по теме включают влияние поддержки со стороны преподавателя на академическую успеваемость, психическое здоровье и социальное поведение обучающихся. Ожидается, что последующие исследования по теме будут сосредоточены на вопросах междисциплинарной интеграции.

Ключевые слова: поддержка со стороны преподавателя, CiteSpace, состояние исследований, ключевые вопросы исследований, тенденции исследований.

Сяожань Дэн

Тин Ван

Исследование путей и механизмов продвижения цифровой трансформации в области высшего образования

Цифровизация образования - это всесторонняя и систематическая трансформация системы образования с использованием цифровых технологий, таких как большие массивы данных, искусственный интеллект, облачные вычисления данных и Интернет вещей. С помощью цифровых технологий реконструируются модели преподавания в сфере образования, оптимизируются процессы управления образованием и внедряются инновационные формы предоставления образовательных услуг для повышения качества образования. Однако в процессе цифровой трансформации высшего образования по-прежнему существует ряд проблем, таких как неравномерное распределение образовательных ресурсов, недостаточная цифровая грамотность среди преподавателей и студентов и отсутствие системы оценки преподавания, которые влияют на эффективность преподавания и качество обучения.

В статье анализируются движущие силы и существующие проблемы цифровой трансформации в высшем образовании, предлагается путь цифровой трансформации в контексте высококачественного развития посредством таких аспектов, как реструктуризация моделей преподавания, содействие совместному использованию учебных ресурсов и оптимизация систем оценки преподавания.

Также предлагается механизм содействия преобразованию с точки зрения совершенствования дизайна на высшем уровне, углубления социального спроса, продвижения технологических инноваций и повышения грамотности преподавателей и студентов, чтобы обеспечить ориентир для цифровой трансформации университетов и оказать серьезную поддержку в продвижении качественного развития высшего образования.

Ключевые слова: Высшее образование, цифровая трансформация, путь трансформации, механизмы продвижения, цифровые технологии.

Феокистов С.В.

Развитие международного этнографического туризма на трансграничной территории «Амурская область – провинция Хэйлунцзян (КНР)» на примере национально-этнографического парка города Хэйхэ

В статье представлен обзор концепции этнографического туризма, приведено описание российско-китайского национально-этнографического парка города Хэйхэ (КНР) как дестинации этнографического туризма, проанализированы проблемы использования этого туристского объекта российскими туристами, определены рекомендации для популяризации парка в российских СМИ и в русскоязычном Интернете. Также в статье приведены результаты анкетирования по изучению потенциального туристского интереса граждан Российской Федерации к посещению национально-этнографического парка города Хэйхэ и дестинаций этнографического туризма и кинотуризма в КНР в целом.

Ключевые слова: этнографический парк, этнографический туризм, международный туризм, провинция Хэйлунцзян.

Старых С.М.**Еремина А.А.**

Неправомерное использование компьютерной информации, содержащей персональные данные: толкование признаков и некоторые проблемы квалификации

Статья посвящена исследованию на тему неправомерного использования компьютерной информации и изучение особенностей данного общественно-опасного деяния. Автором будут рассмотрены основные понятия и признаки неправомерного использования компьютерной информации, проанализирована основные квалификационные факторы, а также рассмотрена судебная практика, касающаяся неправомерного использования компьютерной информации.

Ключевые слова: неправомерное использование компьютерной информации, преступления в сфере компьютерной информации, информационные общественно-опасные деяния.

Терновая Л.О.**Чапкин Н.С.**

Нулевой километр как геополитический индикатор

Статья посвящена феномену «нулевого километра» как культурного, исторического, геополитического и символического явления. Рассматриваются различные исторические примеры и интерпретации этого понятия, включая римский *Milliarium Aureum* и его роль в организации пространственного и временного восприятия. Анализируются сакральные и геополитические аспекты, связанные с понятием центра и оси мира (*Axis Mundi*), а также трансформация символики нулевого километра в современности. В работе представлен междисциплинарный подход, объединяющий историю, геополитику, антропологию, философию времени и культурологию, что позволяет понять значение пространственных координат в формировании национальной идентичности и культурных кодов.

Ключевые слова: нулевой километр, *Milliarium Aureum*, *Axis Mundi*, сакральная геометрия, пространственная идентичность, культурные коды, геополитика, историческое пространство, пространственно-временные координаты, символизм, междисциплинарное исследование, национальная идентичность.

Щупленков О.В.**Щупленков Н.О.**

Реализация свободы творчества в образовании посредством работы международных институтов

В статье авторами проведен детальный анализ факторов, обуславливающих автономию конституционной свободы преподавания и научной деятельности в рамках общей системы прав и свобод человека. Среди выявленных факторов следует выделить конституционную формализацию данных свобод, специфику их реализации, субъектный состав носителей, содержательные особенности, а также вариативность интерпретаций в контексте конституционно-правового регулирования и правоприменительной практики. Опираясь на обобщенный зарубежный опыт, авторы приводят дополнительные аргументы в пользу

необходимости максимальной защиты профессиональной деятельности от произвольного и некомпетентного вмешательства со стороны государственных органов. Данный вывод подкрепляется анализом международных стандартов и практик, демонстрирующих значимость обеспечения автономии академической и научной сфер для устойчивого развития общества и поддержания высокого уровня профессионализма.

Ключевые слова: глобализм, концепции, модели, открытое общество, педагогика, цифровая грамотность, цифровые технологии, ЮНЕСКО.

Баглиева А.З.

Проблема личности в исламе и критика ее атеистической интерпретации

Разнообразные процессы, происходящие в современном мире имеют своим следствием угрозы для свободного развития личности, что, в конечном итоге, неминуемо приводит к дегуманизации. В итоге, не находя ответы на свои вопросы, молодежь обращается к религии и религиозным ценностям. В статье автор акцентирует внимание на том, что гуманистическая сущность религии часто сама по себе испытывает необходимость в своеобразной экспликации, в том числе и в исламе. В мусульманской религии содержится два главных положения, тесно связанные с личностью и ее проблемами. Это, во-первых, Бог обезличенный и второе – незыблемый догмат, не подлежащий никакому сомнению – предопределение. Автор выделяет основные и главные проблемы, содержащиеся в исламе – проблема взаимоотношений между Богом и человеком; взаимоотношения между человеком и обществом.

Ключевые слова: исламская антропология, христианская антропология, гуманизм, божественное предопределение, поклонение, свобода воли.

Абазалиева М.М.

Эволюция взаимодействия государства и религиозных организаций в России

Одной из важнейших составляющих российской истории являются государственно - церковные (позже государственно-конфессиональные) отношения, предопределившие основные этапы развития не только российской государственности, но и правовой системы. В государственно-конфессиональных отношениях в России очень много традиционного, сознательно воспроизводимого, причем это отражается и в деятельности государственных органов, и в общественном сознании. Религиозная многоконфессиональность народа является неоспоримым духовным и политическим богатством России. Складывавшаяся веками в России традиция взаимодействия государства и религиозных организаций не только сохраняется, но и развивается. Данные отношения регулируются различными правовыми нормами, которые устанавливают государственный режим Российской Федерации и правовой статус религиозных организаций.

Ключевые слова: религиозные организации, государство, государственно-конфессиональные отношения, Конституция Российской Федерации.

Аджиева З.И.

Эльдарова А.А.

Токова С.И.

Проблемы правового обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних в условиях цифровой трансформации общества

В данной статье рассматриваются проблемы правового обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних в цифровой среде. Выделяются ключевые вызовы, связанные с ростом цифровых угроз, отсутствием единой и актуальной нормативной базы, а также необходимостью формирования у детей информационной культуры и ответственности в использовании информационно-коммуникационных технологий. Автор анализирует пробелы в законодательстве, указывает на важность внедрения новой Концепции информационной безопасности детей, правового закрепления категории «цифровой представитель» и цифровой зрелости ребенка. Особое внимание уделяется вопросам дистанционного обучения, роли семьи, школы и государства в защите детей от деструктивного воздействия информационного пространства. В заключение подчеркивается необходимость комплексного и межведомственного подхода для формирования правовой среды, способствующей безопасному и гармоничному развитию детей в цифровом обществе.

Ключевые слова: информационная безопасность, несовершеннолетние, цифровая среда, правовое регулирование, цифровая культура, цифровая зрелость, цифровой представитель, кибербезопасность, защита детей, дистанционное обучение, цифровые технологии, информационная культура, цифровые угрозы, кибербуллинг, персональные данные, правовая культура, нормативно-правовая база.

Бобрович-Волкова П.В.

Прошлое, настоящее и будущее волонтерского движения в России

В исследовании рассматривается феномен волонтерского движения в современной России как важнейший элемент гражданского общества и индикатор уровня социальной консолидации. Целью работы является комплексный анализ исторических, институциональных и социокультурных аспектов развития добровольчества в России, выявление факторов, определяющих его динамику, и определение перспектив дальнейшего развития. В задачи исследования входило изучение этапов становления волонтерского движения, анализ его правовых и организационных основ, а также рассмотрение мотивационных и ценностных характеристик участия граждан в добровольческой деятельности. Методологическую основу составили историко-сравнительный, институциональный и социокультурный подходы, а также методы анализа, синтеза и прогноза, позволившие охватить многоуровневую природу волонтерства. Результаты исследования показали, что волонтерское движение в России прошло путь от религиозно-нравственной благотворительности и идеологически обусловленного советского добровольчества до современной институционализированной формы гражданской активности. Практическая значимость работы заключается в возможности использования её выводов для совершенствования государственной политики в сфере поддержки добровольчества, разработки образовательных программ, стимулирующих вовлечение молодёжи, и укрепления механизмов взаимодействия государства, общества и бизнеса. Исследование подчёркивает роль волонтерства как инструмента социальной устойчивости, развития гражданской ответственности и консолидации российского общества.

Ключевые слова: волонтерство, гражданское общество, социальная активность, добровольчество, институционализация, социальная консолидация.

Гукова Т.А.

Озова А.М.

Шорова Л.К.

Инклюзивное образование в дошкольном образовательном учреждении

Обсуждение преимуществ и трудностей, возникающих при реализации инклюзивных образовательных подходов в дошкольных учреждениях, является крайне актуальным на современном этапе развития образования. Нормативно-правовая база, регулирующая инклюзивное образование в ДОУ, принципы создания доступной образовательной среды для детей с ОВЗ, а также реальные проблемы, возникающие при внедрении инклюзии в современных детских садах, стимулируют трансформацию образовательной системы, позволяют разрабатывать инновационные модели организации образовательного процесса. Инклюзивное обучение представляет собой модель образовательного процесса, где все дети, вне зависимости от их индивидуальных характеристик интегрированы в единую образовательную среду. Дошкольные образовательные учреждения адаптируют свои методики и программы, принимая во внимание особые образовательные нужды каждого ученика и предоставляя необходимую специализированную помощь. Такой подход обеспечивает равные возможности для всех детей, способствуя их полноценному развитию и социализации.

Ключевые слова: инклюзивные образовательные подходы, инклюзивное обучение, образовательный процесс, дошкольные образовательные учреждения.

Ещенко Т.В.

Исследование огнезащитных материалов. Технология обработки древесных плит

В статье рассматриваются современные подходы к повышению огнестойкости древесных плит, широко используемых в строительстве в качестве отделочных и напольных материалов. Обоснована необходимость применения огнезащитной обработки ввиду высокой горючести древесных композитов и их способности к интенсивному выделению тепла при

возгорании. Проведён анализ механизмов действия антипиренов — по теории изоляции и разбавления газов, а также рассмотрены неорганические и органические огнезащитные составы, включая фосфор-, азот- и борсодержащие соединения. Подробно описаны технологические методы обработки: погружной, поверхностного нанесения и интеграция в процессе производства плит. Особое внимание уделено комбинированным решениям, обеспечивающим долговременную и устойчивую огнезащиту. Работа ориентирована на специалистов в области строительных материалов, пожарной безопасности и промышленной технологии деревообработки.

Ключевые слова: огнезащита, древесные плиты, антипирены, огнестойкость, химическая обработка, технологии пропитки, строительные материалы, пожарная безопасность.

Зотова А.А.

Акимова М.П.

Событийные практики как инструмент модернизации музейной коммуникации с молодежью

С каждым годом в России набирает популярность такой инструмент как special events, проводимые организациями с целью формирования позитивного имиджа. Все больше компаний внедряют данный инструмент в свои коммуникационные практики. В связи с растущей конкуренцией музею тоже крайне важно адаптироваться к среде и применять современные коммуникационные технологии, а именно специальные мероприятия. Многие музеи не задействуют их в полной мере, недооценивая результативность такого приема. Подобные события помогают достичь многих, важных для организации, коммуникационных целей: привлечь внимание новой аудитории к учреждению, повысить лояльность существующих потребителей, улучшить репутацию и обеспечить присутствие в поле зрения СМИ, что способствует повышению осведомленности об организации. Благодаря задействованию данного инструмента аудитория получает уникальный опыт и запоминающиеся впечатления. В совокупности все названные факторы делают special events неотъемлемой частью коммуникационной кампании организаций в современном мире, вследствие чему подтверждается актуальность исследования.

Ключевые слова: специальные мероприятия, музеи Москвы и России, популяризация культурного наследия страны, формирование имиджа музеев, коммуникационные технологии.

Мэн Чжан

Цзин Ли

Механизм интеграции и практическое исследование обучения волонтерскому служению в системе идеологического и политического воспитания в школах

Основываясь на важном выступлении Генерального секретаря Си Цзиньпина о социальной работе, эта статья подробно исследует механизм и практический путь интеграции обучения волонтерской работе в систему идеологического и политического образования в школах как с теоретической, так и с практической точек зрения.

В данной работе анализируется внутренняя связь между обучением волонтерской деятельности и идеологическим и политическим воспитанием в школах. Кроме того, разъясняется важность и целесообразность интеграции обучения волонтерской деятельности в школьную систему идеологического и политического образования.

В статье приводятся теоретические и практические рекомендации для дальнейшего содействия эффективному внедрению обучения волонтерской работе в рамках идеологического и политического образования в школах, с тем чтобы повысить идеологическую и политическую грамотность учащихся и подготовить всесторонне развитые таланты для новой эры.

Ключевые слова: обучение волонтерскому служению, идеологическое и политическое воспитание в школе, практическое изучение, механизм интеграции, рассуждения об общественной работе.

Пятицкая А.В.

Формирование профессиональной культуры безопасности в техническом ВУЗе

Формирование культуры безопасности в вузе – стратегическая необходимость, обусловленная многообразием современных угроз: физических, техногенных, цифровых, пси-

хологических и социальных. Высшая школа выступает инкубатором профессионального сознания, где закладываются ценности будущих инженеров, программистов, управленцев. Безопасность должна стать частью инженерного мышления и повседневной практики. В статье обосновывается комплексный подход к развитию культуры безопасности через обучение, инфраструктурные меры, поддержку психологического климата и интеграцию обеспечения безопасности в техническую дисциплину. Цель – подготовка не просто компетентных, а ответственных специалистов, для которых «безопасность по умолчанию» является профессиональным императивом.

Ключевые слова: культура безопасности, вуз, риски, образовательные программы, дисциплины.

Хван Д.А.

Стратегия деконструкции политических мифов в условиях цифровой симуляции

В цифровом пространстве политический миф утрачивает черты устойчивой идеологической конструкции и приобретает форму фрагментарных символов, мгновенно воспроизводимых алгоритмами и визуальными кодами. Их появление связано с изменением характера политической коммуникации – цифровые платформы переводят политический миф из сферы идеологических смыслов в сферу знаковых образов, в которой ключевую роль играют повторяемость, эмоциональная окрашенность и механизмы рекомендаций. В условиях массовой цифровой симуляции политический миф становится важным ресурсом цифровой легитимации, требующим отдельного исследовательского анализа. Цель исследования – разработать стратегию деконструкции политических мифов в условиях цифровой симуляции. Методы исследования: обобщение, синтез, сравнительный анализ, теоретическое моделирование. Результаты: а) рассмотрены теоретические основания анализа мифа в цифровой среде (Ж. Бодрийяр, К. Манхейм, М. Фуко); б) предложена типология цифровых политических мифов (миф о нейтральности алгоритмов, символически «свёрнутые» образы, эмоционально-мобилизующие лозунги, постфактуальные мифы); в) предложена модель стратегии деконструкции, включающая три основных этапа (выявление повторов, разбор смысла, анализ каналов распространения); г) разработана авторская концептуальная модель цифрового производства и воспроизводства политического мифа; д) выделены четыре функции цифрового мифа – легитимация, стабилизация, отвлечение, управление эмоциями. В исследовании получены следующие значимые выводы: во-первых, показано, что цифровой политический миф является ключевым элементом политической цифровой симуляции; во-вторых, выявлено, что его воспроизводство поддерживается алгоритмическими механизмами и ритуализованными практиками; в-третьих, обосновано, что стратегия деконструкции позволяет выявить несоответствие между символической формой и институциональной практикой; в-четвёртых, сделан вывод о том, что деконструкция выступает как исследовательским приёмом, так и формой политической ответственности, возвращающей субъекту способность к критической интерпретации в условиях цифровой среды.

Ключевые слова: политические мифы, цифровая симуляция, деконструкция, разбор смысла, интерпретация носителя, цифровая легитимация.

Щербань А.В.

Аэрогель - новый теплоизоляционный строительный материал

В статье рассматриваются современные аэрогелевые материалы как перспективные теплоизоляционные строительные компоненты. Приведены основные методы получения аэрогелей, включая золь-гель процесс и различные способы сушки. Проведена классификация аэрогелей по химическому составу: оксидные, органические, углеродные и карбидные, охарактеризованы их физико-механические и термоизоляционные свойства. Особое внимание уделено применению аэрогелей в строительной отрасли, включая их использование в качестве добавок к традиционным материалам для повышения энергоэффективности зданий. Показаны перспективы дальнейшего развития аэрогелевых технологий в условиях растущих требований к устойчивому строительству.

Ключевые слова: аэрогель, теплоизоляция, золь-гель, наноструктура, пористость, теплопроводность, строительные материалы.

Abstracts

Maltseva L.V.

Polonnikova A.A.

Preserving the ethnoartistic traditions of the cossacks (Ataman village)

Times, eras, and people change, but culture, traditions, and customs always remain eternal. From the moment of birth, people instinctively, naturally, and imperceptibly become accustomed to their surroundings, the nature and culture of their country, and the way of life of their people. It is necessary to revive folk traditions and culture, which will preserve them for posterity. The traditional culture of the Kuban Cossacks in the development and education of youth is both profound and complex.

The culture of Kuban is unique. Certain places, due to their emotional impact and grace, have attracted and concentrated peoples and states. History, art, and traditions are always a new discovery for the current generation. It carries within it a wealth of knowledge and experience, proven over centuries, the culture and way of life of an ethnic group. The culture of the Kuban Cossacks exists within the system of a holistic human culture, but this global culture is internally dialectically contradictory. All interactions between individual elements demonstrate a universal connection between phenomena and generations.

Key words: traditions, culture, customs, art, Cossacks, ethnicity, costumes.

Varin E.A.

Integration of competitive ballroom dancing in Siberia: partnership of universities with creative organizations of neighboring countries

This article examines the importance of developing international cooperation in the field of teaching choreography related to competitive ballroom dancing as an integral part of theoretical and practical aspects of the educational process. The training in this context represents an innovative approach in the field of education, which relies on modern information technologies and material and technical support for the development of choreographic disciplines within the framework of the higher education institution program.

The article emphasizes that such cooperation facilitates the exchange of advanced teaching methods, the unification of criteria for assessing dance skills at the international level, and the enrichment of the pedagogical repertoire. Particular attention is paid to the role of joint educational projects, master classes with the participation of foreign experts and student exchanges in the formation of a global professional outlook, cross-cultural competence and adaptability to various dance schools in future choreographers and teachers.

The study also analyzes how the integration of modern digital platforms (online courses, virtual master classes, specialized choreography databases) and the resource base (specialized dance halls, multimedia equipment) in the process of international interaction overcomes geographical barriers, increases the availability of knowledge and creates an innovative educational environment.

In conclusion, thesis is substantiated that the development of international cooperation in the teaching of competitive ballroom choreography is a key factor in improving the quality of higher choreographic education, training competitive world-class specialists and updating the content of educational programs in accordance with global trends in the development of dance art.

Key words: choreographic education, international cooperation, information technology, quality of education, choreographic art, competitive ballroom dancing, university, specialist.

Bai Dongpeng

Alekseeva G.V.

Preservation and innovative development of traditional Hainan Lijin brocade

Li brocade (Li fabric), a traditional handmade textile of the Li people in Hainan, boasts a history of over 3,000 years and is regarded as a "living fossil" of Chinese textile culture. This article outlines the origin, development, and inheritance challenges of Hainan Li brocade, and discusses the practices of the government, organizations, and society in the fields of cultural heritage protection and innovation. The research reveals that Li brocade, as an important carrier of Li culture, faces challenges such as a shortage of successors for traditional crafts and a shrinking market. Through multifaceted efforts, including policy support, digital preservation measures, and the development of creative

cultural products, Li brocade has transformed from an everyday item into a commodity in contemporary times. The outlook suggests further strengthening the integration of craft inheritance and innovative design, and promoting the sustainable development of Li brocade culture.

Key words: Li brocade, Hainan Li brocade, intangible cultural heritage, innovative development, Chinese culture.

Luo Dexia

Usnova A.L.

Innovative strategies for red tourism: integrating cultural heritage and the tourism industry in Zunyi

The article examines innovative strategies of “red tourism” in Zunyi aimed at integrating cultural heritage with the tourism industry. It highlights achievements (5.56 billion visits, 623.18 billion yuan revenue) and challenges (low digitalization, weak marketing). Proposed solutions include “Internet+”, VR/AR technologies, new tourist routes, social media marketing, and AI-based training. In 2025, the focus is on combining “red” and “green” tourism for sustainable development.

Key words: red tourism, Zunyi, cultural heritage, tourism industry.

Troepolsky D.K.

Producer as co-author: Changing the concept of authorship in music

The article examines the transformation of the music producer’s role in the digital era. It demonstrates that the producer functions not merely as a technical specialist but as a full co-author of musical works. The study highlights cultural, legal, and economic aspects of this shift, as well as the paradox of the producer’s “invisibility” within popular culture.

Key words: music producer, co-authorship, copyright, music industry, digital technologies, cultural studies, sound design.

Bian Menglei

How Beethoven composed complex music after hearing loss: an analysis of his late sonatas

The purpose of this study is to understand how the complete loss of hearing influenced the work of Ludwig van Beethoven, particularly his late piano sonatas. The research explores how the composer continued to create music using his inner hearing and imagination, as well as the new forms and harmonies he developed during this period.

The relevance of the topic lies in the fact that Beethoven is a unique example of how a person can continue to create even after losing one of the most vital senses – hearing. This is important not only for musicology but also for understanding the capabilities of the human brain and creative thinking. Moreover, many of the ideas found in Beethoven’s late sonatas anticipated musical developments of the 20th century – such as atonality and minimalism. Studying these works, therefore, helps us better understand how music evolved after Beethoven and why his legacy remains relevant today.

Key words: Beethoven, music, musical work, hearing, sonata, analysis, comparison, 20th century, study.

Vasilchenko A.V.

Means and techniques of language manipulation in advertising texts

The purpose of the work was to study the main means and techniques of linguistic manipulation in advertising texts, their specifics, and their impact on the target audience. The paper analyzed the psychological effects of advertising on the sensory and emotional sphere, attitudes, and stereotypes of individuals, as well as on the formation of consumers’ worldviews. The work also examined the means of expression (trope and stylistic figures) that have a manipulative effect on the minds of potential buyers. It has been revealed that studying the means and techniques of linguistic manipulation in advertising allows us to increase the effectiveness of advertising tools and marketing communications, develop new strategies for promoting goods and services, and adapt them to the changes taking place in the modern market.

Key words: language manipulation, text, slogan, advertisement, means of expression, trope, stylistic figure.

Zakharova V.A.

Creative transformation: traditional imagery in the contemporary visual culture of the Philippines

The article explores the phenomenon of creative transformation in the contemporary visual culture of the Philippines – a process in which traditional imagery, folklore, and crafts acquire new meaning in art, cinema, and fashion. The purpose of the study is to show how cultural heritage is integrated into new forms of creativity, becoming not only part of national culture but also a source of economic growth.

The results demonstrate that the turn to tradition in modern Filipino culture reflects a conscious effort to preserve and better understand national identity. Artists, filmmakers, and designers reinterpret mythological figures, folk crafts, and traditional attire to create new forms of expression. Government support plays an important role in promoting creative professions and preserving cultural heritage.

According to the Philippine Statistics Authority, the creative economy accounts for about 7% of the country's GDP and provides employment for more than seven million people. This confirms that creativity and tradition are becoming key factors of national development. Creative transformation not only helps preserve culture but also generates jobs, supports regional communities, and strengthens the country's image in the global arena.

In conclusion, the study highlights that contemporary visual culture in the Philippines bridges the past and the present, combining tradition with innovation. Folklore emerges as a living source of inspiration, a means of self-discovery, and an essential part of the nation's sustainable development.

Key words: Philippines, visual culture, folklore, postcolonial identity, creative economy, cultural heritage, art, cinema, fashion, crafts.

Zenina L.V.

Gerasimenko T.L.

Strizhova E.V.

Constructing identity as a sociocultural aspect of virtual learning

The article examines the sociocultural aspect of virtual learning as an element of a complex social phenomenon that encompasses the processes of identity construction, the formation of online communities, and the overcoming of digital inequality. The authors analyze key terms and concepts, emphasizing the importance of considering the sociocultural context when developing and implementing virtual learning programs to ensure their effectiveness and accessibility for all categories of learners.

Key words: virtual learning, sociocultural aspect, digital identity, online community, digital inequality, social inclusion, pedagogical design.

Zykova T.V.

The V.P. Astafyev national center as a model for interpreting the literary world in a museum exhibition

The article is devoted to the study of the ways of presenting the literary world of Viktor Astafyev in the exposition of the National Center in the village of Ovsyanka, Krasnoyarsk Krai. The conceptual principles of the exposition construction are considered, including the historical and thematic logic, autobiographical, the role of the writer's voice, multimedia and the leitmotif of Ovsyanka. Thematic blocks devoted to the key works ("The Last Bow", "The Kingfisher", "The Sad Detective", "The Notches") are analyzed, as well as the techniques of transforming the literary text into a museum object through visual, sound and interactive forms. Special attention is paid to the natural and ethnographic component, which emphasizes Astafyev's ecological philosophy. The article highlights the uniqueness of the Center as a space for dialogue, where literature finds new life.

Key words: Viktor Astafyev, national center, literary museum, exposition, autobiography, multimedia, ovsyanka, text interpretation, ecology.

Kirichenko N.S.

Graphic art of Karachay-Cherkessia: art analysis and interpretation

The article examines the main methodological approaches to art historical analysis of visual

artworks and their practical application in studying the creative work of artists from the Karachay-Cherkess Republic. A detailed analysis is conducted of works by Iraida Orlova, Yuri Karasov, Khusey Goguev, and Magomed Bostanov from the perspective of their artistic features, technical methods, and ways of embodying national images, symbols, and regional traditions. The study reveals specific features of the regional artistic language, characterized by an organic synthesis of ethnocultural motifs with contemporary visual means. Special attention is paid to analyzing compositional solutions, coloristic features, and symbolic content of works reflecting the cultural identity of the North Caucasus peoples. The work demonstrates how contemporary regional artists creatively reinterpret traditional motifs, creating works that serve as a connecting link between historical heritage and modern artistic culture.

Key words: art historical analysis, visual arts, Karachay-Cherkess Republic, national traditions, ethnocultural motifs, regional art school, artistic techniques, cultural identity.

Shi Yuqing

Cartographic analysis of Lev Tolstoy studies in China

The article constructs knowledge maps using CiteSpace based on 834 publications from key peer-reviewed journals in CNKI (1992–2024), allowing for an analysis of the development, key themes, and trends in Tolstoy studies in China. The study identifies regional specificity and the variety of knowledge production forms. Keyword cluster analysis reveals three major directions: (1) the interpretation of classic works (*Anna Karenina*, *Resurrection*) from the perspectives of narrative, ethics, and religious philosophy; (2) interdisciplinary expansion, contributing to the renewal of educational thought, semiotics, and biographical research methodologies; (3) the historical resonance of Tolstoy's ideas with the ideas of ancient Chinese philosophers and the literature of the revolutionary period of modern times.

Key words: Lev Tolstoy; knowledge maps; *Anna Karenina*; *Resurrection*; religious ideas; bibliometric analysis.

Barsukov R.R.

Matweeva E.A.

Shindel V.V.

SVO Subculture Representation (on the Basis of Combat Unit Participants' Cultural Practices)

The article examines the peculiarities of the special military operation subculture represented in the Internet discourse by the combat unit participants. Since the full-time servicemen of the Russian Ministry of Defense, the volunteer crops, the mobilized citizens, as well as the representatives of the special forces (those from imprisonment) participate in the zone of the special military operation, a special subsystem of the military culture (hereinafter referred to as the SVO subculture) is being formed. The technologies of representing the SVO subculture illustrated by the "Storm-423" assault unit's song and the Telegram channel "Volunteer Z#art" content have been researched. A literary analysis of the lyrics of the "Storms-423" unit's song "These are my brothers ..." has made it possible to attribute the piece under discussion to the army chanson genre. The semiotic method used to study the texts of the "novellas" in combination with graphic images by the Telegram channel "Volunteer Z#art" author (nicknamed "Teacher") has given grounds to define this ego-text as the war diary genre. The examples provided in the present paper indicate the specifics of the SVO subculture, which is latent, fragmentary, and characterized by a hybrid nature. The conclusions obtained as the result of the analysis can be confirmed when considering the similar examples, which, in turn, can significantly expand the empirical base on the claimed subject, which indicates its relevance and opens up prospects for further research of the SVO subculture phenomenon.

Key words: special military operation, special military operation subculture, "Storm-423" assault unit, volunteers, Telegram channel "Volunteer Z#art", technology of representation, novella, war diary.

Shulunova E.K.

Theatre as an element of the code of interaction between Russian and Chinese theatrical traditions (second half of the 20th century - early 21st century)

The article is devoted to the history and current state of cultural interaction between The Russian and The Chinese theaters, spanning the second half of the 20th and early 21st centuries. The article is divided into several stages: the intensification of theatrical cooperation in the 1950s, the hiatus and revival of ties (1960–1980), and the resurgence of The Russian-Chinese theatrical collaboration in the present day (21st century). Historical experience demonstrates the profound integration and influence of theatrical traditions of the two countries. Current trends reflect the promise of further development of theatrical collaboration and the potential for such joint activities to positively impact global culture.

Key words: history of theatrical contacts, Russian drama, Soviet theater, Chinese theater, Russia, China, reinterpretation, interaction.

Troepolsky D.K.

The role of the music producer as a cultural intermediary in the digital age: transformation of functions and strategies

The article examines the transformation of the music producer's role in the digital era. The producer is considered as a cultural intermediary who integrates artistic, technological, and marketing dimensions of music production. Special attention is given to the influence of digital platforms, recommendation algorithms, and social media on release strategies, audience engagement, and issues of authorship.

Key words: music producer, digital music, cultural intermediary, streaming, recommendation algorithms, social media, UGC, religious strategy, copyright, music industry.

Ryabova E.L.

Ternovaya L.O.

Renaissance with a digital face: reinventing humanities in the age of technology

The article examines the rethinking of humanities in the digital age, characterized as a "Renaissance with a digital face". Three key issues are analyzed: technological challenge and ethical vacuum, identity crisis in the digital age, and methodological revolution in the humanities using digital tools. Particular attention is paid to the state demand for the development of humanities as a tool of soft power and national security, as well as the emergence of new interdisciplinary and intersectoral areas, such as neurohumanities, environmental humanities, data humanities, etc. The danger of "scientific fencing" that hinders the integration of knowledge and the solution of the most complex problems of our time is emphasized. The article historically substantiates the need for constant updating of humanities.

Key words: humanities, digitalization, interdisciplinarity, methodological revolution, ethics of technology, identity crisis, new sciences, knowledge integration, soft power.

Ashnokova L.M.

Pavelieva T.Yu.

The impact of youth subculture on mentality

This article analyzes youth subcultures, the reasons for their emergence and spread, and the consequences of their impact on the mentality of young people. Along with the more stable mentality of the majority of contemporary Russian youth, there is also a mentality that is more susceptible to the cultural conditions of formation characteristic of a given historical period. Since the assimilation of cultural values occurs unevenly across youth groups, one can speak of mentalities conditioned by different cultures that coexist with a more stable mentality.

Key words: mentality, consciousness, crisis of the value system, youth subculture, contradictory transformation of youth mentality.

Adjieva Z.I.

Nogailieva M.K.

Tokhchukov M.O.

Khubiev I.K.

Comparative analysis of the legal framework for personal data protection in the Russian Federation and foreign countries

This article examines the features of legal regulation of personal data protection across different jurisdictions, focusing on a comparative analysis of the legislation of the European Union, Russia, and China. Particular attention is given to principles, mechanisms of liability, and requirements for data processing and storage. Differences in approaches to prioritizing the protection of individual rights, national security, and public interests are analyzed. The evolution of regulatory acts, as well as issues of cross-border data transfer and ensuring the security of personal data in the context of the international digital environment, are described. It is concluded that Russian legislation seeks to comply with international standards by combining control and protection of citizens' rights in modern conditions.

Key words: personal data, data protection, Russia, China, legislation, confidentiality, national security, cybersecurity, cross-border data transfer, liability, legal regulation, digital technologies.

Bakka S.V.

Kiseleva N.Yu.

Galustyan O.R.

Shestakova A.A.

Zhuk K.M.

Dynamics of the list of species in the regional Red Book: analysis of changes

This paper analyzes the dynamics of changes in species lists in three editions of the Nizhny Novgorod Region Red Data Book. The Jaccard index of similarity between the species lists of the three editions of the regional Red Data Book is calculated. The reasons for adding and removing species from the regional Red Data Book are investigated and systematized. Changes in the conservation status categories of rare species are examined.

Key words: Red Data Book, nature conservation, living organisms, protected species.

Borlakova M.A.

Bayramukov M.H.

Chochuev E.R.

Abdiev I.R.

Ebzeev R.D.

Artificial intelligence in computer science education in the context of digitalization

In the era of digital transformation, the introduction and improvement of artificial intelligence (AI) systems is becoming an essential factor in the progress of modern society. The introduction of information and cognitive developments is causing profound changes in all aspects of human existence, including in the technological, economic, social and educational environment, which is of particular importance, where digitalization and AI are increasingly being used. AI can be used for a personalized approach to learning, the development of flexible educational programs and techniques, assessing students' success and predicting their needs. As an AI tool, it can also be effective in developing simulation models and virtual assistants that facilitate students' learning of academic disciplines.

Key words: digitalization, artificial intelligence, educational process, cognitive technologies, moral aspects of artificial intelligence.

Dashu Li

Xinlu Yang

Research on the current status, research hotspots and trends of foreign teachers' support based on cite space visual analysis

Teacher support refers to teachers' understanding of students, meeting students' learning needs, and helping them achieve educational goals. This study aims to review and conduct a visual analysis of academic achievements in foreign research on teacher support, providing reference for in - depth future research on teacher support. This study uses the literature on teacher support indexed in the Web of Science database from 2004 to 2024 as the data source. With the help of the visualization software Cite Space 6. 4. R1, a scientific knowledge map is drawn, and the research status, research hotspots, and research trends are investigated respectively. The results show that foreign research on teacher support has shown a rapid growth trend in these 20 years. The hotspots focus on how teacher support affects students' academic success, mental health, and social behavior. Future trends

will center on multi-field and multi-disciplinary integration.

Key words: teacher support, CiteSpace, research status, research hotspots, research trends.

Xiaoran Deng

Ting Wang

Research on the path and promotion mechanism of digital transformation in higher education

Education digitization refers to the comprehensive and systematic transformation of the education system using digital technologies such as big data, artificial intelligence, cloud computing, and the Internet of Things. Through digital technology, education teaching models are reconstructed, education management processes are optimized, and education service forms are innovated to achieve the improvement of education quality. However, there are still a series of problems in the process of digital transformation of higher education, such as uneven distribution of educational resources, lack of digital literacy among teachers and students, and absence of teaching evaluation system, which affect teaching effectiveness and learning quality. The article analyzes the driving forces and existing problems of digital transformation in higher education, proposes a path for digital transformation in the context of high-quality development through dimensions such as restructuring teaching models, promoting teaching resource sharing, and optimizing teaching evaluation systems. It also proposes a transformation promotion mechanism from the aspects of strengthening top-level design, deepening social demand, promoting technological innovation, and enhancing teacher and student literacy, in order to provide reference for the digital transformation of universities and provide strong support for promoting high-quality development of higher education.

Key words: higher education, digital transformation, transformation path, promotion mechanism, digital technology.

Feoktistov S.V.

Development of international ethnographic tourism in the cross-border area “Amur Region - Heilongjiang Province (PRC)” using the example of the Heihe National Ethnographic Park

This article presents an overview of the concept of ethnographic tourism, describes the Russian-Chinese National Ethnographic Park in Heihe (China) as an ethnographic tourism destination, analyzes the challenges of using this tourist attraction by Russian tourists, and identifies recommendations for promoting the park in Russian media and on the Russian-language Internet. The article also presents the results of a survey to study potential tourist interest among Russian citizens in visiting the National Ethnographic Park in Heihe, and ethnographic and film tourism destinations in China in general.

Key words: ethnographical park, ethnographical tourism, international tourism, Heilongjiang province.

Starykh S.M.

Eremina A.A.

Misuse of computer information containing personal data: interpretation of signs and some qualification problems

The article is devoted to research on the misuse of computer information and the study of the features of this socially dangerous act. The author will consider the basic concepts and signs of misuse of computer information, analyze the main qualification factors, and consider judicial practice regarding the misuse of computer information.

Key words: misuse of computer information, crimes in the field of computer information, informational socially dangerous acts.

Ternovaya L.O.

Chapkin N.S.

Kilometer zero as a geopolitical indicator

This article examines the phenomenon of “kilometer zero” as a cultural, historical, geopolitical, and symbolic phenomenon. Various historical examples and interpretations of this concept are ex-

amined, including the Roman Milliarium Aureum and its role in organizing spatial and temporal perception. The sacred and geopolitical aspects associated with the concept of the center and axis of the world (Axis Mundi) are analyzed, as well as the transformation of the symbolism of kilometer zero in modern times. The paper presents an interdisciplinary approach that integrates history, geopolitics, anthropology, the philosophy of time, and cultural studies, allowing us to understand the significance of spatial coordinates in the formation of national identity and cultural codes.

Key words: kilometer zero, Milliarium Aureum, Axis Mundi, sacred geometry, spatial identity, cultural codes, geopolitics, historical space, spatiotemporal coordinates, symbolism, interdisciplinary research, national identity.

Shchuplenkov O.V.

Shchuplenkov N.O.

Realization of creative freedom in education through the work of international institutions

In the article, the authors conducted a detailed analysis of the factors determining the autonomy of the constitutional freedom of teaching and scientific activity within the framework of the general system of human rights and freedoms. Among the identified factors, it is necessary to single out the constitutional formalization of these freedoms, the specifics of their implementation, the subject composition of the carriers, the content features, as well as the variability of interpretations in the context of constitutional and legal regulation and law enforcement practice. Based on generalized foreign experience, the authors provide additional arguments in favor of the need for maximum protection of professional activity from arbitrary and incompetent interference by government agencies. This conclusion is supported by an analysis of international standards and practices demonstrating the importance of ensuring the autonomy of academic and scientific fields for the sustainable development of society and maintaining a high level of professionalism.

Key words: globalism, concepts, models, open society, pedagogy, digital literacy, digital technologies, UNESCO.

Baglieva A.Z.

The problem of personality in Islam and criticism of its atheistic interpretation

The various processes taking place in the modern world have as a consequence threats to the free development of the individual, which ultimately inevitably leads to dehumanization. As a result, not finding answers to their questions, young people turn to religion and religious values. In the article, the author emphasizes that the humanistic essence of religion often itself has a need for a kind of explication, including in Islam. The Muslim religion contains two main provisions that are closely related to the individual and their problems. This is, firstly, an impersonal God, and secondly, an unshakable dogma that cannot be questioned: predestination. The author highlights the main issues in Islam: the relationship between God and man, and the relationship between man and society.

Key words: islamic anthropology, Christian anthropology, humanism, divine predestination, worship, and free will.

Abazalieva M.M.

Evolution of interaction between the state and religious organizations in Russia

One of the most important components of Russian history is the state-church (later state-confessional) relations, which predetermined the main stages of development not only of Russian statehood, but also of the legal system. There is a lot of traditional and consciously reproduced content in Russia's state-religion relations, which is reflected both in the activities of government agencies and in public consciousness. The religious diversity of the Russian people is an undeniable spiritual and political asset of Russia. The centuries-old tradition of cooperation between the state and religious organizations in Russia is not only preserved but also developed. This relationship is regulated by various legal norms that establish the state regime of the Russian Federation and the legal status of religious organizations.

Key words: religious organizations, state, state-religious relations, Constitution of the Russian Federation.

Adjieva Z.I.

Eldarova A.A.

Tokova S.I.

Problems of legal support for information security of minors in the context of the digital transformation of society

This article addresses the problems of legal support for the information security of minors in the digital environment. Key challenges are highlighted, related to the growth of digital threats, the absence of a unified and up-to-date regulatory framework, and the need to develop information culture and responsibility in children when using information and communication technologies. The authors analyze gaps in legislation, emphasizing the importance of adopting a new Concept for the Information Security of Children, the legal consolidation of the category “digital representative,” and the digital maturity of the child. Special attention is paid to issues of distance learning, the roles of family, school, and government in protecting children from destructive influences in the information space. In conclusion, the necessity of a comprehensive and interdepartmental approach to creating a legal environment conducive to the safe and harmonious development of children in a digital society is stressed.

Key words: information security, minors, digital environment, legal regulation, digital culture, digital maturity, digital representative, cybersecurity, child protection, distance learning, digital technologies, information culture, digital threats, cyberbullying, personal data, legal culture, regulatory framework.

Bobrovich-Volkova P.V.

The past, present, and future of the volunteer movement in Russia

The study examines the phenomenon of the volunteer movement in modern Russia as a key element of civil society and an indicator of the level of social consolidation. The purpose of the work is to conduct a comprehensive analysis of the historical, institutional, and sociocultural aspects of the development of volunteering in Russia, to identify the factors that determine its dynamics, and to outline the prospects for its further development. The research objectives included studying the stages of formation of the volunteer movement, analyzing its legal and organizational foundations, and exploring the motivational and value-based characteristics of citizens' participation in volunteer activities. The methodological framework is based on historical-comparative, institutional, and sociocultural approaches, as well as methods of analysis, synthesis, and forecasting, which made it possible to capture the multilayered nature of volunteering. The results of the study show that the volunteer movement in Russia has evolved from religious and moral charity and ideologically driven Soviet voluntarism to a modern, institutionalized form of civic engagement. The practical significance of the work lies in the potential application of its conclusions to improve state policies supporting volunteerism, to develop educational programs that encourage youth involvement, and to strengthen mechanisms of cooperation between the state, society, and business. The study emphasizes the role of volunteering as an instrument of social stability, the development of civic responsibility, and the consolidation of Russian society.

Key words: volunteering, civil society, social activity, voluntarism, institutionalization, social consolidation.

Gukova T.A.

Ozova A.M.

Shorova L.K.

Inclusive education in preschool educational institutions

Discussing the advantages and challenges of implementing inclusive educational approaches in preschools is extremely relevant at the current stage of educational development. The legal framework governing inclusive education in preschools, the principles of creating an accessible educational environment for children with disabilities, and the real challenges arising from implementing inclusion in modern kindergartens stimulate the transformation of the educational system and enable the development of innovative models for organizing the educational process. Inclusive education is a model of the educational process in which all children, regardless of their individual characteristics, are integrated into a unified educational environment. Preschool educational institutions adapt their methods and programs to take into account the specific educational needs of each student and

provide the necessary specialized support. This approach ensures equal opportunities for all children, promoting their full educational and socialization.

Key words: inclusive educational approaches, inclusive education, educational process, pre-school educational institutions.

Eshchenko T.V.

Research of flame-retardant materials. Wood slab processing technology

The article examines modern approaches to enhancing the fire resistance of wood-based panels widely used in construction as finishing and flooring materials. The necessity of flame-retardant treatment is substantiated due to the high flammability of wood composites and their tendency to release large amounts of heat during combustion. The mechanisms of flame retardants' action are analyzed, including barrier formation and gas dilution theories. Inorganic and organic flame-retardant compounds are reviewed, with a focus on phosphorus-, nitrogen-, and boron-containing substances. Key processing technologies are described in detail: immersion, surface coating, and integration during panel manufacturing. Special attention is given to combined solutions that ensure durable and reliable fire protection. The study is aimed at professionals in the fields of building materials, fire safety, and industrial wood processing.

Key words: fire protection, wood-based panels, flame retardants, fire resistance, chemical treatment, impregnation technologies, building materials, fire safety.

Zotova A.A.

Pavlovna A.M.

Event practices as a tool for modernizing museum communication with young people

Every year, special events organized by organizations in order to create a positive image become more popular in Russia. More and more companies are incorporating this tool into their communication practices. With increasing competition, it is crucial for museums to adapt to their environment and use modern communication technologies, such as special events. However, many museums do not fully utilize this approach, underestimating its effectiveness. Such events help to achieve many important communication goals for the organization: to attract the attention of a new audience to the institution, to increase the loyalty of existing consumers, to improve the reputation and to ensure a presence in the media, which contributes to increasing awareness of the organization. By using this tool, the audience receives a unique experience and memorable impressions. Taken together, these factors make special events an integral part of an organization's communication campaign in today's world, which highlights the relevance of this research.

Key words: Special events, museums in Moscow and Russia, promotion of the country's cultural heritage, shaping the image of museums, and communication technologies.

Meng Zhang

Jing Li

The integration mechanism and practical exploration of volunteer service education in the ideological and political education system of schools

Based on General Secretary Xi Jinping's important discourse on social work, this article explores in depth the mechanism and practical path of integrating volunteer service education into the ideological and political education system of schools from both theoretical and practical perspectives. By analyzing the intrinsic connection between volunteer service education and ideological and political education in schools, this paper elucidates the significance and feasibility of integrating volunteer service education into the school's ideological and political education system, providing theoretical and practical references for further promoting the effective implementation of volunteer service education in ideological and political education in schools, so as to enhance students' ideological and political literacy and cultivate well-rounded talents for the new era.

Key words: volunteer service education, school ideological and political education, integration mechanism, practical exploration, social work discourse.

Pyatskaya A.Y.

Formation of a professional safety culture in a Technical University

The formation of a safety culture at the university is a strategic necessity due to the variety

of modern threats: physical, man-made, digital, psychological and social. The Higher School acts as an incubator of professional consciousness, where the values of future engineers, programmers, and managers are laid. Safety should become a part of engineering thinking and daily practice. The article substantiates an integrated approach to the development of a safety culture through training, infrastructural measures, psychological climate support and the integration of safety into a technical discipline. The goal is to train not just competent, but responsible professionals for whom “default safety” is a professional imperative.

Key words: safety culture, university, risks, educational programs, disciplines.

Khvan D.A.

The strategy of deconstruction of political myths in the context of digital simulation

In the digital space, a political myth loses the features of a stable ideological construct and takes the form of fragmentary symbols that are instantly reproduced by algorithms and visual codes. Their appearance is associated with a change in the nature of political communication – digital platforms are transferring political myth from the sphere of ideological meanings to the sphere of iconic images, in which repetition, emotional coloring and recommendation mechanisms play a key role. In the context of mass digital simulation, political myth is becoming an important resource of digital legitimation, requiring a separate research analysis. The purpose of the study is to develop a strategy for deconstructing political myths in a digital simulation environment. Research methods: generalization, synthesis, comparative analysis, theoretical modeling. Results: a) theoretical foundations of myth analysis in the digital environment are considered (J. Baudrillard, K. Manheim, M. Foucault); b) a typology of digital political myths is proposed (the myth of the neutrality of algorithms, symbolically “collapsed” images, emotionally mobilizing slogans, postfactual myths); c) a model of deconstruction strategy is proposed, which includes three main stages (identification of repetitions, analysis of meaning, analysis of distribution channels); d) an author’s conceptual model of digital production and reproduction of a political myth; e) four functions of the digital myth are highlighted – legitimation, stabilization, distraction, and emotion management. The study draws the following significant conclusions: firstly, it shows that the digital political myth is a key element of political digital simulation; secondly, it reveals that its reproduction is supported by algorithmic mechanisms and ritualized practices; thirdly, it is proved that the deconstruction strategy allows to identify the discrepancy between symbolic form and institutional practice; Fourthly, it is concluded that deconstruction is both a research technique and a form of political responsibility that restores the subject’s ability to critically interpret in a digital environment.

Key words: political myths, digital simulation, deconstruction, analysis of meaning, interpretation of media, digital legitimation.

Shcherban A.V.

Aerogel is a new thermal insulation building material

The article examines modern aerogel materials as promising thermal insulation components in construction. The main methods of aerogel production are presented, including the sol-gel process and various drying techniques. Aerogels are classified by chemical composition — oxide, organic, carbon, and carbide types — with their physical, mechanical, and thermal insulation properties described. Special attention is given to the application of aerogels in the construction industry, particularly as additives to conventional materials to enhance building energy efficiency. The prospects for further development of aerogel technologies under increasing demands for sustainable construction are outlined.

Key words: aerogel, thermal insulation, sol-gel, nanostructure, porosity, thermal conductivity, building materials.

Авторы

Абазалиева М.М. - кандидат политических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин. Северо-Кавказская государственная академия.

Абдиев И.Р. - обучающийся 3 курса. Северо-Кавказская государственная академия.

Аджиева З.И. - кандидат исторических наук, доцент кафедры государственные и административно-правовые дисциплины. Юридический институт Северо-Кавказской государственной академии.

Акимова М.П. - лаборант-исследователь высшей школы креативных индустрий. ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова».

Алексеева Г.В. - доктор искусствоведения, профессор. Дальневосточный федеральный университет.

Ашнокова Л.М. - доктор философских наук, профессор кафедры философии. Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова.

Баглиева А.З. - доктор философских наук. Заведующий кафедрой социогуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет имени Р. Гамзатова».

Бай Дунпэн - магистр. Дальневосточный федеральный университет.

Байрамуков М.Х. - обучающийся 3 курса. Северо-Кавказская государственная академия.

Бакка С.В. - кандидат биологических наук. Ведущий научный сотрудник, Государственный природный заповедник «Нургуш».

Барсуков Р.Р. - преподаватель кафедры тактики и боевой работы, майор. Саратовское высшее артиллерийское командное училище, г. Саратов. ORCID: 0009-0008-1008-9471

Бобрович-Волкова П.В. - НИ Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского. Аспирант кафедры политических наук.

Борлакова М.А. - старший преподаватель кафедры цифровой инженерии и сетевых технологий. Северо-Кавказская государственная академия.

Бянь Мэнлэй - бакалавр. Нэйцзянский педагогический институт.

Варин Э.А. - профессор кафедры бальной хореографии, ФГБОУ ВО Алтайский государственный институт культуры (Барнаул, Россия), декан хореографического факультета АГИК.

Васильченко А.В. - кандидат культурологии, доцент кафедры «История и культурология», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Комсомольский-на-Амуре государственный университет», г. Комсомольск-на-Амуре.

Галустьян О.Р. - магистрант, Нижегородский государственный педа-

гогический университет имени К. Минина.

Герасименко Т.Л. - старший преподаватель. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.

Жукова Т.А. - кандидат педагогических наук. Заведующая МКДОУ (Муниципальное казенное дошкольное образовательное учреждение) 26 «Ивушка».

Дашу Ли - Колледж иностранных языков, Синьцзянский педагогический университет, Урумчи, провинция Синьцзян, Китай.

Еремина А.А. - кандидат юридических наук, курсант 3208 учебного взвода. Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя.

Ещенко Т.В. - старший преподаватель кафедры естественнонаучных дисциплин, информационных технологий и управления, Каменский технологический институт (филиал) Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова.

Жук К.М. - магистрант, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина.

Захарова В.А. - младший научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИКСА РАН (Институт Китая и современной Азии Российской академии наук).

Зенина Л.В. - кандидат педагогических наук, доцент. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.

Зотова А.А. - старший преподаватель кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна. ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова».

Зыкова Т.В. - научный руководитель Национального центра В.П. Астафьева в Овсянке, старший преподаватель кафедры «Информационные технологии в креативных и культурных индустриях» Гуманитарного института Сибирского Федерального Университета.

Кириченко Н.С. - кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Изобразительного искусства» Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева, г. Карачаевск.

Киселева Н.Ю. - кандидат педагогических наук, доцент, Доцент кафедры биологии, экологии и методик обучения, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина.

Ло Дэся - аспирант кафедры культурологии и дизайна. Алтайский государственный университет.

Мальцева Л.В. - доктор педагогических наук, профессор, доцент. Кубанский государственный университет, г. Краснодар.

Матвеева Е.А. - кандидат культурологии, преподаватель ОСПДО. Энгельсский технологический институт (филиал) ФГБОУ ВО Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., г. Эн-

гельс. ORCID: 0009-0006-1099-4725

Мэн Чжан - магистр философии. Университет Хэйхэ, Хэйхэ, Китай.

Ногайлиева М.Х. - кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления и политологии. Факультет экономики и управления, Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева.

Озова А.М. - методист МКДОУ (Муниципальное казенное дошкольное образовательное учреждение) 26 «Ивушка».

Павельева Т.Ю. - доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии и социального управления. Московский государственный технологический университет «Станкин».

Полонникова А.А. - старший преподаватель. Кубанский государственный университет, г. Краснодар.

Пятицкая А.В. - кандидат социологических наук, доцент кафедры техники и технологии. Каменский технологический институт (филиал) Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова.

Рябова Е.Л. - доктор политических наук, главный редактор журнала «Этносоциум и межнациональная культура».

Синьлу Ян - Колледж иностранных языков, Синьцзянский педагогический университет, Урумчи, провинция Синьцзян, Китай.

Старых С.М. - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права. Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя.

Стрижова Е.В. - старший преподаватель. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.

Сяожань Дэн - Сианьский университет Шию, Сиань, Шэньси, Китай.

Терновая Л.О. - доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Тин Ван - Сианьский университет Шию, Сиань, Шэньси, Китай.

Токова С.И. - старший преподаватель кафедры экономики и прикладной информатики. Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева.

Тохчуков М.О. - кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления и политологии Факультет экономики и управления, Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева.

Тропольский Д.К. - Член Российского музыкального союза гильдии звукорежиссеров, старший преподаватель факультета искусств кафедры «Музыкальная звукорежиссура». Санкт-Петербургский Гуманитарный Университет Профсоюзов.

Уснова А.Л. - доктор искусствоведения, профессор кафедры культуроло-

логии и дизайна, доцент. Алтайский государственный университет.

Феоктистов С.В. - кандидат географических наук, доцент кафедры международного бизнеса и туризма. Амурский государственный университет.

Хван Д.А. - независимый исследователь.

Хубиев И.Х. - студент. ФГБОУ ВО «Северо-Кавказская государственная академия».

Цзин Ли - доцент. Университет Хэйхэ, Хэйхэ, Китай.

Чапкин Н.С. - старший преподаватель. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова». Базовая кафедра цифровой экономики института развития информационного общества.

Чочуев Э.Р. - обучающийся 2 курса. Северо-Кавказская государственная академия.

Шестакова А.А. - кандидат биологических наук, доцент кафедры ботаники и зоологии, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобчевского.

Шиндель В.В. - вгистрант. ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов. ORCID: 0009-0005-9922-8156

Ши Юйцин - старший преподаватель. Нанкинский университет науки и технологии, Китай.

Шорова Л.К. - заместитель заведующей МКДОУ (Муниципальное казенное дошкольное образовательное учреждение) 26 «Ивушка».

Шулунова Е.К. - кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии Российской академии наук.

Щербань А.В. - ассистент кафедры естественнонаучных дисциплин, информационных технологий и управления, Каменский технологический институт (филиал) Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова.

Шупленков О.В. - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин, ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», г. Ессентуки,

Шупленков Н.О. - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин, ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», г. Ессентуки.

Эбзеев Р.Д. - обучающийся 2 курса. Северо-Кавказская государственная академия.

Эльдарова А.А. - ассистент кафедры информатики и вычислительной математики. Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева.

Authors

Abazalieva M.M., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities. North Caucasus State Academy.

Abdiev I.R., 3rd-year student of the North Caucasus State Academy.

Adjieva Z.I., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of State and Administrative Legal Disciplines, Law Institute of the North-Caucasus State Academy.

Alekseeva G.V., Doctor of Art History, Professor. Far Eastern Federal University.

Ashnokova L.M., Doctor of Philosophy, Professor of the Philosophy Department at the Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov.

Bai Dongpeng, Master's degree. Far Eastern Federal University.

Baglieva A.Z., Doctor of Philosophy. Head of the Department of Socio-Humanitarian Disciplines of the Dagestan State Pedagogical University named after R. Gamzatov.

Bakka S.V., Candidate of Biological Sciences, Leading Researcher, State Nature Reserve Nurgush.

Barsukov R.R., Lecturer in the Tactics and Combat Operations Department, Major. Saratov Higher Artillery Command School, Saratov. ORCID: 0009-0008-1008-9471

Bayramukov M.H., 3rd year student of the North Caucasus State Academy.

Bian Menglei, Bachelor. Neijiang Normal University.

Bobrovich-Volkova P.V., Postgraduate Student, Department of Political Science. Researcher, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky.

Borlakova M.A., Senior Lecturer at the Department of Digital Engineering and Network Technologies North Caucasus State Academy.

Chapkin N.S., Senior Lecturer. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian Economic University named after G.V. Plekhanov". Basic Department of Digital Economy of the Institute for the Development of the Information Society.

Chochuev E.R., 2nd-year student of the North Caucasus State Academy.

Dashu Li, College of Foreign Languages, Xinjiang Normal University, Urumqi, Xinjiang, China.

Ebzeev R.D., 2nd year student at the North Caucasus State Academy.

Eldarova A.A., Assistant of the Department of Informatics and Computational Mathematics. Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliev.

Eremina A.A., Candidate of Law, Cadet, 3208th Training Platoon, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Eshchenko T.V., Senior Lecturer at the Department of Natural Sciences, Information Technology and Management, Kamensk Institute of Technology (branch) of the South-Russian State Polytechnical University named after M.I. Platov.

Feoktistov S.V., PhD in Geography, Associate Professor, Department of International Business and Tourism, Amur State University.

Jing Li, Associate Professor. Heihe University, Heihe, China.

Galustyan O.R., Master's student, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University.

Gerasimenko T.L., Senior Lecturer. Plekhanov Russian University of Economics.

Gukova T.A., PhD in Pedagogical Sciences. Head of Municipal Preschool Educational Institution No. 26 "Ivushka".

Khubiev I.K., Student. North Caucasus State Academy.

Khvan D.A., Independent researcher.

Kirichenko N.S., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Fine Arts, U.D. Aliyev Karachay-Cherkess State University, Karachayevsk.

Kiseleva N.Yu., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Biology, Ecology and Teaching Methods, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University.

Luo Dexia, Postgraduate Student of the Department of Cultural Studies and Design, Altai State University.

Maltseva L.V., Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor. Kuban State University, Krasnodar.

Matveeva E.A., Candidate of Cultural Studies, Lecturer in the Specialized Professional Development Program. Engels Technological Institute (branch) of the Saratov State Technical University named after Yuri Gagarin, Engels. ORCID: 0009-0006-1099-4725

Meng Zhang, Master of Philosophy. Heihe University, Heihe, China.

Nogailieva M.K., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration and Political Science, Faculty of Economics and Management, Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliev.

Ozova A.M., Methodologist of Municipal Preschool Educational Institution No. 26 "Ivushka".

Paveleva T.Yu., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Social Management at the Moscow State Technological University "Stankin".

Pavlovna A.M., Research Assistant at the Higher School of Creative Industries, G.V. Plekhanov Russian University of Economics.

Polonnikova A.A., Senior Lecturer. Kuban State University, Krasnodar.

Pyatskaya A.V., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Engineering and Technology, Kamensk Institute of Technology (branch) of the South-Russian State Polytechnical University named after M.I. Platov.

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Editor-in-Chief of the journal "Ethnosociety and Interethnic Culture".

Shcherban A.V., Assistant at the Department of Natural Sciences, Information Technology and Management, Kamensk Institute of Technology (branch) of the South-Russian State Polytechnical University named after M.I. Platov.

Shestakova A.A., Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of the Department of Botany and Zoology, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

Shindel V.V., Master's Student. Saratov State Law Academy, Saratov. ORCID: 0009-0005-9922-8156

Shchuplenkov O.V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Law and Social Sciences, Stavropol State Pedagogical Institute, Essentuki.

Shchuplenkov N.O., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Law and Social Sciences, Stavropol State Pedagogical Institute, Essentuki.

Shi Yuqing, Senior Lecturer, Nanjing University of Science and Technology, China.

Shulunova E.K., Candidate of Sciences (Philology), Senior Research Associate, Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences.

Shorova L.K., Deputy Head of Municipal Preschool Educational Institution No. 26 "Ivushka".

Starykh S.M., Candidate of Law, Associate Professor, Department of Criminal Law, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Strizhova E.V., Senior Lecturer. Plekhanov Russian University of Economics.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor. Moscow Automobile and Road Construction State Technical University.

Ting Wang, Xi'an Shiyou University, Xi'an, Shaanxi, China.

Tokhchukov M.O., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration and Political Science, Faculty of Economics and Management, Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliev.

Tokova S.I., Senior Lecturer of the Department of Economics and Applied Informatics. Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliev.

Troepolsky D.K., Member of the Russian Musical Union of the Guild of Sound Engineers, senior lecturer at the Faculty of Arts of the Department of Musical Sound Engineering. St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences.

Varin E.A., Professor of the Ballroom Choreography Department, Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia), Dean of the Choreography Department of the Altai State Institute of Culture.

Vasilchenko A.V., Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of History and Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State University, Komsomolsk-on-Amur.

Usnova A.L., Professor of the Department of Cultural Studies and Design, Doctor of Art History, Associate Professor, Altai State University.

Xiaoran Deng, Xi'an Shiyou University, Xi'an, Shaanxi, China.

Xinlu Yang, College of Foreign Languages, Xinjiang Normal University, Urumqi, Xinjiang, China.

Zakharova V.A., Junior Research Fellow, Center for Vietnam and Asian studies of ICMA RAS.

Zenina L.V., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor. Plekhanov Russian University of Economics.

Zhuk K.M., Master's student, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University.

Zotova A.A., Senior Lecturer at the Department of Advertising, Public Relations and Design, G.V. Plekhanov Russian University of Economics.

Zykova T.V., Scientific Director of the V.P. Astafieva National Center in Ovsyanka, Senior Lecturer in the Department of Information Technologies in Creative and Cultural Industries at the Humanities Institute of the Siberian Federal University.